И. А. КРЫЛОВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕМУАРОВ

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1982

И. А. КРЫЛОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

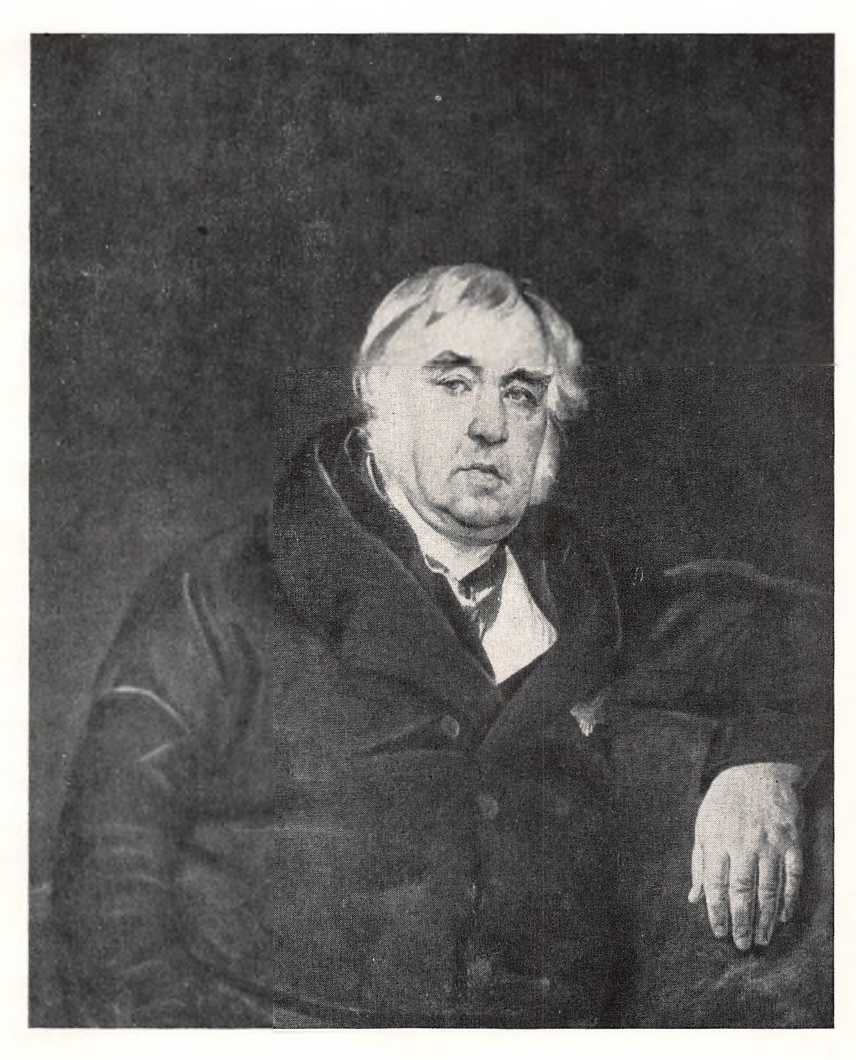
МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

8Р1
К85

*Вступительная статья, составление,
подготовка текста и комментарии*
А. М. ГОРДИНА, М. А. ГОРДИНА

Оформление художника
В. МАКСИНА

К $\frac{4702010100-140}{028(01)-82}$ 46-82

И. А. Крылов.
Портрет работы К. Брюллова. 1841 г.

КРЫЛОВ: РЕАЛЬНОСТЬ И ЛЕГЕНДА

I

В первой половине XIX века одним из самых читаемых писателей в России был, несомненно, Иван Андреевич Крылов (1769—1844). Басни его расходились в десятках тысяч экземпляров — тиражи по тому времени неслыханные.

На протяжении почти четырех десятилетий Крылов находился в средоточии литературной и общественной жизни России. Мы видим его на почетном месте в кругу Державина и адмирала Шишкова в «Беседе любителей русского слова»; он свой человек в доме сановника и мецената Оленина, собиравшего у себя цвет тогдашней литературы. И, вместе с тем, он участвует в тех же литературных сходках, что и молодые поэты-вольнодумцы; он постоянный вкладчик «Сына отечества», а потом и «Полярной звезды» и «Северных цветов»; его общества ищут Пушкин и Жуковский, Грибоедов и Мицкевич. Его еще застали на литературных вечерах и с умилением и вниманием разглядывали Белинский и молодой Тургенев...

Басни Крылова стояли в ряду самых значительных достижений русской литературы. Издание каждой новой книги его басен становилось событием в духовной жизни страны. В литературных спорах его имя — на первом плане. Оно неизменно занимает важное место в критических обзорах русской литературы, начиная от статей Бестужева середины 1820-х годов и до статей Белинского середины 1840-х годов. Полемика по поводу значения и места крыловских басен в русской словесности — среди центральных эпизодов литературной борьбы тех лет.

Крупная и необычная фигура Крылова была одной из самых заметных в тогдашнем Петербурге. Даже те из современников, кто не разделял общего восхищения крыловскими баснями, отдавали должное его обширному уму и оригинальному острословию.

У большинства современников его беспримерная известность и забавные чудачества вызывали почтение и удивление.

Свидетельства современников о Крылове — порой отрывочные, а в некоторых случаях весьма обстоятельные,— будучи собраны вместе, дают нам понятие о стиле поведения, живом облике писателя, его образе жизни.

Правда, свидетельства мемуаристов о Крылове по большей части относятся ко второй половине его жизни, в основном к последним двадцати-тридцати годам. Оттого, собранные вместе, эти мемуары представляют собой не столько отрывочную биографию, сколько мозаичный портрет Крылова — автора басен.

Рассказы мемуаристов о его ранних годах и молодости основаны главным образом на немногих сведениях, почерпнутых у самого Крылова. Но сведения эти были весьма скудны, потому что говорить о себе и, в частности, о временах своей юности, Крылов не любил.

И в этом отношении он также уникален. Нет другого значительного русского писателя, который, прожив долгую жизнь, умудрился бы столь же мало рассказать о себе окружающим.

Он не оставил не только записок, но и ни одной автобиографической строки. В течение последних пятидесяти лет он вообще не писал в прозе ничего, что позволило бы судить о фактах его жизни, настроениях, житейских и литературных воззрениях. Правда, он иногда писал письма (сохранилось около тридцати его писем), но и среди них нет серьезных, в какой-либо мере «исповедальных» документов. Все это либо деловые бумаги, либо светские, либо откровенно шутливые послания.

И при этом Крылов всячески уклонялся от помощи своим биографам. «Незадолго до его последней болезни,— рассказывает П. А. Плетнев,— из Парижа присланы были к нему для поправки листы, на которых печаталось его жизнеописание для биографического словаря достопамятных людей. «Пусть пишут обо мне, что хотят»,— сказал он, откладывая бумаги, и, только уступив усиленным просьбам бывших при этом свидетелей, внес туда несколько заметок». Как-то сослуживец Крылова по Публичной библиотеке литератор М. Е. Лобанов прислал поэту его биографию при записке: «Вот ваша биография, написанная Каменским, почтенный И. А. Прочтите и поправьте или вымарайте, что заблагорассудите». Крылов отвечал: «Прочел, ни поправлять, ни выправлять ни времени, ни охоты нет».

Понятно, что это упорное нежелание Крылова рассказывать о себе, это нежелание оставить потомкам какие-либо автобиографические материалы, придает особую цену воспоминаниям о нем

современников. Наряду с произведениями самого поэта и немногочисленными, по большей части служебными, документами, рассказы и упоминания о Крылове в дневниках, воспоминаниях и переписке знавших его людей служат единственным литературным материалом, на основании которого мы можем строить свои представления о личности поэта.

Многие из современников Крылова прекрасно понимали, сколь важны окажутся их свидетельства для будущих поколений. Среди мемуаристов, так или иначе соприкасавшихся с интеллектуальной жизнью Петербурга крыловского времени, не много нашлось таких, кто бы не говорил о своих встречах с баснописцем. Рассказов и упоминаний десятки. Все характерное и яркое, что смогли подметить они в Крылове, старательно передали нам авторы замечательных дневников и записок той эпохи — С. П. Жихарев, Ф. Ф. Вигель, П. А. Вяземский, А. П. Керн, А. В. Никитенко, И. И. Панаев, И. С. Тургенев.

Своеобразная фигура поэта появляется на страницах многих воспоминаний о литературной, театральной и художественной жизни этого времени.

Вскоре после смерти Крылова два близко знавших его литератора пишут биографические очерки о нем, в которых значительное место занимает чисто мемуарный материал. В 1845 году П. А. Плетнев — поэт, критик, профессор университета — публикует в издававшемся им «Современнике» очерк под заглавием «Иван Андреевич Крылов». В 1847 году в «Сыне отечества» появляется очерк М. Е. Лобанова — «Жизнь и сочинения И. А. Крылова».

Новые мемуарные очерки, заметки, записи рассказов появляются и в середине, и в конце XIX века. Последнее, вероятно, свидетельство современника о Крылове — рассказ А. И. Андриаиенко — был записан в 1907 году.

Свидетельства о баснописце знавших его людей — и тех, кто был с ним едва знаком, и тех, кто встречал его изо дня в день много лет подряд,— это почти всегда описание внешней стороны его жизни. Никто из современников не мог с полной уверенностью судить о задушевных мыслях и чувствах этого человека. Крылов старательно преграждал доступ любопытствующим в свой внутренний мир. «Близко сойтись, подружиться с Крыловым никому не удалось,— утверждает современник.— Он все сторонился, ежился, уходил в себя и убегал от всякого сближения. Какое-то недоверие, какая-то боязнь людей». «В домашнем быту и обхождении Иван Андреевич был отменно радушен, приятно разговорчив, но искренен редко...» — вторит другой. «...Душу... он умел прикрывать от неуместного любопытства

какою-то апологической оболочкой, как раковиной, защищавшей его от житейских смут и бурь»,— говорит третий. События его внутренней жизни надежнее всего прикрывали многочисленные анекдоты о самом себе, которые он постоянно рассказывал окружающим. Циклы этих анекдотов постепенно складывались в «легенду». И «легенда», мнимая биография, подменяла собой биографию истинную...

Те из современников, кто в меру своего таланта добросовестно и внимательно описал внешнюю сторону крыловской жизни, тем самым уже сослужили хорошую службу истории русской культуры. Впрочем, были среди них и такие, кто стремился проникнуть за «фасад», объяснить себе и другим загадку крыловского характера.

«Личность Крылова вся отразилась в его баснях, которые могут служить образцом русского *себе на уме*...— писал В. Г. Белинский.— Человек, живой по натуре, умный, хорошо умевший понять и оценить всякие отношения, всякое положение, знавший людей,— Крылов тем не менее искренно был беспечен, ленив и спокоен до равнодушия. Он все допускал, всему позволял быть, как оно есть, но сам ни подо что не подделывался и в образе жизни своей был оригинален до странности. И его странности не были ни маскою, ни расчетом; напротив, они составляли неотделимую часть его самого, были его натурою». Белинский ощутил глубокую внутреннюю цельность крыловской натуры при внешней острой ее противоречивости. Явные «несообразности» личности Крылова поражали многих его современников. Перед ними был поэт, при жизни признанный великим и народным, наделенный высокообразованным умом и мудрым знанием жизни, в своих стихах давший удивительно верный и беспощадный портрет эпохи. Вместе с тем это был человек, исполненный гордого самоуважения («Ни перед кем главу не приклонял»,— замечает, например, В. А. Оленина) и обладавший незаурядной волей («...твердой воли и терпения у него был запас огромный, удивительный»,— пишет М. Е. Лобанов). Наконец, это был человек, по-своему, но весьма активно участвовавший в литературной и общественной борьбе — постоянно, на протяжении десятилетий. И все это уживалось в нем с невозмутимым спокойствием, видимым равнодушием к делам и заботам дня, откровенным недоверием к каким бы то ни было надеждам и стремлениям, а также с многочисленными анекдотическими «странностями», которые Крылов и не думал скрывать.

Вот этот-то непонятный окружающим скептицизм и забавные чудачества в воспоминаниях о поэте зачастую выходят на первый план, заслоняя очевидную, но трудно постижимую суть

крыловской натуры — ее колоссальный духовный потенциал. Из неумения, а порою нежелания, видеть истинные мотивы поведения Крылова возникла и развилась «крыловская легенда».

Воспринимая личность поэта в совершенно отчетливой исторической перспективе, мы сегодня можем гораздо увереннее, чем люди, лично знавшие баснописца, судить о «загадке» его жизни. Сегодня возможно достаточно определенно наметить связь судьбы Крылова с важнейшими духовными проблемами эпохи и, исходя из этого, заново осмыслить мемуарный материал, который нам оставили современники поэта.

II

Весьма скупо, но все же охотнее, чем о других этапах своей жизни, Крылов рассказывал о своем детстве.

Первым, кто записал рассказ Крылова о его ранней поре, был Пушкин. Запись эта имела прямое отношение к работе Пушкина над «Историей Пугачева». Всего несколькими чертами, которые Крылов мастерски отобрал, а Пушкин сумел оценить и передать читателю, обрисованы и обстановка в осажденном Оренбурге, где находился с матерью малолетний Крылов, и характер будущего поэта.

В пушкинской «Истории Пугачева» фигурирует капитан Андрей Прохорович Крылов, отец Ивана Андреевича. Судя по тому, что сообщают о нем историки и что явствует из документов его службы, это был мужественный и умелый офицер. В капитаны он выбился из рядовых. При этом остался бедняком, без всякого состояния и связей. Сохранилось весьма любопытное прошение Андрея Прохоровича на имя его генерала, где он жалуется на несправедливость начальства. Несмотря на долгую и самоотверженную службу, его всегда обходили чинами и награждениями. Можно предполагать, что именно обида заставила капитана Крылова бросить военную службу и определиться к штатским делам в должности председателя Тверского губернского магистрата.

Восьмилетнего сына своего Андрей Прохорович определил подканцеляристом в Калязинский уездный суд, а затем в Тверской магистрат. Поначалу мальчик лишь числился в службе, но вскоре ему пришлось и в самом деле являться в присутствие и переписывать бумаги. Много лет спустя Крылов, рассказывая об этом, сознавался, что был нерадивым чиновником. День и ночь занимаясь чтением, он часто пренебрегал ради книг службою. Между тем повытчик его был человек грубый и сердитый и не

только журил его за пустые и бесполезные занятия, то есть за чтение, но, застав за книгою, иногда бивал его по голове и по плечам, а сверх того жаловался отцу, который также наказывал его. Впрочем, Андрей Прохорович оставил в наследство сыну сундук с книгами. По тем временам в чиновничьей среде даже небольшая библиотека была редкостью.

Отец умер, когда Крылову не исполнилось еще десяти лет. Существенную роль в воспитании мальчика сыграла его мать. В. А. Олениной Иван Андреевич говорил, что мать его была женщина неграмотная, но гениальная. О некоторых ее простых и мудрых приемах воспитания Крылов рассказывал писательнице Е. А. Карлгоф. Она выспрашивала Крылова о его ранних годах, составляя биографию Ивана Андреевича для детского журнала «Звездочка».

Тверские сверстники поэта не оставили достоверных воспоминаний о его детстве. Товарищи его игр могли быть сыновьями мелких чиновников и мещан — из этого круга тогда редко выходили люди образованные и пишущие.

Однако в Твери Крылов оказался связан и с иной средой. В богатом доме помещиков Львовых ему разрешено было слушать уроки домашних учителей. Можно не сомневаться, что сознание собственных незаурядных способностей и унизительное положение «кухаркиного сына» в немалой степени формировало характер юного Крылова. Воспоминания Е. Н. Львовой о том, как в доме «благодетеля» мальчика заставляли прислуживать за столом, следует сопоставить с рассказом С. П. Жихарева о встрече Крылова с Ф. П. Львовым (родственником тверских «благодетелей» и бывшим сотоварищем) в литературном мире Петербурга. По прошествии четверти века «кухаркин сын» сделался прославленным писателем и мог себе позволить иронически поглядывать на чиновного Ф. П. Львова, ставшего лишь автором посредственных стишков.

Видимо, та же редкостная уверенность в собственных силах позволила тринадцатилетнему Крылову, не спросясь начальства, уехать из Твери в Петербург в намерении радикально изменить свою судьбу. Сохранился рапорт тверского чиновника, занимавшегося поисками пропавшего подканцеляриста: «...Пристав Никифор Иванов представил, что посылан он был от департамента в квартиру к подканцеляристу Ивану Крылову, который числился больным, для проведывания, есть ли ему от болезни облегчение, но и в квартире его не получил, от бабки его Крылова Матрены Ивановой ему приставу объявлено, что он подканцелярист Крылов отлучился отсюда в Санкт-Петербург в нынешнем году зимним временем, а которого месяца и числа, о том она не

упомнит»[1]. Приказано было разыскать подканцеляриста Крылова и по этапу вернуть его в Тверь. Только тогда, когда до столицы дошел этот приказ, Крылов известил тверского наместника, что поступил на службу в петербургскую Казенную палату и формально просил отставить его от прежней должности.

Вполне вероятно, что не по летам умный и бойкий на язык мальчик, к тому же сирота, нашел себе влиятельных покровителей. В числе их мог быть, например, С. И. Маврин, под началом которого состоял одно время Андрей Прохорович Крылов и который затем служил петербургским вице-губернатором и начальником Казенной палаты. В 1777 году с Андреем Прохоровичем Крыловым служил в Твери прокурором «верхней расправы» губернского суда Р. Е. Татищев. Ко времени поступления Ивана Крылова в петербургскую Казенную палату Татищев служил уже в столице и притом в учреждении, непосредственно связанном с Казенной палатой. И позднее Крылов был в дружеских отношениях с семейством Татищевых, в частности, с одним из младших братьев Р. Е. Татищева. Можно предполагать, что связи эти восходят еще к тверским временам.

Отрывочные мемуарные свидетельства, относящиеся к первым годам пребывания Крылова в Петербурге, говорят главным образом о его связях с театром. Несколько раз повторяют мемуаристы крыловский рассказ о его первом драматическом сочинении — комической опере «Кофейница»,— которую он в конце концов продал типографщику Брейткопфу. Другой повторяющийся рассказ — о чтении Крыловым его первой трагедии «Клеопатра» тогдашнему премьеру русского театра, замечательному актеру, режиссеру и переводчику И. А. Дмитревскому. Встречающиеся тут же воспоминания о дружеских — и притом достаточно тесных — отношениях мальчика-драматурга с прославленным актером позволяют догадываться о необычной судьбе юного Крылова в театральном мире столицы. Благодаря блестящему остроумию и очевидному поэтическому таланту провинциальный юноша быстро сделался любимцем актерской компании. Крылов близко сходится и с другими выдающимися людьми петербургской сцены — в частности, с П. А. Плавильщиковым и С. Н. Сандуновым. В течение пяти-шести лет он становится автором нескольких оригинальных драматических сочинений и переводов. Директор императорских театров П. А. Соймонов явно покровительствовал начинающему автору, одобрил его пьесы и заказал ему перевод французской оперы. Кроме того, будучи также

---

[1] «Материалы для биографии И. А. Крылова».— «Северная пчела», 1846, № 292.

начальником Горной экспедиции, Соймонов берет Крылова к себе на службу.

Однако столь счастливо начавшиеся отношения Крылова с театром вдруг резко обрываются.

В мемуарах Глинки, Плетнева, Греча мы находим отголосок устного предания, объясняющего предысторию весьма громкого общественного скандала, которым закончилась ссора молодого Крылова с театральным начальством.

Мемуаристы упоминают о том, что приехавший в столицу Крылов сблизился со знаменитым драматургом Я. Б. Княжниным, пользовался его расположением и даже жил у него в доме, а затем написал комедию «Проказники», в которой изобразил его литературным вором (дав ему имя Рифмокрад) и представил в самом неприглядном виде его семейную жизнь. Вполне вероятно, что покровительство и наставления Княжнина могли стать тягостны для Крылова, жаждавшего независимости и не желавшего долго ходить в учениках. В такой ситуации любое неосторожное слово Княжнина, неудачная шутка по поводу приниженного положения молодого писателя в театре могли прозвучать для Крылова как кровное оскорбление. Но во всей этой истории важно не только то, о чем говорят мемуаристы, но — не менее — то, о чем они умалчивают, о чем не знают или не смеют сказать.

Дело в том, что, сочинив своих «Проказников», Крылов прямо принес их Соймонову. Генерал поначалу пьесу одобрил. Однако вскоре к нему пришел Княжнин, которому каким-то образом стало известно об оскорбительной комедии. Он потребовал от Соймонова не допускать крыловский «пасквиль» на сцену. Соймонов пригласил Крылова и сказал, что не позволит на театре «личностей». По всему видно, что разговор этот окончился начальственным гневом. Соймонов отменил постановку других крыловских пьес, в том числе и тех, для которых уже была написана музыка. У Крылова отобрали разрешение на бесплатное посещение спектаклей. Обо всем этом мы узнаем из поразительного документа — письма-памфлета, адресованного Крыловым Соймонову. Письмо это Крылов размножил, и в списках оно разошлось в публике. Весьма дерзкий, издевательский тон, в каком губернский секретарь Крылов позволяет себе разговаривать с генералом Соймоновым, по тем временам, конечно же, был вещью неслыханной. Столь же смелой была мысль восемнадцатилетнего юноши в своем споре с театральным начальством апеллировать к публике. Говоря об отвергнутых Соймоновым своих пьесах, Крылов заявляет: «...Я твердое предприял намерение одной публике отдать их на суд. А как я некоторым образом должен ей

дать отчет, почему мои творения не приняты на театр, то я думаю, ваше превосходительство, дозволите милостиво припечатать мне сие письмо при моих сочинениях...»[1] Разумеется, Крылов прекрасно знал, что опубликовать издевательское письмо Соймонову ему никто не позволит. Но сама эта ироническая угроза демонстрировала готовность юного писателя любой ценой отстаивать свою независимость и достоинство.

В связи с таким настроением юного Крылова только и можно вполне понять его беспощадную и на первый взгляд недопустимо жестокую борьбу с Княжниным. Если театр представлялся Крылову «школой нравов», то писатель — в особенности писатель-драматург — учителем нации. Княжнин в 1780-х годах претендовал на роль первого драматурга эпохи. Однако в своем творчестве Княжнин разрушал тот строгий стиль драматической «притчи», который создал Сумароков и которому во многом следовал в своих ранних драматических сочинениях Крылов. Помимо того, Княжнин по натуре не был проповедником и бойцом, его личность явно не совпадала с тем идеальным образом писателя, который сконструировала просветительская литература. Вот потому-то деятельность Княжнина и могла представляться Крылову не только бесполезной, но вредной и прямо враждебной делу истинного просвещения.

Разумеется, способ действий Крылова надо оценивать исторически. Людям XVIII века свойственны были крайности — как в их стремлениях, так и в привязанностях, и во вражде. Сатира «на лицо» не считалась тогда чем-то зазорным, но была излюбленным литературным приемом, пронизывавшим всю литературную борьбу того времени. Учитывая это при оценке моральной стороны поведения Крылова, следует также принять во внимание, что на стороне дерзкого «мальчишки» в его конфликте с Княжниным оказались многие видные деятели тогдашней русской словесности и театра. В частности, столь зрелый и достойный человек, как И. А. Дмитревский, по утверждению Княжнина, не только одобрил, но и собственноручно правил «Проказников».

Тотчас после ссоры с Княжниным и Соймоновым Крылов бросает службу и становится профессиональным писателем.

«...Во время юности Крылова,— замечал в статье о баснописце В. Г. Белинский,— бросить службу и жить литературными трудами, весьма скудно вознаграждавшимися, завести типографию

[1] И. А. Крылов. Соч. в 3-х томах, т. III, М., 1946, с. 341. В дальнейшем все ссылки на сочинения Крылова даны по этому изданию.

и быть вместе и автором, и почти наборщиком своих сочинений — это означало не прихоть, а признак высшего призвания» [1].

III

Скудость воспоминаний о молодом Крылове не в последнюю очередь объясняется тем, что история его бурной юности была не вполне удобна для изложения в печати даже и в середине XIX века. Публичное оскорбление, нанесенное им генералу Соймонову, стало лишь началом длинного ряда поступков, которые в совокупности складываются в удивительное по своей политической и литературной дерзости поведение.

В 1789 году двадцатилетний Крылов на средства издателя и литератора И. Г. Рахманинова, известного переводчика Вольтера, печатает сатирический журнал «Почта духов». В этом ему содействует молодой писатель А. И. Клушин.

Племянник Рахманинова, С. П. Жихарев, в «Записках современника» передает свой разговор с Крыловым и Державиным о литературных связях своего дяди. Для нас в рассказе Жихарева весьма важна одна переданная им фраза Державина: «Да, кстати, о Клушине: скажите, Иван Андреевич, точно ли Клушин был так остер и умен, как многие утверждают, судя по вашей дружеской с ним связи?» Этот вскользь брошенный Державиным вопрос дает полное понятие о репутации молодого Крылова в литературном мире Петербурга. Мнение о достаточно известном тогда писателе Клушине — его стихи и повести появлялись в журналах, на столичном театре шли многие его пьесы — в конце концов, определялось в литературной среде именно дружбой его с Крыловым. Такая дружба уже сама по себе давала патент на ум и «остроту».

Что касается политической репутации Крылова тех лет, то мы напрасно стали бы искать прямых указаний на этот счет в воспоминаниях современников. Даже и много лет спустя политические «заблуждения» молодого Крылова выглядели не столь невинно, чтобы о них можно было говорить вслух. Единственное, пожалуй, исключение тут — упоминание о крыловской «Почте духов» в «Секретных мемуарах» Карла Массона, служившего секретарем у великого князя Александра Павловича в конце екатерининского царствования. Книга вышла на французском языке в Париже. В ней Массон называет крыловский журнал

[1] В. Г. Белинский. Иван Андреевич Крылов.— Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. VIII. М., 1955, с. 588.

периодическим изданием, «самым колким из всех, какие когда-либо осмеливались публиковать в России». При этом секретарь внука Екатерины, будущего Александра I, ошибочно называет автором «Почты духов» А. Н. Радищева, о книге которого он наслышан. Тут существенна вовсе не степень осведомленности французского мемуариста, но представление о журнале Крылова в придворных сферах, где черпал свои сведения Массон. Кое-кто здесь равнял «Почту духов» с крамольным «Путешествием из Петербурга в Москву». И на то были некоторые основания — обе книги роднит моральный и политический радикализм их авторов. Хотя Крылов и не проповедовал революцию, как Радищев, но сатира его столь остра, обличения столь беспощадны, что крупнейшие отечественные филологи в течение нескольких десятилетий всерьез относились к свидетельству Массона, полагая возможным участие Радищева в составлении некоторых писем «Почты духов» [1].

Первый крыловский журнал прекратил свое существование внезапно — на восьмом, августовском, номере. Быть может, тут сыграли свою роль события июля 1789 года — во Франции началась революция. Последний номер «Почты духов» получил цензурное разрешение только в апреле следующего года.

Впоследствии современник событий, известный библиограф и журналист В. Г. Анастасевич в своей записной книжке пометил: «Княжнин также был другом Ивану Андреевичу Крылову и едва ли оба не были в руках Степана Ивановича Шешковского, обер-полицмейстера... Ив⟨ан⟩ Андр⟨еевич⟩ Крылов (служит в ⟨нрзб.⟩ департаменте) издавал «Почту духов» в 3-х частях. 3-я запрещена» [2].

И. Г. Рахманинов, опасаясь преследований, покидает столицу и увозит типографию в свое тамбовское имение. В 1791 году Крылову удается основать собственную типографскую компанию, пайщиками которой становятся также Клушин и актеры Дмитревский и Плавильщиков. Компания получает наименование «Крылов с товарищи». В 1792 году Крылов и Клушин приступают к изданию журнала «Зритель», в 1793 году его сменяет журнал «Санкт-Петербургский Меркурий».

Об этой эпохе жизни поэта мемуаристы также не могли или не смели много говорить. Самое существенное из сказанного ими — несколько невнятных упоминаний о столкновениях Крылова-журналиста с верховной властью. М. Е. Лобанов, между

---

[1] См.: «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М.— Л., 1936.

[2] См.: Ю. М. Лотман. О третьей части «Почты духов» И. А. Крылова.— В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.— Л., 1958, с. 511—512.

прочим, сообщает: «Одну из моих повестей, говорил мне Иван Андреевич, которую уже набирали в типографии, потребовала к себе императрица Екатерина; рукопись не воротилась назад, да так и пропала».

Из документов, опубликованных уже в конце XIX века, известно, что в мае 1792 года по личному указанию фаворита императрицы и первого тогда сановника в государстве П. А. Зубова в крыловской типографии полиция произвела обыск. Искали повесть Крылова под заглавием «Мои горячки». Рукопись оказалась на руках у приятеля Крылова, капитан-поручика Преображенского полка П. М. Скобельцына. Отобрав повесть, полицейский чиновник доставил ее петербургскому губернатору, а тот — Зубову. Быть может, читала ее и Екатерина. Но какова дальнейшая судьба этой повести неизвестно. Что же касается напечатанных Крыловым в «Зрителе» восточной повести «Каиб» и сатирических «похвальных речей», то они резкостью тона и дерзостью политических выпадов не уступают и самым смелым письмам «Почты духов».

Возникает вопрос: отчего власти, пристально следя за деятельностью оппозиционера-литератора, не пресекли ее немедленно? Можно предполагать, что у Крылова и Клушина нашлись влиятельные заступники. В числе их, вероятно, была президент Академии наук и литературной Российской академии княгиня Е. Р. Дашкова. Она напечатала в «Российском феатре» — собрании лучших русских пьес, издание которого она сама задумала и сама осуществляла,— все пьесы Крылова (кроме первой его трагедии «Клеопатра»). По ее распоряжению с лета 1793 года «Санкт-Петербургский Меркурий» печатался в академической типографии. Но уже осенью того же года, когда разразился скандал из-за трагедии Княжнина «Вадим», напечатанной Дашковой в «Российском феатре» и сильно разгневавшей Екатерину, Дашкова впала в немилость и вскоре вынуждена была просить об отставке, а у Крылова и Клушина отняли их журнал.

Есть сведения, что Екатерина пожелала сама побеседовать с издателями «Санкт-Петербургского Меркурия». Видимо, следствием этой беседы и было прекращение литературной деятельности молодых писателей. В середине октября 1793 года Клушин подал просьбу о разрешении ему уехать на пять лет в Германию для продолжения образования. И как раз на октябрьском номере приостановилось издание журнала. До весны 1794 года Крылов и Клушин оставались в Петербурге. В марте и апреле были разосланы подписчикам два последних номера «Санкт-Петербургского Меркурия». В одном из них Крылов напечатал стихотворение «К счастию». Впоследствии библиограф И. П. Быст-

ров, служивший вместе с Крыловым в Публичной библиотеке, рассказывал: «Однажды я принес к Ивану Андреевичу «Зрителя» и «Меркурия»... Я обратил внимание его на стихи «К счастию»: «Иван Андреевич, за что это вы пеняете на фортуну, когда она так милостива к вам?» — «Ах, мой милый; со мною был случай, о котором теперь смешно говорить; но тогда... я скорбел и не раз плакал, как дитя... Журналу не повезло; полиция и еще одно обстоятельство... да кто не был молод и не делал на своем веку проказ»... Это подлинные слова Ивана Андреевича».

Редактором последних номеров «Санкт-Петербургского Меркурия» числился молодой литератор И. И. Мартынов. В своих записках он глухо упомянул об этом эпизоде: «Около половины сего ⟨1793⟩ года Клушин, по желанию его, уволен в чужие края. Императрица Екатерина Великая пожаловала ему на сие путешествие жалованье за пять лет вперед, по 300 рублей, всего 1500 рублей, и с тех пор он, неизвестно мне, куда уехал, а Крылов также уехал к какому-то помещику в деревню. Таким образом, издание «Меркурия» легло на меня» [1].

Клушин получил деньги и напечатал по этому поводу благодарственную оду императрице. Крылов, видимо, денег не брал и отправился в провинцию. Молодого писателя постигла суровая кара — ему запрещено было заниматься его кровным делом. Правда, его не сослали, не посадили в крепость. Но на то были особые причины. Прежде всего — вскоре после суда над Новиковым императрица, вероятно, не хотела нового громкого процесса. Во-вторых,— и это еще важнее — Крылов не призывал к бунту, как Радищев, он не состоял в связи с тайным масонским орденом, как Новиков. Он всего лишь язвил, издевался над порядками в стране и над самой верховной властью. Преступление его было явным, но судить за него оказалось крайне затруднительно. Ведь открыто принять его сатирические фантазии на свой счет значило удостоверить их сходство с действительностью. Вместе с тем просто упрятать Крылова в каземат без суда и следствия также было неудобно — в свои двадцать четыре года он уже пользовался в столице значительной известностью. И не только в актерском и литературном мире. Плетнев говорит о молодом Крылове: «Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы...»

В самом деле, из разрозненных, случайных свидетельств мемуаристов постепенно вырисовывается поразительно широкий диапазон дружеских связей и знакомств Крылова.

---

[1] И. А. Мартынов. Записки.— В кн.: «Памятники новой русской истории». Сб. исторических статей и материалов, издаваемый В. Кашпиревым, т. II. СПб., 1872, отд. II, с. 88.

В. А. Оленина говорит о дружбе Крылова с Г. Р. Державиным и его первой женой.

А. И. Герцен в «Былом и думах» пишет о своем отце, И. А. Яковлеве, что тот уважал только двух писателей — Державина и Крылова. «Державина за то, что написал оду на смерть его дяди, князя Мещерского, Крылова за то, что вместе с ним был секундантом на дуэли Н. Н. Бахметева» [1]. Приглашение в секунданты предполагает достаточно близкие, приятельские отношения. Следовательно, Крылов оказался своим человеком в кругу блестящих гвардейских офицеров — и Яковлев, и Бахметев служили в Измайловском полку. Первый впоследствии стал известным московским барином, второй — генералом.

Адмирал Ф. П. Литке в своих записках и неопубликованном дневнике упоминает о давнем знакомстве Крылова и своего дяди Ф. И. Энгеля [2]. В конце 1780-х годов Ф. И. Энгель — гвардейский офицер, служивший в штабе генерал-аншефа князя Н. В. Репнина. У того же Репнина в начале 80-х годов состоял на службе и ближайший приятель Крылова А.И. Клушин.

На протяжении долгого времени Репнин принадлежал к «партии наследника». В близких отношениях с «малым двором» Павла Петровича находились и офицеры братья Бенкендорфы. С семейством одного из них — И. И. Бенкендорфа — Крылов был дружен много лет.

О знакомстве Крылова с семьей Татищевых уже шла речь. Три брата Татищевы в 80-х годах служили в гвардии. Василия Евграфовича Татищева вместе с Крыловым называет в числе старинных приятелей Ф. И. Энгеля упомянутый уже адмирал Литке. Имя В. Е. Татищева встречается в письме Крылова госпоже Бенкендорф в 1795 году.

Таким образом, Крылов был связан в Петербурге с довольно широким кругом гвардейских офицеров. Некоторые из них в царствование Павла сделали головокружительную карьеру. Так, Энгель стал статс-секретарем императора, а приятель Крылова преображенский офицер П. М. Скобельцын, перескакивая через чины, в два года из капитан-поручика сделался генералом и шефом полка.

В воспоминаниях современников мы находим указания на то, что Крылов и сам был лично знаком с наследником престола и его женой. Плетнев говорит, что Крылов был рекомендован в секретари князю С. Ф. Голицыну императрицей Марией Федоровной. Произошло это в начале 1797 года — вскоре после вступления Павла на престол. Должно быть, новая императрица зна-

[1] А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 8. М., 1956, с. 88.
[2] Архив АН СССР ЛО, ф. 34, оп. 1, № 2. Дневник Ф. П. Литке,

ла Крылова и прежде, если рекомендовала его в личные секретари столь высокопоставленному лицу, каким в тот момент был Голицын.

Историк М. П. Погодин записал в дневнике со слов Крылова рассказ о встрече писателя с императором Павлом, которому поэт преподнес свою трагедию «Клеопатра». Произошло это, вероятно, в начале 1797 года в Москве.

Поднесение «Клеопатры», сюжет которой мог явно ассоциироваться у современников с нравами двора Екатерины, было уместно тогда, когда воспоминание о екатерининской эпохе оставалось еще достаточно свежо, а Павел еще не оттолкнул от себя своих просвещенных почитателей.

Однако по какому случаю молодой журналист Крылов мог войти в соприкосновение с великим князем Павлом Петровичем? Уже шла речь о том, что «Почту духов» заметили и читали при дворе. И особенно пристальное внимание в этом кругу должна была привлечь появившаяся на страницах журнала фигура «юноши, вступающего на царство», то есть наследника престола. О нем говорится, что он был несправедливо лишен своих царственных прав. Хотя Крылов уверял своих читателей, что дело происходит в столице Великого Могола, читатели прекрасно понимали, что подразумевается тут Петербург. Можно предполагать, что молодой публицист, посмевший выступить в защиту обиженного наследника престола, «российского Гамлета», пользовался сочувствием сторонников Павла. Сближение Крылова с «партией наследника» — косвенным образом на это указывает запись Погодина и сведения, сообщенные Плетневым, Литке и другими мемуаристами,— может кое-что объяснить в загадочной истории молодого писателя. В конце 1780-х и начале 90-х годов значительная часть радикальной оппозиции екатерининскому режиму строила свои политические планы в расчете на близкую смену монарха. В Павле надеялись обрести истинно просвещенного государя, готового взяться за перестройку общества на новых началах, разумных и гуманных. Надо сказать, что для таких надежд были известные основания. Павел Петрович в молодости представлялся современникам вовсе не тем человеком, каким его увидели на престоле. В глазах оппозиции, безусловно, в пользу наследника говорила его явная ненависть к екатерининским порядкам. Сочувствие вызывало и его опальное положение при дворе императрицы.

Представляется весьма вероятным, что просветительские иллюзии молодого Крылова выросли не на пустом месте, но в значительной степени были связаны с надеждами на просвещенное правление Павла.

Реальность павловского царствования, сокрушив эти надежды, предопределила и тот резкий внутренний перелом, что повернул и жизнь, и творчество Крылова в совершенно новое русло.

IV

Чем сильнее было увлечение Крылова просветительскими идеями, чем глубже была его вера в возможность разумного преобразования тогдашней русской жизни, тем острее и болезненнее сказалось разочарование. Сомнения в осуществимости великих целей, провозглашенных учителями-философами, вероятно, зрели в нем постепенно. Взрослея, он яснее видел, что жизнь никак не хочет подчиниться литературе, а люди слишком часто поступают вопреки собственным намерениям и здравому смыслу. Политические события павловского царствования подтвердили худшие опасения.

С середины 1790-х годов Крылов надолго отдаляется от общественной и литературной жизни столицы, уходит из литературы, почти ничего не пишет и живет главным образом в провинции. Он становится карточным игроком, затем поселяется в качестве «компаньона» в доме богатого вельможи князя С. Ф. Голицына, потом служит при Голицыне чиновником в Риге.

Несомненно, эта резкая перемена в его образе жизни и занятиях, этот его разрыв с собственным прошлым подразумевает весьма серьезные основания. Перед нами опять уникальный поворот писательской судьбы: на гребне литературного успеха и известности, став наряду с первыми писателями эпохи, Крылов в свои двадцать пять лет перестает писать и явно вынужден вновь погрузиться в безвестность, вернуться в разряд обыкновенных, заурядных людей. И эти резкие, эти отчаянные действия наперекор самому себе — своим недавним намерениям, своему призванию — обнаруживают масштабы той духовной драмы, которую пережил он в те годы.

И об этом периоде крыловской жизни мемуаристам мало что известно. Сам Иван Андреевич поведал о «годах странствий» лишь несколько «анекдотов». Один из них — самый характерный — он, видимо, повторял особенно часто, и анекдот этот приведен в воспоминаниях современников о Крылове несколько раз. Речь идет о том, как, живя в поместье Татищева, поэт задумал «испытать быт первого человека», то есть дикаря.

Его эксперимент продолжался до тех пор, пока не вернулся хозяин имения. Тогда Крылову пришлось вновь покориться общественным приличиям.

Очевидно, за этой явно шутливой попыткой Крылова вернуться к «естественному состоянию» стоит многое. Тут далеко не просто причуда. В. А. Оленина, рассказывая об этом эпизоде, заметила: «Трудно было быть беспритворнее оригиналом, как был Крылов, ибо все пробы он на себе делал». Действительно, едва ли не центральной чертой крыловской натуры было соединение в одном человеке достаточно высоких духовных стремлений и сугубо трезвого, практического подхода к жизни, понимания того, что все системы и теории ничего не стоят, если их нельзя испробовать на себе. И эксперимент, проделанный Крыловым в имении Татищева, был для него не чем иным, как способом расстаться с одним из самых существенных представлений Просвещения — представлением о возможности освободить естественную, неиспорченную природу человека из-под коры цивилизации.

Тогда же, в середине 90-х годов Крылов насмешливо писал о поклонниках идиллического «золотого века»:

А все-таки золотят этот век,
Когда труды природы даром брали,
Когда ее вещам цены не знали,
Когда, как скот, так пасся человек.
Поверь же мне, поверь, мой друг любезный,
Что наш златой, а тот был век железный...

«Послание о пользе страстей»

Осознав постепенно практическую неосуществимость тех высоких идеалов, которые он хотел внедрить в русскую жизнь, Крылов со свойственной ему жестокой трезвостью теперь готов согласиться, что как ни плох его век, он, может быть, все-таки лучше всех предыдущих. Судя по всему, он теперь готов принять окружающую жизнь и с ней примириться. Но он при этом странным образом — и вполне добровольно — выбирает для себя в этой жизни такую роль, в которой было труднее всего прийти в согласие с ее порядками. Скитаясь по городам и весям без определенных занятий, живя приживалом в доме богатого вельможи, Крылов должен был весьма остро ощущать как раз разлад с действительностью, ощущать ее враждебность свободе и достоинству человека. Ясно, что истинного примирения между ним и его веком так и не произошло. Отказавшись от своих юношеских мечтаний, приняв свой жизненный удел как неотвратимую реальность, Крылов, тем не менее, с ним не смирился. Не на словах, но на деле он постоянно, день за днем, практически противопоставляет свою человеческую значительность и внутреннюю свободу — ничтожеству и несвободе уготованного ему в этой жизни «благополучного» существования.

Особенность крыловского поведения яснее вырисовывается при сравнении с тем, что делал в это время его ближайший друг и сотрудник А. И. Клушин. Тот, отправившись было за границу, задержался в Ревеле. Там он женился и некоторое время спустя вернулся в Петербург, поступил на службу театральным цензором. Показав себя человеком умным и деятельным, Клушин вскоре стал доверенным лицом директора театров. Он заведует репертуаром русской труппы, на сцене идут его новые пьесы. В своем «Дневнике чиновника» С. П. Жихарев передает слова Крылова о Клушине: «...Мы с ним были искренними друзьями до тех пор, покамест не пришло ему в голову сочинить оду на пожалование Андреевской ленты графу Кутайсову...» — «А там поссорились?» — «Нет, не поссорились, но я сделал ему некоторые замечания на счет цели, с какою эта ода была сочинена, и советовал ее не печатать из уважения к самому себе. Он обиделся и не мог простить мне моих замечаний до самой своей смерти...» В то время, когда Клушин благоденствует и сочиняет оду временщику, камердинеру Павла I графу Кутайсову, Крылов мыкается по чужим людям и, между прочим, пишет убийственную сатиру на императора — шутотрагедию «Трумф, или Подщипа».

Здесь уже вполне выразилось насмешливое недоверие к людской природе, которым проникнуты и крыловские басни.

Младший современник поэта, Ф. Ф. Вигель, рассказывает о том, как в детстве, живя воспитанником у князя С. Ф. Голицына, познакомился с Крыловым. Иван Андреевич давал уроки младшим сыновьям князя и нескольким жившим в доме детям, в том числе Вигелю. Мемуарист изображает Крылова человеком необыкновенно умным, но «холодным» — расчетливым и равнодушным к окружающим людям. Вигель рассказывает, как Крылов в присутствии своих сиятельных хозяев нередко «трунил над собою». Этот рассказ весьма характерен. Подобно большинству современников, писавших о Крылове, Вигель не оценил убийственной крыловской иронии, той иронии, благодаря которой «почтительные» насмешки над собою в его устах превращались и в насмешки над собственной почтительностью, и заодно в насмешки над своими «благодетелями». Так это было у Крылова всегда: «несерьезное» отношение к самому себе переходило в прямую издевку над той *системой людских отношений*, которую его с детства заставляли уважать.

И точно так же обстоит дело с крыловской «холодностью» и «равнодушием» к жизни и к литературе, о которых с недоумением пишут многие современники. В действительности все это

было оборотной стороной его всегдашнего требования не терять «уважения к самому себе».

Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе,—
Чин человека...

— писал молодой Крылов в послании Клушину.

До старости сохранив свой юношеский максимализм, он этой «холодностью», этим презрительным «равнодушием» отрицал враждебный ему жизненный порядок столь решительно, как это осмеливались делать лишь немногие.

V

В конце 1805 или в начале 1806 года Крылов возвратился в Петербург. Вскоре на столичной сцене с большим успехом пошли его новые пьесы. Сперва «Модная лавка», через полгода — волшебная опера «Илья-богатырь», еще через полгода — «Урок дочкам». Посетители литературных салонов, а затем читатели журнала «Драматический вестник» начали знакомиться с крыловскими баснями. В 1809 году увидел свет первый сборник «Басни Ивана Крылова».

Поэт вновь входит в петербургскую литературную жизнь, причем очень быстро оказывается здесь на самом виду. Современники как будто впервые узнают о его существовании, и с этого времени он становится героем многих мемуарных записей. Об этом «новом» Крылове будут вспоминать часто и охотно.

Знаменитый писатель, он вызывает у окружающих почтение — благодаря своему таланту. Знаменитый чудак, он вызывает у них улыбку — благодаря своим странностям.

Под пером мемуаристов забавными происшествиями оборачиваются едва ли не все события крыловской жизни. Многое в ней приобретает анекдотический оттенок. Дело тут, однако, совсем не в верхоглядстве или недомыслии людей, писавших о большом поэте и проглядевших серьезность и значительность его человеческой сути. Среди авторов воспоминаний о Крылове — первые писатели эпохи, признанные литераторы, известные мемуаристы, да и просто умные и внимательные люди. Вряд ли все они дружно проглядели в Крылове существенное и важное, говоря о пустяках. Нет, все эти бесчисленные свидетельства о забавных привычках, забавных суждениях и словечках, забавном поведении Крылова, этот бытовой и анекдотический характер воспоминаний о поэте — все это, несомненно, отражение некоего совершенно особенного жизненного стиля Крылова, в котором смешные странности и чудачества и были самым существенным, потому что в них-то и выражалась, в конце концов, серьезная

суть его натуры. То, что в жизнеописании другого человека осталось бы незначительной частностью, в биографии Крылова выходит на первый план и оказывается именно знаком определенной жизненной позиции.

«Трудно найти человека, которого жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими событиями, как жизнь Крылова,— замечает Плетнев.— По своему характеру, привычкам и образу жизни он беспрестанно подвергался тем случаям, в которых выражаются резкие особенности ума, вкуса, добродушия или слабостей». Всегдашняя пружина анекдотической ситуации — комически обнаженные, сжатые до нелепости жизненные противоречия — стала самым заметным двигателем крыловских поступков. В «резких особенностях» его образа жизни давали себя знать непонятные окружающим, порой смущавшие их противоречия его натуры. Некоторые из современников видели, что эта цепь анекдотов, ставшая крыловской «биографией», есть именно косвенное отражение необычности и даже загадочности этого человека.

Исторический анализ жизни и творчества Крылова позволяет сегодня судить о подоплеке его «особенного» существования, о напряженности той непрестанно продолжавшейся внутренней работы, следствием которой были, между прочим, и крыловские «странности». Разумеется, материалом такого анализа необходимо становится и свод воспоминаний современников о Крылове.

Всегдашнее свойство подобных сводов воспоминаний состоит в том, что свидетельства современников, собранные вместе, не только дополняют друг друга, но часто спорят друг с другом и этими своими несогласиями и противоречиями также рассказывают нам о своем герое. За противоречиями мемуаров порой ярче проглядывает историческая реальность, чем в сообщаемых ими фактах. Однако в крыловском случае бросается в глаза необычайное — хочется сказать подозрительное — единодушие, порой даже единообразие в изложении мемуаристами своих сведений о Крылове. Авторы воспоминаний нередко буквально повторяют одни и те же анекдоты, одними и теми же словами описывают характерные черты облика и поведения знаменитого баснописца. Это повторение каких-то основных фактов, черт, подробностей, раздающееся с разных сторон, показывает, насколько существенны эти факты и подробности в представлениях современников о Крылове. Такое «однообразие» воспоминаний весьма характерно и многозначительно. Похоже, что речь идет не о живом человеке, изменчивом и многообразном, но о литературном персонаже или театральной роли.

Перечень чуть ли не всем ведомых и чуть ли не всеми повторяемых «особенностей» крыловского стиля жизни являет нам и то, что мемуаристы относят к достоинствам и доблестям Крылова, и — гораздо подробнее — то, что они полагают его «человеческими слабостями». Суть тех крыловских качеств, в которых можно видеть черты великого писателя,— «веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» (слова Пушкина о Крылове-поэте). Суть тех безобидных на первый взгляд странностей и «слабостей», благодаря которым Крылов слыл великим чудаком,— в явном пренебрежении некоторыми общепринятыми условностями, резком выпячивании прозаической стороны своей жизни, «низкого быта» — то есть как раз того, чем великий поэт, казалось, должен был пренебрегать.

Подробно обрисованные мемуаристами крыловские «слабости» — это в первую очередь его знаменитая лень, неряшество, неумеренность в еде.

Окружавшие его люди, конечно, видели, что между высокими стремлениями Крылова-поэта и достаточно странным образом жизни Крылова-чудака существует явное противоречие. Однако, будучи в своей поэзии мастером комических ситуаций, баснописец в глазах современников постепенно срастался с вымышленным им рассказчиком басен, сам становился как бы литературным персонажем. В конце концов этот персонаж получил даже свое собственное имя — «дедушка Крылов». Таким образом, внешне противоречие разрешалось в комическом ключе, в жанре анекдота: Крылов приобщался к литературе и растворялся в ней.

Так создавалась «крыловская легенда». Будучи не только ее героем, но и главным создателем, Крылов неизменно направлял сюжет «легенды» по определенному руслу, неизменно «задавал» свой собственный образ, диктуя окружающим его восприятие. Между прочим, он ввел в «легенду» фигуру своего антагониста — графа Хвостова. (Столь популярная в начале XIX века литературная маска Свистова или Графова сперва была придумана именно Крыловым.) Неумный чудак, плоский моралист и бездарный поэт должен был оттенять фигуру умного чудака, лукавого насмешника и искусного писателя. Воспоминания сохранили нам целую серию крыловских анекдотов о Хвостове.

«Крыловская легенда» была литературным выражением того неустранимого противоречия между личностью и средой, которое разрешалось в повседневных поступках, в образе жизни, в судьбе Крылова.

Читая свод воспоминаний о Крылове, мы рядом со свидетельствами лености и сонливости поэта находим столь же убедительные рассказы о том, каким *живым* и *деятельным* человеком

он был. Оказывается, его «лень» странным образом соединялась с постоянной и напряженной *духовной* работой... Он *писал басни* — писал их довольно много, иногда по две-три в месяц. Кроме того, как удостоверяют очевидцы и подтверждают черновики, он работал над стихами весьма упорно, перебирая нередко десяток вариантов одной строки. Правил он басни и от одного издания к другому, а издания выходили часто — в среднем каждые три-четыре года. Крылов много читал — и старых писателей, и новинки. Он знал несколько языков — французский, итальянский, немецкий. В возрасте пятидесяти лет выучился древнегреческому языку и читал в подлинниках Гомера, Плутарха, Геродота, Платона. Затем стал учиться читать по-английски.

При всей своей любви к покою он был удивительно подвижен и даже, можно сказать, непоседлив. Воспоминания близко знавших его людей дают ясное понятие о распорядке его жизни. Утро проводил он в должности или дома — за романом, в разговорах с приятелями. К обеду отправлялся в Английский клуб, где оставался отдохнуть, оттуда ехал в гости, а иногда сперва в театр, а оттуда уже в гости и домой. Возвращался к ночи, часто за полночь.

Тот же Плетнев, который уверяет, что неподвижность была первой потребностью Ивана Андреевича, рассказывает, с какой охотой отзывался он на приглашения: «...Не было человека менее спесивого на зов, как наш поэт... Он почитал себя в отношении к другим какою-то общею, законною добычею». Как явствует из мемуаров современников, Крылов был посетителем едва ли не всех литературных салонов и кружков Петербурга 1800—1840-х годов.

И если повсюду, где являлся поэт: в Английском клубе, в литературном собрании, в великосветской гостиной, на приятельском обеде,— являлся он грузным, сонным, а то и просто спящим, то нельзя не видеть, что эта сонливость была для него некой формой общения с окружающими, ответом на постоянное внимание к его особе. «...Был скрытен, особенно если замечал, что его разглядывают,— пишет В. А. Оленина.— Тут уж он замолкал, никакого не было выражения на его лице и он казался засыпающим львом».

Крылов был человеком завидного здоровья и обладал прекрасным аппетитом. Но свою способность поглотить двойной или тройной обед он тоже явно выставлял напоказ, как и прочие свои «слабости». Он не только много ел, он чрезвычайно много говорил о своем «обжорстве» и вообще о еде. В характерных воспоминаниях Н. М. Еропкиной перед нами развертывается своего рода блестящий спектакль, в какой умел и любил пре-

вращать Крылов всякий званый обед, даваемый в его честь. И недаром здесь же приводятся рассказы Крылова о таких как будто значительных событиях его жизни, как знакомство с царским семейством или — тем более — его литературный юбилей, рассказы, которые сводились к описанию поданных за обедом блюд. За добродушной шутливостью опять же проступает невнятная мемуаристке безжалостная крыловская ирония.

К началу 1800-х годов относится неоконченная комедия Крылова «Лентяй», герой которой, испытывая отвращение к служебным и прочим делам, целые дни проводит в постели. Тогда же были написаны фарсовые пьесы — шуто-трагедия «Трумф, или Подщипа», комедия «Пирог», волшебная опера «Илья-богатырь»,— в которых Крылов комически обыгрывает низкие страсти своих героев, прежде всего их зависимость от собственного желудка. Затем он начинает культивировать те же самые литературные мотивы в своем повседневном быту.

Однажды Батюшков шутя предсказал в стихах, что Крылов умрет за обедом. Современники впоследствии утверждали, что почти так оно и случилось.

В биографии Крылова вошло, будто причиной его последней болезни стала съеденная им по неосторожности тяжелая еда. Сам он перед смертью якобы винился в этой неосторожности. Однако не так давно был найден следующий документ, опровергающий традиционную версию смерти Крылова: «Свидетельство. Дано сие в том, что состоявший на пользовании моем господин действительный статский советник и кавалер Иван Андреевич Крылов действительно страдал воспалением легких (Pnevmonia nota) и волею божию 9-го сего ноября нынешнего 1844 года помер от паралича в легких. В чем и удостоверяю. С.-Петербург, ноября 11-го дня 1844 года. Доктор медицины и коллежский асессор Ф. Галлер» [1].

Казалось бы, людям, близко знавшим Крылова, должно было стать известно, чем он болел и отчего умер. Но в глазах современников Крылова реальное в его биографии столь тесно переплеталось с легендарным, что часто они не отличали одно от другого.

VI

Необходимой составной частью «крыловской легенды» постепенно стало представление об «умилительной благонамеренности» Крылова и его дружбе с царским семейством. Рассказы о том, как благоволил к Крылову двор и как сам он был «предан

[1] «Русская литература», 1967, № 1, с. 143.

престолу», подчас заслоняли воспоминания о гонимом авторе «Почты духов» и язвительном авторе «Трумфа».

Между Крыловым и царским двором в действительности существовали достаточно сложные отношения. Еще с середины 1800-х годов посредником в этих отношениях стал А. Н. Оленин — сановник и страстный любитель литературы, стремившийся быть представителем русской словесности у престола. Оленин, под началом которого Крылов служил в Публичной библиотеке, как мог заботился о придворной карьере баснописца. Для Крылова здесь, несомненно, главным были не чины, не ордена, не пенсия. Важнее было для него то, что в качестве «придворного» поэта он оказывался на виду у всей столицы, у всей России, он становился лицом почти официальным. И вот, пользуясь этим своим весьма высоким положением, он мог тем нагляднее демонстрировать целому свету свое ироническое презрение к окружающей действительности, свое несогласие и несовместимость с ее приличиями, прежде всего светскими, придворными.

То, что сообщают современники о визитах Крылова во дворец,— это еще одна обширная серия анекдотов о крыловской неопрятности, прожорливости, неловкости; тут есть анекдоты и вовсе «неприличные». Суть крыловского поведения при дворе — некая ироничная двусмысленность. Он и тут как будто являет совершенную почтительность к власть имущим, но за нею постоянно кроется *насмешка*.

Это ироническое отношение к правителям страны высказывалось не только в поведении Крылова, но — не менее отчетливо — и в его баснях. Вяземский писал: «Крылов был вовсе не беззаботливый, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас... Но во всем и всегда был он, что называется, себе на уме... Басни и были именно призванием его, как по врожденному дарованию, о котором он сам даже как будто не догадывался, так и по трудной житейской школе, чрез которую он прошел. Здесь и мог он вполне быть себе на уме; здесь мог он многое говорить, не проговариваясь, мог под личиной зверя касаться вопросов, обстоятельств, личностей, до которых, может быть, не хватало бы духа у него прямо доходить». Многие современники утверждают, что почти все или даже все крыловские басни были написаны по определенному поводу — как отклик на некий случай, как эпиграмма на некое лицо. Из указаний и намеков мемуаристов мы ясно можем видеть, что по крайней мере несколько басен воспринимались современниками как эпиграммы на правительство и верховную власть. Так, например, В. А. Оленина на экземпляре крыловских басен возле басни «Рыбья пляска» пометила: «Во время графа Аракчеева. Когда

он (Крылов) сначала написал эту басню, было написано вместо последних четырех стихов:

Тут Лев изволил
В грудь лизнуть,
А сам отправился
В дальнейший путь!

Ему приказано было переделать эдак».

Действительно, сохранившийся первый вариант басни оканчивался строками, повествующими о «пляшущих» на сковородке рыбах:

«Да отчего же,— Лев спросил,— скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О, мудрый царь! — Мужик ответствовал,— оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостливо в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь [1].

И Крылов был вынужден переделать басню именно потому, что в фигурах царственного Льва и плута Мужика, поставленного старостой над «водяным народом», слишком очевидно угадывались Александр I и Аракчеев. Как явную сатиру на царя цензура запретила крыловскую басню «Пестрые овцы». Насмешки над царем и его окружением современники усматривали в баснях «Воспитание Льва», «Туча», «Булат» и других. Что касается цикла басен, связанного с событиями Отечественной войны 1812 года, то и здесь весьма важным моментом было ироническое развенчание Александра I и противопоставление ему Кутузова.

Современник рассказывает, что, когда императрица Мария Федоровна попросила поэта прочесть любимую его басню, Крылов выбрал «Листы и Корни» — заключенное в басне насмешливое сравнение «верхов» и «низов» в стенах царского дворца и высказанное прямо в лицо придворным и самой императрице, конечно же, приобретало резко иронический смысл.

Вообще народность, демократизм крыловской поэзии были явным вызовом существующему порядку вещей — прежде всего самодовольному чувству превосходства людей «просвещенных» над «простым народом». Всегдашняя крыловская издевка над несостоятельностью житейских представлений большинства образованных людей очень ярко проступает и в баснях 1812 года. В частности, крыловский «Волк на псарне» воспринимался читателями не только как сатира на завоевателя, но и как ироническое предостережение тем, кто, казалось, склонны были

[1] И. А. Крылов. Соч., т. III, с. 172.

идти на мировую с Наполеоном. Ведь не кто иной, как Александр I, за пять лет до того заключил союз с французским императором и думал преуспеть в мировой дипломатической игре. Ухищрениям тонких политиков в данном случае противопоставлялось «простонародное», грубое действие. Именно как совет и дальше вести дело «попросту» воспринял басню Кутузов, читавший ее войскам после сражения под Красным.

Несмотря на то что власти хотели выдать Крылова за «своего» поэта, в обществе он отнюдь не имел репутации «карманного стихотворца». Более того, молодые вольнодумцы, будущие декабристы, осуждая существующий порядок, видели в Крылове своего союзника. Среди нелегальной литературы, воспитывавшей революционный образ мыслей, был крыловский «Трумф». Шуто-трагедия разошлась по рукам во множестве списков. «...Ни один революционер не придумывал злее и язвительнее сатиры на правительство,— утверждал декабрист Д. И. Завалишин.— Всё и все были беспощадно осмеяны, начиная с главы государства до государственных учреждений и негласных советников»[1]. Что же касается крыловских басен, то и в них нетрудно было обнаружить ироническую соль. «...Его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия»,— писал А. А. Бестужев в 1823 году в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России»[2]. И несомненно, знаменитая реплика Загорецкого в «Горе от ума» относительно басенных насмешек «над львами, над орлами», которые «хотя животные, а всетаки цари», подразумевала именно крыловские басни. А. И. Герцен в одной из своих статей рассказывает, что в конце николаевского царствования некий цензор требовал запрещения ряда басен Крылова как произведений политически опасных.

В свои зрелые годы Крылов, конечно, уже не надеялся что-либо изменить в строе окружающей жизни, но при этом он и не мирился с ним. Пожалуй, лучше, чем кому-либо другому, политическое кредо Крылова было известно его ближайшему приятелю поэту Н. И. Гнедичу. По словам Гнедича, Крылов, «убеждаясь очевидностями», соглашался с тем, что «существующий порядок соединен с большим злом». Но при этом утверждал, «что другой порядок невозможен». Эта характеристика политических понятий Крылова верна лишь отчасти. Гнедич знал то, чего не знали многие другие,— ему было известно о беспросветном политическом пессимизме и скептицизме его «соседа». Но и Гнедич

---

[1] Д. Завалишин. Записки. СПб., 1906, с. 105.

[2] А. А. Бестужев-Марлинский, Собрание стихотворений. Л., 1948, с. 106.

не понял иронической сути жизненной позиции Крылова: утверждая невозможность каких-либо изменений к лучшему, Крылов вместе с тем отнюдь не принимает наличествующие условия человеческого существования как достойные или хотя бы терпимые. Отнюдь нет; он ежеминутно противопоставляет себя этому заведенному порядку вещей, непрестанно оказывает ему своего рода сопротивление. И именно неприятием окружающей жизни объясняется острый интерес «хомяка» Крылова к событиям текущей политики. Этот интерес глубоко сказался в его баснях, а также и в некоторых странных на первый взгляд его поступках.

14 декабря 1825 года Крылов пришел на Сенатскую площадь. Разумеется, он прекрасно понимал смысл событий. Но как он отнесся к ним? На этот вопрос нет однозначного ответа. М. Е. Лобанов, сопровождавший Крылова на площадь, а также В. А. Оленина, видевшая в тот день Крылова в доме своего отца, приписывают ему неодобрительные и даже резкие слова в адрес восставших. Но, во-первых, тут надо учитывать интерпретацию крыловских слов глубоко монархически настроенными мемуаристами. Во-вторых, Крылов наверняка не слишком верил в успех декабристов, как не верил и в благотворность задуманного ими переворота. Естественно, что в его отзывах о бунтовщиках звучали скептические ноты. Но гораздо важнее другое — реальное поведение Крылова на Сенатской площади. Он не увещевал дерзкую «чернь» и не объяснял народу законность присяги Николаю, как это делал в то утро Карамзин. Судя по тому, что рассказывает Лобанов, Крылов попал на площадь в разгар событий. В это время восставшие отбивали атаки правительственных войск, гремели залпы, в любую минуту мог разразиться жестокий бой. Как рассказывает Оленина, Крылову кричали из рядов: «Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорей!» Но Крылов пробрался к самому каре, он смотрел на Кюхельбекера в военной шинели. Как ни мало мог он верить в успех восставших и, главное, в разумность их дела, но все же у него, радикала 1790-х годов, с тем порядком, который хотели свергнуть декабристы, были свои, старые счеты...

VII

Воспоминания о Крылове написаны по большей части литераторами, и потому мы чаще всего видим здесь его именно в кругу литераторов. Длинный ряд свидетельств этого рода открывают записки С. П. Жихарева, где перед нами только что вернувшийся

в столицу Крылов, читающий в доме Державина и в квартире Шаховского свои первые басни. Тут же мы видим его в кругу театралов, актеров, драматургов.

Крылов — автор чрезвычайно популярных в первые десятилетия XIX века комедий — неизменно появляется на страницах театральных мемуаров эпохи.

Будучи центральной фигурой оленинского кружка, Крылов вступает в сложные литературные отношения как с приверженцами А. С. Шишкова, так и с членами «Арзамаса». Неверно было бы сказать, что он занимал промежуточную позицию между двумя литературными лагерями. Его позиция была совершенно самостоятельной и независимой. Он избрал в литературе свой, третий, путь. И мы находим в записках Жихарева свидетельства горячей привязанности к Крылову такого активного «беседчика», каким был князь Шаховской. А из воспоминаний Вигеля, Плетнева, Олениной, Вяземского явствует, что Крылов сделался своим человеком и в кругу арзамасцев. В частности, мы видим его среди завсегдатаев на литературных собраниях у Жуковского. И не кто иной, как Крылов, вступился за юного Пушкина, напечатав эпиграмму на критиков его поэмы «Руслан и Людмила».

Вместе с тем во всех литературных партиях у Крылова были и ожесточенные противники. И сам он порою высказывал свое ироническое отношение к теоретикам разных лагерей. Так, уже в 1808 году Крылов пишет басню «Парнас», которую приняли на свой счет сторонники адмирала Шишкова. Когда в следующем году И. А. Дмитревский предложил принять Крылова в Российскую академию, «шишковисты» забаллотировали его кандидатуру — против нее голосовали тринадцать академиков, за — только два. Литературный скандал расширился и страсти закипели, когда К. Н. Батюшков, неизменный поклонник крыловской поэзии, обидевшись за баснописца, сочинил и пустил по рукам свое «Видение на брегах Леты». Здесь среди множества поэтов-классицистов, комически утопающих в водах забвения, один Крылов оказывается бессмертен. Батюшковское «Видение» было предвестьем будущей словесной войны между «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом». И весьма показательно, что в истории этого конфликта немалое место занял спор о Крылове.

Спор этот стал еще более актуален позднее — в середине 1820-х годов. Отголоски тогдашней острой полемики мы находим в воспоминаниях Лобанова и Плетнева. Подробно пишет о ней Вяземский. В это время творчество Крылова противопоставлялось уже не поэзии Сумарокова или графа Хвостова, как было прежде, но поэзии И. И. Дмитриева. И роли тут переменились:

критические суждения о крыловских баснях высказывали теперь «карамзинисты». И резче всех — «арзамасец» Вяземский: «Крылова уважаю и люблю как остроумного писателя, но в эстетическом, литературном отношении всегда поставлю выше его Дмитриева... Скажу более, Крылова ценю выше казенной оценки так называемых его почитателей. Чему большая часть из них дивится в нем? Что выдало ему открытый лист на общенародное уважение? Плоскости, пошлости, вредящие его истинному достоинству». А в письме Пушкину осенью 1825 года Вяземский объяснял подоплеку своего литературного предпочтения — стиль Крылова он воспринимал как следствие определенной жизненной позиции. В позднейшем очерке о Крылове (добавление к статье «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», написанной в 1823 году) Вяземский упрекал автора басен «Сочинитель и Разбойник» и «Огородник и Философ» в некоей ложной тенденции. Вяземскому виделась в этих баснях уступка невежеству и чуть ли не поощрение гонений на литературу и науку. Нетрудно доказать, что иронический пафос этих, как и всех других, крыловских басен совсем иной. Суть его в характерном для эпохи разочаровании в просветительских иллюзиях, решительном отрицании всяческих «головных» теорий и злой издевке над неоправданной самоуверенностью разума. И сама ироническая острота этой насмешки показывает, как долго и как болезненно переживал Крылов свое разочарование в способности отдельных людей и всего общества, в котором он жил, согласовывать благие намерения и практические действия.

В жарком споре о Крылове наиболее принципиальным и последовательным оппонентом Вяземского стал Пушкин. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» Пушкин писал: «Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев».

Суть иронического крыловского миросозерцания Пушкин оценил как никто. В отличие от Вяземского, этот скептический и сугубо «практический» — мужицкий — взгляд на вещи его не шокировал. В крыловском реализме Пушкин увидел спасительное недоверие к словам — теориям, мечтам, утопиям,— за которыми не стоит несомненная действительность. И не случайно в своей иронической поэме начала 1830-х годов, впервые столь широко вводившей в русскую поэзию «низкий быт», жизнь «как она есть»,— поэмой этой был «Домик в Коломне» — Пушкин откровенно опирается и на крыловскую традицию. Мало того что в первоначальном варианте вступления к поэме на протяжении

нескольких строф Пушкин несколько раз использует крыловские образы и обороты, тем самым отсылая читателя к крыловским басням,— вся поэма шутливо сопоставлена с притчей и заключена иронической «моралью». Отвечая здесь же на упрек Вяземского в адрес Крылова, чьи басни представляются ему «бранью из-за угла», Пушкин по-своему оценивает смысл иронической жизненной позиции:

Читатель, можешь там глядеть на всех,
Но издали и смейся то над теми,
То над другими. Верх земных утех
Из-за угла смеяться надо всеми.

И в другой своей иронической поэме «Езерский» Пушкин опять же несколько раз перефразирует и дословно цитирует крыловские строки.

Из воспоминаний А. П. Керн, из рассказа А. П. Савельевой, переданного Л. Н. Трефолевым, из записей В. А. Олениной мы узнаем о достаточно близких личных отношениях двух поэтов, об их явной взаимной симпатии. Знаменательно упоминание Лобановым «обмолвки» Крылова, который на литературном обеде в лавке А. Ф. Смирдина поднял тост за Пушкина, хотя «по старшинству» следовало сперва назвать Жуковского. В то же время не только одобрение, но высокая степень уважения слышится в голосе Пушкина, когда в своем дневнике он передает смешной экспромт Крылова. По словам А. П. Керн, Крылов определил личность Пушкина одним словом: «гений». А Пушкин на вопрос Бестужева, почему в России нет гениальных писателей, отвечал: «Во-первых у нас Державин и Крылов...» Таким образом, к числу гениальных писателей из живых своих современников Пушкин относил лишь Крылова.

Надо сказать, что борьба вокруг поэзии Крылова имела не только литературный, но и общественный смысл.

В 1838 году, когда возникла мысль отметить семидесятилетие Крылова, тотчас обнаружились различия в понимании значения крыловского юбилея. Власти и «рептильные» литераторы желали превратить сочиненного ими же «благонамеренного» Крылова в назидательный пример для либеральной, строптивой словесности. Писатели пушкинского круга — Жуковский, Вяземский, Одоевский — увидели здесь возможность продемонстрировать общественное значение литературы. Речь шла о знаке высокого уважения не вельможе или полководцу, но поэту, достигшему всенародной славы одной лишь силой слова. Гречу и Булгарину, вознамерившимся взять на себя роль устроителей юбилея, пришлось вовсе отказаться от участия в его подготовке. Ни тот,

ни другой не присутствовали на празднике. Впоследствии в своих мемуарах Греч пытался изобразить скандальное неучастие в крыловском юбилее как простую случайность.

Обращаясь с торжественной речью к Крылову во время праздника, Жуковский счел нужным рядом с его именем поставить имя Пушкина. Разумеется, это не могло понравиться ни давнему врагу Пушкина министру просвещения Уварову, ни шефу жандармов Бенкендорфу. Имя Пушкина напоминало о достоинстве и независимости литературы. По распоряжению Уварова газеты не должны были ничего печатать о крыловском юбилее без особого разрешения. Когда же по случаю юбилея решено было выбить памятную медаль, Жуковскому пришлось вести долгую переписку с Бенкендорфом.

Тотчас после смерти баснописца общественная борьба вокруг его имени разгорелась снова. В «Северной пчеле» появились воспоминания Булгарина, который со свойственной ему наглостью набивался в ближайшие друзья к Крылову. В «Отечественных записках» Булгарину отвечал В. Г. Белинский. «...Подобные толки,— писал он,— напоминают всегда басню Крылова, в которой паук, прицепившись к хвосту орла, взлетел с ним на вершину Кавказа да еще расхвастался, что он, паук, приятель и друг ему, орлу, и что он, паук, больше всего любит правду...» [1]

Пространным ответом на булгаринскую трактовку личности Крылова были также мемуарно-биографические очерки Плетнева. Если Булгарин изображал баснописца благоденствующим чиновником, осыпанным монаршими милостями, то Плетнев, хотя и сдержанно, но настойчиво говорит о внутреннем неблагополучии судьбы Крылова: «Казалось, перед любознательным, тонким и светлым умом его открылись все пути к бесконечной деятельности литератора. Но он и своею поэзиею занимался только как забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его к себе. Деятельность современников не возбуждала участия... Странное явление: с одной стороны, гений, по следам которого уже идти почти некуда, с другой — недвижный ум, шагу не переступающий за свой порог».

* * *

В русской литературе не много найдется писателей, чей личный обиход, весь образ жизни так непосредственно был бы связан с их творчеством, как это было у Крылова. Для него жесто-

---

[1] В. Г. Белинский, Иван Андреевич Крылов.— Полн. собр. соч., т. VIII, с. 587.

кий скептицизм, презрительная ирония стали вместе и стилем существования, и стилем творчества. Лукавая насмешливость его басен как бы продолжалась, прямо переходила в его поступки, тогда как его повседневное поведение и обычная манера говорить «притчами» и «апологами» естественно выражалась в его стихах.

Белинский очень точно заметил, что поведение Крылова — оригинальное и странное — не было ни притворством, ни маской. В нем открывалась суть его натуры, не менее ярко проявлявшаяся и в его баснях. И потому-то для понимания творчества Крылова и для верной оценки его места в русской культуре той эпохи столь необходимо пристальное знакомство с личностью баснописца.

Появление первого свода воспоминаний современников о великом поэте в известной степени облегчит такое знакомство и еще раз укажет на истинные масштабы личности и творчества Крылова.

А. М. Гордин, М. А. Гордин

ВОСПОМИНАНИЯ
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ
РАССКАЗЫ

А. С. ПУШКИН

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА». ЗАПИСИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ, ПРЕДАНИЙ, ПЕСЕН

ПОКАЗАНИЯ КРЫЛОВА (ПОЭТА)

Отец Крылова (капитан) был при Симонове в *Яицком городке*. Его твердость и благоразумие имели большое влияние на тамошние дела и сильно помогли Симанову, который вначале было струсил. Иван Андреевич находился тогда с матерью в Оренбурге. На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 р.! Так как чин капитана в Яицкой крепости был заметен, то найдено было в бумагах Пугачева в расписании, кого на какой улице повесить, и имя Крыловой с ее сыном. Рейнсдорп был человек очень глупый. Во время осады вздумал он было ловить казаков капканами, чем и насмешил весь город, хоть было и не до смеху. После бунта Ив. Крылов возвратился в Яицкий городок, где завелася игра в пугачовщину. Дети разделялись на две стороны: городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Крылов, как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой опой чуть было не сделался некто Анчапов (живой доныне). Мертваго, поймав его в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве.— Его отцепил прохожий солдат [1].

11 апреля 1833

ИЗ «TABLE TALK» *

(ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ)

У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь, на который она была повешена, не прочен и что картина когда-нибудь может сорваться и убить его. «Нет,—отвечал Крылов,—угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову».

ИЗ «ДНЕВНИКА»

1834

22 декабря

Цензор Никитенко на обвахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это все равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль.

ИЗ СТАТЬИ «О ПРЕДИСЛОВИИ Г-НА ЛЕМОНТЕ К ПЕРЕВОДУ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА»

Г-н Лемонте, входя в некоторые подробности касательно жизни и привычек нашего Крылова, сказал, что он не говорит ни на каком иностранном языке и только понимает по-французски. *Неправда!* — резко возражает

* Застольные разговоры (*англ.*).

переводчик в своем примечании[1]. В самом деле, Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он, как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому. В других землях таковая характеристическая черта известного человека была бы прославлена во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на неведение иностранцев о всем, что до нас касается[2].

В заключение скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшего истинно-народного поэта, дабы познакомить Европу с литературою севера. Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (naiveté bonhomie) есть врожденное свойство фрацузского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов.

Е. Н. ЛЬВОВА

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

Иван Андреевич Крылов жил долго в доме у Николая Александровича Львова, где он был принят двенадцатилетним мальчиком по бедности; отец его был бедный тверской дворянин и, не имея возможности воспитывать сына своего Ванюшу дома, отдал его Петру Петровичу Львову, который умным мальчиком занимался, учил чему мог, а между тем, как Ванюша вырос и сделался расторопным молодым человеком, всегда был чисто и пристойно одет и как в доме Петра Петровича людей было мало, то часто, как гости бывало приедут, то кто-нибудь из хозяев и скажет: «Ванюша, подай в гостиную поднос с чаем», и Крылов ловко исполнял желание хозяев и получал благодарность от доброго и умного Петра Петровича. Потом Крылов отправлен был в Петербург и уже там известен стал всей России своими прелестными баснями. Часто посещал он и наш дом, хотя решительно никогда не упоминал о доме Петра Петровича; может быть очень, самолюбие его страдало, вспоминая, что он служил там иногда как лакей, и не мудрено, что он никогда об этом и не говорил, но всегда был в доме Федора Петровича Львова самый близкий человек; почти всегда у нас читал он свои новые басни и любил часто у нас обедать, потому что простой наш стол и нецеремонный прием всегда ему нравились.

Вскоре после моей свадьбы, как-то раз Иван Андреевич Крылов пришел к нам обедать; покушал всего с обыкновенным своим аппетитом, потому что любил покушать; подали мне делать салат; я взяла плетеную бутылочку, в которых, бывало, всегда привозили из Италии масло, понюхала ее и говорю буфетчику: «масло не

хорошо». Но как другого достать было долго, я принуждена была с этим же маслом сделать салат, и Крылов мне сказал: «Вы еще молодая хозяйка, примите мой совет; вашего салата я уже не возьму, потому что вы сказали: масло не хорошо, а я бы, очень может быть, сам бы и не заметил; хорошая хозяйка прежде обеда пересмотрит все или прикажет доверенному человеку это сделать; уже поздны замечания, когда уже гости за столом! Точно так же хорошая хозяйка и не совсем удачное блюдо порочить не должна, гости, если и заметят, как гости деликатные, промолчат, а другие бы и не приметили, если бы хозяйка сама не заставила бы их приметить».

П. В. АЛАБИН

К БИОГРАФИИ И. А. КРЫЛОВА

Г. Кеневич в биографическом очерке И. А. Крылова («Вестник Европы», кн. II, 1868), рассказывая юность нашего славного баснописца, говорит между прочим: «В то же время посетила юношу и любовь, как видно сильная, но безнадежная. Как видно из стихов, написанных им в то время (до 1800 года), какая-то Анета, оставшаяся неизвестною для биографов, заставила нашего юного сатирика пролить немало слез и исписать очень много бумаги».

Действительно, из стихотворений Крылова, напечатанных в 1793 году, заветное имя Анеты упоминается в трех, а исключительно ему посвящено два стихотворения; кроме того, из оставшихся ненапечатанными стихотворений поэта четыре почти всецело относятся к этому имени.

Вчитываясь в эти поэтические вздохи, мы составляем себе некоторое представление как о существе, которым увлекся Крылов, так и об его отношениях к этому существу. Так, мы видим, что таинственная Анета была очень хороша собою («Изображение Анеты эскизом». Полное собр. сочин. И. Крылова, 1847) [1]. Мы видим, что она жила в деревне, с которою Крылов расстался, чтобы переехать в *мрачный гроб природы*—в город («Отъезд из деревни», Idem.); что Анете было 15 лет, когда в нее влюбился Крылов («Послание к другу моему», Idem., стр. 24); что любовь к этой девушке пересоздала его, уничтожив его угрюмость, согрев его сердце, нарушив его душевное спокойствие (Idem.); что он, едва прошла неделя со времени первого с нею знакомства, перестал узнавать себя, перестал дичиться женщин, а, напротив, стал болтлив и весел, даже стал заниматься собою (Idem.). Далее мы видим, что, не имея денег, необходимых в его положении, чтобы иметь возможность являться щеголем к

прелестной Аннушке, которая *хотя и умна, но все-таки женщина*—он умел занимать деньги (Idem., стр. 27); что он, прежде искренний поклонник беспечной лени, чуждый честолюбивых помыслов, прельщавшийся одним только чином — *чином человека,* причем

Его достойно сохранить
Считал одной неложной славой [2],—

теперь, чтобы сделаться достойным Анюты, хочет стяжать славу другого рода и опять надеть мундир, чтобы, как он говорит,

...Луч величья моего
Привлек ко мне Анюту милу,
Чтоб зная цену в нем и силу,
Сдалась бы всею мне душой
И стала б барыней большой; [3]

наконец, что он жаждал богатства, чтобы иметь возможность окружить свою Аннушку довольством и забавами. Затем мы можем понимать из послания «К Анете» («Похищенные волоски в перстень») [4], что Ивану Андреевичу отвечали взаимностью и что разлука с любимым существом была для него невольная, слишком тяжелая, необходимость («Мой отъезд»); что разлука эта хотя и была для него источником тяжких душевных страданий, но сила любви его была так велика, что самая смерть казалась ему желанной — лишь бы *увянуть на груди обожаемой Анеты!* Вот все понятия, какие мы можем составить себе из сочинений И. А. Крылова относительно воспеваемой им Анюты. Однако ж, из этих немногих и неопределенных данных, сближая их с фактами, известными нам из напечатанных биографий Крылова, мы можем заключить, что Анета — жительница деревни, что Крылов, пользуясь ее взаимностью, желал соединить свою судьбу с ее судьбою, но по обстоятельствам, от него не зависевшим, не мог осуществить своего желания и должен был ее покинуть, что он и впоследствии страдал по ней, наконец, что эту любовь его должно отнести ко времени между 1790 годом, когда он вышел в отставку из кабинета ее величества [5], и 1793 годом, когда он уже печатал свои стихи, упоминая в них об Анете, в издававшемся им, вместе с Клушиным, журнале «Санкт-Петербургский Меркурий».

К последнему заключению нас приводят следующие соображения.

До 1790 года любовь к Анете — *деревенской* жительнице — не могла овладеть Крыловым, приехавшим пятнадцати лет из Твери в Петербург и занимавшим до этого года ничтожные служебные должности, с самым незначительным содержанием, исключавшим всякую возможность поездок в провинцию. Между тем для биографов Крылова осталась неисследованною жизнь его с 1790 года по 1801-й, когда он уехал секретарем к рижскому военному губернатору; из этого периода времени на 1790 и 1791 годах даже *не осталось следа,* как говорит Плетнев, *литературных занятий Крылова,* а в 1793 году он уже писал об Анете, следовательно, приняв в соображение, что в 1792 году Крылов уже занимался литературою в Петербурге, издавая журнал «Зритель», мы заключаем, что его знакомство с Анетой должно отнести именно к 1790—1791 годам [6]. Но определив, к какому времени должно отнести знакомство Крылова с Анетой, мы все-таки ни из сочинений Ивана Андреевича, ни из его биографий не можем заключить: кто была Анета? где она жила? и существовала ли она в действительности или была не что иное, как плод поэтической фантазии Крылова?

В наших воспоминаниях сохранились данные, отвечающие на эти вопросы и проливающие некоторый свет на рассматриваемый эпизод жизни Крылова, оставшийся неразъясненным его биографами, и потому мы спешим поделиться этими небезынтересными данными с почитателями таланта славного баснописца, так как этот эпизод заслуживает особенного внимания и имел, вероятно, весьма серьезное значение в нравственной жизни поэта.

Лет 25 назад мне сделалось известно, кто эта таинственная Анета, как можно заключить из напечатанных биографий Крылова, единственное существо, озарившее его жизнь счастьем любви разделенной, и в то же время невольная виновница его тяжких душевных страданий — его первая любовь, которой он остался верен всю свою жизнь.

Орловской губернии, в г. Брянске, жил на покое тамошний небогатый помещик и домовладелец города, отставной коллежский советник Михайло Васильевич Константинов, служивший до выхода в отставку в коллегии иностранных дел. Он умер, кажется, в 1852 или 1853 году, оставив после себя одну старшую дочь, Елену, так названную в честь единственной дочери нашего знаменитого Михайлы Васильевича Ломоносова — Елены (род.

1749, ум. 1772), как известно вышедшей замуж в 1767 году за придворного библиотекаря, надворного советника Константинова. Если мне не изменяет память, Михайло Васильевич ⟨Константинов⟩ был родным племянником этого зятя нашего великого поэта, в честь которого он и носил свое имя.

Не станем распространяться о М. В. Константинове, одном из интересных обломков старого времени, о человеке, несмотря на глубокую старость не оставлявшем занятий литературою и наукой до могилы и сохранившем в теплом сердце своем почти до последних дней самое светлое и живое воспоминание о своем прошлом, о замечательных людях, в среде которых, по своему родству с Ломоносовым и по служебным отношениям, он вращался во все продолжение своей многолетней жизни в Петербурге,— о событиях, которых он был свидетелем во время полувековой своей службы. Упоминаем об этой почтенной личности здесь потому только, что в его доме мы познакомились с жившею у него в семействе родной его племянницею—Анною Алексеевною Константиновою.

Дочь протопопа, местного помещика и дворянина, Анна Алексеевна в юности блистала красотою, следы которой можно было еще распознать во время нашего с нею знакомства, в ее очах, немало проливших слез на веку своем, в очерках ее кроткого лица, покрытого тогда более чем восьмидесятилетними морщинами. Но если под дыханием времени совершенно уже увяла былая красота Анны Алексеевны тогда, когда мы ее знавали, зато сохранила всю свою прелесть ее чистая душа, всецело бывшая преданною богу; зато почтенная старушка эта, проводившая остаток жизни в посте и молитве, до последних дней семьи, ее приютившей, оставалась ее отрадою и утешением во всех пережитых этою семьею тяжких скорбях.

Это-то прелестное существо всем пламенем первой страсти полюбил И. А. Крылов во время своего пребывания в Брянском уезде, где он познакомился с семейством Анны Алексеевны; в этом-то существе, кротком и чистом, нашел он самую глубокую взаимность. Молодые люди решились навсегда соединить свою судьбу. Крылов формально просил руки Анны Алексеевны, но... несчастное но... он был беден, безвестен, не имел приличного служебного положения; ее родители были тщеславны, гордились своим родством с Ломоносовым, считали в

своей родне *генералов*; Анна Алексеевна была еще очень молода — красавица,— для ней искали партии более блестящей и отказали Крылову. Он уехал в Петербург. Анна Алексеевна плакала, тосковала, по ее собственным словам, таяла как воск — родные стали бояться за ее жизнь, сжалились и изъявили согласие на брак ее с Крыловым. Она сама и родители ее поспешили написать об этом счастливом изменении обстоятельств Крылову и звали его в Брянск играть свадьбу. Но... опять это несчастное но... от Петербурга до Брянска не так было близко тогда, как теперь. Крылов ответил, что у него нет средств приехать в Брянск, а потому он просил осчастливить его — привезти невесту в Петербург, где может быть немедленно устроена свадьба. Такой ответ оскорбил и рассердил родителей Анны Алексеевны, и они решительно отказали Ивану Андреевичу, прекратив затем всякие с ним сношения.

Тем это дело и кончилось для света, но не для любящих сердец. Они остались верны друг другу—всю жизнь. Крылов страдания свои изливал в поэтических стопах и на всю жизнь остался холостяком; Анна Алексеевна плакала, молилась, всю жизнь сохранив святую любовь к своему избраннику, отказалась от представлявшихся ей прекрасных партий и осталась девицею.

В последний раз мы видели Анну Алексеевну в 1864 году, когда уже ей было более 85 лет. Не знаем, жива ли она доселе, а если жива еще, то мы сожалеем, что настоящих строк не сделали известными раньше — до празднования столетнего юбилея Ивана Андреевича. Ни Академия наук, ни Общества, торжествовавшие этот день, памятный для ревнителей отечественной славы, не оставили бы, вероятно, без привета ту, которая в свое время кроткими лучами благодатного света озарила горизонт жизни нашего знаменитого поэта, которая принесла в жертву чистой любви к нему все дни свои.

Прибавить ли?.. да имеем ли мы права не прибавить?.. После смерти М. В. Константинова и всей семьи его (кроме несчастной его дочери Елены, пораженной болезнями) Анна Алексеевна продолжала жить в доме М. В.— в большой нужде.

Полагаем, нашему Обществу вспоможения литераторам и ученым не поздно будет и теперь собрать необходимые справки, жива ли еще Анна Алексеевна и если жива, то в каком она находится положении?

А. Т. БОЛОТОВ

ИЗ КНИГИ «ПАМЯТНИК ПРЕТЕКШИХ ВРЕМЯН, ИЛИ КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ О БЫВШИХ ПРОИСШЕСТВИЯХ И О НОСИВШИХСЯ В НАРОДЕ СЛУХАХ»

За несколько лет до сего, при случае издавания в Петербурге журнала «Российского Меркурия», прославились в нашем ученом свете два молодые россиянина: Крылов и Клушин [1]. Как при конце сего журнала упомянуто было, что они, по воле императрицы, отпущены путешествовать в чужие краи, то все и почитали их теперь находящимися в путешествии и ожидали от них таких же любопытных описаний, как от Карамзина [2]; но в том вся публика обманулась. Они остались и не поехали ⟨...⟩ [3] Что касается до одного из них, а именно Клушина, то он низкого происхождения: подьяческий сын, из Твери; ничему порядочно не учен. При открытии наместничества был, с пятью другими, определен для разбора старых архивных дел провинциальной канцелярии и, по молодости, был так дерзок, что отдавал в ряды купцам целые подлинные дела, в архиве бывшие. Судье какому-то случилось увидеть в рядах сии акты. Началось следствие, и Клушин попал в беду. Надлежало его осудить и дело решить бывшему тогда наместником князю Николаю Васильевичу Репнину. Он, видя его молодость и примечая в нем редкие способности, взял его к себе в канцелярию и от наказания избавил. Тут и находился он долго; и в ней от писания привязался к книгам, чтению и сам собою и слогу и всему, и поэзии, и даже французскому языку научился и сделался потом изрядным бонгутистом и сочинителем [4]. Он попал потом каким-то образом в Петербург, и там вместе с Крыловым издавал «Меркурия», и сделался известен. Но все в низком чине и все еще каким-то канцеляристом. Думать надобно, непостоянство мешало ему произойти в люди,

как и езде его в чужие края воспрепятствовало; все полученные на то из казны деньги он ухлопал и теперь находится в нужде в Орле, где у него есть брат каким-то судьей, но также человек бедный. Он упражняется и теперь, денно и нощно, в литературе и сидит на письме и книгах и отговаривается, что будто для того не ездил еще в чужие земли, что хочет научиться и немецкому языку, которому и действительно сам собою учится. Словом,— человек странный, молодой и с редкими достоинствами и дарованиями, и рожден к наукам, но без призрения.

М. Е. ЛОБАНОВ

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА

Недавно еще жил посреди нас муж высоких достоинств, осанистой наружности, которого белые волосы хотя и напоминали о многих годах, им прожитых, но которого сила, крепость и дородство, казалось, предвещали ему исключительное долголетие. Для смерти нет сильных: мы видим уже его могилу.— Мир праху твоему, знаменитый Россиянин! Тебя нет, но память твоя сделалась славным наследием твоего отечества. С Ломоносовым, Державиным и Карамзиным ты перейдешь в позднейшее потомство, и имя твое вседневно будет твердиться тысячами юных, едва лепечущих уст до тех пор, пока будет во вселенной существовать язык русский.

Всякому из нас, без сомнения, приятно припомнить и рассказать что-нибудь о согражданине, которого слава разнеслась по всем концам вселенной, где только есть хотя слабое понятие о словесности. Не смею надеяться вполне изобразить его как человека и как писателя; но к повествованию других прибавлю в свою очередь то, что двадцатипятилетнее соседство, постоянная и искренняя приязнь и почти вседневные сношения с ним сделали мне известным и оставили в моей памяти.

Иван Андреевич родился в Москве 2 февраля 1768 года [1], скончался в С.-Петербурге 9 ноября 1844 года; жизнь его длилась 76 лет 9 месяцев и 7 дней. Отец его, Андрей Прохорович, служил штабс-капитаном в войске, поражавшем Пугачева; он отличался при защите города Яицка, за что и был Пугачевым заранее обречен смерти, со всем его семейством. Жена его следовала за ним в походе, где только возможно было, и в 1772 году она с детьми своими, и в том числе с четырехлетним Иваном, отправилась в Оренбург, которым злодею не удалось

овладеть; но есть предание, что где-то дорогою она подвергалась опасности и, при поисках шайки этих бродяг, спасла малютку Крылова, спрятавши его в корчаге*. По усмирении пугачевского бунта, это семейство переехало в Тверь, где отец, оставивший военную службу, получил место председателя в Тверском губернском магистрате, с чином коллежского асессора [2]. Тут, в родительском доме наш Крылов учился грамоте, а первым началам некоторых наук и языков в приязненном семействе Львова, вместе с его детьми. Учение того времени, конечно, было ограниченное; тогда в России еще не много было средств для образования юношества; но малютка, щедро одаренный природою, во всем, к чему только прилежал, делал большие успехи. К изучению иностранных языков, как увидим впоследствии, он имел необыкновенную способность. Во французском языке первые уроки получил он от гувернера француза, жившего у тверского губернатора; потом продолжал учиться дома, сам собою, под надзором своей матери, Марьи Алексеевны, о которой он всегда вспоминал с любовью. «Она была простая женщина, говорил он, без всякого образования, но умная от природы и исполненная высоких добродетелей». От нее-то, кажется, он наследовал ум и прекрасные способности; ибо отец его был храбрый, но обыкновенный человек. Он лишился его на тринадцатом году своей жизни, то есть в 1781 году [3]. Любопытно то, что мать его, чуждая всякого учения, даже грамотности, вмешивалась в его упражнения и, руководствуясь одною природною логикою, нередко поправляла его ошибки. Когда он читал ей переводы, она останавливала его иногда: «Нет, Ваня, это что-то не так! возьми-ка ты французский словарь, да выправься-ка хорошенько». Он исполнял приказание матери и действительно находил ошибки.

Русские книги, частию духовные, частию исторические, также и словари в небольшом количестве были в их доме; притом он доставал у знакомых, что̀ только можно было достать в Твери, и в то время приохоченный благоразумною матерью еще с детства к чтению, то ласками, то подарками, впоследствии, с возрастом, он пристрастился к этому занятию и с жадностию читал все, что ни попадалось ему в руки [4].

---

* Это рассказывал некогда один из посетителей императорской Публичной библиотеки, оренбургский помещик, человек почтенный, внушавший к себе доверенность. (*Примеч. авт.*)

На четырнадцатом году от роду (1781 г.), он поступил на службу в Колязинский уездный суд; потом служил в Тверском губернском магистрате. Переведен в С.-Петербургскую Казенную палату (1782 г.), в кабинет ее императорского величества (1788 г.); с 1790 по 1801 год он находился в отставке[5]. В это время, то есть с двадцати двух по тридцать второй год своей жизни, он занимался словесностию: участвовал в издании журналов: 1) «Почта духов», которую издавал вместе с капитаном Рахмановым[6] в 1789 году; 2) «Зритель», которого был редактором, вместе с Клушиным и другими товарищами, в 1792 году; 3) «С.-Петербургский Меркурий», в 1793 году. В этом журнале напечатаны некоторые из его тогдашних стихотворений: оды, песни и послания. Прозаические сочинения его молодости, все журнальные статьи и, между ними, две похвальные речи, первая: «Как убивать время»; вторая: «Ермалафиду», и повесть «Каиб» — отличаются остроумием и колкостию[7]. Во всех этих сочинениях и статьях сатирический ум Крылова осмеивал пороки. В введении к «Зрителю» сказано, что этот журнал издается с тою целию, чтоб порок, представляемый во всей гнусности, вселял отвращение, а добродетель, изображаемая во всей красоте, пленяла собою читателя. Патриотизм Крылова, вполне развившийся в последних его двух комедиях[8], уже и на двадцать четвертом году его жизни везде решительно выказывался, и русская душа его, неколебимая в своих правилах и думах, не изменившаяся в течение почти семидесятисемилетней жизни ни от каких посторонних влияний и прививок иноземных, везде и всегда искала пользы своему отечеству, и нет сомнения, что перо его немало содействовало к смягчению и укрощению нравов. «Одну из моих повестей,— говорил мне Иван Андреевич,—которую уже набирали в типографии, потребовала к себе императрица Екатерина: рукопись не воротилась назад, да так и пропала»[9]. Молодой ум его, вероятно, задел колким пером своим такое лицо, которое ей угодно было спасти от преследования сатиры.

В 1801 году он поступил секретарем к рижскому военному генерал-губернатору, князю Сергею Федоровичу Голицыну, и служил при нем по 1803 год. Опять вышел в отставку, вместе с уволенным князем, которого он любил, и, прожив у него несколько времени в Саратовском

его поместье, возвратился в Петербург и чрез пять лет, то есть в 1808 году, определился в Монетный департамент, где А. Н. Оленин был директором. В этом году он участвовал в «Драматическом вестнике», где были напечатаны многие из первых его басен[10]. И потом, чрез один год с небольшим, проведенный вне службы, определился, в 1812 году, в императорскую Публичную библиотеку, из которой в 1841 году вышел в отставку, в чипе статского советника, с получением всех пенсий, дарованных ему как знаменитому писателю ⟨...⟩

В молодости своей, не зная еще истинного своего назначения, но кипя желанием выразить свои чувства и мысли, Крылов испытывал себя в разных и почти во всех родах словесности; но первым его опытом в стихах была басня, переведенная им на четырнадцатом году из Лафонтена, которую знатоки того времени, и между прочими И. И. Бецкий, хвалили; но время истребило ее. Потом он упражнялся преимущественно в драматическом роде.

Лет за пять перед сим я предлагал Ивану Андреевичу напечатать те из своих сочинений, которые он найдет достойными своего имени. «Я и сам об этом думал,— сказал он,— но ведь приняться за это — не шутка: многое или, лучше сказать,— все прежнее надобно переделать. Я был молод, все писал, что ни взбредет, бывало, в голову; много вздору. А ведь по смерти моей, может быть, все напечатают».

Когда случалось повторять при нем какую-нибудь шутку или фарсу из прежних его комедий, он спрашивал: «Откуда это? чье это?» — «Ваше, Иван Андреевич».— «Быть не может!» — «Да вот посмотрите, напечатано с вашим именем».— «Я не помню ничего; это проказы молодости, это грехи прошлых лет».

Приступая к исчислению всех его сочинений, поневоле должен я говорить и о тех его сочинениях, которые он, как попытки, как проказы молодости, вероятно, желал бы истребить из памяти человеческой; но, зная обязанность биографа и справедливое любопытство публики, я не смею умолчать о них.

В 1784 году, то есть шестнадцатилетний Крылов написал оперу «Кофейница», в 3-х действиях, в прозе с куплетами, которая сохранилась в рукописи[11]. Приехавши с своею матерью в Петербург, которая умно рассчитала, что способному и даровитому ее сыну лучше быть в столице, чем в губернском городе, как в отношении

к службе, так и в отношении к дальнейшему его образованию, он написал эту оперу и, услышав о типографщике Брейткопфе, знатоке и любителе музыки, притом добрейшем человеке, явился к нему с первым своим сочинением, с своею «Кофейницею», прося положить на музыку куплеты и дать ход этой пиесе. Брейткопф предложил ему за либретто 60 рублей ассигнациями. У автора забилось от радости сердце: это был первый плод, первая награда за его юношеский литературный труд; но, по страсти своей к чтению, он просил заплатить ему не деньгами, а книгами, и получил Расина, Мольера и Буало, что чрезвычайно его радовало и веселило престарелую его мать.

Прошло около тридцати лет после того, и судьба свела нашего Крылова с Брейткопфом, тогда статским и потом действительным статским советником, на службе в императорской Публичной библиотеке. Брейткопф, не сделавший никакого употребления из пиесы, возвратил ее автору, который не без удовольствия взглянул на знакомый ему труд его молодости ⟨...⟩

Крылов, оглушенный славою Сумарокова и Княжнина, которого Рослав, представляемый знаменитым Дмитревским, гремел тогда на русской сцене, хотел испытать себя и в трагическом роде. Он написал «Клеопатру» и обратился к Дмитревскому, чтобы поставить ее на театр. Дмитревский добродушно и охотно выслушал трагедию, разбирал ее содержание, ход и характеры, делал замечания на каждую сцену, излагал правила и старался передать молодому автору все, что сам знал об этом искусстве. Он хвалил то, что находил в ней хорошего, поощрял автора к новым трудам и, наконец, с кротостию дал почувствовать, что трагедия в таком виде не может быть представлена на театре, что нужно ее совершенно пересоздать и переделать. Рассказ этот о чтении с Дмитревским Крылов нередко повторял, но говорил всегда об одной трагедии, и я относил этот рассказ к «Филомеле»; а теперь утверждают, что это была «Клеопатра». Не отвергая ее кратковременного существования, с достоверностию можно заключить, что она написана между «Кофейницею» и «Филомелою», то есть в 1785 году, на семнадцатом году жизни юноши [12].

Вероятно, автор охладел к ней, не имел духу переделывать, и рукопись его исчезла, как и многие другие, что увидим впоследствии ⟨...⟩

«В молодости моей,— говорил мне в последние свои годы Крылов,— я все писал, что ни попало, была бы только бумага да чернила; я писал и трагедию; она напечатана была в «Российском феатре», в одном томе с «Вадимом» Княжнина, с которым вместе и исчезла, да и рад тому: в ней ничего путного не было; это первые давнишние мои попытки».

Мне посчастливилось отыскать и прочесть «Филомелу», и, если бы она написана была Крыловым в зрелые его лета, я сказал бы вместе с ним: в ней ничего путного нет; но это один из опытов восемнадцатилетнего поэта, конечно весьма незрелый, но любопытный; видно, что он еще ничего более не читал, кроме Сумарокова и Княжнина; форма трагедии, язык —все ими отзывается. Не рожденный первенствовать в этом роде поэзии, он ничего не обнаружил собственного, а только, увлеченный их тогдашнею известностию, был их отголоском ⟨...⟩ [13]

Это опыт, этюда молодого таланта. В трагедии много недостатков всякого рода, но много движения и пылу. Можно решительно сказать, судя по шагам его от «Бешеной семьи» до «Модной лавки», что Крылов и в драматическом роде, если б счастливая его планета не указала ему прямого его назначения, дошел бы до значительного совершенства. Так богато он осыпан был дарами природы.

«Бешеная семья», комическая опера в трех действиях, в прозе, с куплетами, напечатана в 1793 году, а в котором написана — неизвестно ⟨...⟩ [14]

Язык, как в прозе, так и в стихах, здесь несколько поразвязнее, но основа и ход первой пиесы, то есть «Кофейницы», естественнее этой. Жаль, что имя Крылова на ней напечатано.

«Сочинитель в прихожей», комедия в трех действиях, напечатана в 1794 году ⟨...⟩ [15]

Я долго искал этой комедии и сожалею, что наконец ее нашел. Кажется, что ум и высокий талант нашего Ивана Андреевича еще не пробуждался; кажется, что он писал это впросонках и что он сам тогда не сделал еще себе и не разрешил вопроса: что хорошо, что худо.

«Пирог», комедия в двух действиях, в прозе (рукопись). Лет за тридцать с лишком пред сим эту комедию играли на домашнем театре, в доме А. Н. Оленина. В числе актеров между прочими был сам автор, Иван Андреевич, талантливый и в этом искусстве, и я. Но теперь я

не могу хорошенько рассказать содержания этой комедии; память почти ничего не сохранила. Помнится как-то, что пирог, посланный женихом в семейство его невесты, очутился там без начинки, которая дорогою съедена плутом слугою, и что это было причиною разрыва дружбы между двумя семействами и несостояния брака. Помнится, повторяю, но уверять не смею. Может быть, когда-нибудь эта пиеса вынырнет из какого-нибудь хлама, скрывающегося на чердаках или в подвалах; но если и вовсе погибнет, утрата подобных пиес нисколько не уменьшает славы знаменитого нашего баснописца; в них не виден еще автор «Модной лавки» и «Урока дочкам» [16].

«Проказники», комедия в пяти действиях, в прозе, напечатана в 1793 году. Год сочинения не известен. В этой комедии виден уже решительный талант Крылова. Характеры, хотя почти все карикатурные, порядочно обрисованы; но отголосок ли это общества того времени или тогдашняя привычка сочинителя,—в ней множество площадных шуток и двусмыслий. Говорят, что в ней выставлен на позор целый, весьма известный, дом того времени, со всем его развратом и беспорядками. Невозможно, однако ж, чтоб в каком-либо доме, исключая, может быть, питейные, говорилось беспрестанно столько наглых намеков и двусмыслий, сколько находим в этой комедии ⟨...⟩ [17]

В 1798 году Крылов находился в поместье князя Сергия Федоровича Голицына, бывшего впоследствии рижским военным генерал-губернатором. По приглашению хозяина, чтоб молодые люди, находившиеся тогда в его доме, выдумывали бы какие-нибудь забавы и веселились, Крылов, будучи в самом юмористическом расположении духа, написал «Трумфа». При чтении его, говорил он, все помирали со смеху. Это самое повторяется и теперь со всяким, в первый раз читающим эту пиесу ⟨...⟩

Это шалость, это проказы таланта. Но рассыпать в шутовской пиесе столько веселости, столько остроты и сатирического духа — мог один Крылов! И в этом роде, каков он ни есть, в русской словесности нет ничего подобного. Создания характеров Вакулы, Подщипы и Слюняя суть создания карикатурно-гениальные [18].

После «Трумфа» Крылов, служивший в Риге, при военном генерал-губернаторе, занимался наиболее делами вовсе не литературными. Жизнь каждого человека делится на разные периоды, иногда совершенно противо-

положные один другому. Жизнь в Риге нашего Ивана Андреевича была периодом его забав всякого рода и разгульной жизни. Тогда преимущественно любил он сидеть на пирах и играть в карты и, по собственному его рассказу, был в значительном (до 70 000 руб.) выигрыше. Но чтение в досужные минуты всегда оставалось любимым его упражнением. В течение этих шести лет, то есть с 1801 года по 1807-й, был его литературный отдых. Может быть, некоторые мелкие стихотворения — он упражнялся и в лирической поэзии — преложение VI псалма, исполненное силы и горячего чувства, и некоторые другие были духовною его пищею в это время и поддерживали в душе его творческий огонь для будущих произведений. Опыт и чтение лучших иностранных писателей: философов, историков и поэтов, открыли и указали ему новые пути. С 1807 года, знакомый уже с тайнами искусства, он является на литературном поприще с произведениями высокого достоинства, зрелыми и глубоко обдуманными [19].

«Модная лавка», комедия в трех действиях, в прозе, 1807 года. ⟨...⟩ Эта комедия изобретена, расположена, написана истинно мастерски; множество истинно комических сцен, все действия отчетисты; язык ловкий и умный; ни одной пошлости. Остроты, шутки — веселы, забавны, умны, характеры до такой степени верны, что кажутся живою натурою ⟨...⟩

«Модная лавка» есть истинно оригинальная комедия, без всякой примеси подражания. Она доказывает великий комический талант Крылова и занимает место между первейшими театральными произведениями нашей словесности.

«Илья-богатырь», волшебная опера в четырех действиях, 1807 года ⟨...⟩

Оперы, особливо волшебные, не подвержены строгим правилам; довольно, если они занимают зрителя и доставляют ему удовольствие. В «Илье-богатыре» щедрою рукою рассыпано все, нужное для достижения этой цели. Игривое воображение автора, волшебства, превращения, остроты, шутки, куплеты и живость разговоров делают эту пиесу весьма приятною, и хотя она написана не по собственному выбору автора, а по просьбе А. Л. Нарышкина, бывшего тогда директором театров, однако ж служит новым доказательством разнообразного и гибкого таланта Ивана Андреевича Крылова.

«Урок дочкам», комедия в одном действии, в прозе, 1807 года ⟨...⟩

В этой комедии Крылов осмеивает пристрастие к французскому языку, свирепствовавшее преимущественно в высших сословиях, пристрастие столь вредное государству потому, что следствием оного неизбежно бывает пренебрежение к отечественному языку и слепая любовь ко всему иностранному. Из всех русских писателей, восстававших противу этого зла, Крылов сильнее и решительнее поразил его. Изобретение в этой комедии очень удачно, ход ее занимателен, характеры верны, разговоры превосходны. «Модная лавка» и «Урок дочкам» имели удивительные успехи, игрались беспрестанно на театре и — что производит только могущество великого таланта — привлекли в театр для выслушания уроков автора высшее сословие публики.

Иван Андреевич еще прежде «Модной лавки» написал три действия комедии в прозе «Ленивый». Он читал ее в доме графа Чернышева. Замечательно, что герой комедии еще не являлся в продолжении первых трех действий, и неизвестно, в котором действии вывел бы его сочинитель. Чтение этой комедии принесло величайшее удовольствие слушателям, и автор был осыпаем похвалами; но мы не услышим ни одного слова из этого произведения; оно погибло невозвратно. Автор, уходя из дома графа, забыл измаранные свои тетради в прихожей и, подражая герою своей комедии или, лучше сказать, будучи сам образцом ему, долго не требовал ее, а когда потребовал, то узнал, что служители того дома, видя валяющиеся в прихожей измаранные бумаги, издержали их до последнего листа на обвертку свечей [20].

Еще к литературным невозвратным утратам надобно причислить две сцены из комедии в стихах, которую (помнится, в 1820 году или еще несколько позже) задумал он написать. Названия комедии не помню, да едва ли она имела название; но эти две сцены читал мне Иван Андреевич. Я только то помню, что сцены шли отменно живо, что стихи этих сцен равнялись с совершенством стихов лучших его басен. Впоследствии времени я просил у него этих отрывков, но он отвечал: «Не знаю, куда они делись; уж не Фенюша ли их прибрала?»

По выезде его из дома императорской Публичной библиотеки, когда уже сторожа принялись лопатами и

метлами чистить его чердак, помня об этих драгоценных отрывках и еще надеясь их найти, я бросился туда, перебрал все изодранные бумаги, но их не нашел. Однако ж мой труд не был вовсе напрасен. Из изодранных лоскутков я составил 13 басен. Это первоначальные, черновые его накидки, некоторые из них в двух и трех экземплярах. Но все розыски мои о двух сценах в стихах остались безнадежными.

Таким образом испытавши себя почти во всех родах словесности, упражняясь в чтении лучших иностранных писателей и углубляясь во все изгибы и тайны отечественного языка, наконец Иван Андреевич, на сороковом году от рождения, остановился на басне ⟨...⟩

Он начал переводом и подражанием Лафонтену, но заимствованное облек в русские формы, нашел новые красоты, как в вымысле, так и в подробностях. Переводы его не были удовлетворительны, он почувствовал собственные свои силы, могущество глубокого русского ума и пошел один своею дорогою, и здесь-то началась истинная слава его — и слава русской словесности. Как человек, он был умнее Лафонтена; как философ, глубокомысленнее; как поэт, несравненно выше его. Рассказ его легкий, быстрый, естественный, оживлен умными шутками, веселостию, остротою, и так приятен, что невозможно даже идеально представить себе что-либо совершеннее. Многие мысли его облечены и вылиты в такие формы. которые остаются тайнами его, тайнами гениальными. В выводах и в заключениях его часто прорывается та неодолимая сила эпиграммы, которая все обезоруживает вокруг себя. Эти-то золотые, гениальные мысли вылились уже в народ, составили его собственность, обратились в пословицы и в приговоры его суждений.

Поэзия, при всей своей очаровательности, нигде не увлекла Крылова за пределы; он дал ее своему читателю столько, сколько позволяет мудрая бережливость. И басни его, то есть истины, облеченные в приятные формы аллегории, по чистоте и нравственности сделались как бы собственностию одних детей; но в них человечество вообще находит себе полезную пищу.

Язык его в баснях есть верный отголосок языка народного, но смягченный и очищенный опытным вкусом. Он изучал его сорок лет, вмешиваясь в толпы народные, в деревнях посещая вечеринки и посиделки, а в городах рынки и торговые дворы; прислушивался к разговорам

народа, а иногда, чтобы вернее изучить быт и нравы его, не гнушался — так сам он рассказывал — заходить и в те места, некогда украшаемые елкою, где в минуты разгула или бурно веселится или тихо изливается охмелевшая душа смышленого русского народа [21].

Однажды, это было в 1805 году, перечитывая Лафонтена, он вдруг почувствовал желание передать некоторые из его басен своим языком русскому народу. Работа закипела, басни готовы; и первый, радушно и искренно одобривший его начинание,— был И. И. Дмитриев, сам баснописец и превосходный литератор. Возвышенная душа его, хотя с первого уже полета, вероятно, предвидела, как высоко поднимется его соперник, не могла удержаться, чтобы не настаивать, не побуждать его трудиться в этом роде. «Это истинный ваш род, наконец вы нашли его»,— сказал Дмитриев. Первые басни Крылова появились в 1806 году, в «Московском зрителе»: 1) «Дуб и Трость», 2) «Разборчивая Невеста», 3) «Старик и Трое молодых». «Я получил,— говорил издатель, кн. Шаликов,— сии прекрасные басни от И. И. Д⟨митриева⟩. Он отдает им справедливую похвалу и желает, при сообщении их, доставить и другим то удовольствие, которое они принесли ему... Имя любезного поэта обрадует, конечно, и читателей моего журнала так, как обрадовало меня». В «Драматическом вестнике» (1808) были напечатаны многие басни Крылова.

В это время я познакомился с Иваном Андреевичем; казалось, он любил читать мне новые свои, прямо с станка, произведения, видя, как каждое игривое его выражение радовало меня и как искренно было мое восхищение! Он продолжал это и в последние времена, но всегда спрашивал: «Да не устарел ли, не ослабел ли уж я?»

Иван Андреевич любил делать первые накидки своих басен на лоскутках, с которых переписывал на листочки, поправлял и снова переписывал. Я уже сказал, что мне удалось спасти от истребления несколько таких, уже изодранных, черновых его рукописей и лоскутков. На одну из его басен есть у меня три экземпляра: самый первый, разумеется, более перемаран; следующие, постепенно, один чище другого. В каждом из них есть изменения; в печатных изданиях нахожу новые улучшения; следовательно, труд был вторым его гением: ум был изобретателем, а труд усовершителем [22]. Он держался старинного правила: «Cent fois sur le metier remettez

votre ouvrage»* и проч. «Я до тех пор читал мои новые стихи,— говорил мне Иван Андреевич,— пока некоторые из них мне не причитаются, то есть перестанут нравиться: тогда их поправляю или вовсе переменяю». Этот-то неутомимый труд приводит все части целого в стройность и отчетливость; размещать слова по требованию тончайшего ума и вкуса; находить язык приличный каждому действующему лицу и каждому предмету; поверять слухом течение каждого стиха, быть неумолимым критиком самого себя — делает слог писателя легким, плавным, естественным, и нам кажется, что он не стоил ему ни малейшего труда.

Кто не помнит появления первой книжки его басен и последовательного умножения? Мы все читали их с истинным наслаждением, повторяли, помнили наизусть и радовались прекрасному приращению богатств отечественной словесности. Быстро распространяясь во всех сословиях, они скоро сделались истинною потребностию народною [23].

Готовя новое издание, Иван Андреевич обыкновенно умножал его новою книжкою, заключавшею в себе более двадцати новых басен; и тогда-то, после значительного, а иногда и долговременного отдыха, более необходимого в умственных, нежели в физических трудах, являлась в нем новая деятельность, и басни, созидаемые богатым воображением, лились на бумагу, сыпались в типографию. Потом опять наступал отдых, во время которого, особливо в последние десятилетия, Иван Андреевич, некогда читавший важные сочинения, любил читать романы не по выбору, а только бы назывались романами, не пренебрегая и самых глупейших и стародавних. «Надобно дать отдых уму»,— говаривал он и читал их единственно для того, чтобы ни о чем серьезном не думать и не сидеть праздным. Доказательством невнимания его к этому машинальному чтению служит то, что одну и ту же книгу, читанную за несколько дней, забывшись, он снова перечитывал, и только при развязке, которая сколько-нибудь оставалась в его памяти, он восклицал: «Ахти, да, кажется, эту книгу я уже читал». Несмотря на это, случалось ему и в третий раз прочитать ту же самую книгу, с тою же при конце приговоркою.

* Сто раз переделай свою работу (*фр.*).

Некоторые басни Иван Андреевич заимствовал у Лафонтена, но Лафонтен не создал ни одной собственной, а все занял у Федра, Пильпая, у греков, у римлян и у восточных писателей; следовательно, вымысел давно существовал, и басня была готова: все достоинство в рассказе. Правда и то, что Лафонтен смягчил сухость Федра приятным рассказом; но Крылов, идучи по следам знаменитого французского поэта, во многом превзошел его 〈...〉

Иван Андреевич по какой-то особенной причине преимущественно любил свою басню «Ручей» [24]. Правда, изобретение ее обличает глубокого мудреца, а исполнение, плавность стиха, чистота языка — великого художника, и кажется, она создана более сердцем, нежели умом. Наблюдая человека и заглядывая в историю, автор видел, как трудно людям, при возрастающем их могуществе, удержаться в прежних своих границах любви и умеренности; что они большею частию по какому-то неизъяснимому действию их страстей, не могут устоять ни в прежних своих правилах, ни в прежних своих добродетельных наклонностях. Наш автор излагает и оплакивает эту печальную истину следующим образом.

Пастух у ручейка пел жалобно в тоске
Свою беду и свой урон невозвратимый:
Ягненок у него любимый
Недавно утонул в реке.

Это несчастие нашло сострадающих и негодующих на виновника оного.

Услыша пастуха, ручей журчит сердито:
— Река несытая! что, если б дно твое
Так было, как мое,
Для всех и ясно и открыто,
И всякий видел бы на тинистом сем дне
Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай, бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И в темных пропастях себя сокрыла.

Упреки кончены этими двумя прекрасными стихами. Защитник несчастного, еще слабый в способах, теперь вникает в самого себя и изливает свои чувствования.

Мне кажется, когда бы мне
Дала судьба обильные столь воды,
Я, украшеньем став природы,
Не сделал курице бы зла:
Как осторожно бы вода моя текла

И мимо хижинки и каждого кусточка,
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга,
Но с них бы не унес листочка.
Ну, словом, делая путем моим добро,
Не приключа нигде ни бед, ни горя,
Вода моя до самого бы моря
Так докатилася чиста, как серебро.

Какие прекрасные чувствования! Какие надежды в будущем!

Так говорил ручей, так думал в самом деле.
И что ж! не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
Расселась:
Богатством вод ручей сравнялся вдруг с рекой;
Но ах! куда в ручье смиренность делась!

Пожалеем и мы вместе с автором о непостоянстве природы человеческой! Что ж делается?

Ручей из берегов бьет мутною водой,
Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы...
Столетние валяет дубы,
Лишь трески слышны вдалеке!

Какая сила и в ручье и в стихах! Но эта сила до сих пор кроткого, сострадательного — делается уже гибельною даже и тому, за кого прежде так великодушно он вступился.

И самый тот пастух, за коего реке
Пенял недавно он таким кудрявым складом,
Погиб со всем своим в нем стадом,
А хижины его пропали и следы.

Иван Андреевич, зная всю силу своего литературного оружия, т. е. сатиры, выбирал иногда случаи, чтобы не промахнуться и метко попасть в цель; вот доказательство. В «Беседе русского слова», бывшей в доме Державина, приготовляясь к публичному чтению, просили его прочитать одну из его новых басен, которые тогда были лакомым блюдом всякого литературного пира и угощения. Он обещал; но на предварительное чтение не явился, а приехал в «Беседу» во время самого чтения и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пиесу; он сел за стол. Председатель отделения А. С. Хвостов, сидевший против него за столом, вполголоса спрашивает у него: «Иван Андреевич, что, привезли?» — «Привез».— «Пожалуйте мне».— «Вот ужо, после». Длилось чтение,

публика утомилась, начинали скучать, зевота овладела многими. Наконец дочитана пиеса. Тогда Иван Андреевич руку в карман, вытащил измятый листочек и начал: «Демьянова уха». Содержание басни удивительным образом соответствовало обстоятельствам, и приноровление было так ловко, так кстати, что публика громким хохотом от всей души наградила автора за басню, которою он отплатил за скуку ее и развеселил ее прелестью своего рассказа.

Он читал столь же превосходно, сколь превосходны его басни: непринужденно, внятно, естественно, но притом весьма музыкально, легко опираясь голосом на ударениях смысла и наивно произнося сатирические свои заключения. Более восьми лет перед кончиною он ничего не писал, а более десяти как вовсе перестал читать свои басни. Раз у меня на вечере один из превосходнейших фортепьянистов-любителей, изящно высказавши весь свой талант перед собранием и восхитивши до исступления Ивана Андреевича, в свою очередь попросил его прочитать хоть одну басню; все присутствующие подкрепили его просьбу, но Иван Андреевич отвечал: «Нет, мой друг, не могу, право не могу.— И вы, когда доживете до моих лет, перестанете так играть: сил не хватит!» Это доказывает, что чтение его, как ни казалось нам легко и просто, ему стоило труда и требовало свежих душевных сил.

Читатель пожелает, может быть, знать историю каждой оригинальной его басни, то есть случаи, побудившие автора к изобретению той или другой из них. Без сомнения, случаи эти были, я и сам желал бы их знать, но эту тайну автор унес с собою в могилу. Мы знаем ключ только к некоторым, весьма немногим, но по весьма уважительным причинам не можем передать читателю [25].

Честный и разумный поборник правды, наставления давал он с кротостию, а порок преследовал нещадно, особливо взятки и взяточников, которым посвятил очень много басен, даже иногда повторяя самого себя; но правда, хотя поражает в басне не лицо, а вообще порок, встречала иногда преграды, и последняя басня его «Вельможа», написанная в 1835 году, которою он заключил свое ей служение и которая оканчивается стихами:

Вчера я был в суде и видел там судью:
Ну так и кажется, что быть ему в раю!

долго оставалась в его кабинете как бы под спудом ⟨...⟩ [26]

Издания басен Крылова

		экз.
1809.	Первая тетрадка, содержащая в себе 22 басни, напечатана в типографии Губернского правления	1 200
1811.	Вторая, там же	1 200
—	Третья, напечатанная в Театральной типографии	1 200
1815.	Издание с виньетами А. Н. Оленина, в 3-х частях	3 000
1816.	Издание Ильина, в 4-х частях	1 200
	5-я часть особенно отпечатана	1 200
1819.	Издание типографщика Похорского, в 6-ти частях	6 000
1825.	Издание книгопродавца Слёнина, с картинками, в 7-ми частях	10 000
	С 1830 по 1840 год книгопродавец Смирдин издавал их в разных форматах числом	40 000
1843.	Последнее издание самого автора, без картинок, в 9-ти частях	12 000
	Всего	77 000

Самое это число проданных экземпляров доказывает, с какою жадностию читались басни Крылова. С этим итогом, единственным явлением в нашей словесности, никакое сочинение на русском языке не может не только состязаться, но и приблизиться к нему. Немудрено: ими усладились и дети, и старцы, и простолюдины, и вельможи. Они составили в полном смысле русскую народную книгу.

Иван Андреевич Крылов как писатель, особливо как баснописец, поднялся на высоту совершенства, едва ли кому-либо досягаемую; как человек представляет в частной своей жизни много забавного, проказливого, остроумного, даже чудного. Видевшие его в обществах, в публике, имеют поверхностное понятие о человеке. Они видели в нем знаменитого баснописца, умного, просвещенного представителя отечественной словесности; но он был тогда в параде. Постараемся проследить его сколько можно ближе, в разные эпохи его жизни, и в разных обстоятельствах подметим сокровеннейшие движения страстей и души его; заглянем в домашний быт и на причуды его, и тогда мы будем иметь полное понятие о нем как о человеке.

На четырнадцатом году своего возраста, выпорхнув из родительского крова, из-под крыла доброй своей матери, не имея в нравственном отношении никакой над собою власти, он был совершенно свободен. В это время

всякий молодой человек много зависит от круга товарищей и знакомых, в который он вступит; под их влиянием развиваются и дозревают его способности, улучшается или развращается его нравственность, и характер получает те резкие сгибы, которые впоследствии едва ли изгладить можно. По счастию, первые семена нравственности, посеянные любовью нежной матери, глубоко в нем укоренились; страсть к учению и образованию себя чтением; перо, пробовавшее изливать на бумагу мысли и движения души его,— много предохраняли его от дурных сообществ, однако ж в первых его произведениях отзывается несколько, как мы уже видели, тот вкус, образ мыслей, выражения, повадки и замашки, которые он невольно заимствовал от окружавшего его общества, от литературных товарищей и друзей; но этот период его жизни мне мало известен и я не могу сообщить подробностей, кроме случайно слышанных от самого Ивана Андреевича или от коротких его знакомых.

В домашнем быту и обхождении Иван Андреевич был отменно радушен, приятно разговорчив, но искренен редко и только с ближайшими, испытанными друзьями. Он все хвалил из учтивости, чтобы никого не огорчить; но в глубине души своей не много одобрял. Некто из писателей напечатал в предисловии к плохому и везде отверженному своему сочинению похвалы, слышанные им от Ивана Андреевича. «Вот вам конфета за неосторожные ваши похвалы»,— сказал ему Н. И. Гнедич; но Иван Андреевич, забывши этот урок, продолжал следовать постоянной своей системе.

Есть люди, которые живут только по расчетам холодного ума; другие, напротив, движутся одним сердцем; это неполные дары природы. Совершеннейшие характеры те, в которых природа уравновесила чувствительность сердца с способностями ума. Крылов, не делавший умышленно зла, честный в высокой степени, не чуждый даже тайных благодеяний и, в полном смысле слова, добрый человек,— принадлежал более к первому разряду, и — физическая ли тяжесть, крепость ли нервов, любовь ли к покою, лень и беспечность или чуждость семейных связей были тому причиною, что его не так-то легко было подвинуть на одолжение или на помощь ближнему. Он всячески отклонялся от соучастия в судьбе того или другого. Всем желал счастия и добра, но в нем не было горячих порывов, чтобы доставить их своему ближнему,

Никогда не замечено в нем каких-либо душевных томлений, он всегда был покоен.

Не имея семейства, ни родственных забот и обязанностей, не знал он ни раздирающих иногда душу страданий, ни сладостных, упоительных восторгов счастия семейственной жизни. Сытный, хотя простой обед, и преимущественно русский, как, например: добрые щи, кулебяка, жирные пирожки, гусь с груздями, сиг с яйцами и поросенок под хреном, составляли его роскошь. Устрицы иногда соблазняли его желудок, и он уничтожал их не менее восьмидесяти, но никак не более ста, запивая английским портером. По окончании трапезы дома или в Английском клубе [27], который он постоянно посещал более тридцати пяти лет, или в знакомых домах, он любил, по русскому обычаю, отдохнуть и вздремнуть. В Английском клубе долго оставалось не закрашенным пятно на стене, сделанное его головою, покоившеюся после сытного обеда. Там намеревались поставить бюст его. Вечером опять отправлялся он иногда в театр, а чаще всего в Английский клуб, где никто не обязан чиниться друг перед другом и где царствует удобность и приволье. Там он играл по временам в карты или держал заклады при биллиардной занимательной игре. Домой возвращался в прежние времена поздно ночью, но с приближением старости постепенно сокращал ночные свои посиделки.

Бедности, крайних нужд во вторую половину жизни он не испытывал, всегда имел достаточно для своего содержания, даже по временам достаточно для выполнения некоторых своих фантазий, и чуждый, как нам известно, семейственных обязанностей, он проводил безбрачную, беззаботную, грустную в глазах доброго семьянина, но, по его образу мыслей, счастливую и спокойную жизнь. По утрам и вечерам всегда находили его обыкновенно в дырявом, изношенном халате, а иногда и в одной рубашке, босиком или в туфлях, сидящего на испачканном и истертом его тяжестию диване, с сигаркою в одной руке, которых истреблял он в день от тридцати пяти до пятидесяти, и с книгою в другой, которые в последние десятилетия он читал иногда из любопытства, как новость в русской словесности и по большей части для препровождения времени.

Прислуга его обыкновенно состояла из двух или трех женщин и кучера, а в последнее время он уже держал и лакея. Опрятностию и домашним устройством, до пере-

езда на Васильевский остров, он не щеголял; да этого, по состоянию у нас прислуги,— и быть не может у одинокого холостяка. Сам он, по тучности и естественной лености, не мог смотреть за хозяйством, а наемные, простые бабы, удовлетворяя только первейшим потребностям человеческим, ни о чем не радеют, да и не разумеют, что такое чистота и порядок. Их дело истреблять и портить все то, что господин их, выведенный уже из терпения, заводит и по временам устраивает. Так, одна из них — Фенюша, растапливала печи греческими его классиками.

Иногда, будучи при деньгах, Крылов позволял себе, как дитя, забавные фантазии. Некогда собирал он картины и редкие гравюры, потом сбыл гравюры куда-то все до одной; картины, однако ж, сохранились у него до самой его кончины. Иногда крайняя неопрятность вдруг заменялась изысканною роскошью; после чрезмерной осторожности иногда следовала чрезмерная неосторожность. Однажды наскучила ему черпота и неопрятность его быта; он переменил почерневшие от времени рамки всех своих картин, завел новую мебель, купил серебряный, богатый столовый сервиз; пол устлал прекрасным английским ковром; купил у Гамбса лучшую горку красного дерева, за 400 руб., наставил на нее множество прекрасного фарфора и хрусталя; завел несколько дюжин полотняного и батистового белья. Показывая мне расходную свою книжку: «Вот посмотрите сами,— говорил он,— это стоит мне более десяти тысяч рублей». И несколько дней все это было в порядочном виде. Недели через две вхожу к нему — и что же вижу? На ковре насыпан овес; он заманил к себе в гости всех голубей Гостиного двора, которые пировали на его ковре, а сам он сидел на диване с сигаркою и тешился их аппетитом и воркованьем. При входе каждого голуби стаею поднимались, бренчали его фарфоры и хрустали, которые, убавляясь со дня на день, наконец вовсе исчезли, и на горке, некогда блиставшей лаковым глянцем, лежала густая пыль, зола и кучи сигарочных огарков. А ковер? О ковре не спрашивайте: голуби привели его в самое плачевное состояние[28]. К числу этих роскошных затей принадлежит и сад, в который однажды ему вздумалось превратить свою квартиру. Он купил до тридцати кадок с деревьями, лимонными, померанцевыми, миртовыми, лавровыми и разными другими, и так заставил свои комнаты, что с тру-

дом проходил и ворочался между ними. Но этот эдем его, оставленный без надзора и поливки, завял, засох и в короткое время исчез.

Крылов не был охотник до туалета; чаще бывал он немытый и нечесаный, и, если, по настоянию друзей, присылавших к нему портного, заводил хорошее платье, оно недолго оставалось у него таким; некому было присмотреть ни за ним, ни за его вещами. В 1824 году, 7 ноября, в день наводнения, когда вода, беспрестанно поднимаясь, залила уже дворы, на пол-аршина и более, боясь, чтоб холостяки, мои соседи Крылов и Гнедич, сбиравшиеся обедать в гостях, не остались голодными, я велел прорубить перегородку, разделявшую наши чердаки, и, взявши их обоих, повел в свою квартиру. Вдруг вижу: на веревке висит медвежья шуба, на палец покрытая пылью и паутиною. «Не ваша ли это, Иван Андреевич?» — «Да, кажись, моя,— отвечал он с усмешкою.— Экая Фенюша! что бы ей присмотреть за моим добром».

Когда великодушная монархиня Мария Федоровна пригласила его, больного, погостить у нее в Павловске[29] и когда он, окончивши с особенным тщанием свой наряд, шел уже к обеду ее величества и, поднявшись по лестнице, был уже у входа в залу, тогда А. Н. Оленин, который должен был представить его императрице, обратившись к нему, сказал: «Дай-ка взглянуть на тебя, Иван Андреевич, все ли на тебе в порядке?» — «Как же, Алексей Николаевич, неужто я пойду неряхой во дворец? На мне новый мундир».— «Да что это за пуговицы на нем?» — «Ахти, они еще в бумажках, а мне и невдомек их раскутать!»

Иногда рассеянность его доходила до того, что он клал в свой карман вместо носового платка все, что ни попадалось в руки, свое или чужое. За обедом сморкал он иногда то чулком, то чепчиком, которые вытаскивал из своего кармана. Перчаток он никогда не носил, ни летом, ни зимою, почитая их бесполезным излишеством. «Я вечно их теряю,— говорил он,— да и руки у меня не зябнут».

Он был чрезвычайно сильного сложения и щеголял как желудком, так и здоровьем. Живучи некогда в доме Рибаса, что теперь его высочества, принца Ольденбургского[30], он ходил купаться в канал, омывающий с этой стороны Летний сад. Купался весь сентябрь и октябрь месяц, наконец в ноябре реки покрылись льдом, а он

все-таки, скачком проламывая лед, продолжал купаться до сильных морозов.

С желудком своим иногда он дерзал на такие подвиги, которые приводят в ужас 〈....〉 Слыша жалобы молодых людей на слабость желудка, он улыбаясь говорил: «А я так, бывало, не давал ему потачки. Если чуть он задурит, то я наемся вдвое, так он себе как хочешь разведывайся».

Живучи в Павловске, ласкаемый благотворительною монархинею, поправляясь в здоровье, Иван Андреевич являлся к обеду всегда с хорошим аппетитом. В первый день приглашения он сел и начал управляться с блюдами по порядку, ни о чем другом не думая. Тогда Юрий Александрович Нелединский, сидевший за столом против него, сказал ему: «Иван Андреевич, да пропусти хоть одно блюдо и дай императрице возможность попотчевать тебя» 〈...〉

Любил покушать наш Иван Андреевич! Не многие осмеливались с ним состязаться в этом деле; он выдерживал в гастрономии сильные поединки и всегда оставался победителем.

Лет за двадцать пять перед сим, приглашенный графом В. В. Пушкиным на макароны, то есть на роскошный обед с блюдом макаронов, отлично приготовленных каким-то знатоком итальянцем, Иван Андреевич опоздал. «Семеро одного не ждут»,— сказал граф, и сели за стол. Когда уже оканчивали третье блюдо—это были знаменитые макароны,— наш Иван Андреевич шасть в двери. «А! виноват! — сказал весело граф.— Так вот вам и наказание». Он наклал горою глубокую тарелку макаронов, так что они уже ползли с ее вершины, и подал виновному. Он с честию вынес это наказание. «Ну,— сказал граф,— это не в счет, теперь начинайте обед с супу по порядку»; и третьим блюдом Ивана Андреевича опять была точно такая же гора макаронов, потом обед продолжался своим порядком. При конце пирования, сидя подле Ивана Андреевича, я сказал ему несколько слов о его желудке. «Да что ему сделается,— отвечал он смеясь,— я, пожалуй, хоть теперь же еще готов провиниться».

Иван Андреевич, не поддаваясь теориям иностранных врачей, держался русской старины: он плотно обедал, плотно и ужинал. Некогда (лет за пятнадцать перед сим) был он на вечере у Алексея Алексеевича Перовско-

го, который раз в неделю приглашал к себе на беседу русских писателей; перед самым ужином зашла речь о том, здорово ли ужинать? Мнения были различные: одни говорили, что они только завтракают и обедают, другие, что они прежде ужинали, но доктора им запретили ужинать. «А я так,—сказал Иван Андреевич, накладывая себе изрядную порцию стерляди под желе,—ужинать перестану, наверное, в тот день, с которого перестану обедать». Он сдержал свое слово. В предсмертные дни, поевши в последний раз какой-то кашки с протертыми рябчиками, он перестал и обедать и ужинать. Знать, желудок его, неизменный слуга всей его жизни, не мог сослужить последней службы, и тем лишил нас *незабвенного* Ивана Андреевича [31].

Чтобы вернее изобразить его характер, я расскажу многие случаи и анекдоты, в которых всякий человек верно обрисовывается и которых я был свидетелем.

На одном литературном обеде, на который был зван Иван Андреевич и который начался залпами эпиграмм некоторых людей против некоторых лиц, Иван Андреевич, не кончивши супу, исчез [32]. Я взглянул — место его пусто! Обращаюсь глазами к хозяину дома — и его место пусто. Спрашиваю хозяйку, она отвечает: «Ему сделалось дурно, он вышел вон». Пришедший между тем хозяин повторил то же самое, прибавив, что Иван Андреевич, посидевши немножко на крыльце, сказал: «Нет, что-то нездоровится, я уж лучше побреду домой»,—и ушел. Резкие выходки прекратились, обед продолжался мирно, и вечер прошел приятно.

Я тотчас понял моего соседа и на другой день зашел к нему. «Вчера вам сделалось дурно, Иван Андреевич?» — «Да,— отвечал он,— так что-то стошнилось».— «И! полноте, Иван Андреевич, я разгадал вашу тошноту. Вам опротивели неприличные разговоры за столом; но ведь кто ж вас не знает: к чистому не пристанет нечистое».— «Нет,— сказал Иван Андреевич,— все-таки лучше быть подальше от зла! Ведь могут подумать: он там был, стало быть, делит их образ мыслей».

Но вот поступок, совсем противоположный этому.

В 14-е число, в день страшный и священный для России, поутру, ходя по залам императорской Публичной библиотеки и радуясь вместе с Иваном Андреевичем о благополучном воцарении императора Николая, вдруг слышим от прибежавших людей о тревоге, нарушившей

столь священное торжество. Пораженные и изумленные такою нечаянностью, по естественному любопытству, отправились мы с Иваном Андреевичем на Исаакиевскую площадь. Видели государя на коне перед Преображенским полком, потом прошли по бульвару, взглянули издали на мятежников, и тут-то Иван Андреевич исчез. Вечером того дня, собравшись в доме А. Н. Оленина, мы передавали друг другу виденное и слышанное, каждый новый человек приносил какие-нибудь слухи и известия. Является Иван Андреевич. Подсевши к нему, я спрашиваю: «Где вы были?» — «Да вот я дошел до Исаакиевского моста и мне крепко захотелось взглянуть на их рожи, я и пошел к Сенату и поравнялся с их толпою. Кого же я увидел? Кюхельбекера в военной шинели и с шпагою в руке. К счастию моему, он стоял ко мне профилем и не видел меня. Я тотчас назад...» — «Ну, слава богу! А ведь им легко было бы схватить вас и силой втащить в их шайку».— «Да как не легко? А там поди после оправдывайся, а позору-то натерпелся бы».

Между тем принесли уже печатные листки о мятеже с именами некоторых мятежников, в числе которых с ужасом заметили мы имена некоторых литераторов, и Иван Андреевич сокрушался этим; он полагал, что это обстоятельство наведет неблагоприятную тень на русскую словесность; но опасения его не оправдались. В короткое время он сам имел счастье быть позванным к государю императору, который почтил в нем, как в представителе, русскую словесность и удостоил его благосклонной своей беседы [33].

Кому не известна эпиграмматическая острота ума его, смешанная с приятною шуткою? Ею наполнены его сочинения, но я расскажу следующие случаи.

В Английском клубе, в этом разнообразном и многолюдном обществе, он любил наблюдать людей и иногда не мог удержаться от сатирических своих замечаний и ответов. Однажды приезжий помещик, любивший прилыгать, рассказывая о стерлядях, которые ловятся на Волге, неосторожно увеличивал их длину. «Раз,— сказал он,— перед самым моим домом мои люди вытащили стерлядь. Вы не поверите, но уверяю вас, длина ее вот отсюда... до...» — Помещик, не договоря своей фразы, протянул руку с одного конца длинного стола по направлению к другому, противоположному концу, где сидел Иван Андреевич. Тогда Иван Андреевич, хватаясь за стул,

сказал: «Позвольте, я отодвинусь, чтоб пропустить вашу стерлядь!»

Нет сомнения, что Иван Андреевич некогда читал правила о басне, какие только желал читать, но на одной брошюре «Некоторые мысли о сущности басни», изданной одним из плохих наших баснописцев и ему в дар присланной, которая теперь хранится у меня, написано его рукою следующее:

Полезен ли другим о басне сей урок,
Не знаю; а творцу бедняжке он не впрок! [34]

Он любил сам извлекать правила из самых источников и потому-то иногда заглядывал в первообразы этого рода поэзии, и потому-то иногда находили его с Эзопом в руке, скромно отвечающего на вопросы: «Учусь у него». Отныне надобно учиться у Крылова.

Когда удары от прилива крови к голове начали поражать Ивана Андреевича так, что при втором ударе здоровье его сильно пострадало, доктора советовали ему прохаживаться в полуденное время. Не охотник до лекарств и докторов, в этот раз он послушался их. Летом он ходил на дачи, иногда очень отдаленные от города, например, в Приютино А. Н. Оленина [35]. Однажды, пришедши ко мне на Карповку [36], он сказал: «До вашего дома от Гостиного двора четыре версты и столько-то шагов». Он имел терпение измерять шагами расстояние. Осенью и зимою, в дождливое и ненастное время, избрал он для прогулки второй ярус Гостиного двора, который он обходил каждый день пять раз кругом. Сидельцы некоторых лавок — кому они не надоедают! — докучливые крикуны, выхваляя свои товары, обыкновенно зазывают прохожих в свои лавки. Раз они жестоко атаковали Ивана Андреевича. «У нас самые лучшие меха; пожалуйте-с, пожалуйте-с!» — схватили за руки и невольно втащили в лавку. Иван Адреевич решился их проучить: «Ну, покажите же, что у вас хорошего?» Сидельцы натаскали ему енотовых и медвежьих мехов. Он развертывал, разглядывал их: «Хороши, хороши; а есть ли еще лучше?» — «Есть-с». Притащили еще. «Хороши и эти, да нет ли еще получше?» — «Извольте-с, извольте-с». Еще разостлали перед ним множество мехов. Таким образом он перерыл всю их лавку. «Ну, благодарствуйте,— сказал он наконец,— у вас много прекрасных вещей! прощайте!» — «Как, сударь, да разве вам не угодно купить?» — «Нет, мои друзья,

мне ничего не надобно, я прохаживаюсь здесь для здоровья, и вы насильно затащили меня в вашу лавку».

Не успел он выйти из этой лавки, как сидельцы следующей подхватили его. «У нас самые лучшие, пожалуйте-с!» и втащили его в свою лавку. Иван Андреевич таким же образом перерыл весь их товар, похвалил его, поблагодарил торговцев за показ и вышел. Сидельцы следующих лавок, перешептываясь между собою и улыбаясь, дали ему свободный проход. Они уже узнали о его проказах из первой лавки и с тех пор он свободно и спокойно прогуливался по Гостиному двору и только откланивался на учтивые поклоны и веселую улыбку своих знакомых сидельцев.

Развлечением в домашнем быту служили Ивану Андреевичу некогда скрипка, чтение лучших писателей на разных языках, а в последние времена сигарки и романы. На скрипке он некогда игрывал квартеты, и этот талант усовершил он сам собою, чтением теорий и опытом; он даже хорошо изучил генерал-бас [37]. Летом, когда еще он жил в доме Рибаса, скинув с себя все, кроме рубашки, услаждал себя гармониею. Однажды в таком неглиже, переселившись, так сказать, мыслию и чувством в свой смычок, стоя у окна лицом к Летнему саду, где прогуливалась публика, предался он всему упоению мелодических напевов, не думая ни о публике, ни о своем костюме [38].

Но вот развлечение баснописца, вот гостеприимство его пернатой малютке. Сидя на диване против открытого окна, он забавлялся наблюдением смышлености, всех движений и приемов воробья. Воробей, почти вися на краю кровли соседственного дома, растопыривши крылья и готовый уже вспорхнуть на окно, где насыпано было корму, и довериться ласковому хозяину, приостановился при моем приходе. «Посмотрите,— сказал Иван Андреевич,— как он осторожен! Это старый мой приятель, он прилетает ко мне пообедать, но всегда с крайнею осмотрительностию, а теперь уже его не скоро заманишь».

Иван Андреевич иногда преследовал свою мысль и не был спокоен, пока ее не выполнил, какого бы рода она ни была, твердой воли и терпения у него был запас огромный, удивительный; но фантастические его затеи иногда были чудные, и тому, что я теперь расскажу, едва ли бы поверили, если б первому не были еще живы свидетели, а второе не сам он рассказывал. Вот первое.

Увидевши индейца, который, между многими приятными штуками своего искусства, прекрасно играя светящимися мячиками, наконец составлял из них светлый венок вокруг своей головы, наш Иван Андреевич, восхищенный его игрою, затеял испытать себя в этом искусстве, говоря: «Ведь индеец такой же человек, как я: почему же русскому не сделать того же, что делает индеец?» Задумал да и за дело: достал себе таких же шаров, заперся в комнате, возился с ними несколько недель на разостланном ковре — и наконец сделался индейцем. В доказательство, что нет смертным невозможного, он показал свое искусство в одном семействе, к которому сохранил по самый гроб душевную, непритворную привязанность, разумеется, тайком, запершись (в кабинете А. Н. Оленина), да и бросил, как и все свои опыты и затеи, бросил и никогда более об этом и не думал.

Второе относится к фантазиям молодости. Живучи в поместье графа Татищева, Иван Андреевич предавался господствовавшей тогда в нем страсти — чтению. Татищев, уезжая с семейством своим на некоторое время в Москву, дал Крылову на волю: ехать с ними или остаться в деревне. Он избрал последнее. Повар и библиотека остались в его распоряжении. Оставшись один во всем доме, он задумал привести в действие одну из давнишних своих причуд: испытать быт первого человека. Что было причиною этой причуды, не знаю. Он отпустил себе бороду, отрастил длинные ногти и волосы — и вот похаживает по саду с книгою. Так продолжалось несколько месяцев. Раз, углубленный в чтение, слышит он близкий стук кареты, оглядывается — и что же? Граф и все его семейство перед его глазами. При этой чудной, изумительной встрече в карете поднялся шум и крик, и наш Иван Андреевич в ту же минуту исчез. Хозяин нашел его, велел выбрить, одеть его и снова покорил его общественным законам. Тем и кончились проказы [39].

Я вспоминаю еще один забавный случай, который рассказывал Иван Андреевич. Приехавши откуда-то в Москву с князем Голицыным, бывшим некогда рижским генерал-губернатором и при котором в 1801 и 1803 году он служил секретарем, он явился к обеду в одном фраке, надетом на рубаху. «Куда это ты девал свой жилет, братец?» — спросил у него князь. «Как жилет, князь? Он на мне». Глядь — и в самом деле нет на нем жилета. Иван Андреевич и сам не мог этому надивиться, он очень хорошо

помнил, что надел его и, садясь в карету, видел его на себе. В зале поднялся хохот, всякому казалось забавным, что из-под фрака потерян жилет. А это вот как случилось. Едучи в карете в жестокий мороз, он высвободил мало-помалу свои руки из обоих рукавов и прижал их покрепче под рубахою к груди, чтобы ему было теплее, но, когда надобно было выходить из кареты, он поспешно всунул свои руки в рукава, но жилет между тем от дорожной тряски давно уже опустился и сполз на низ. Служители объявили, что жилет поднят у подъезда.

Прочитавши мои повествования, читетель может сказать: мы знаем теперь много подробностей об Иване Андреевиче как писателе; слышали об нем много забавного; частию знаем и характер его, но он все еще не вполне изображен как человек. Ведь это не похвальное слово, а биография. Неужели в нем не было страстей? Этих главных двигателей в человеке.— Как не было! и даже очень сильные! При всей философии, уме и дарованиях, он был человек, как и все; не был изъят от слабостей и даже пороков. Он был вспыльчив иногда до крайности, любил отомстить своим врагам, особливо за оскорбленное самолюбие. Вся комедия «Проказники» есть не что иное, как мщение, в котором он и сам впоследствии признавался и раскаивался. Многие басни получили свое начало в этом источнике. С мирными он любил быть в мире, а с задорными смело выходил на бой с ужасным своим оружием — с сатирою. В следующем рассказе вы увидите его во всей его душевной наготе. Гнедич, переводчик «Илиады», ближайший сосед, сослуживец, вседневный собеседник и добрый товарищ его, человек высокой души и светлого ума, удрученный болезнию, оставляя службу и оканчивая литературное свое поприще, удостоился получить 6000 р. пенсии от государя императора. Вдруг Крылов перестал к нему ходить, встречаясь в обществах, не говорил с ним. Изумленный Гнедич, да и все, видевшие эту внезапную в Крылове перемену, не постигали, что это значило. Так прошло около двух недель. Наконец, образумившись, Крылов приходит к нему с повинною головою: «Николай Иванович, прости меня».— «В чем, Иван Андреевич? Я вижу вашу холодность и не постигаю тому причины».— «Так пожалей же обо мне, почтенный друг: я позавидовал твоей пенсии и позавидовал твоему счастию, которого ты совершенно достоин. В мою душу ворвалось такое чувство, которым я гнушаюсь». Пламенный

Гнедич кинулся к нему на шею, и в ту же минуту все прошлое забыто.

Мы уже видели различные способности Ивана Андреевича, которыми так щедро наградила его природа; знаем и опыты и проказы его в разных родах, и твердость воли выполнить то, что он задумал; но пополним эти сведения новым, изумительным доказательством. К изучению языков он имел необыкновенную способность. Изучение французского и немецкого языка начато было в детстве, еще в родительском доме; но первого он не любил, а в последнем усилился чтением. Итальянскому языку научился он в молодости сам собою; английскому уже на 53-м году, читая с одною почтенною дамою, англичанкою [40]. На 50-м году жизни вдруг припала охота прочитать в подлиннике греческих писателей. Об этом завязался разговор; Гнедич возражал, что в 50 лет это трудно и поздно. Крылов утверждал, что никогда не поздно тому, у кого есть твердая на то воля, и, не сказавши более ни слова, он начал по ночам читать Библию на греческом языке, сличая с славянским переводом, которого близость делала даже и словари ненужными. Потом купил полное собрание греческих классиков и всех прочел. Это продолжалось два года, он глубоко изучил древний греческий, и никто не был участником его тайны.

Однажды, сидя в кабинете А. Н. Оленина и говоря с ним об «Илиаде» Гомера, Гнедич сказал, что он затрудняется в уразумении точного смысла одного стиха, развернул поэму и прочел его. Иван Андреевич подошел и сказал: я понимаю этот стих вот так, и перевел его. Гнедич, живший с ним на одной лестнице, вседнevно видавшийся с ним, изумился; но почитая это мистификацию проказливого своего соседа, сказал: «Полноте морочить нас, Иван Андреевич, вы случайно затвердили этот стих да и щеголяете им! — И, развернув «Илиаду» наудачу: — Ну вот, извольте-ко это перевести». Крылов, прочитавши и эти стихи Гомера, свободно и верно перевел их. Тогда уже изумление Гнедича дошло до высочайшей степени; пылкому его воображению представилось, что Крылов изучил греческий язык для того, чтобы содействовать ему в труде его, он упал пред ним на колени, потом бросился на шею, обнимал, целовал его в исступлении пламенной души своей. Впоследствии он настаивал, чтобы Иван Андреевич, ознакомившись с гекзаметром, этим роскошным и великолепным стихом Гомера, принялся бы

за перевод «Одиссеи». Сначала Иван Андреевич сдался на его убеждения и действительно некоторое время занимался этим делом, но впоследствии, видя, что это сопряжено с великим трудом, и, вероятно, не чувствуя особенной охоты к продолжению, он решительно объявил, что не может сладить с гекзаметром. Это огорчило Гнедича и тем более, что он сомневался в истине этого ответа. Таким образом, прочитавши все, удовлетворивши свое любопытство и наигравшись, так сказать, этою умною игрушкою, Иван Андреевич не думал более о греческих классиках, которых держал на полу под своею кроватью и которыми наконец Феня, бывшая его служанка, растапливала у него печи. Небольшой отдирок «Электры», трагедии Софокла, ускользнувший как-то от ее истребительной руки, найден мною на чердаке и хранится у меня.

Отрывок «Одиссеи», переведенный Иваном Андреевичем, сохранился и мне достался счастливым случаем ⟨...⟩ [41].

Из всех привязанностей второй половины жизни Ивана Андреевича привязанность к просвещенному и добродушному семейству А. Н. Оленина была теплее и искреннее всех. В этом семействе, некогда полном, цветущем, радушном, гостеприимном, собирались и находили приятный приют и занимательную беседу все знаменитейшие русские писатели, начиная с Державина и Карамзина, Крылов почти всеедневно был тут, или на обеде, или на ужине, или только на вечерней беседе. Приятно ему было служить у такого начальника, который был ему и другом и благодетелем, и меценатом! ⟨...⟩ Пишущий сии строки в течение 30 лет был участником всех приятностей этого дома и без глубокого чувства благодарности не может вспоминать об этом добродушном и почтенном семействе. В нем читаны и оценены были первые поэтические его опыты; в нем находил он искреннее и теплое участие и в радостях, и в скорбях своей жизни. Мать этого семейства, почтенная Елизавета Марковна, была из числа тех редких, разумных, добродушных дам, которые, составляя счастие своего семейства, разливают его и на все их окружающее. Это была олицетворенная доброта и участие*. В ней нашел Иван Андреевич нежнейшую мать и предан ей был с сыновнею горячностию, и знаменитый наш поэт слышал и любил слышать из уст ее ласкательное себе название: Крылышко! Крылышко любил поко-

* Сказал П. А. Плетнев. (*Примеч. авт.*)

иться под крылом добрейшей, благодетельной своей матери и, согретый ее заботливостью и попечениями об нем, в полноте чувств однажды сказал ей: «Елизавета Марковна, когда наступит мой час, я приду умереть к вам, сюда к вашим ногам». И в самом деле, когда от прилива крови к голове удары начали его поражать так, что при втором ударе покривилось его лицо, он, больной, дотащился до их дома. «Ведь я сказал вам, что приду умереть у ног ваших; взгляните на меня». Доктора были призваны, и всякая помощь была оказана больному с материнскою нежностию 〈...〉

Но семейство это начало раздробляться, почтенные старички выбыли из мира, дети разлетелись в разные стороны, осталось одно воспоминание о прошлом, и наш Иван Андреевич, лишенный этого теплого и единственного приюта для его души, осиротел и уныл, живучи на Васильевском острове одинокий, бессемейный и неприметно дряхлеющий [42].

Иван Андреевич ни с кем не вел переписки, да и не любил писать писем, а потому, не имея в этом навыка, затруднялся при самой ничтожной записке или не отвечал на письмо. Едва ли насчитается десятка два или три писем, написанных в течение всей его 75-летней жизни [43]. Тем любопытнее будет всякому перечесть его письма, в которых он свободно и шутя выказывает самого себя, врасплох дает себя подслушать и ознакомиться с письменным его слогом. Эти письма писаны им к дочери чтимого им семейства. Вот они:

1-е. 1825 года, июля 22.

«Как изобразить вам мои чувствования, любезнейшая и почтеннейшая Варвара Алексеевна, когда я получил ваше второе письмо, мою радость, мою благодарность — мой стыд. И вы еще столь добры, что ко мне пишете и меня браните! Сказать однако ж правду, я стою и того и другого. По лени моей мало бить меня; но по чувствам моим к вам, право, я заслуживаю ваше снисхождение; ибо такую иметь привязанность, как я к вам, божусь, можно едва только найти в собаке, а в человеке редко ее найдете. Продолжайте же быть так добры по-прежнему и подсластите уже остаток жизни того, который, хотя много имеет слабостей и пороков, но с уверением может сказать, что неблагодарность никогда не заглядывает в его сердце,

Несмотря на ваш негодный ревматизм, я утешаюсь мысленно, воображая, как вы полнеете. Продолжайте, продолжайте с богом, и в добрый час, да хорошенько, так чтоб сделались оригиналом того портрета, который некогда послали вы к кузине вашей Е. П. П⟨олторацкой⟩, то-то бы я порадовался и не пожалел бы опорожнить доброй бутылки шампанского за ваше здоровье с будущими.

Намерение ваше заняться музыкой прекрасно. Я всегда утверждал, что у вас к ней врожденный талант, и сожалею, что он пропадает без действия. Сколько приятных минут вы можете доставить и себе и всем тем, которые вас любят, и в числе которых я не последний. Что же касается до вашего голоса, то я никогда не буду против. Уверяю даже, что вы можете петь очень приятно, лишь бы не погнались за большими крикливыми ариями; в них часто более шуму, нежели чувства, и видна одна претензия на превосходство, которая всегда вооружает слушателя на певца, если это не первейший талант.

Итак, вам приятно в Воронеже, что я заметил по письму вашему. Любя вас, я этому очень рад; себя любя, не совсем мне это по сердцу, ибо отнимаете надежду скоро вас увидеть; но как бы то ни было, будьте только здоровы и будьте счастливы. И тогда, если б я имел и волшебный жезл, которым махнувши, мог бы вас перенесть сюда, но как желание мое видеть вас ни велико (даже не ручаюсь, чтоб я несколько раз не хватался за жезл), только бы верно им не махнул и не потревожил вашего счастия, особливо если б вы дали мне слово, несмотря на мою лень, иногда писать ко мне. Вы не поверите, какой это для меня приятный подарок и сколько раз я перечитывал ваше письмо. Я автор, и, сказать вам на ушко, довольно самолюбив; но если б я знал, что и мои стихи перечитываете столько же раз, то бы я сделался спесивее гр. Хвостова, которого, впрочем, никто не читает.

Теперь что́ писать вам о Петербурге, о себе? Петербург наш похож на красавицу, которая наряжается и зевает. Что до меня, то по отпуске сего письма я, слава богу, жив и здоров, ем и сплю много, читаю вздор, пишу — ничего, и нахожу, что это довольно весело. Теперь сбираюсь к себе, в ваше Приютино, где мне никогда не может быть скучно. И, кстати: если лето находится у вас в Воронеже, то нельзя ли сделать милость отпустить к нам его на 28 дней? Вы бы очень нас одолжили Зато если случится вам нужда в холоде, дожде и слякоти, то при-

сылайте наверное к нам: мы рады вам служить сколько угодно: такие-то мы люди добрые!

Вы собираетесь в Москву? Нельзя ли уведомить, когда вы туда поедете? Я уже несколько лет также сбираюсь туда, и только раздумывал, какое время выбрать в году. Зимой, хотя Москва и полна, но меня пугает стужа и то, что ни садов, ни гуляньев не увидишь. Летом Москва пуста, когда же ехать? Но если бы я вас там нашел, то всякое время в году мне показалось бы приятно, и божусь (только не так как честный человек), что я бы тотчас сел в дилижанс и отправился бы без дальних сборов. Право! эта мысль играет у меня в голове так весело! так приятно! я вижу, что вы смеетесь и говорите: какой вздор, где ему ехать! Пошевелится ли он? с его ленью! это пустое.— Не верьте же мне, пожалуйста, не верьте, того-то мне и хочется для того, чтоб больше вас удивить; только отпишите, а особливо, где вы остановитесь и как вас сыскать? А там увидим. Между тем, я буду.— Но не наскучил ли уже я вам? Не заболтался ли? Не пора ли перестать? но нет, совсем не пора. Передо мною целая десть белой бумаги; но я милостив и не хочу довести вас до зевоты! ведь это вам не здорово, а ваше здоровье для меня дорого, и уверен, что вы в этом не сомневаетесь! Итак, кончу на первый раз, и если получу в ответ, что вы все мое письмо вычеркнете, то жаль отменно бесконечных посланий. Мне всегда только первый шаг труден, а там меня не уймете.

Будьте здоровы и счастливы и продолжайте любить того, который от всей души, от всего сердца и помышления любит вас (honny soit qui mal y pense! *) и будет любить, пока останется в нем сердце и память! NB. Прошу этого смелого письма, кроме Григория Никаноровича **, никому не показывать, а особливо тому, кто не знает моих лет и моей фигуры. Прощайте, буде божия милость с вами.

Ваш искренний *И. Крылов.*

Григорию Никаноровичу свидетельствую свое почтение и низко кланяюсь, хотя воображаю, как он мучится от ревности и как на меня зол; но я душевно его люблю и прошу его, чтоб он ревновать-то ревновал, но все любил меня, чего даже смело надеюсь и в чем уверен».

* Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (*фр.*).
** То есть супруга этой дамы. (*Примеч. авт.*)

2-е. 1827 года, февраля 1, в Рим.

«За тридевятью морями, в тридесятом царстве вспомните иногда, любезная и почтенная Варвара Алексеевна, неизменного своего Крылова. Я, кажется, слышу ваш вопрос. Да полно, стоит ли он этого?.. Конечно, стою, да, стою. Возьмите беспристрастно и взвесьте все мое хорошее и худое. Кажется, вижу, что вы на одну сторону кладете лень, мою беспечность, несдержание данного слова писать и пр. и пр. Признаюсь, копна велика и очень похожа на большой воз сена, какие я видал на Сенной площади. Но постойте, я кладу на другую сторону мою к вам чистосердечную привязанность. Может быть, она не приметна; однако ж посмотрите, как весы потянули на мою сторону. Вы улыбаетесь и говорите: точно он меня любит; ну, бог его простит!

Теперь вопрос: прощу ли я вас, что вы так надолго нас оставили и, что того хуже, не порадуете нас доброю вестью о поправлении вашего здоровья. Ездите по Италии, ездите где хотите, только ради бога выздоравливайте и возвращайтесь к нам скорей веселая, здоровая и красивая, как маков цвет. Смотрите, если долго промешкаете,— то я, право, того и гляжу, что уеду далее чужих краев, а, право, я бы еще хотел на вас взглянуть и полакомиться приятными минутами вашей беседы и видеть своими глазами и слышать своими ушами: все ли еще попрежнему любите вы доброго своего Крылова? Что писать вам? У нас старое по-старому, а в Петербурге у нас все по-петербургски. Сегодня мы празднуем рождение вашей сестрицы Анны Алексеевны. Вы ее не узнаете: она прелестна, мила и любезна, и если б постоянство не была моя добродетель особенная, то едва ли бы я вам не изменил; но не бойтесь, обожатель в 57 * лет бывает очень постоянен.

Прощайте, любезная и почтенная Варвара Алексеевна, поклонитесь от меня поласковее любезному Григорию Никаноровичу и напомните ему обо мне. А если хотите наградить меня за мое письмо, то включите и ко мне хотя строчку. Я ваши милые письма берегу как ладонку. Еще раз простите.

Ваш преданный *Иван Крылов*».

---

* Следовательно, И. А. Крылов скончался семидесяти пяти лет. (*Примеч. авт.*)

3-е. 1829 года, в Москву.

«Здравствуйте, любезная и почтенная Варвара Алексеевна. Итак, по-видимому, вы в России, в Москве, но все не в Петербурге, и я лишен удовольствия вас видеть. Для чего нет у меня крыльев, чтоб лететь в Москву! Какая бы я была хорошенькая птичка! Вы пишете к своим, чтоб я приехал; благодарю вас за милое желание, и если б это зависело от одного моего желания, то, не сомневаюсь, я бы уже давно был в Москве: ma per arrivar bisogna caminar*. Пословица немудреная, а очень справедлива. Со всем тем если б я знал, что вы останетесь долее в Москве, то во что бы то ни стало, а я перед вами явился бы, как лист перед травой.

Принимаясь за это письмо, я думал, что не кончу его на десяти страницах, но меня торопят. Надобно скорей его отвезти, и мысли мои (а их тысячи) так толпятся, как в праздник народ, выходя из церкви; одна другую затесняет, одна другую останавливает, а от этого ни одна вон не может выдти. Нет, лучше поскорей кончу письмо, и по первой почте à tête reposée ** буду я вам писать — ясно и порядочно; нет, чувствую, что, кроме вздору, ничего не напишу.

По крайней мере, чтоб вы не думали, что я совсем поглупел, посылаю к вам трех молодых своих деток, примите их поласковей, хотя из дружбы к их папеньке. Не шутя, прочтите мои басни и скажите (если лень вам не помешает ко мне отписать), скажите чистосердечно: намного ли я поглупел, и как они в сравнении с прежними моими баснями? Ах, как я боюсь, чтоб не сделаться архиепископом Гренадским и чтоб мне не сказали: point d'homélies, Monseigneur ***. Право, мне кажется, я похож на старого танцовщика, который, хотя от лет сутулится, а все еще становится в третью позицию.

Григорию Никанoровичу мой поклон, поцелуйте его за меня. Я думаю, что эту просьбу вы легко исполните. Простите, будьте здоровы и не забывайте искренно любящего вас

Крылова.

Я не смею надеяться; но если б вы написали ко мне хоть строчку, хотя уже расписку в получении басен, тем

* Но чтобы прийти, надо идти. (*Ит. пословица.*)

** На свежую голову (*фр.*).

*** Довольно проповедей, монсеньер (*фр.*).

чрезвычайно меня обрадовали бы; я даже уверен, что вы в этом не сомневаетесь.— Но лень!.. ах! я это чувствую и более не смею сказать ни слова».

Едва ли какой писатель при жизни своей имел столько приятностей, как наш Крылов; едва ли чье-либо самолюбие было так лелеяно даже до упоения, как нашего баснописца; живой, он уже наслаждался бессмертием. Критика почти не прикасалась к нему; первые басни его даже и в Москве были приняты по достоинству; В. А. Жуковский отозвался об них тогда в журнале добросовестно и уважительно [44]. Но если впоследствии Москва не вполне делила восторги Петербурга, вспомним, что в стенах ее жил заслуженный гражданин и знаменитый поэт, которого венок ей тяжело было уступить другому [45]. За некоторую ее холодность Крылов позволил себе мщение — такова была его натура — в басне «Прихожанин», которую он составил из анекдота о мужике, мною ему случайно рассказанного [46].

Слава его так быстро возрастала, сатира его приняла такой грозный вид, что наконец ни один журнал, ни одна дворняжка не дерзнула тявкнуть на него даже из подворотни; а если б и нашлась такая, то услышала бы общий окрик:

Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лает на Слона! [47]

Итак, решительно критики он не знал, а славе, а приветствиям и похвалам, хотя усердным, но иногда смешным и нелепым, не было конца. Что отцы и матери, встречаясь с ним, останавливались на улицах и показывали его своим детям, что в домах, где он бывал, подбегали к нему милые малютки и лепетали ему басенки, иногда так мило, так наивно, что у него слезы брызгали из глаз, это было обыкновенное дело; что на улицах иногда вовсе незнакомые ему снимали перед ним шляпы, и это не редкость. Бывали случаи, которые сильнее щекотали его самолюбие, а он — кто без греха! — не чужд был этого.

Однажды в биржевой лавке кушал вместе с ним устрицы знакомый ему какой-то генерал, украшенный тремя звездами, который, забывши дома кошелек, сказал купцу: «Мой друг, ты знаешь меня?» — «Нет, ваше превосходительство, не знаю».— «Так запиши же мое имя и квартиру и пришли ко мне за деньгами». Иван Андреевич по

окончании завтрака также сказал: «Ну, мой милый, и со мной беда случилась, и я не взял с собою денег».— «Ничего, сударь, ничего, не извольте беспокоиться, мы подождем».— «Да разве ты знаешь меня?» — «Да как не знать вас, батюшка Иван Андреевич! вас весь свет знает». Но я удержусь от подобных рассказов, они были бы бесконечны ⟨...⟩ [48]

К довершению всех благ и радостей, обильно собранных на земле нашим баснописцем, по единодушному согласию всех русских литераторов, положено было торжествовать пятидесятилетие литературной жизни Ивана Андреевича Крылова. Мысль эта быстро пролетела по всему русскому литературному миру, все приняли ее с жарким чувством патриотизма, и она мгновенно осуществилась ⟨...⟩ Собрано значительное число денег, достаточное на все издержки, написаны приветствия и устроено пиршество. Эта почесть, воздаваемая в Европе знаменитым талантам, в России оказана была впервые — Крылову.

В назначенный день — это было 2 февраля 1838 года — наш семидесятилетний поэт, в сопровождении двух депутатов, пригласивших его на празднество, явился в залу Дворянского собрания, бывшую тогда в доме г-жи Энгельгардт, на Невском проспекте [49]. Там ожидали его литераторы и почитатели его таланта, числом до трехсот человек. Господин министр народного просвещения граф Сергей Семенович Уваров прочитал лестный рескрипт его императорского величества и возложил на Крылова звезду ордена св. Станислава второй степени. Среди радостных объятий и приветствий, при звуках оркестра, сели за стол. Угощение началось «Демьяновою ухою» и «Крыловскою кулебякою». Так было сказано в литографированном, украшенном рисунками, реестре обеда, положенном перед каждым гостем.

Крылов сидел между министром народного просвещения и президентом Академии художеств Алексеем Николаевичем Олениным, членом Государственного совета. Министры, члены Государственного совета и другие высшие сановники сидели по правую и по левую сторону. Против Крылова на возвышении, среди зелени, стоял бюст его, а ниже, на столе, покрытом красным сукном, лежали все его сочинения, роскошно переплетенные и обвитые цветами и лаврами.

Главный распорядитель торжества А. Н. Оленин предложил первый тост за здравие государя императора. Вто-

рой тост предложен министром народного просвещения за здравие великого народного поэта.

Тогда среди радостных восклицаний раздался голос певца: Петров, русский Тамбурини, превосходно пропел куплеты князя Петра Андреевича Вяземского, для которых сочинял музыку граф Виельгорский. Каждый припев сопровождался жаркими рукоплесканиями всего собрания. Вот эти стихи:

На радость полувековую
Скликает нас веселый зов:
Здесь с Музой свадьбу золотую
Сегодня празднует Крылов.
На этой свадьбе все мы сватья
И не к чему таить вину,
Все заодно, все без изъятья
Мы влюблены в его жену.
        Длись счастливою судьбою,
        Нить любезных нам годов!
        Здравствуй, с милою женою,
        Здравствуй, дедушка Крылов!
И этот брак был не бесплодный,
Сам Феб его благословил!
Потомству наш поэт народный
Свое потомство укрепил.
Изба его детьми богата,
Под сенью брачного венца.
И дети — славные ребята!
И дети все умны — в отца.
        Длись судьбами всеблагими,
        Нить любезных нам годов!
        Здравствуй, с детками своими,
        Здравствуй, дедушка Крылов!
Мудрец игривый и глубокий,
Простосердечное дитя,
И *дочкам* он давал *уроки*,
И батюшек учил шутя.
Искусством ловкого обмана
Где и кольнет из-под пера:
Там *Петр кивает на Ивана*,
Иван кивает на Петра.
        Длись счастливою судьбою,
        Нить любезных нам годов!
        Здравствуй, с милою женою,
        Здравствуй, дедушка Крылов!
Где нужно, он навесть умеет
Свое волшебное стекло,
И в зеркале его яснеет
Суровой истины чело.
Весь мир в руках у чародея,
Все твари дань ему несут:
По дудке нашего Орфея
Все звери пляшут и поют.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль:
Он баснями себя прославил
И слава эта — наша быль.
И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердят.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Чего ему нам пожелать бы?
Чтобы от свадьбы *золотой*
Он дожил до *алмазной* свадьбы
С своей столетнею женой.
Он так беспечно, так досужно
Прошел со славой долгий путь,
Что до ста лет не будет нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Знаменитый поэт Василий Андреевич Жуковский предложил третий тост: *за славу и благоденствие России и за успехи русской словесности*, и произнесенную им речь окончил следующими словами: «Да исполнит провидение, чтобы вы, патриарх наших писателей, продолжали многие годы наслаждаться цветущею старостью и радовать нас произведениями творческого ума своего, для которого еще не было и никогда не будет старости. Оглядываясь спокойным оком на прошедшее, продолжайте извлекать из него те поэтические уроки мудрости, которыми так давно и так пленительно поучаете вы современников, которые дойдут до потомства и никогда не потеряют в нем силы и свежести, ибо они обратились в народные пословицы, а народные пословицы живут с народами и их переживают».

Министр внутренних дел, Дмитрий Николаевич Блудов, прочитал сочиненные на настоящий случай стихи нашего даровитого поэта В. Бенедиктова [50].

В заключение князь Одоевский провозгласил тост *за здравие присутствующих* и благодарственную речь

Крылову от имени поколения, которое училось чтению по его басням [51].

Дамы, присутствовавшие на хорах, подошли к перилам с рюмками шампанского и, когда Крылов встал из-за стола и подошел к хорам, чтобы благодарить их, они осыпали его цветами и бросили ему сплетенный ими лавровый венок. Окруженный пирующими на его празднике вельможами, друзьями и всеми русскими литераторами, которые только были тогда в Петербурге, за исключением только тех, которым болезнь помешала участвовать в торжестве: честимый, приветствуемый, оглушаемый радостными рукоплесканиями, наш беловласый старец почувствовал в эти минуты сладкое и полное упоение славы, и по лицу его по временам катились слезы. Трогательно было смотреть на него, когда он, по окончании обеда, в другой зале сидел за маленьким столом и в одной руке держал свою любимицу — сигару, а другою рукою скромно накрыл свой лавровый венок. Молодые литераторы окружали седого, маститого, увенчанного славою писателя и начали просить, чтобы он каждому из них дал на память по листочку из его лаврового венка. Крылов с радушною улыбкою начал обрывать свой венок и раздавать листки просителям. Это торжество озарило последние его годы радужными цветами, и с этого дня, обреченный бессмертию, он не написал ни слова, как бы страшась чем-нибудь омрачить столь светлую свою славу.

На медали, выбитой в честь виновника этого торжества, написано:

«2 февраля 1838 года. И. А. Крылову в воспоминание пятидесятилетия литературных его трудов от любителей русской словесности».

На другой стороне медали изображен профиль Крылова [52].

Оставив вместе с службою дом императорской Публичной библиотеки, Крылов жил в последние годы на Васильевском острове, в первой линии, против Кадетского корпуса [53]. Лучшие друзья его были в могиле; лета, а особливо тучность отяготили его; сердце осиротело, он грустил. Посещаемый литераторами, он был разговорчив, ласков и всегда приятен. Сидя в креслах, он по временам читал журналы и новости нашей литературы, а более всего продолжал истреблять во множестве сигары, добывая огонь из вазы, наполненной химическим составом, который он сам возобновлял по мере надобности.

В последнее время занимала его покупка и переделка каменного дома на Петербургской стороне, близ Тучкова моста. Из этого дома вид обширный и прекрасный. Он рассказывал мне, что прямо из кабинета его будет балкон и крыльцо, ведущее в сад, и просил мимоходом заглянуть в его будущее роскошное новоселье. Я это сделал и сбирался к нему с ответом, тем более что в лице его, при последнем свидании, я нашел какое-то изменение; но внезапно получил приглашение проводить его в вечное жилище.

Он умер в осьмом часу утра, 9 ноября 1844 года, от несварения пищи в желудке [54]. За несколько часов до кончины он сравнил себя с крестьянином, который, навалив на воз непомерно большую поклажу рыбы, никак не думал излишне обременить свою слабую лошадь только потому, что рыба была сушеная. Крылов в обыкновенном, ежедневном разговоре, увлекаемый своим талантом, беспрерывно говорил экспромтом сравнения, которые могли бы послужить материалом для превосходных басен. За несколько часов до кончины он велел перенести себя в кресла, сказал: «тяжко мне!» — и потребовал, чтобы снова положили его в постель. Вспомнив, что напечатано им новое издание его басен, еще не выпущенное в свет, он поручил окружавшим его разослать по экземпляру всем помнящим о нем. Не я один, а, конечно, многие заплакали, получив приглашение на похороны Крылова и вместе с тем экземпляр изданных им самим басен, на заглавном листе которых, очерченном траурною каймою, было напечатано: «Приношение, на память об Иване Андреевиче, по его желанию». Крылов не имел, как мы сказали, близких родственников, и в последние его минуты заботился о нем, а после его кончины распоряжался похоронами его генерал-майор Яков Иванович Ростовцов, начальник штаба военно-учебных заведений и главный начальник типографии этого штаба, в которой Крылов печатал последнее издание своих бессмертных басен [55].

С истинным христианским чувством приобщился он святых таин, произнес слабым голосом: «Господи! прости мне прегрешения мои!» и глубоко вздохнул. Вздох этот был последним вздохом незабвенного Крылова 〈...〉

В день похорон Ивана Андреевича, 13 ноября, обширная адмиралтейская церковь святого Исаакия не могла вместить всех желавших отдать последний христианский долг умершему. Первые государственные сановники, военные и гражданские, почтили своим присутствием память

Крылова. В числе лиц, которые вынесли гроб из церкви, были генерал-адъютант, шеф жандармов, граф Алексей Федорович Орлов, и генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев. Потянулась похоронная процессия с Адмиралтейской площади к Александровской лавре. Народ во множестве следовал за нею. Во время отпевания, совершенного высокопреосвященным митрополитом Антонием, на голове Крылова лежал тот самый лавровый венок, которым почтили его в день пятидесятилетнего его юбилея ⟨...⟩ Министр народного просвещения положил в гроб Крылова медаль, которая была вычеканена в воспоминание его пятидесятилетнего юбилея, и незабвенного писателя положили в землю рядом с другом его, Н. И. Гнедичем, переводчиком «Илиады» ⟨...⟩ Открыта во всей России подписка на сооружение памятника Крылову. Собрана уже большая сумма, которая не только будет достаточна на сооружение памятника, но еще на какое-нибудь доброе дело, в память об Иване Андреевиче Крылове [56].

ИЗ ЗАМЕТКИ «ОБЕД У КНИГОПРОДАВЦА А. Ф. СМИРДИНА 19 ФЕВРАЛЯ 1832 ГОДА»

...Ломоносов и Державин едва ли собрали такие плоды за их бессмертные произведения: сей последний рассказывал своим приятелям, что, желая, по просьбе супруги своей, расчистить свой сад и привести его в некоторый порядок, он слагал каждое утро, во время пудрения и хитрой того времени прически по одному небольшому стихотворению и издал их с прибавлением некоторых других под заглавием «Анакреонтические стихотворения» и, продав оные за 300 рублей книгопродавцу, употребил на устройство своего сада. Ныне г. Пушкину платили по червонцу за стих; Загоскину за «Рославлева» книгопродавцы дали 40 000 рублей ⟨...⟩

Иван Андреевич Крылов составил изданиями своих басен до 100 000 рублей. Ныне Смирдин предлагает ему за каждую новую басню безусловно по 300 рублей и, если он напишет в месяц две басни, то будет иметь в год 7200 рублей доходу, что совершенно обеспечило бы его существование, если бы даже он и не имел других доходов. Таковы успехи словесности и книжной торговли в последнее 50-летие ⟨...⟩

Г-н Смирдин, переместив свою лавку от Синего моста на Невский проспект, пригласил всех русских литераторов,

находящихся в Петербурге, праздновать свое новоселье — на обед.

В просторной зале, которой стены уставлены книгами — это зала чтения,— накрыт был стол для 80 гостей. В начале 6-го часа сели пировать. Обед был обильный и в отношении ко вкусу и опрятности довольно хороший. Это еще первый не только в Петербурге, но и в России по полному (почти) числу писателей пир и, следовательно, отменно любопытный; тут соединились в одной зале и обиженные и обидчики, тут были даже ложные доносчики и лазутчики.

Некоторые литераторы не могли участвовать в обеде и обещались после. Еще не дошло до половины трапезы — является гр. Д. И. Хвостов, раздает письменные экземпляры стихов: «Новоселье А. Ф. Смирдина». Греч читает их собранию, раздаются рукоплескания и крики: фора! А. Ф. Воейков читает их вторично и вторично приветствуют изумленного автора. Стихи, к удивлению, не дурны, приличны случаю, и нет в них ни одной глупости. Автор, обстрелянный в долголетних литературных походах и сатирами и эпиграммами, в сущности, не знал, что думать ему об этом приеме: верить ли чистосердечию или принять за насмешку? ⟨...⟩

Между тем приехал В. А. Жуковский и присел подле Крылова.

А. С. Пушкин сидел с другой стороны подле Крылова.

Провозглашен тост: здравие г. императора, сочинителя прекрасной книги «Устав цензуры» [1]! — сказанный Гречем,— и раздалось громкое и усердное ура. Чрез несколько времени: здравие И. А. Крылова! Единодушно и единогласно громко приветствовали умного баснописца, по справедливости занимающего ныне первое место в нашей словесности.

Иван Андреевич встал с рюмкою шампанского и хотел предложить здоровье Пушкина; я остановил его и шепнул ему довольно громко: здоровье В. А. Жуковского; и за здоровье Жуковского усердно и добродушно было пито, потом уже здоровье Пушкина!

Здоровье И. И. Дмитриева, Батюшкова, Гнедича и др.

Я долгом почел удержать добродушного Ивана Андреевича от ошибки какого-то рассеяния и восстановить старшинство по литературным заслугам; ибо нет сомнения, что заслуги г. Жуковского по сие время выше заслуг г. Пушкина.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ

ИЗ «ЗАПИСОК»

...Родители мои объявили мне о намерении своем отдать меня в дом Голицыных для усовершенствования моего образования и самим везти меня туда. Мне это было очень не по сердцу, но делать было нечего ⟨...⟩ В первых числах февраля отправились мы в новое для меня местопребывание ⟨...⟩ [1]

Село или местечко Казацкое, в которое мы приехали, было из числа тех имений, кои польские короли раздавали магнатам в Украйне после разделения ее на русскую и польскую и по совершенном порабощении последней. Магнаты никогда в них не приезжали, жили в Варшаве или Вильне и получали с них только доходы; казацкая вольница не страдала от панского присутствия. Князь Потемкин, еще при польском правительстве, властью и деньгами приобрел все те имения, которые находились в соседстве с Новороссийским краем; по смерти его они достались его наследникам ⟨...⟩

Еще не было году, что семейство Голицыных поселилось в Казацком. Мы приехали туда в сумерки. Бесконечный двор, обнесенный тыном, в глубине коего открывались деревянные барские хоромы, наскоро выстроенные, а по бокам находились шесть довольно просторных мазанок, вместо флигелей, и сад, разведенный только осенью и представляющий одни только ряды прутьев, все это, занесенное снегом, имело в глазах моих вид мрачный и угрюмый ⟨...⟩

В ненастное время пернатые певцы скрываются в густоте леса: деревню и дом князя Голицына избрал тогда убежищем один весьма мохнатый певец, известный чудесными дарованиями. Я назвал его певцом мохнатым,

потому что в поступи его и манерах, в росте и дородстве, равно как и в слоге, есть нечто медвежье: та же сила, та же спокойная угрюмость, при неуклюжестве, та же смышленость, затейливость и ловкость. Его никто не назовет лучшим, первейшим нашим поэтом; но, конечно, он долго останется известнейшим, любимейшим из них. Многие догадаются, что я хочу говорить о Крылове.

Он был тогда лет тридцати шести и более двенадцати известен в литературе [2]. Он находился у нас в качестве приятного собеседника и весьма умного человека, а о сочинениях его никто, даже он сам, никогда не говорил. Мне это доселе еще непонятно. Оттого ли сие происходило, что он не был иностранный писатель? Оттого ли, что в это время у нас дорожили одною только воинскою славой? Как бы то ни было, но я не подозревал, что каждый день вижу человека, коего творения печатаются, играются на сцене и читаются всеми просвещенными людьми в России; если бы знал это, то, конечно, смотрел бы на него совсем иными глазами.

Собственное его молчание не может почитаться следствием скромности, а более сметливости: он выказывал только то, что в состоянии были оценить, истинные же сокровища ума своего ему не перед кем было расточать.

Происхождение его мало известно; кажется, он должен быть сыном нового, мелкого, бедного дворянина. Природа сама указала ему путь, на котором он встретился с фортуной; потому-то он мало заботился о службе. Но в России, особливо лет пятьдесят тому назад, никак нельзя было оставаться без чина, и его куда-то записали. Неимущий беспечный юноша, он долго не имел собственного угла и всегда гостил у кого-нибудь. Таким образом попал он к князю Голицыну и жил у него уже два года до нашей встречи. Он сопутствовал ему в армию в звании частного секретаря, надеялся за границей получить новые впечатления, приобресть новые познания; но неблагоприятный оборот, который взяли дела его патрона, заставил его с ним вместе укрыться в деревне [3].

В тучном теле его обращалась кровь не столь медленно, как ныне, в нем было более живости, даже более воображения; но уже тогда был он замечателен неопрятностью, леностью и обжорством. В этом необыкновенном человеке были положены зародыши всех талантов, всех искусств. Природа сказала ему: выбирай любое, и он начал пользоваться ее богатыми дарами, сделался поэт,

хороший музыкант, математик. Скоро тяжестью тела как бы прикованный к земле и самым пошлым ее удовольствиям, его ум стал реже и ниже парить. Одного ему дано не было: душевного жара, священного огня, коим согрелась, растопилась бы сия масса, поглотившая у нас столь много наслаждений. Мы дивимся, мы восхищаемся тем, что ускользнуло от могущества плоти, что бы мы увидели, если б она могла быть побеждена!

Крылова называют русским Лафонтеном; тот и другой первые баснописцы в своей земле; но как поэт, мне кажется, француз стоит выше. Как он бывает иногда трогателен, увлекателен, например, в басне «Два голубя»! Читая его, никто не спросит: был ли он добрый человек? Всякий это почувствует. Если б о Крылове мне сделали сей вопрос, то я должен бы был отвечать отрицательно. Чрезмерное себялюбие, даже без злости, нельзя назвать добротой; в деяниях Крылова, в его разговорах был всегда один только расчет; в его стихах чистота, стройность и размер, везде ум, нигде не проглянет чувство, а ум без чувства то же, что свет без теплоты. Человек этот никогда не знал ни дружбы, ни любви, никого не удостоивал своего гнева, никого не ненавидел, ни о ком не жалел. Никогда не вспоминал он о прошедшем, никогда не радовался ни славе нашего оружия, ни успехам просвещения; если он и завидовал другим знаменитым современным нашим писателям, то разве втайне; был с ними приветлив, но никогда их не читал, никогда не хотел говорить о их сочинениях. Единственную страсть, или, лучше сказать, что-то похожее на нее, имел он к карточной игре, но и в ней был всегда осторожен и всегда презирал игроков, с коими, однако же, прожил век. Две трети столетия прошел он один сквозь несколько поколений, одинаково равнодушный как к отцветшим, так и к зреющим.

С хозяевами домов, кои по привычке он часто посещал, где ему было весело, где его лелеяли, откармливали, был он очень ласков, любезен; но если печаль какая их постигала, он неохотно ее разделял. Если б его спросили, какое слово в русском языке ему кажется нежнейшим, то я уверен, что он бы отвечал: кормилец мой. Что делать! видно, сердце у него в желудке; из сего источника почерпнул он большую часть своих мыслей, и, надобно сказать правду, он им нехудо был вдохновлен.

Тот, кто остается чужд житейских бурь, кто на стра-

сти людей, благородные или пагубные, смотрит с улыбкою презрения, тот не должен иметь их слабостей, а еще менее их предрассудков. Но таковы несообразности в каждом из нас, такое несогласие бывает между рассудком и наклонностями, что не сыщется ныне человека, который бы более Крылова благоговел перед высоким чином или титулом, в глазах коего сиятельство или звезда имели бы более блеска. Положим, это следствие господствовавшего прежде мнения, под влиянием коего он вырос, и я очень далек, чтобы видеть тут что-нибудь худое; но зачем же богатство имеет равное право на его почтительную нежность? Отчего же такое жестокое невнимание ко всем, кто обижен не природой, а фортуной? Где же твердый муж? Где же философ? Надобно было видеть в Казацком его умное, искусное, смелое раболепство с хозяевами; надобно было видеть, как он сам возбуждал их к шуткам, как часто в угождение им трунил над собою.

Грустно это вспомнить, а еще грустнее подумать, что на нем выпечатан весь характер простого русского народа, каким сделали его татарское иго, тиранство Иоанна, крепостное над ним право и железная рука Петра. Часто этот народ должен трепетать перед тем, что он презирает, и если Крылов — верное изображение его недостатков, то он же и представитель его великих способностей. В простом языке его, который иногда употребляет он и в разговоре, из простых его изречений схватил он все, что показывает его глубокомыслие, и без лишних украшений, без приправы, составил из них оригинальные свои творения, как славный повар из простых, но самых свежих припасов готовит вкусный стол, который может удовлетворить прихотям взыскательнейшего гастронома. Подобно восточным стихотворцам, в коих самовластие не могло заглушить таланта, но кои не дерзают явно говорить истину, решился и он ясным мыслям своим, верным наблюдениям дать форму аполога.

Несмотря на свою леность, он от скуки предложил князю Голицыну преподавать русский язык младшим сыновьям его и, следственно, и соучащимся с ними. И в этом деле показал он себя мастером. Уроки наши проходили почти все в разговорах; он умел возбуждать любопытство, любил вопросы и отвечал на них так же толковито, так же ясно, как писал свои басни. Он не довольствовался одним русским языком, а к наставлениям своим примешивал много нравственных поучений и объяснений

разных предметов из других наук. Из слушателей его никого не было внимательнее меня, и я должен признаться, что если имею сколько-нибудь ума, то много в то время около него набрался.

Обхождением его со мной я был очень доволен: правда, он напоминал мне иногда о почтении, коим обязан я ребятам, молодым князьям, моим товарищам, что мне было весьма не по сердцу; но зато маленькому англичанину Личу при мне говаривал он, что ему не следует забываться передо мной, генеральским сыном ⟨...⟩

Русский театр, в первые два-три года Александрова царствования, оставался еще российским театром, созданным Сумароковым, и почти не подвигался вперед. Незадолго до приезда моего представление одной новой пьесы «Лиза, или Торжество благодарности», весьма ничтожной и давно забытой, было важным происшествием и возбудило не только внимание, но и удивление публики, и автор г. Ильин удостоился чести совершенно новой, дотоле у нас неслыханной: его вызвали на сцену [4]. Ободренный сим примером, другой столь же неизвестный автор г. Федоров следующею весною вывел свою драму, другую Лизу, взятую из «Бедной Лизы» Карамзина, но имел успех уже посредственный [5]. Недолго жалкие сии люди одни владели русскою сценой, пока не явились сперва Крылов, а вскоре потом и Шаховской и продлили цепь русских комиков, прерванную смертью Княжнина и Фон-Визина и молчанием Капниста. Крылов, с которым я тогда редко и довольно сухо встречался, перестал уже жить по добрым людям и испытывал силы свои в разных литературных родах. Каждый бы ему дался, и тому служат доказательством две написанные им в это время комедии: «Урок дочкам» и «Модная лавка». Но чтобы на этом поприще достигнуть возможного совершенства, недоставало ему одного — прилежания. Басни избрал он не потому, чтобы почитал их единственною стезею, могущею вести его к известности и славе, а потому, что находил ее удобнейшею, легчайшею и прибыльнейшею ⟨...⟩ *

---

* На вопрос одного умершего ныне поэта, который спрашивал его: отчего он басни предпочел другим стихотворениям, он отвечал: «Этот род понятен каждому; его читают и слуги, и дети... ну, и скоро рвут». (*Примеч. авт.*)

Русским театром хочу я заключить: успехи его тесно связаны с успехами нашей словесности, и переход от одного к другой будет естественнее. Об одном, как и о другой, говорил я очень мало в предшествующей второй части своих «Записок»; да и, правду сказать, говорить много было бы трудно: успехи обоих шли слишком медленно в первое пятилетие нынешнего века.

Пристрастие ко всему иностранному и особенно к французскому образующегося русского общества, при Елисавете и Екатерине, сильно возбуждало досаду и насмешки первых двух лучших наших комических авторов, Княжнина и Фон-Визина, как оно возбуждало их тогда и возбуждает еще и поныне во всех здравомыслящих наших соотечественниках. Если бы что-нибудь могло ему противодействовать, то, конечно, это были забавные роли Фирюлиных в «Несчастии от кареты» и в «Бригадире» — глупого бригадирского сынка, которого душа, как говорит он, принадлежит французской короне. Но течение подражательного потока, в их время, было слишком сильно, чтобы какими-нибудь благоразумными или даже остроумными преградами можно было остановить его, тогда как не только нам, потомкам их, едва ли нашим потомкам когда-нибудь удастся сие сделать.

Воспитанный в их школе Крылов, если можно сказать, еще быстроглязнее их на несовершенства наши, думал, что приспело к тому время, когда, в надменности нашей, при Александре, забыли мы даже сердиться на немцев и, казалось, в непримиримой вражде с революцией и Бонапарте. Он жестоко ошибся. Что могло быть веселее, умнее, затейливее его двух комедий «Урока дочкам» и «Модной лавки», игранных в 1805 и 1806 годах? [6] Можно ли было колче, как в них, осмеять нашу столичную и провинциальную галломанию? Во время частых представлений партер был всегда полон, и наполнявшие его от души хохотали. Конечно, это был успех, но не тот, которого ожидал Крылов. Только этот раз в жизни пытался сей рассеянный, по-видимому, ко всему равнодушный, но глубокомысленный писатель сделать переворот в общественном мнении и нравах. Ему не удалось, и это, кажется, навсегда охолодило его к сцене.

Высшее общество, более чем когда, в это время было управляемо женщинами: в их руках были законодательство и расправа его. Французский язык в их глазах был один способен выражать благородные чувства, высокие

мысли и все тонкости ума, и он же был их исключительная собственность. И жены чиновников, жительницы предместий Петербурга, и молодые дворянки в Москве и в провинциях думают смешным образом пользоваться одинаковыми с ними правами. Какие дуры! Спасибо Крылову, и они одобряли его усилия и улыбались им. Что может быть общего у французского языка, сделавшегося их отечественным, с тем, что происходит во Франции? И она, грозившая овладеть полвселенною, в их глазах находилась в переходном состоянии. Таково было упорное мнение эмигранток, их воспитывавших, которое они с ними усердно разделяли. И, к счастию, они не ошиблись 〈...〉

Переводных комедий было очень мало: по всей справедливости, Шаховской не любил их и не подпускал к нашей сцене. Водевили, если делом изредка показывались, то словом, то есть именем, тогда неизвестны были на русском театре. Зато операми заимствовались мы у всех, у французов, у немцев, а когда стали побогаче голосами, то и у итальянцев. Началось с бесконечной «Donauweibchen»; * ее веселые, легкие, приятные венские мелодии не трудно было перенять нашим плохим тогда певцам, не трудно было ими пленить и наших слушателей. Все это, вместе с богатыми декорациями, беспрестанными превращениями и уморительным шутовством Воробьева, около года привлекало многочисленную публику и умножало барыши дирекции. Ее переименовали «Русалкой» и сцену перенесли на Днепр, что также немало полюбилось брадатым зрителям. Когда заметили, что она им пригляделась и посещения становятся реже, то, чтобы возбудить к ней погасающую в них страсть, создали ей наследницу, вторую часть, или «Днепровскую русалку». Следуя все той же методе прельщений, через некоторое время показалась третья часть под именем просто опять «Русалка». Сильная к ним любовь совсем истощилась, когда показалась четвертая часть под именем просто опять «Русалка», без всякого прибавления; успех ее был довольно плохой. Между русалками восстал «Илья-богатырь», волшебная опера, которую написать упросили

* «Фея Дуная» (*нем.*).

Крылова. Он сделал это небрежно, шутя, но так умно, так удачно, что герой его неумышленно убил волшебницу-немку, для соблазна русских обратившуюся в их соотечественницу 〈...〉 [7]

Следствием глубоко обдуманных мер, плодом искусно начертанного стратегического плана было, в октябре месяце 1810 года, рождение «Беседы любителей российского слова» [8].

Обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали ее учреждению и началам. Мудрено объяснить состояние умов тогда в России и ее столицах. По вкоренившейся привычке не переставали почитать Запад наставником, образцом и кумиром своим; но на нем тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая нам истреблением или порабощением; вера в природного, законного защитника нашего была потеряна, и люди, умеющие размышлять и предвидеть, невольно теснились вокруг знамени, некогда водруженного на Голгофе, и вокруг другого, невидимого еще знамени, на котором уже читали они слово: отечество. Пристрастие к Европе приметно начало слабеть и готово было превратиться в нечто враждебное; но в ней была порабощенная Италия, страждущая и борющаяся Гишпания, Германия, которая тайно молила о помощи, и Англия, которая не переставала предлагать ее. Воспрянувшее в разных состояниях чувство патриотизма подействовало наконец на высшее общество: знатные барыни на французском языке начали восхвалять русский, изъявлять желание выучиться ему или притворно показывать, будто его знают. Им и придворным людям натолковали, что он искажен, заражен, начинен словами и оборотами, заимствованными у иностранных языков, и что «Беседа» составилась единственно с целью возвратить и сохранить ему его чистоту и непорочность; и они все взялись быть главными ее поборницами.

Маститый Державин, который воспел все минувшие славы России, для заседаний «Беседы» отдал великолепную залу прекрасного дома своего на Фонтанке [9]. В этой зале, ярко освещенной, как во храме бога света, не помню сколько раз, зимой бывали вечерние, торжественные собрания «Беседы». Члены вокруг столов занимали середину, там же расставлены были кресла почетнейших гостей, а вдоль стен в три уступа хорошо устроены были

седалища для прочих посетителей, по билетам впускаемых. Чтобы придать сим собраниям более блеску, прекрасный пол являлся в бальных нарядах, штатс-дамы в портретах, вельможи и генералы были в лентах и звездах, и все вообще в мундирах.

Часть театральная, декорационная, была совершенство; заправлял ею, кажется, сам Шаховской. Чтение обыкновенно продолжалось более трех часов и как содержанием, так и слогом статей отнюдь не отвечало наружному убранству великой храмины. Дамы и светские люди, которые ровно ничего не понимали, не показывали, а может быть, и не чувствовали скуки: они исполнены были мысли, что совершают великий патриотический подвиг, и делали сие с примерным самоотвержением. Горе было только тем, которые понимали и принуждены были беспрестанно удерживать зевоту. Модный свет полагал, что торжество отечественной словесности должно предшествовать торжеству веры и отечества.

Наподобие Государственного совета, составленного из четырех департаментов, и «Беседу» разделили на четыре разряда и, так же как у него, в каждый посадили по председателю, да еще каждому дали по попечителю. Это был сущий вздор, ибо в предметах занятий между разрядами не было никакого различия. Потом было в каждом из них по нескольку членов и по нескольку членов-сотрудников, которые составляли как бы канцелярию «Беседы». Вообще, она имела более вид казенного места, чем ученого сословия, и даже в распределении мест держались более табели о рангах, чем о талантах. Попечителями были председатели в совете, граф Завадовский и Мордвинов и министр просвещения граф Разумовский; как будто на смех, четвертым посадили министра юстиции Дмитриева. Почти все вышепоименованные писатели попали в члены, коих список украшался именем Крылова, как вечерние собрания их оживлялись немного чтением его басен. В числе сотрудников находились и наш Жихарев, который тогда еще был не наш, и Греч, о котором я тогда не имел еще никакого понятия. Крылов, хотя и выдал особу свою «Беседе», но, говорят, тайком подсмеивался над нею. Доказательством тому поставляют вскоре после ее открытия выданную им басню «Квартет», где проказница мартышка, осел, козел да косолапый мишка спорят о местах, и автор говорит им: «Друзья, как ни садитесь, а в музыканты не годитесь» [10].

Что бы ни говорили, а «Беседа», может быть, не весьма с похвальными намерениями основанная, по мнению моему, была во многом полезна. Во-первых, самого Карамзина грубости Шишкова сделали несколько осмотрительнее; он указывал ему на средства дать более важности и достоинства историческому слогу (более он сделать не мог), а тот с своим чудесным умом и талантом не оставил ими воспользоваться.

Несколько молодых писателей были поудержаны от жеманства, в которое по неопытности могли бы впасть, глядя на московских вздыхателей. Наконец, покровительство и уважение, оказываемые в столице отечественной словесности правительством и высшими сословиями, имели благотворное действие на провинции и некоторым образом способствовали сближению разных состояний и согласию между ними, столь необходимо в эту памятную эпоху ⟨...⟩

Еще было одно общество, но не столько литературное или ученое, сколько приятельское. Оно состояло тогда из пяти или шести человек и собиралось только отобедать, потолковать или провести вечер у мецената своего, Алексея Николаевича Оленина, о котором также не здесь, а далее должен буду много говорить. Принадлежа ко всем и ни к которой из партий или обществ, члены оленинские, даже в доме его, хлебосольном, для всех открытом, и принимая участие в общей веселости, составляли какой-то особый мир, имеющий особые мнения, особые правила. Отличнейшими или отличенными между ними были Крылов и Гнедич [11]. Других не назову, кроме одного, Александра Ивановича Ермолаева, скромного, молчаливого и ученого человека по части русских древностей. Он был из числа тех людей, кои, оторвавшись от житейского, всем духом своим погружаются в любимую науку ⟨...⟩

После смерти графа Строганова Оленин был назначен президентом Академии художеств и директором императорской Публичной библиотеки. Она помещена была в прекрасном закругленном здании, построенном при Екатерине на углу Невского проспекта и Садовой улицы ⟨...⟩ С приобретенными прежде и вновь приобретаемыми творениями число книг было довольно значительно, но все

они, неразобранные, лежали грудами. Заботливый Оленин составил новое положение и новый штат для заведения сего, и они были утверждены в начале 1812 года; после того книги кое-как приведены в некоторый порядок[12]. Тут нужны были ученые, а новые места, разделенные на библиотекарей и их помощников, Оленин роздал поэтам и приближенным своим. В числе первых прежде его находился один человек, который бы мог быть весьма полезен, брат генерала графа Сухтелена, Руф Корнилович, с которым путешествовал я по Сибири. Но он устарел, без брата жить не мог и, получив отпуск, отправился к нему в Стокгольм; оттуда прислал он просьбу об отставке. Его-то место втайне прочил мне Батюшков и для того желал познакомить меня с домом Олениных ⟨...⟩

В ноябре ⟨1814 г.⟩ Алексей Николаевич и Елисавета Марковна Оленины возвратились из Приютина и открыли дом свой[13].

Я вступил в него твердою ногой, опираясь на трех поэтов, на прежнего наставника моего Крылова, на Гнедича и на Батюшкова. Подобного дома трудно было бы сыскать тогда в Петербурге, ныне невозможно, и я думаю услужить потомству, изобразив его. Начнем с хозяина. Принадлежа по матери к русской знати, будучи родным племянником князя Григория Семеновича Волконского, Оленин получил аристократическое воспитание, выучен был иностранным языкам, посылаем был за границу. Древность дворянского рода его и состояние весьма достаточное не дозволили бы, однако же, ему, подобно знатным, ожидать в праздности наград и отличий, подобно им быть знакому с одною роскошью и любезностью гостиных. Вероятно, он это почувствовал, а может быть, по врожденной склонности стал прилежать к наукам, приучать себя к трудам; он прослужил целый век и приобрел много познаний, правда, весьма поверхностных, но которые в его время и в его кругу заставили видеть в нем ученого и делового человека. Его чрезмерно сокращенная особа была отменно мила; в маленьком живчике можно было найти тонкий ум, веселый нрав и доброе сердце. Он не имел пороков, а несколько слабостей, светом извиняемых и даже разделяемых. Например, никогда не изменяя чести, был он, как все служащие в Петербурге быть должны, искателен в сильных при дворе и чрезвычайно уступчив в сношениях с ними. Также, по пословице, всегда

гонялся он за всеми зайцами вдруг; но, не по пословице, настигал их: у которого оторвет лоскут уха, у которого клочок шерсти, и сими трофеями любил он украшать не только кабинет свой, а отчасти и гостиную. Он имел притязания на звание литератора, артиста, археолога; даже те люди, кои видели неосновательность сих претензий, любя его, всегда готовы были признавать их правами. Сам Александр шутя прозвал его Tausendkünstler, тысячеискусником.

Его подруга, исключая роста, была во многом с ним схожа. Эта умная женщина исполнена была доброжелательства ко всем; но в изъявлении его некоторая преувеличенность заставляла иных весьма несправедливо сомневаться в его искренности. Она была дочь известного при Елисавете и потом долго при Екатерине Марка Федоровича Полторацкого, основателя придворной капеллы певчих и чрезвычайно многочисленного потомства. Характер имеет так же свою особую физиономию, как и лицо, и единообразие ее выпечатано было на всех детях его обоего пола; все они склонны были, смотря по уму каждого, к приятному или скучному балагурству ⟨...⟩ Склонность, о которой сейчас говорил я, и любовь к общежитию побеждали в Елисавете Марковне самые телесные страдания, коим так часто была она подвержена. Часто, лежа на широком диване, окруженная посетителями, видимо мучась, умела она улыбаться гостям. Я находил, что тут и мужская твердость воли, и ангельское терпение, которое дается одним только женщинам. Ей хотелось, чтобы все у нее были веселы и довольны, и желание беспрестанно выполнялось. Нигде нельзя было встретить столько свободы удовольствия и пристойности вместе, ни в одном семействе — такого доброго согласия, такой взаимной нежности, ни в каких хозяевах — столь образованной приветливости. Всего примечательнее было искусное сочетание всех приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины. Гувернантки и наставники, французы, англичанки и дальние родственницы, проживающие барышни, несколько подчиненных, обратившихся в домочадцев, наполняли дом сей как Ноев ковчег, составляли в нем разнородное, не менее того весьма согласное общество и давали ему вид трогательной патриархальности. Я уверен, что Крылов более всех умел окрасить его в русский цвет. Заметно было, как приятно было умному и уже несколько пожилому тогда холостяку давать себя

откармливать в нем и баловать. Посещаемый знатью и лучшим обществом петербургским дом сей был уважаем; по-моему, он мог назваться образцовым, хотя имел и мало подражателей 〈...〉

Мы обыкновенно день именин Дашкова и Блудова, 21 сентября, праздновали у сего последнего; Крылов и Гнедич тут также находились за обедом. Афишка в этот день возвещала первое представление 23-го числа 〈1815 г.〉 новой комедии Шаховского в пяти действиях и в стихах под названием: «Липецкие воды, или Урок кокеткам». Для любителей литературы и театра известие важное; кто-то предложил заранее взять несколько нумеров кресел рядом, чтобы разделить удовольствие, обещаемое сим представлением; все изъявили согласие, кроме двух оленистов [14].

Нас сидело шестеро в третьем ряду кресел: Дашков, Тургенев, Блудов, Жуковский, Жихарев и я. Теперь, когда я могу судить без тогдашних предубеждений, нахожу я, что новая комедия была произведение примечательное по искусству, с каким автор победил трудность заставить светскую женщину хорошо говорить по-русски, по верности характеров, в ней изображенных, по веселости, заманчивости, затейливости своей и, наконец, по многим хорошим стихам, которые в ней встречаются. Но лукавый дернул его ни к селу, ни к городу вклеить в нее одно действующее лицо, которое все дело испортило. В поэте Фиалкине, в жалком вздыхателе, всеми пренебрегаемом, перед всеми согнутом, хотел он представить благородную скромность Жуковского; и дабы никто не обманулся насчет его намерения, Фиалкин твердит о своих балладах и произносит несколько известных стихов прозванного нами в шутку балладника. Это все равно что намалевать рожу и подписать под нею имя красавца; обман немедленно должен открыться, и я не понимаю, как Шаховской не расчел этого. Можно вообразить себе положение бедного Жуковского, на которого обратилось несколько нескромных взоров! Можно себе представить удивление и гнев вокруг него сидящих друзей его! Перчатка была брошена; еще кипящие молодостию Блудов и Дашков спешили поднять ее.

Это можно было почитать продолжением литературной войны между Москвою и Петербургом, некоторые подробности которой описаны мною в предшествующей части сих «Записок», или, лучше сказать, возобновлением

ее, ибо во дни всеобщей борьбы европейских народов сия пустая возня на время прекратилась. Она должна была возгореться с новою силой, когда не оставалось ни малейшего сомнения насчет прочности европейского мира.

Победа казалась на стороне Шаховского; новая пиеса его имела успех чрезвычайный, публика приняла ее с шумным, громогласным одобрением. В тот же вечер, как нам сказывали, по сему случаю было большое празднество у петербургского гражданского губернатора Бакунина, коего супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надела венок на счастливого автора.

Крылов, с которым на другой день я увиделся, сказал мне с коварной улыбкой: «Как быть, les rieurs sont de son côtê» *.

---

* Насмешники на его стороне (*фр.*).

Я. К. ГРОТ

ИЗ «ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗВЕСТИЯ О КРЫЛОВЕ»

Между лицами, которых автор «Воспоминаний» ⟨Ф. Ф. Вигель⟩ застал в Казацком [1], была и молодая родственница Голицыных, в то время девочка лет тринадцати, Марья Павловна Сумарокова, отец которой (племянник известного писателя) прежде служил в Преображенском полку под начальством князя Сергея Федоровича и женился на двоюродной сестре его, княжне Марье Васильевне Голицыной. Родившиеся от этого брака сын и дочь воспитывались в доме Сергея Федоровича. Отец их, будучи принужден оставить службу, находился тогда вместе с ними в Казацком. Мать этих детей была в таком болезненном состоянии, что не могла сама заботиться об их воспитании и не последовала за ними.

Памятником совместного пребывания Крылова и Марьи Павловны Сумароковой в Казацком осталось подлинное письмо его к ней, которое несколько лет тому назад было подарено ею императорской Публичной библиотеке ⟨...⟩ [2]

На этом письме не означено время, когда оно написано, и потому самые обстоятельства, которые в нем упоминаются, оставались до сих пор не совсем понятными *. Чтоб разъяснить их и тем способствовать к пополнению биографии Крылова, я обращался к почтенной Марье Павловне, которая, как и другая лично знавшая его дама, Варвара Алексеевна Оленина, свято хранит воспо-

* Это видно, напр., из того, что г. Лавровский в «Журнале Мин. Нар. Просвещения» (февр. 1868, стр. 405) мог усомниться даже в эпохе, к которой отнесено это письмо в «Архиве», и принять со своей стороны, что оно написано в 1806-м или даже в 1807 году. (*Примеч. авт.*)

минание о знаменитом писателе. Считаю обязанностью передать в общее сведение то, что я слышал от М. П. Сумароковой.

Сколько ей известно, знакомство Крылова с князем Голицыным началось около времени коронации императора Павла, совершившейся в апреле 1797 года. Вскоре после этого события князь впал в немилость за неуважение к кому-то из новых временщиков и получил повеление жить в деревне. Он отправился в Казацкое, а с ним и несколько лиц, хотевших показать ему свою преданность, тогда он взял с собою и Крылова[3]. Поехали на Зубриловку (что ныне в Балашевском уезде, Саратовской губернии), и вот в какое время (в июле и августе 1797 г.) Крылов пожил в этом прекрасном имении, где он, страдая от комаров и мошек, искал спасения от них на высокой колокольне, и однажды найден был спящим под самыми колоколами.

В Казацкое прибыли уже в позднюю осень. Там по обе стороны барского дома было по три деревянных флигеля (а не мазанки, как говорит Вигель). В одном из них помещалась контора имения; тут же отвели комнату и Крылову. В строении, где была баня, давал он уроки двум молодым князьям и Марье Павловне; в соседнем покое (в самой бане, где полок) занимался еще ученик; его отделяли потому, что боялись его шалостей: это и был столь опасный впоследствии языком своим Ф. Ф. Вигель *; во время уроков он иногда вбегал в общую учебную комнату с вопросами учителю или просто из любопытства; тут-то, вероятно, и зародилось его нерасположение к человеку, не щадившему его самолюбия (Крылов называл его вздорным мальчиком). Отец Вигеля был комендантом в Киеве; но так как в то время чувствовался недостаток в средствах для воспитания, то он охотно отдал мальчика в дом Голицыных, где жили известные нам уже по «Воспоминаниям» Вигеля наставники, французы Роллень и Керлеро.

Крылов не от скуки, как уверяет Вигель, а по преданности к семейству, его приютившему, вызвался учить двух сыновей Голицынах русскому языку; к ним присоединилась и М. П. Сумарокова, которую он полюбил, хваля в ней доброе сердце и способности. За грамматикой,

---

* Род. в 1786 году. Он был ровесник г-жи Сумароковой. (*Примеч. авт.*)

вспоминает она, Крылов не очень гонялся, а более упражнял ее диктовкой и переводами и поощрял к самодеятельности, советуя писать письма в виде дневника, о чем и упомянуто в указанном письме его [4]. Так как в деревне не было учителя музыки, то Иван Андреевич, владея скрипкою, аккомпанировал свою молодую ученицу, игравшую на фортепиано. Иногда Крылов давал маленькие концерты для домашних; раз он играл таким образом пьесу известного в то время скрипача Жерновика, и Мария Павловна еще помнит смущение, с каким он начал играть. Карт в Казацком не являлось; сам князь любил шахматы, а Иван Андреевич предпочитал трик-трак и часто проводил за ним время с молодым князем Сергеем.

Тотчас по вступлении на престол императора Александра I, князь Голицын был вызван в Петербург и назначен лифляндским военным губернатором. Отправляясь в столицу, он взял с собою и Крылова; Марья Павловна осталась с своей тетушкой в Казацком до коронации, на которую, к сентябрю месяцу, все должны были съехаться в Москву. В этом-то промежутке времени, именно в августе 1801 года, когда княгиня и ее племянница были уже там, Крылов, находясь еще в Петербурге, и написал к своей ученице письмо, напечатанное в «Архиве».

Названная в нем Прасковья Андреевна, в девицах Киевская, в замужестве Таманская *, которой не забыл и Вигель, была дочь зубриловского управляющего; няня Кузьминишна, также упомянутая Крыловым, была хотя и неграмотная, но очень умная и добрая женщина. Она всегда присутствовала, с вязаньем в руках, при уроках Крылова Марье Павловне. Наконец, в письме говорится о воробье и канарейках его ученицы. «Если б это,— пишет Иван Андреевич,— попалось мне где-нибудь в книге, то бы меня ни вполовину так не тронуло; для того что я бы почел это за сказку». Место это требует некоторого пояснения. Марья Павловна была большая охотница до птиц и, между прочим, забавлялась воспитанием воробьев. Одна из таких птичек жила в ее комнате и сделалась удивительно ручною. Это было не совсем приятно княгине, которая разделяла поверье, что воробей в доме предвещает несчастье. Когда наступила весна, Марья Пав-

* Таманский, о котором также говорит Вигель, был приемыш князя Голицына, живший уже у него, когда Сергей Федорович женился на Варваре Васильевне Энгельгардт. Он воспитывался вместе с сыновьями от этого брака. (*Примеч. авт.*)

ловна, боясь, чтоб любимец ее не вылетел из окон, приделала к ним сетки. Но воробей в одной из них успел пробить себе отверстие и, к крайнему горю своей хозяйки, вырвался на волю. Прошло несколько недель; его считали уже пропавшим, когда раз он вдруг опять подлетел к окну, но уже не один, а с детками, выведенными им в лесу. Он не забыл своей хозяйки и сел к ней на руку. Радость была неописанная. Птичка и ее семейство были водворены в доме. Готовясь к отъезду, Марья Павловна просила свою тетушку взять с собой и воробья; но та объявила, что если он останется в ее руках, то она велит свернуть ему голову. Нечего было делать: пришлось его выпустить. Прочих птичек своих, канареек, молодая путешественница решилась увезти в Москву и в дороге, подняв окна кареты, выпускала их из клеток.

В Казацком, а не в Зубриловке, как до сих пор думали, Крылов написал свою шуто-трагедию «Трумф». Эта пьеса играна в деревне; сам автор исполнял роль Трумфа; роль цыганки он нарочно придумал для любимой им ученицы [5]. Здесь же была написана утратившаяся впоследствии комедия его «Пирог» [6].

По свидетельству Марьи Павловны, он после того никогда не бывал уже ни в Казацком, ни в Зубриловке; последнее из этих имений он посетил только раз, как уже было замечено, по пути в Казацкое, где прожил от осени 1797 года до весны 1801-го. В этом последнем году, после коронации, следовательно осенью, поехал он с князем Голицыным в Ригу правителем его канцелярии. Вскоре, однако ж, обнаружилась его неспособность к такой должности, тем более что он полюбил карты, играя сперва в маленький банк с дамами, а потом перейдя и к большому [7]. На место его был назначен в названную должность бывший при князе сведущий чиновник Сергеев, а Крылов еще несколько времени оставался в доме только как собеседник. Домашним секретарем князя он никогда не был; в Казацком Сергею Федоровичу помогал в небольшой его, по тогдашним обстоятельствам *, переписке Павел Иванович Сумароков. Нет никаких известий, по которым можно бы было заключить, что Иван Андреевич полюбил карты прежде переселения в Ригу. Известно, что князь пробыл здесь не долго, только до 1804 года **. По

* Кн. Голицын был под надзором полиции. (*Примеч. авт.*)
** Крылов был определен к кн. Голицыну 5 октября 1801, а уволен 26 сентября 1803 года. (*Примеч. авт.*)

неудовольствиям с кем-то из подчиненных ему генералов, он стал проситься в отставку; государь его удерживал, но князь не переменил своего намерения. В следующие затем годы он проводил лето в Зубриловке, а на зиму уезжал в Москву. Г-же Сумароковой памятно особенно лето 1805 года, когда в именины князя, 5 июля, отпразднована была, при множестве съехавшихся гостей, его серебряная свадьба. Но ни при этом случае, ни вообще после пребывания в Риге, Крылова в Зубриловке не было. Мария Павловна все это время оставалась в семействе Голицыных, переезжала вместе с ними, но ни в деревне, ни в Москве не видала Крылова *.

* В 1807 году князь Голицын был назначен областным начальником милиции, после чего, в 1809-м, он был определен в Галицию, где и умер от удара (в Тарнополе) 20 января 1810 года. (*Примеч. авт.*)

С. П. ЖИХАРЕВ

ИЗ «ЗАПИСОК СОВРЕМЕННИКА»

ДНЕВНИК ЧИНОВНИКА

1807-й год

3 февраля, воскресенье.

Поздно вчера возвратился я от А. С. Шишкова [1], веселый и довольный. Общество собралось не так многочисленное, как я предполагал: человек около двадцати — не больше. Гаврила Романович ⟨Державин⟩, И. С. Захаров, А. С. Хвостов, П. М. Карабанов, князь Шихматов, И. А. Крылов, князь Д. П. Горчаков, флигель-адъютант Кикин, которого я видел в Москве у К. А. Муромцевой, полковник Писарев, А. Ф. Лабзин, В. Ф. Тимковский, П. Ю. Львов, М. С. Щулепников, молодой Корсаков, Н. И. Язвицкий, сочинитель *букваря*, Я. И. Галинковский, автор какой-то книги *для прекрасного пола* под заглавием «Утренник» [2], в которой, по отзыву Щулепникова, лучшими статьями можно почесть: «Любопытные познания для счисления времен» и «Белые листы для записок на 12 месяцев», и, наконец, я, не сочинивший ни букваря, ни белых листков для записок на 12 месяцев, но приехавший в одной карете с Державиным, что стоит букваря и белых листов для записок. Долго рассуждали старики о кровопролитии при Эйлау [3] и о последствиях, какие от нашей победы произойти могут ⟨...⟩

Время проходило, а о чтении не было покамест и речи. Наконец, по слову Гаврилы Романовича, ходившего задумчиво взад и вперед по гостиной, что пора бы приступить к делу, все уселись по местам. «Начнем с молодежи,— сказал А. С. Хвостов,— у кого что есть, господа?» Мы, сидевшие позади, около стен, переглянулись друг с другом и почти все в один голос объявили, что ничего не взяли с собой. «Так не знаете ли чего наизусть? — смеясь, продолжал Хвостов,— как же это вы идете на

сражение без всякого оружия?» Щулепников отвечал, что может прочитать стихи свои к «Трубочке». «Ну хоть к Трубочке! — подхватил И. С. Захаров, меценат Щулепникова,— стишки очень хорошие». Щулепников подвинулся к столу и прочитал десятка три куплетов к своей «Трубочке», но не произвел никакого впечатления на слушателей. «Пахнет табачным дымком»,— шепнул толстый Карабанов Язвицкому. «Как быть! — отвечал последний,— первую песенку зардевшись спеть». Гаврила Романович, видя, что на молодежь покамест надеяться нечего, вынул из кармана свои стихи «Гимн кротости» и заставил читать меня [4]. Я прочитал этот гимн к полному удовольствию автора и, кажется, заслужил репутацию хорошего чтеца. Разумеется, все присутствующие были или казались в восторге, и похвалам Державину не было конца. За этим все пристали к Крылову, чтоб он прочитал что-нибудь. Долго отнекивался остроумный комик, но наконец разрешился баснею из Лафонтена «Смерть и дровосек», в которой, сколько припомнить могу, есть прекрасные стихи:

...Притом жена и дети,
А там боярщина, подушные, оброк,
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек? —

а заключительный смысл рассказа выражен с такою простотою и верностью:

Что как на свете жить ни тошно,
Но умирать еще тошней [5].

Это стоит Лафонтенова стиха:

Plutôt souffrir, que mourir *.

Казалось, что после Крылова никому не следовало бы отваживаться на чтение стихов своих, каковы бы они ни были, однако ж князь Горчаков, по приглашении приятелей своих Кикина и Карабанова, решился на этот подвиг и, вынув из-за пазухи довольно толстую тетрадь, обратился ко мне с просьбою прочитать его послание к какому-то Честану о клевете [6] ⟨...⟩

9 февраля, суббота.

Сегодняшний литературный вечер у Гаврилы Романовича начался чтением стихов его на выступление в по-

---

* Лучше страдать, чем умереть (*фр.*).

ход гвардии. На этот раз я охотно отказался бы от чтения их пред публикою — так мне они не по сердцу, но побоялся, чтоб он опять не огрел меня названием педанта, и волею-неволею провозгласил:

Ступай и победи
Никем не победимых;
Обратно не ходи
Без звезд на персях зримых! ⟨...⟩ [7]

В детстве моем я слыхал от родных, что дядя мой Иван Герасимович Рахманинов, которого я зазнал уже стариком и помещиком деревенским в полном значении слова, занимался некогда литературою и был в связи с Крыловым и Клушиным. Мне захотелось поверить это семейное сказание, и я, подсев к Крылову, спросил его, в какой мере оно справедливо. «А так справедливо, как нельзя более,— отвечал мне Крылов,— и вот спросите у Гаврилы Романовича, который лучше других знает все, что касается до Рахманинова. Он был очень начитан, сам много переводил и мог назваться по своему времени очень хорошим литератором. Рахманинов был гораздо старее нас, и, однако ж, мы были с ним друзьями; он даже содействовал нам к заведению типографии и дал нам слово участвовать в издании нашего журнала «Санкт-Петербургский Меркурий», но по обстоятельствам своим должен был вскоре уехать в тамбовскую деревню. Мы очень любили его, хотя, правду сказать, он и не имел большой привлекательности в обращении: был угрюм, упрям и настойчив в своих мнениях. Вольтер и современные ему философы были его божествами. Петр Лукич Вельяминов, друг Гаврилы Романовича, был также его другом и, кажется, свойственником». Вслушавшись в фамилию Рахманинова, Гаврила Романович вдруг спросил нас: «А о чем толкуете?» Я отвечал, что говорим о дяде Иване Герасимовиче Рахманинове и что я хотел узнать от Ивана Андреевича о литературных трудах его. «Да,— сказал Гаврила Романович,— он переводил много, между прочим философические сочинения Вольтера, политическое его завещание и другие его сочинения в 3-х частях; известие о болезни, исповеди и смерти его, Дюбуа; «Спальный колпак» Мерсье; издал Миллерово «Известие о российских дворянах» и, наконец, издавал еженедельник под заглавием «Утренние часы». Человек был умный и трудолюбивый, но большой вольтерианец.

Иван Андреевич и Клушин были с ним коротко знакомы. Да, кстати о Клушине: скажите, Иван Андреевич, точно ли Клушин был так остер и умен, как многие утверждают, судя по вашей дружеской с ним связи?» — «Он точно был умен,— сказал с усмешкою Крылов,— и мы с ним были искренними друзьями до тех пор, покамест не пришло ему в голову сочинить оду на пожалование Андреевской ленты графу Кутайсову...» — «А там поссорились?» — «Нет, не поссорились, но я сделал ему некоторые замечания на счет цели, с какою эта ода была сочинена, и советовал ее не печатать из уважения к самому себе. Он обиделся и не мог простить мне моих замечаний до самой своей смерти, случившейся года три назад».

Между тем Иван Семенович Захаров, вынув из портфеля претолстую тетрадь, приглашал всех послушать новый перевод нравоучительных правил Рошфуко («Maximes»), сделанный каким-то Пименовым (вероятно, одним из его многочисленных protégés), и как ни хвалил он этот перевод, но, кажется, ни у кого не было охоты слушать его, а А. С. Шишков без церемоний объявил, что он большой нелюбитель этих нарумяненных французских моралистов, которых все достоинство заключается в одном щегольстве выражений, и что как бы ни был хорош перевод, он не может принести ни большой пользы, ни удовольствия, потому что знающие французский язык предпочтут чтение сочинения в оригинале, а для незнающих оно в переводе покажется сухим и недостаточным для полного понятия об авторе. Князь Шихматов присовокупил, что уж если дело пошло на перевод моралистов, то надлежало бы приняться не за Рошфуко и Лабрюера, а скорее за Иисуса Сираха... «Вот так правила! — сказал он с необыкновенным одушевлением,— вот где настоящая, полная наука общежития! И почему бы трудолюбивому и грамотному человеку не взять на себя труда перевести Сираха, выпустив из него некоторые длинноты и повторения, и не издать его особою нравоучительною книжкою? Почему бы не приспособить афоризмов этого писателя, столь простых, понятных и так глубоко врезывающихся в память, к первоначальному чтению для юношества и почему бы не наполнить ими всех азбук и даже прописей? Чего хочешь, того и просишь у этого дивного Сираха, и всякий найдет себе в нем то, что может быть ему на потребу и утешение в жизни,— от самых первых оснований премудрости, заключа-

ющейся в страхе божием, почтении к властям и любви к ближнему, до самых тонких общественных приличий: все есть, и это все как превосходно выражено!..»

10 февраля, воскресенье.

«Все это так, однако ж пора вам, князь, познакомить нас с вашими «Пожарским, Мининым и Гермогеном» [8],— сказал А. С. Хвостов.— Моралисты моралистами, а поэзия поэзией, и нам забывать ее не должно. Мы отложили чтение вашей поэмы до нынешней субботы: ну так давайте ее сюда без отговорок».— «Я и не думал отговариваться,— возразил князь Шихматов очень простодушно,— я сочинил мою поэму не для того, чтоб оставлять ее в портфеле, и рад таким слушателям». Развернув тетрадь, князь приготовился было читать ее, но А. С. Шишков не дал ему разинуть рта, схватил тетрадь и сам начал чтение. Стихи хороши, звучны, сильны и богатство в рифмах изумительное: автор вовсе не употребляет в них глаголов, и оттого стихи его сжаты, может быть даже и слишком сжаты, но это их не портит. Не постигаю, как мог он победить это затруднение, составляющее камень претыкания для большей части стихотворцев. О достоинстве содержания поэмы и расположении ее судить нельзя, не прочитав ее всей от начала до конца, à tête reposée *, но видно по всему, что молодой поэт успел набить руку. Шишков читал творение своего любимца внятно, правильно и с необыкновенным одушевлением. Я от души любовался седовласым старцем, который так живо сочувствовал красоте стихов и передавал их с такою увлекательностью: судя по бледному лицу и серьезной его физиономии, нельзя было предполагать в нем такого теплого сочувствия к поэзии. Я запомнил множество прекрасных стихов и мог бы вчера безошибочно записать их, но сегодня почти все перезабыл и могу припомнить только некоторые из посвящения государю:

И род Романовых возвысив на престол,
Исторгли навсегда глубокий корень зол;
Два века протекли, как род сей достохвальный
Дарует счастие России беспечальной:
Распространил ее на север и на юг,
Величием ее исполнил земной круг,
Облек ее красой и силою державной
И в зависть мир привел ее судьбою славной.

* На свежую голову (*фр.*).

И далее из воззвания Гермогена к народу:

Отдайте жизнь, сыны России,
Полмертвой матери своей;
Обрушьте на враждебны выи
Ярем, носящийся над ней.

Крылов не читал ничего, сколько его о том ни просили,— извинялся, что нового не написал, а старого читать не стоит, да и не помнит. Ф. П. Львов прочитал стишки свои к «Пеночке», написанные хореем довольно легко и с чувством:

Пеночка моя драгая,
Что сюда тебя влекло?
Легкое твое крыло,
Чистый воздух рассекая, и проч.

Но эти стишки возбудили спор: П. А. Кикин ни за что не хотел допустить, чтоб в легком стихотворении к птичке можно было употребить выражение *драгая* вместо *дорогая* и сказать *крыло*, когда надобно было сказать *крылья*. За Львова вступились Карабанов и другие, но Захаров порешил дело тем, что слово *драгая* вместо *дорогая* и в легком слоге может быть допущено, так же как и слово *возлюбленный* и *драгоценный* вместо *любезный* или *любезнейший*, как например:

Ты зачем меня оставил,
Мой возлюбленный супруг,
И в чужбину путь направил, и проч.

Но что касается до выражения *крыло* вместо *крылья*, то, по совести, надлежало бы изменить его, потому что птица может рассекать воздух только двумя крыльями, а на одном в воздухе даже и держаться не может. Этот спор, видимо, неприятен был Федору Петровичу, и он часто посматривал на Крылова, который как-то насмешливо улыбался.

«А знаете ли вы,— спросил у меня Щулепников,— стихи графа Д. И. Хвостова, которые он в порыве негодования за какое-то сатирическое замечание, сделанное ему Крыловым, написал на него?» — «Нет, не слыхал»,— отвечал я. «Ну, так я вам прочитаю их, не потому, что они заслуживали какое-нибудь внимание, а только для того, чтоб вы имели понятие о сатирическом таланте графа. Всего забавнее было, что он выдавал эти стихи

за сочинение неизвестного ему остряка и распускал их с видом сожаления, что есть же люди, которые имеют несчастную склонность язвить таланты вздорными, хотя, впрочем, и *очень остроумными* эпиграммами. Вот эти стишонки:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диван,
Как будто неотесанный
Какой-нибудь чурбан,
Лежит совсем разбросанный
Зоил Крылов Иван:
Объелся он иль пьян?

Крылов тотчас же угадал стихокропателя: «В какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь»,— сказал он и отмстил ему так, как только в состоянии мстить умный и добрый Крылов: под предлогом желания прослушать какие-то новые стихи графа Хвостова, напросился к нему на обед, ел за троих и после обеда, когда Амфитрион, пригласив гостя в кабинет, начал читать стихи свои, он без церемонии повалился на диван, заснул и проспал до позднего вечера» ⟨...⟩ [9]

15 марта, пятница.

Пишут из Москвы, что, несмотря на военное хлопотное время, наконец решено строить театр, к чему и приступят тотчас же после пасхи. Место для постройки выбрано у Арбатских ворот. Эта мысль хороша, потому что большая часть дворянских фамилий живет на Арбате или около Арбата. Болтливый корреспондент мой прибавляет, что вскоре по открытии спектаклей дадут в первый раз «Модную лавку» Крылова, которую публика желает видеть так нетерпеливо, что заранее теперь хлопочет о местах ⟨...⟩ [10]

5 мая, воскресенье.

Вчерашний литературный вечер А. С. Хвостова был последним из литературных вечеров, и до осени их более не будет. Гаврила Романович уезжает в свою Званку, на берега Волхова, и хочет на досуге заняться стихотворным описанием сельской своей жизни. «Лира мне больше не по силам,— говорит он,— хочу приняться за цевницу». Но кажется, что он только так говорит, а думает иначе и при первом случае не утерпит, чтоб опять не приняться

за оду: как бы человек в силах ни ослабел, он не может идти наперекор своему призванию. «Chassez le naturel, il revient au galop» *.

Я несколько опоздал к чтению и вошел в гостиную, когда оно уже началось. А. С. Шишков читал какую-то детскую повесть, одну из многих, приготовленных им к изданию и составляющих продолжение к изданным уже в прошедшем году. Разумеется, не было конца похвалам повести, а еще более намерению автора; последнее точно стоит доброго ему спасиба от всех честных людей. Каково бы ни было достоинство повести в литературном отношении, о котором, впрочем, я ничего сказать не могу, потому что слышал ее только вполовину, но, признаюсь, нельзя было без особого уважения смотреть на этого почтенного человека, который с такою любовью посвящает труды свои детям.

За этим князь Шихматов читал свое подражание восьмой сатире Буало **. Все удивлялись, что Шихматов вдруг сделался сатириком, потому что этот род поэзии не свойствен его таланту. Однако ж сатира его имеет свои достоинства и по мыслям и по языку. Преудивительный человек этот Шихматов! Как я ни вслушивался в рифмы, но не мог заметить ни одного стиха, оканчивающегося глаголом. Особый дар и особая сила слова! ***

Нынче, видно, мода на сатиры: вот уж четвертая, которую удается мне слышать: Горчакова, Шаховского, Марина и, наконец, Шихматова.

После чаю Крылов попотчевал нас баснею «Медведь и Пустынник»; это перевод из Лафонтена, но какой перевод! Прелесть! Стоит оригинала. Медведь у него совершенно живой:

...Завидя муху,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу
И думает: постой, вот я тебя, воструху! [11]

---

* Гони природу в дверь — она влезет в окно (*фр.*). Букв.: гони природу, она вернется галопом.

** De tous les animaux qui s'élèvent dans l'air, Qui marchent sur la terre, ou naqent dans la mer, и проч.— Из всех животных, летающих по воздуху, ходящих по земле или плавающих в море (*фр.*).

*** Так прежде казалось автору Дневника, и он сознается, что удивление его было безотчетно и неосновательно. Это литературный фокус-покус — одна побежденная трудность и не заключает в себе большого достоинства. (*Позднейшее примеч. авт.*)

А как читает этот Крылов! Внятно, просто, без всяких вычур и между тем с необыкновенною выразительностью; всякий стих так и врезывается в память. После него, право, и читать совестно.

Собеседники делали ему множество комплиментов и между прочим чрезвычайно хвалили комедию его «Урок дочкам». Лабзин заметил, что, кроме нравственной цели, которую Крылов умел развить с таким искусством в своей комедии, в ней, как в пьесах Мольера, есть величайшее достоинство *совершенного отсутствия самого автора* и что он умел избежать этого нестерпимого притязанья наших комиков на острословье, которым они желают выказываться сами, тогда как надобно выказывать характеры своих персонажей. «Жаль одного,— сказал он,— что комедия «Урок дочкам» не написана стихами: тогда была бы она еще совершеннее».

«А почему ж бы она была совершеннее? — возразил прозаик И. С. Захаров,— ничего не бывало: эта комедия, хотя она и в одном действии, имеет все достоинства des pièces de caractère * и легко обойдется без стихов, которыми нужно только скрашивать les pièces de circonstance **, по ничтожности их содержания и характеров действующих лиц».

«А потому,— подхватил Карабанов,— что острое слово в стихах скорее врезывается в память и поступки людей разительнее представляются в стихах, нежели в прозе».

«Избави нас бог,— сказал Шишков,— от острословия в комедиях, которое годится только для эпиграмм. Надобно, чтоб комедия возбуждала смех положением действующих лиц, а не остротами. Возьмем в пример хоть бы сцену из «Модной лавки» Ивана Андреича, когда провинциал-муж находит в шкапу модного магазина, вместо предполагаемой в нем контрабанды, старуху, жену свою: в этой сцене нет ни одной остроты, а она заставляет хохотать от всей души. Но вот и другой пример. В первой сцене комедии Павла Иваныча Сумарокова «Деревенский в столице», которую он читал мне на прошлой неделе, слуга на замечание помещика, что Петербург очень изменился с тех пор, как они его не видели, отвечает: «И сколько желтых домов! Не пересчитаешь». Вот, пожалуй, и острота, а смеха не производит» ⟨...⟩

* Комедий характеров (*фр.*).
** Комедий положений (*фр.*).

6 мая, понедельник.

Сегодня был на первой репетиции «Пожарского» на сцене[12]. Автор сидел вместе с князем Шаховским и Дмитревским и что-то очень был не в духе. Яковлев не играл, а говорил, а Шушерин даже и не говорил, а бормотал себе под нос. Одна Каратыгина читала свою роль как следует, хотя тихо, но со всеми изменениями голоса. Георгия играет воспитанник Сосницкий, прекрасный мальчик лет четырнадцати. Эта репетиция только для того, чтоб актеры узнали места свои, равно входы и выходы на сцену и со сцены.

По милости Дмитревского я познакомился с князем Шаховским. Он без церемонии приглашал меня к себе, сказав, что всякий вечер бывает дома и что я ежедневно найду у него кого-нибудь из литераторов и, между прочим, Крылова, который живет с ним в одном доме и даже стена об стену.

Князь Шаховской толст и неуклюж, однако ж ходит проворно. Вся фигура его очень оригинальна, но всего оригинальнее нос и маленькие живые глаза, которые он беспрестанно прищуривает; говорит скоро, пришепетывая, и, судя по тому, что говорит, надобно полагать, что любит подсмеяться. Не понимаю, как он может с своею фигурою и своим произношением преподавать правила трагической декламации: ученики его должны во время уроков помирать со смеху ⟨...⟩

9 мая, четверг.

Вчера вечером я был у князя Шаховского. Он живет у Синего моста, в доме Гунаропуло, на углу Большой Морской[13]. Меня встретил высокий лакей, довольно засаленный, которого, как я после узнал, зовут Макаром. «Дома ли князь?» — «Никак нет-с, он во французском театре, но сейчас приедет, пожалуйте: Катерина Ивановна у себя»[14]. Я вошел. Женщина небольшого роста, худощавая, лет 24, сидевшая на диване за каким-то шитьем, встретила меня очень приветливо, спросив: «Что вам угодно?» Я сказал ей свое имя, прибавив, что князь приглашал меня к себе на репетиции «Пожарского», назначив время по вечерам, в которые, по словам его, обыкновенно бывает дома. «Ах, батюшки! Да он вас дожидался еще на другой день репетиции! — заговорила

вдруг Катерина Ивановна (это была она), так громко и нецеремонно, как будто мы с нею целый век были знакомы.— Ведь вы пишете стихи и сочинили трагедию, которую Петр Николаич очень хвалит».— «Правда, что я пишу стихи и сочинил трагедию,— отвечал я,— но такую, которая, по мнению знающих людей и по собственному моему убеждению, не может быть представлена на театре, и Кобяков в этом случае сказал наобум, потому что он даже и не читал ее».— «О! Да, да! Он ничего не смыслит и только побирается стишками. Вот намедни пристал к князю: сочини ему стихи в его оперку, которую он перевел с французского, «Les amants Protées»; вообразите, с бессмыслицей для роли Самойлова сладить не мог; * а когда есть время князю заниматься таким вздором? Вы не поверите, как он занят: так занят, что не имеет часу свободного времени. Петр Николаич у нас почти всякий день, приносит разные новости, в которых и половины нет правды; а впрочем, он прекраснейший человек».

Я узнал моего друга; но узнал также, что Катерина Ивановна любит поговорить.

Между тем князь Шаховской возвратился из театра вместе с Павлом Михайловичем Арсеньевым. Последний тотчас с великою радостью объявил Катерине Ивановне, что Матвей Васильевич (Крюковской) вслед за ними едет. Князь обласкал меня и просил быть у него без церемоний. «Только мне и отрады,— примолвил он,— что по вечерам дома с людьми грамотными».

Вскоре приехал Крюковской и за ним князь Иван Алексеевич Гагарин, покровитель Семеновой. «Теперь все налицо, Катенька,— сказал князь,— как бы чаю?» — «Ивана Андреича еще нет»,— отвечала она и тотчас послала сказать Крылову, что чай готов.

Мы уселись вокруг большого круглого стола, а Шаховской с Гагариным развалились на диване и закурили трубки. Крылов не замедлил явиться и сел на креслах в углу у печки. «Спасибо, умница, что место мое не занято,— сказал он Катерине Ивановне,— тут потеплее».

---

* Во светлой мрачности блистающих ночей
Явился черный блеск от солнечных лучей;
Ужасный слышу гром в молчанье непрерывном...
Спокоен был и весь от страха трепетал...
Закрыл свои глаза и с быстротой взирал, и проч., и проч.

«Оборотни», опера в одном действии. (*Примеч. авт.*)

Арсеньев завел речь о «Пожарском» и начал хвалить автора на чем свет стоит: чего-чего он ни наговорил ему! Что он первый-то у нас драматический писатель; что трагедия его — первая современная трагедия в целом свете; что на нем одном теперь сосредоточены надежды всех любителей драматической поэзии и проч. и проч. Крюковской краснел и молчал, Крылов улыбался, князь Гагарин очень серьезно и с удивлением посматривал на своего приятеля, который осмеливался так превозносить пьесу, в которой не было роли для Семеновой; но князь Шаховской не выдержал и вспыхнул, как фейерверк: «Да помилуй, братец Павел Михайлыч! Откуда ты вдруг набрался такой премудрости, что выдаешь себя за оракула драматической поэзии и уверяешь автора в том, в чем он и сам, по совести, сознаться не может. Бесспорно, пьеса Матвея Васильича имеет свои достоинства; но чтоб она была первою пьесою в свете, так это, голубчик, вздор; а то еще и пущий вздор, чтоб один только автор ее был надеждой и опорой русской сцены. Не говоря о других, куда ж ты девал Озерова?»

«Ну, это только так говорится»,— отвечал Арсеньев.

«Говорится? — возразил князь Шаховской,— а зачем же на вечерах у Марьи Алексеевны ⟨Нарышкиной⟩ проповедуешь ты эту чепуху барыням и барышням, которые ни бельмеса не смыслят в нашей драматической поэзии? Ты сказал, а они повторять пошли: на русском театре ничего-де путного нет, кроме трагедии «Пожарский». И вот пирог испечен, мнение готово! Нет, любезный, прямо просишься в мою сатиру или в комедию Ивана Адреича».

«Знаешь ли, князь, отчего наш Арсеньев так пристрастен к трагедии Матвея Васильича, которой, впрочем, я сам отдаю полную справедливость, хотя и не знаю, какой она будет иметь успех на сцене? Оттого что он в жизни своей не читал никакой другой пьесы, а эту както удалось ему выучить наизусть. Не правда ли, Павел Михайлыч?».

Арсеньев засмеялся.

«Смейся или нет, что правда, то правда,— продолжал князь Гагарин,— ну-ка назови еще трагедию или комедию, которую бы ты читал когда-нибудь».

Арсеньев признался, что он точно не читывал ни одной театральной пьесы, но зато по страсти к театру все их пересмотрел на сцене.

В одиннадцать часов заехал за князем Гагариным граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин, очень толстый, но приятной наружности человек, с открытым лицом и добродушною физиономиею; он большой любитель спектаклей французского и русского и ежедневно бывает в одном из них. «Или сегодня у тебя неприсутственный день,— спросил он князя,— что ничего не читают?» — «Да еще не размололись,— отвечал Шаховской,— и вместо пролога бранимся пока с Арсеньевым».

Между тем Крюковской подсел к столику, на котором Катерина Ивановна разливала чай, и тихомолком болтал с нею. Из всего, что они говорили, я мог только расслышать несколько слов: «И сегодня были?» — «Были утром».— «Хорошо читает?» — «Прекрасно; князь очень доволен».— «А чем дебютирует?»— «Кажется, «Дидоной» или «Пальмирой».—«Как жаль, что я не был!»

«А ты не слыхал,— сказал князь Шаховской графу Пушкину,— что Крылов написал новую басню, да и притаился, злодей!» (С этим словом он вдруг вскочил с дивана и поклонился в пояс Крылову.) «Батюшка Иван Андреич, будьте милостивы до нас бедных — расскажите нам одну из тех сказочек, которые вы умеете так хорошо рассказывать». Шаховской пародировал сестру Шехеразады.

Крылов засмеялся, а когда смеется Крылов, так это недаром: должно быть смешно. Он придвинулся к столу и прочитал новую свою басню «Оракул»:

В каком-то капище был деревянный бог
И стал он издавать пророчески ответы, и проч.[15]

Собеседники слушали с величайшим удовольствием и заставили автора повторить заключение. Странное дело: мы слышали басню в первый раз, а почти все знали ее уже наизусть.

После Крылова читал князь Шаховской начало комической своей поэмы «Расхищенные шубы». Содержание основано на происшествии, случившемся прошедшею зимою в немецком, так называемом Шустер-клубе: пьяный швейцар во время бала перепутал шубы и салопы приезжих гостей, отчего при разъезде произошел беспорядок — вот и все тут! Но князь Шаховской умел опоэтизировать анекдот: в его стихотворной шутке много мест достойных Буало, поэме которого (Le Lutrin *) он,

* Налой (*фр.*).

по словам его, подражать хотел. Каково-то будет продолжение, а начало, нечего сказать, прекрасно. Совет старшин клуба описан мастерски, и некоторые из них дышат жизнию.

Сам мастер гробовой Фрейтодт с умильным взором,
С улыбкой радостной, как будто перед мором![16]

«Но скажи, пожалуйста, князь,— спросил граф Пушкин,— когда ты находишь время сочинять что-нибудь? По утрам у тебя должностной народ, перед обедом репетиции, по вечерам всегда общество, и прежде второго часа ты не ложишься — когда ж ты пишешь?».

«Он лунатик, граф,— с громким смехом подхватила Катерина Ивановна,— не поверите: во сне бредит стихами! Иногда думаешь, что он тебе что-нибудь сказать хочет, а он вскочил да и за перо, прибирать рифмы!»

Мы расхохотались, и сам князь Шаховской также.

Граф Пушкин с князем Гагариным уехали к княгине Голицыной, проименованной la princesse Nocturne *, потому что она не принимает у себя ранее полуночи и ночи превращает в дни; Крылов ушел спать, а, наконец, и Арсеньев с идолом своим Крюковским отправились по домам. Я также хотел откланяться, но князь Шаховской настоял, чтоб я с ним ужинал. Мы остались болтать втроем. Я рассказал ему о моей праздной службе, о моих занятиях и о страсти моей к театру, прочитал ему несколько сцен из «Артабана»[17] и передал слово в слово отзыв о нем Дмитревского, которым он так сконфузил меня в бытность мою у него в первый раз. Князь Шаховской очень смеялся, Катерина Ивановна еще больше; но результат моей болтовни был для меня неожиданно счастлив: с величайшим добродушием князь предложил мне ходить во все театры, отныне навсегда, бесплатно в его кресла, которые он сам никогда не занимает, находясь всегда за кулисами.

Вот оно что! Теперь не для чего мне справляться с карманом и разбирать спектакли: ступай в любой и, сверх того, в кресла! 〈...〉

19 мая, воскресенье.

Князь Шаховской говорил о намерении своем с будущего года заняться изданием какого-нибудь театрального

---

* Ночная княгиня (*фр.*).

журнала или газеты, в которых бы можно было помещать рецензии на пьесы, представляемые на театре, на игру актеров, разные театральные анекдоты, жизнеописания известнейших драматургов и актеров русских и иностранных — словом, все, что относится до истории театра и правил сценического искусства. Вместе с этим в состав журнала должна войти и легкая литература: краткие повести, стихи и проч. и проч. Князь Шаховской уверяет, что в этом намерении поддерживает его Крылов, который обещал печатать в новом журнале свои басни, до сих пор нигде еще не напечатанные [18]. В одном только он находит затруднение: кому поручить надзор за изданием журнала и своевременным выходом книжек, потому что ему самому надзирать за этим, по недостатку времени, нет возможности. Я сказал ему, что мысль прекрасная и журнал, без сомнения, должен иметь большой успех; но прежде, нежели приступить к изданию, надобно сообразиться с средствами: достаточно ли у него на первый случай материалов и уверен ли он в своих сотрудниках, без чего может тотчас остаться, как рак на мели. Он утверждал, что в сотрудниках недостатка не будет; издержки издания предпримет на свой счет Рыкалов, содержатель театральной типографии [19], с тем чтоб ему предоставлена была вся польза от издания, и что не это его беспокоит, а только то, кто примет на себя надзор за изданием, то есть все хлопоты, корректуру и проч. Я сказал ему, что в этом случае кстати привести окончание басни «Ларчик», читанной на днях у него Крыловым: «А ларчик просто отворялся». Если Рыкалову предоставляется вся польза от издания, так ему и следует принять все эти хлопоты на себя. Шаховской шлепнул себя по лбу и, захохотав, сказал: «Il y a des gens d'esprit qui sont quelque fois bien bêtes» *.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО ТЕАТРАЛА»

Однажды, как-то в конце июля 1811 года, вечером сидело у князя Шаховского несколько обыкновенных его посетителей: И. А. Крылов, старик С. С. Филатьев,

---

* Некоторые очень умные люди бывают иной раз очень глупы (*фр.*). Перефразировка восклицаний Сюзанны из комедии Бомарше «Свадьба Фигаро»: «Как глупы эти умные люди».

А. Я. Княжнин, С. И. Висковатов, П. И. Кобяков и проч. Беседа была оживленная: толковали о том о сем, разумеется, наиболее о литературе, о театре и актерах и между прочим горевали о том, что Крылов потерял первое действие начатой им комедии «Ленивый». В первой сцене этого действия слуга, сочиняющий за барина письмо к его родителям, двумя стихами чрезвычайно резко обрисовал характер Ленивца:

Ну что ж еще писать?..
«Все езжу по делам!» — Да, ездит уж неделю
С постели на диван, с дивана на постелю [1],

читали некоторые сцены из комедии Пикара «La petite ville» *, переведенной Княжниным и доставленной князю Шаховскому при стихотворном посвящении, которое начиналось так *поэтически*:

Любезнейший мой князь, прими сего дитятю,
Который отыскал в тебе другого тятю,
Хотя Пикар ему был истинный отец;
Но я свернул его на русский образец, и проч.

уговаривали Филатьева отказаться от бесплодного труда над переводом Лукановой «Фарсалии» в прозе и предпринять что-нибудь полезнейшее, хотя бы, например, диссертацию о Китае, который почитал он земным раем, а китайцев — образованнейшим народом в целом свете; задевали за живое Висковатова, который в своих переводах трагедий вовсе не держался подлинника и для рифм изменял не только смысл стихов, но и даже характеры персонажей; словом, досталось всем сестрам по серьгам, не исключая и самого хозяина, которому напомнили сцену в четвертой части его «Русалки», когда Тарабар с Кифаром вылезают из котлов, в которых кипятил их волшебник Злорад, чихают и начинают разговор тем, что один говорит *здравствуй*, а другой отвечает *благодарствуй!* Время проходило незаметно, как вдруг вошел исторический Макар ** с докладом о приходе какого-то Якова

* Городок (*фр.*).

** С. Н. Марин, известный своим остроумием, многими сатирическими сочинениями в эпоху с 1797 по 1800 год, переводом «Меропы» и, наконец, многими шуточными посланиями, как-то: к Геракову, к уличному стихотворцу Патрикеевичу и проч., обессмертил слугу бывшего своего сослуживца стихотворным настав-

Григорьевича Григорьева. «Ах, боже мой! — вскричал Шаховской,— я было и забыл. Как я рад, как я рад! Посмотрите, господа, какое нам бог посылает сокровище! Зови, зови скорее!» Надобно знать, что наш комик чрезвычайно легко пристращался ко всем людям, особенно же к таким, которых почитал способными для сцены и которых мог учить декламации. Вот входит Григорьев: молодой человек лет двадцати, пристойно одетый, прекрасной наружности и с открытою физиономиею. «Ну, что, братец, решился?» — «Давно решился, ваше сиятельство».— «А увольнение от службы получил?» — «Нет еще, но обещают скоро уволить».— «Да, похлопочи, любезный, пожалуйста, похлопочи; август на дворе, в школе начнутся спектакли, а тебе надобно сначала поиграть в школе, чтобы попривыкнуть к лампам; да почитай-ко что-нибудь из тех ролей, какие ты знаешь. Роль Тверского [3] я слышал: нет ли другой?» — «Разве прикажете из роли Полиника [4], сцену с отцом?» — «Прекрасно, валяй! А вот Семен Семеныч и Эдипом будет, чтоб тебе знать, к кому обращаться». И вот переводчика Лукановой «Фарсалии» поставили противу Григорьева чучелою Эдипа. Молодой кандидат на звание актера, нимало не конфузясь, вышел на середину комнаты и хотел было начинать роль свою, как вдруг князь Шаховской, остановив его, закричал: «Подайте чистую простыню!» — «А на что тебе простыня?» — отозвался глубокий контральт из ближней комнаты. «Нужно, нужно; подайте

лением, кого именно впускать и не впускать в кабинет князя Шаховского:

Старинный, верный раб фамилии старинной,
Немыслящий мудрец, о ты, Макар предлинный,
Наперсник и лакей, дворецкий и швейцар,
К тебе склоняю речь, единственный Макар! и проч.,[2]

Макар и Семен, слуга Яковлева, которого наш Тальма называл *Семениусом*, в то время часто служили предметами шуток молодых весельчаков; последнему с кем-то удалось побывать на кавказских водах и он не мог наговориться о них и забыть ни виденной будто бы им за *700 верст* известной горы Шат (Эльбрус), ни кизлярского вина, которое, по его сказанию, распивали там ушатами. По этому случаю Яковлев написал ему следующую кенотафию:

Под камнем сим лежит Семениус великой,
Кто невозможному служил живой уликой:
Из-за семисот верст он видел гору Шат
И залпом выпивал кизлярского ушат,

скорее!» Простыня была принесена, и князь нарядил Григорьева греком не хуже тогдашнего костюмера Бабини. «Это для того, любезный, чтоб видеть, как будешь ты действовать в костюме. Ну, теперь начинай». Григорьев начал:

Итак, я осужден на вечные мученья,
Итак, не должно мне надеяться прощенья! и проч.

и продекламировал всю эту тираду ясно, вразумительно, голосом твердым, без излишней горячности и соблюдая нужную постепенность; а при стихе:

Твой кающийся сын падет к твоим ногам,—

бросился к ногам Филатьева очень ловко, не путаясь в простыне, которою был окутан, и последующую тираду:

Чтоб, чувствия свои ко мне переменя, и проч.,—

проговорил, усилив голос и с еще бо́льшим одушевлением, чем прежнюю, словом, декламировал так, как иногда не удается иному и опытному актеру.

«Хорошо!» — вскрикнул восхищенный князь Шаховской; «Хорошо»,— повторили хором все присутствующие, кроме Крылова, который никогда не увлекался и, вместо всяких возгласов, только спросил Григорьева: «А что, *умница*, ты учишься у кого-нибудь?» — «Никак нет-с»,— отвечал молодой человек. «Ну, так и подлинно бы, князь, поскорее им заняться, а то, пожалуй, еще и с толку собьют». Князь Шаховской просил Григорьева настоятельно хлопотать о скорейшем увольнении от должности, а между тем поручил ему выучить некоторые роли для школьных спектаклей, как-то: Лаперуза, Влюбленного Шекспира [5], Солимана в «Трех султаншах» [6] и несколько других в комедиях, в том убеждении, что ничто так не развязывает молодого актера и не приучает его к естественности, как игра в комедиях. Крылов заметил, что после школьных спектаклей всего бы лучше на Большой театр выпустить его в какой-нибудь ничтожной роли, но в таком костюме, который бы пристал к нему, хотя бы, например, в роли Видостапа в двух первых частях «Русалки». Князь согласился с замечанием и, отпуская Григорьева, пригласил его ходить к нему ежедневно по утрам, с тем что он будет проходить с ним все роли. «Да, пожалуйста, братец,— примолвил он,— не очень

слушайся дурных советников, а пуще всего заруби себе на нос, что если наградил тебя талантом бог, то развить его ты должен сам постоянным трудом и прилежанием. Читай и учись».

Этот Григорьев впоследствии был — актер *Брянский*.

По выходе Григорьева стали толковать о новом приобретении для русской сцены, и князь Шаховской по обыкновению не в состоянии был удержаться от своих фанатических восторгов: «Да, это сущий клад, сокровище! Вот увидите, что из него выйдет».— «А выйдет то, что бог даст,— сказал хладнокровный Крылов,— только с этим талантом надобно поступать осторожно; мне кажется, первые два-три года не должно бы давать ему ролей слишком страстных: немудрено привить фальшивую дикцию и приучить к неумеренным и неуместным возгласам *по обязанности*. Этот поддельный огонь спалил не одного молодца на сцене. Малой читает мастерски, слова нижет как жемчуг, да надобно подождать, чтоб он их прочувствовал. Заставь-ка его выучить роль Тита или Тезея [7] и пусть его себе разглагольствует, пока не созреет для ролей страстных; Полиника сыграет он и теперь лучше Щеникова, но рано и опасно вверять ему такие роли» 〈...〉

В конце августа Григорьев, получив увольнение от службы, поступил на театр и, приняв фамилию *Брянского*, дебютировал в сентябре (на театре, бывшем в доме Кушелева, где теперь Главный Штаб) [8] в роли Лаперуза. Эта драматическая роль дана была ему с намерением, чтоб удержать его от излишней горячности, которая всегда почти увлекает молодых артистов и заставляет их невольно выходить из пределов благоразумия. Брянский выполнил роль хорошо и имел успех. После того он играл во многих пьесах, большею частью комедиях, и, разумеется, как прежде предположено было, Видостана в «Русалке» и Солимана в «Трех султаншах», которых богатые костюмы так приличествовали его красивому стану и пригожему лицу. Он начинал привыкать к сцене, ознакомился с ее условиями, стал развязнее, почти овладел интонациею своего голоса, узнал публику и через четыре месяца, то есть 6 января 1812 г., явился в роли Шекспира в комедии «Влюбленный Шекспир», в которой Яковлев был превосходен. Эта роль, хотя и

комическая, но написана Дювалем для актеров трагических и собственно для Тальмы.

Брянский, несмотря на сравнение с великим нашим актером, которое его ожидало, имел отличный успех. Я помню, что он прекрасно играл ту сцену с Кларансою, в которой, проходя с нею роль, он делается недоволен ее бесстрастным выражением любви и ревности и начинает вразумлять ее, что значат страсти, любовь и ревность и как должно изображать их: «Ревность — адское чувство, гнетущее *здесь*, то есть сердце...» Игра в этой сцене Брянского нравилась и самому Яковлеву, который был чужд зависти, принимал радушное участие в успехах молодых талантов и готов был уступать им роли, если они находили их по своим силам. Исполнив роль Шекспира, Брянский занял решительно почетнейшее место на русской сцене после Яковлева. Предсказания князя Шаховского начинали сбываться; однако ж он на этот раз последовал совету Крылова и заставлял Брянского большею частью играть в драмах, комедиях, а иногда и в водевилях ⟨...⟩

Брянский был чтец по преимуществу, чтец, каких я мало встречал в жизни, и в этом отношении он чрезвычайно был полезен сочинителям и переводчикам трагедий, которые поверяли ему свои произведения: ни одно слово, ни одно выражение не пропадали даром; по замечанию Крылова, он низал их бисером и умел выказать все красоты и достоинства стихов.

А. П. ГЛУШКОВСКИЙ

ИЗ «МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ»

В Театральном училище воспитанников мужского и женского пола было 50 человек [1]. Из этого числа вышли знаменитые артистки, как-то: трагическая актриса Е. С. Семенова, впоследствии княгиня Гагарина; оперная актриса Дарья Максимовна Болина, вышедшая замуж за богатого дворянина Маркова; оперная актриса Софья Васильевна Черникова, впоследствии времени была женою талантливого оперного артиста Василия Михайловича Самойлова; Иван Иванович Сосницкий, талантливый и всеми любимый и уважаемый артист; он был современником вышеупомянутых артистов.

В этом выпуске были еще и другие замечательные артистки, подававшие блестящие надежды относительно успехов на сцене по тем задаткам таланта, которыми их одарила природа, но судьба повела их другою дорогою,— это были Исакова и Бельо,— одну она совсем удалила от сцены, а другая изменила своему назначению: из жриц Терпсихоры сделалась жрицею Мельпомены, перейдя из балетной труппы в драматическую ⟨...⟩ [2]

Бельо отличалась замечательной красотой, ⟨...⟩ хотя фамилия ее указывает на французское происхождение, но особенности ее красоты напоминали вполне тип азиатский, она походила скорее на грузинку или черкешенку; притом она была необыкновенно легка в движениях, грациозна и пламенна, подобно им. Особенно отличалась она в цыганских плясках: когда она плясала на сцене, искры огня, одушевлявшего ее, сообщались и зрителям ⟨...⟩

Поставляя на сцену оперу «Илья-богатырь», «Модную лавку», Иван Андреевич часто посещал кулисы и сцену во время репетиций; в это время он познакомился и

сблизился с Бельо. Ментор нашего юношества, по-видимому, не был огражден от стрел Амура тою непроницаемостию, которою отличался Ментор Телемака [3]. Иван Андреевич убедил Бельо перейти из балетной труппы в драматическую на роли субреток и бойких барышень; и действительно, во многих комедиях она выполняла их очень удачно и даже хорошо, потому что при разучивании ролей руководителем ее был сам Иван Андреевич.

Н. И. ГНЕДИЧ

ИЗ СТАТЬИ «ПИСЬМО О ПОЕЗДКЕ В ГАТЧИНО 1815 ГОДА»

Приехавши в Гатчино с А. Н. Олениным, нашли мы там и любезного В. А. Жуковского, днем прежде нас приехавшего с Ю. А. Нелединским [1]. Приглашенные к обеденному столу, в три часа вошли мы в залу, и, как я ни был стеснен в этом знаменитом обществе двора, где еще более, нежели в частном, беспокоили меня заботы о приличиях, где еще более думал я видеть себя смущенным, но вышла императрица, и я ничего этого не чувствовал. И за столом, когда она обратила некоторые вопросы к г. Крылову, мне уже казалось, что я скорее был бы готов на ответ, нежели наш Лафонтен, которого первый вопрос государыни нашел погруженным в безмолвные занятия священной трапезы ⟨...⟩

В 8 часов мы вошли в залу вечернего собрания, и государыня по выходе своем, опять обратясь приветственно к каждому из нас порознь, изъявила желание, чтобы начали чтение. Г-н Крылов начал его чтением своих басен. Многие из них были новые, а многие, по воле и назначению государыни читаны старые или в другой раз повторяемы новые. Не нужно вам описывать несомнительного их действия; но не можно было не удивляться той верности вкуса, с каким государыня замечала красоты в читанных баснях, и тому вниманию, какое она преклоняла к прекрасным стихотворениям г. Жуковского, которые читал Ю. А. Нелединский; а я имел счастие читать начало из I песни «Илиады». Но всего, я думаю, лестнее было слышать нашему баснописцу, как великая княжна воспоминала наизусть некоторые стихи из басен его ⟨...⟩

Во время чтения других, когда я мог быть, так сказать, посторонним свидетелем, и во время ужина, к которому не было у меня расположения, питал я душу мою мечтами и думами ⟨...⟩ Так я сам с собою пророчествовал, мечтая за ужином, и едва было не пропустил мимо слуха речей государыни, ко мне обращенных, насчет моего нерасположения к ужину.

— Скажите вашему соседу,— говорил мне между тем Юрий Александрович Нелединский, не стареющий любезностью ума,— скажите, чтобы он пропустил хоть одно блюдо, что государыня желает его попотчевать и не находит времени ⟨...⟩

После окончания ужина императрица изъявила желание слышать еще какие-либо из басен г. Крылова и приказала автору избрать из них ту, которую сам он более всех любит. Г-н Крылов прочел басню «Листы и Корни»...[2]

В. М. КНЯЖЕВИЧ

ИЗ ЗАМЕТОК, ПИСАННЫХ В 1820 ГОДУ

Гнедич рассказывал мне, как баснописец наш И. А. Крылов совершил великий подвиг, выучившись по-гречески. Ему уже более 50 лет; известны характерные черты его: гастрономия, сонливость, рассеянность, притом и толщина его. Все это не предполагает усидчивости и терпения. Однако дело началось так: какой-то приехавший сюда француз объявил, что будет легчайшими способами учить по-гречески. Крылов, который жил об дверь с Гнедичем, приходит к последнему и сказывает, что его подговаривает генерал-майор Орлов учиться вместе. «Хорошо,— возразил Гнедич,— купи же себе Библию, да пусть она лежит у тебя в ящике, авось выучишься!» — «И полно! будто уж я так ленив!» Этим разговор кончился и уже никогда не возобновлялся; только раз Гнедич находит в ящике у соседа своего действительно греческую Библию в пыли и в сырости и смеючись вынимает ее: «Что, брат,— говорит он Крылову,— выучился по-гречески?» — «Да начал было,— отвечает тот — однако твоя правда, не мне учиться». Проходит два года. Гнедич и Крылов обедали раз у начальника библиотеки, Оленина. Крылов имел обыкновение после обеда уходить тихонько, чтобы соснуть. Только вдруг сын и дочь Оленина ведут баснописца под руки и у него несколько странная мина. «Что, брат, поймали?» — говорит Гнедич, думая, что его не пустили идти домой. «Да!» — отвечает тот. Вслед за тем входит Оленин с тремя фолиантами. «Вот вы, Иван Андреевич, спорили со мной,— говорит он Крылову,— что *такое-то* слово имеет одно только значение. Напротив, я нашел и другие». Подает ему «Илиаду». Крылов читает по-гречески и переводит. Гнедич думает, что это шалость, и рассказывает свою, как его просили выучиться по-английски и как он мистифировал приятелей, затвердив одну страницу.

Развертывают Гомера в другом месте; Крылов читает и переводит. Гнедич смотрит на него большими глазами. «Пустое, все я не верю! Пожалуйте мне,— у вас Ксенофонт». Подают Крылову, он читает и переводит. Тогда уже Гнедич не мог не поверить, и все прежние стратажемы его соседа для него объяснились. Например, как он не пускал его в свой кабинет, извиняясь, что там не чисто (что и действительно правда, ибо Крылов очень неопрятен и Гнедич еще благодарил его за это, говоря: «хорошо, что ты знаешь нынче стыд»), как покрывал своею расходною книгою греческие увражи и пр. Крылов и Гнедич пошли наконец к себе и тут всю ночь напролет рассуждали об этом трудном языке и о том, как успел Крылов в два года ему выучиться. Последний рассказывал, что он читал авторов обыкновенно часов до четырех ночи, и как у него были стереотипные издания, то над ними он принужден был надеть очки. Замечательно, что он свою *Фенюшку* выучил узнавать греческих авторов, может быть по тому, что они, от времени, а больше от неопрятности были, каждый отличительно от другого, испачканы и засалены. «Подай мне Ксенофонта, «Илиаду», «Одиссею» Гомера»,— говорил он Фенюшке, и она подавала безошибочно.

Крылова кто-то представил в Академии к награждению медалью. Комитет, которому предложение отдано было на рассмотрение, признал его достойным этой награды, но президент оставил все дело без внимания. Разумеется, что Крылов обижен, и поэтому, вероятно, при чтении 5 февраля не было ни его, ни Оленина, ни Нелединского-Мелецкого, которые были из числа членов комитета [1].

Вот черта рассеянности баснописца. Панаев послал к нему свои «Идиллии» [2]. Крылову хотелось, увидевшись с ним, поблагодарить его. Гнедич рассказывал, что на бульваре в разное время останавливал он троих незнакомых ему людей и приносил им свою благодарность. Наконец, в прошедший понедельник (27 февраля), в публичном чтении Общества соревнователей [3], он просил Гнедича показать ему Панаева (хотя сам знает его или, по крайней мере, несколько раз видался и говорил с ним). Гнедич для шутки указал ему на Корфа; Крылов тотчас пошел и стал благодарить его, но увидя, что тот не понимает его, узнал свою ошибку и наконец сам отыскал Панаева.

Д. Н. СВЕРБЕЕВ

ИЗ «ЗАПИСОК»

...Представлю здесь, как эпизод более увлекательный, знакомство мое с одной из современных передовых, эмансипированных и тогда уже женщин ⟨...⟩ Софьей Дмитриевной Пономаревой, урожденной девицею Позняк ⟨...⟩ Она умела завлечь в свою гостиную всех тогдашних литераторов, декламировала перед ними их стихотворения и восхищала своей игрой на фортепьяно и приятным пением ⟨...⟩ Обычными посетителями были люди известные по литературе или по искусству, даровитые и любезные в откровенной, ничем не сдержанной беседе. Такими собеседниками бывали зрелых лет люди, как-то: изредка баснописец Крылов, переводчик Гомера Гнедич, неразборчивый в своей литературной деятельности журналист Греч, издатель журнала «Благонамеренный» циник Измайлов, трагики: Катенин и Жандр, закадычный друг Пушкина Дельвиг, Лобанов и Баратынский и другие; женщин не бывало ни одной ⟨...⟩ Изредка читал там Крылов новые свои басни еще до печати; Гнедич, один из искуснейших чтецов того времени, хотя и чересчур напыщенный, как и вся его фигура, прочел однажды в собрании всего кружка свою классическую идиллию «Рыбаки», превосходное подражание Феокриту, в которой он с неподражаемым поэтическим талантом в этом роде описал светлую, как день, петербургскую ночь и плоские берега величественной Невы, окаймленные великолепными зданиями [1]. В другой раз по просьбе всех прочел он нам остроумную комедию Крылова, которая тогда только что появилась в рукописи и, как переполненная злою иронией над правительством и высшим обществом, никогда не могла быть напечатана [2].

В. А. ОЛЕНИНА

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

Задушевный друг моих родителей, Алексея Николаевича Оленина и Елизаветы Марковны Олениной, с лишком сорок лет сряду. И мой друг и благодетель. Занимался мною с двухлетнего моего возраста, признался мне, что первое впечатление на него не было для меня выгодно. Он видел во мне слабого, крайне нервического ребенка, болезненно впечатлительного и потому преждевременно развитого, что только послужило к совершенному расстройству моих нерв при двадцатипятилетнем страдании сряду.

Я твердо ходила 9-ти месяцев, и немудрено, потому что была замечательно мала, так что и ногам почти нечего было носить. Говорила совершенно чисто с году. (Вот что такое родиться женщиной, с какого возраста начала я лепетать; пишу эти заметки памятные шестидесяти пяти лет, а язык все-таки не притупился. Память только злодейка частехонько подшучивает.) Крылов мне говорил, что во всем моем лице только и можно было видеть два огромных глаза, как два пятна.

Крылов, изучившись превосходно математике и любивши страстно естественные науки, предался также музыке: играл премило, знал отлично генерал-бас [1]. Был так добр, что занялся моей музыкой и, сколько могло быть доступно моему понятию (не изучая математики), он толковал мне генерал-бас, и что хотя мало, все-таки Ивана Андреевича терпению и снисходительности в этом обязана.

Предпринимая эту записку об Иване Андреевиче Крылове, покажется, что я собою более занялась, чем им, но так как я это записываю для моих детей, то же-

лала им передать, до какого градуса любил Крылов Олениных, прародителей и родителей тех, для кого я это пишу. И потому перейдем к Крылову.

Иван Андреевич Крылов тверской уроженец; сын бедного дворянина, который служил в военной службе, был офицером во время Пугачева, о чем всем известно тем, которые читали его биографию. О матери своей он никогда не мог хладнокровно говорить, любя ее страстно и замечая в ней необычайные способности. Можно было заметить, что он видел в ней существо гениальное между женщинами. И кажется, он не ошибался, по всему, что он мне рассказывал. Потом воротились они в Тверь, где, кажется, и умер его отец. Оставшись вдовой, не получа никакого воспитания (как в то время была участь всех бедных дворян), но будучи вхожа в мелодический дом отца Федора Петровича Львова, попросила позволить ее Ваничке учиться с их детьми, что было принято со вниманием, и вот где началось его желание к просвещению и познаниям [2].

Потом явился он в Петербург, где началось поприще слабых его сочинений, но потом он уже прославился.

Оригинальность его характера выказалась даже в молодости, о чем я поговорю дальше. Его сношения и его служба верно описаны в его биографиях.

Когда князя Голицына назначили генерал-губернатором в Ригу, он получил место секретаря, и тут начались его оригинальности. Когда сослали в ссылку князя Голицына в его деревню *, Иван Андреевич его не покинул и с ним поехал.

Приехавши в Петербург, к несчастию, получил страсть к игре, и не столько к игре, как желание скорей обогатиться и сделаться независимым. Увы, его квартира сделалась собранием игроков. Играя хорошо, он много выиграл, но признавался мне, что он только тогда успокоился, когда у него почти все отыграли, и тогда он себе поклялся все бросить и играть только для препровождения времени в клубе. Вот время основания дружбы Крылова с Олениными и неизменной.

Теперь начинается литературное его поприще, о чем мне не следует сметь говорить. Его весь просвещенный мир слишком знает.

* Тут он сочинил и играли его пьесу «Трумфа». (*Примеч. авт.*)

Он страстно любил Гнедича, что известно по стихам Гнедича к Крылову, о их дружбе. Чрезвычайно любил Батюшкова и Жуковского. Любовался поэзиею Пушкина и нестал его.

Что рассказывается о нем в биографиях — верно, кроме одного, что ему недоступны будто были чувства любви и дружбы. Первое доказывают противное тому стихи Анюте; а второе любовь страстная к матери, брата содержал втихомолку до самой того смерти[3]. Беспримерная дружба к Олениным, к Гнедичу и другим.

Нрав имел кроткий, ровный, но был скрытен, особенно если замечал, что его разглядывают. Тут уж он замолкал, никакого не было выражения на его лице, и он казался засыпающим львом. О беспечности, лени и т. д. говорить нечего: слишком известно 〈...〉

ИЗ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК»

Матушка Елизавета Марковна любила Крылова совершенно чувством матери и часто звала милый Крылочка, что не очень гармонировало с его большой и тучной наружностью. Он же часто говаривал, что он ее любит и почитает, как матерь свою, так, что она этим воспользовалась чувством и в Приютине запирала его на ключ в комнате его над баней дни на два, носила сама с прислугой ему кушанье и держала его там, покуда он басни две или три не написал.

Князь Вяземский — поэт на него написал эпиграмму, но Крылов не удостоил ответом, а написал басню «Проповедник»[1].

Батюшка, Крылов, Гнедич прожили в неразрывной дружбе. Жуковский был дружен с батюшкой, Крыловым и Гнедичем.

Крылов был сын бедного тверского дворянина. Остался малолетним сиротою. Мать была почти гениальная женщина (по его словам), без малейшего образования, как было в то время. Была дружна со Львовых фамилией

(отца Федора Петровича), которому обязан Петербург развитием вкуса к музыке. О том через знаменитую скрипку сына его Алексея Федоровича Львова известного [2]. Крылов, играя с ними, играл на скрипке недурно, как говорили; но знал генерал-бас превосходно и потрудился меня кое-чему поучить на этот предмет. Рисовал недурно, но понимал живопись прекрасно. Учился французскому, немецкому языкам. Выучился греческому в 50 лет, чтоб помогать Гнедичу в переводе Гомера; потом, выучившись хорошо греческому, через два года принялся за английский и в год выучился хорошо. Танцевать никак не мог выучиться и так был неловок, что учитель его танцеванья, выбившись из терпения, побежал ко Львову просить, чтоб его избавили Ванюши, что он предпочтет в тысячу раз взяться учить медвежонка маленького. Пишу по его словам.

Ездивши смотреть индейца, делавшего разные фокусы, в том числе бросал по пять-шесть мячиков кверху в одно и то же время, потом из этих пяти-шести мячиков делал венок вокруг головы, Ивану Андреевичу вздумалось добиться до того же; заперся и точно добился; но как только добился и бросил. Любопытно было видеть эту тушу (как рассказывали), бросающего вокруг своей огромной головы все мячики.

Плавал отлично, особенно умел лежать на воде.

Когда я его спросила: «Отчего вы не женились?» — он мне ответил: «От того, фавориточка, что ту, которую бы я хотел, то за меня бы не пошла, а которая бы на это решилась, ту бы я не взял».

Крылов был отличный математик.

Терпеть не мог латинский язык. Странно.

Крылов страстно любил его ⟨Державина⟩ первую жену, которую он считал гениальною, и которая как ему, так и мужу своему сделала много добра [3].

И. А. Крылов мне 12-летней стихи написал (попрекавшей ему, что он никогда ни строчки мне не написал).

Вот вам мои стихи,
Не кушайте ухи,
А что-нибудь другое,
Пожалуй, хоть жаркое,

Я гнусь пред вами как дуга
И ваш покорный я слуга.

И. Крылов

Вот как писали девочкам в наше время. Однако я обиделась, на что Крылов мне сказал: «Ах, фавориточка, фавориточка, да подумайте, какие же могу стихи я вам писать иные».

Что за душа была у этого человека! Но не был откровенен, как Гнедич и Жуковский.

Один раз Батюшков поэт также меня спросил: «Comment croyez vous êtes vous jolie» *. Я ему отвечала: «Je crois non» **. Он на это мне сказал: «Vous faites bien, quand vous le deviendrez on vous le dira» ***. Какая чистота души и правил были тогда. Чтобы меня утешить в обиде стихов Крылова, он у меня взял книжечку, в которой писал Крылов, и написал преуморительным французским ломаным языком: к несчастию, не могла вспомнить. А тринадцатилетней написал на картиночке, нарисованной Кипренским, в день моих именин (ангел и херувимы, воспевающие меня) —

Как светят звезды в ночь,
Так точь-в-точь
Блестит Оленина дочь.

Крылов меня умолял никогда не иметь альбома, говоря, что мужчинам они очень противны, и очень обрадовался, как я ему сказала, что, кроме книжечки, у меня ничего нет.

Крылов, тучный, весьма некрасивый, ленивый, растрепанный, не завидной опрятности. Не словоохотлив, особливо когда он замечал, что его хотят слушать. Зато en petit comité, il était charmant ****. Превеселый, забавный и необычайно оригинален. Ни перед кем главу не преклонял. Друг был неизменный...

---

* Как вы думаете, вы красивая? (*фр.*)

** Мне кажется, нет (*фр.*).

*** И правильно, когда вы станете красивой, вам об этом скажут (*фр.*).

**** В небольшом обществе он был очарователен (*фр.*).

В известном многим Приютине жизнь текла тихая, мирная, аккуратная, простая деревенская; и казалось, по образу жизни, верст за 500 от Петербурга. По утрам обществом гуляли за грибами, черникой, костеникой и т. д.; потом брусникой. Все ходили, кроме батюшки и Крылова. Вечером собирались и читали. Был издан закон, что, кто уже слишком много глупого скажет, того тотчас заставить прочесть басню Хвостова, а смысл басни этой прочесть в предыдущей басне. Все было весело, радушно, довольно, дружно, просто, свободно; а между тем tant de dignité *. Играли в разные игры, как-то: лапта, горелки, жгуты, labarre и проч.,— в концы, в мячики, в волан. И не находили que ce n'est ni ennuyeux, ni mesquin, ni ridicule **.— В один вечер батюшка и матушка, будучи уже весьма за 60 лет, заметили, что игры что-то не весело шли: вдруг, как никто не ожидал, пустились наши два старичка бежать, как два шарика. Натурально, все оживилось. Вот и жизнь Приютина.

Матушка же была страстная охотница до цветов, и Приютино не что иное было, как букет цветов.

Полгода ежегодно так проводили.

Еще другой обычай, почти исчезающий: неделя настоящих русских блинов. Во время оно славились ими два дома: Г-фа Валентина Пушкина и А. Н. Оленина. У батюшки бывало до 17 разных сортов блинов, о которых теперь и понятия не имеют. И точно были превосходные, на которых особенно И. А. Крылов отличался.

Крылов приехал в Петербург четырнадцати лет. Как он с этих лет сумел себе дорогу проложить — не понимаю. Он сам мне рассказывал, как до сорока лет многие считали его простяком. В Петербурге одно время его прославили пьяницей. Одну глупую какую-то приживалку уверили, что он изувер, и она с великого ума беспрестанно спрашивала: «Есть бог, Иван Андреевич?» и т. д. Его карьера началась секретарем при кн. Голицыне. Любил хорошее общество. Через батюшку был представлен царю, царицам, великим князьям и княжнам ⟨...⟩

---

* Сколько в этом было достоинства (*фр.*).
** Ни скучным, ни мелочным, ни смешным (*фр.*).

С ним был смешной случай касательно государыни. Она как-то его увидела, сидя на балконе, что он подошел на парад взглянуть. Она послала его к себе пригласить, но он не мог решиться идти, будучи непозволительно растрепан. Но она велела волею или неволею его притащить. Ей он не мог ни в чем отказать; наконец пришел и что же: чувствует, что одной ноге холодно, взглянул и увы! что же видит: сапог изорванный, носки забыл надеть и пальцы оттуда торчат. Вот вам весь тут Крылов. Но признался мне, что ему было очень неловко!

Раз он шел по Невскому, что была редкость, и встречает императора Николая I, который, увидя его издали, ему закричал: «Ба, ба, ба, Ив⟨ан⟩ Андреевич, что за чудеса? — встречаю тебя на Невском. Куда идешь?» Не помню, ⟨куда⟩ он шел, только помню, что государь ему сказал: «Что же это, Крылов — мы так давно с тобою не видались».— «Я и сам, государь, так же думаю, кажется живем довольно близко, а не видимся». Государь смеялся de cette repartie *[4].

Это на маскараде у Елены Павловны, где он, будучи Музой, после прочтения нескольких стихов, просил ⟨разрешения⟩ прочесть басню «Вельможа», которую 2 года цензура запрещала в печать отдавать. Государь, выслушавши ее, велел на другой же день отдать в печать. И очень ею был доволен [5].

Известный анекдот насчет Крылова повторю оттого, что он сам мне его рассказывал, и что Фенюшку (отвратительную его кухарку) я лично знала. Один раз, обедавши, был он поражен дурным вкусом пирожков, открыл крышку кастрюли, и что же видит: что она вся подернута зеленью. «Я,— говорит,— и подумал: ведь я восемь их съел и ничего, дай я попробую и остальные восемь съесть, увидим, что будет. Съел и до сих пор живу».

Он одно время нанимал квартиру в доме Рибаса (в настоящее время принца Ольденбургского), окошками к Летнему саду, где канал разделяет Летний сад от дома. Он всякое утро рано в нем купался, до 13 ноября, проламывая, наконец, тучным своим телом лед, еще не

---

* Ловкому ответу (*фр.*).

совсем окрепчалый. Но дольше 13-го не мог идти, замечал, что ему это как-то начинало вредить; да и признался: «Больно уж холодно мне стало. Так от меня пар и шел, как в доброй русской бане».

Сколько ни старались его опоить, никак не могли добиться. Раз он даже выиграл большой pari. Вино ударяло ему в ноги, как и батюшке, и мужу моему — и все трое не любили пить... Крылова прославили в Петербурге пьяницей, что не удивительно, судя по его беспрерывно сонной физиономии.

Минутами, когда он задумывался, у него взгляд был гениальный.

Одно время он был страшный игрок. Сам мне признался, что единственный разительный был у него порок, и что он по тех пор не был покоен, покуда не проиграл все до последнего и стал жить службой и сочинениями.

Мать и брата своего содержал до конца их жизни, но скрыто ⟨...⟩

Трудно было быть беспритворнее оригиналом, как был Крылов, ибо все пробы он на себе делал. Живучи в деревне у г-фа Татищева, с кем он был в тесной дружбе, он вздумал посмотреть, каков был Адам, в первобытном его создании, хотя (при всей моей любви к Крылову) не могу себе представить, чтобы создатель подобного ему создал моделью рода человеческого. Однако пришло ему это на ум и, покуда ездили Татищевы в другую деревню, он отпустил волосы, ногти на руках и ногах и, наконец, в большие жары стал ходить in naturalibus. Не ожидая скорого их возвращения из Курской деревни, он шел по аллее с книгой в руках, углубившись в чтение и в вышеупомянутом туалете. Услышавши шум кареты, он узнал Татищева экипаж. Опрометью побежал он домой; дамы кричали: «Kriloff est fou, ah! mon dieu, il est fou!» * и все были в отчаянии. Он только успел добежать до своей комнаты, как Татищев к нему вбежал, спрашивая «Что с тобою, братец?» — «Ничего, ничего; вели твоему парикмахеру поскорее меня обрить, обстричь и ногти обрезать. Я только хотел попробовать, как был

* Крылов с ума сошел, а! боже мой, он сумасшедший! (*фр.*)

Адам». Татищев долго хохотал и, рассказывая, признавался, что он редко встречал страшнее (т. е. дурнотой) этого зрелища. Надобно думать, что Адам покрасивее его был [6].

Крылов, будучи секретарем при князе Голицыне в Риге, когда тот был там генерал-губернатором, ужасно смеялся и не терпел тамошних немцев, а разгул женского пола тамошнего не выносил.

Один раз пришли сказать князю, что Крылов так ленив, что решительно только спит все время и имеет привычку до рубашки все с себя снимать. Князь вечером неожиданно к нему пришел. Крылов, услыша князевы шаги, спросонья вскочил in naturalibus и прямо сел к конторке. Князь, увидя его, не мог удержаться от смеху и сказал: «Вот люблю Крылова, вечно за своим делом, жаль только, слишком легко одет». Он сам мне рассказывал [7].

Крылов 14 декабря пошел на площадь к самым бунтовщикам, так что ему голоса из каре закричали: «Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорей». И когда он воротился в батюшкин дом, его спросили, зачем он туда зашел, он отвечал: «Хотел взглянуть, какие рожи у бунтовщиков. Да не хороши, нечего сказать» [8].

Для дня рождения матушки мы собрались ей сделать сюрприз и сыграть две сцены из «Эдипа» Озерова. Гнедич был Эдип и, натурально, был превосходен. Полиник был мой брат Алексей. Я же была Антигона, и, так как в это время меня учил декламации мой возлюбленнейший Гнедич, который в то же время занялся и знаменитой нашей трагической актрисой Екатериной Семеновной Семеновой, мне удалось схватить не только ее декламацию, но даже и орган ее, так что Гнедич пришел в восторг, но увы! Конец не соответствовал началу. Несчастная и жалкая моя природа не могла выдержать превосходной игры Гнедича: при каждой репетиции, при конце каждой не плакала я, а рыдала. Даже у брата моего восемнадцатилетнего лились слезы, как у женщины. После четвертой репетиции я слегла так, что и не досталось даже попраздновать рождение дражайшей моей матери (которую Гнедич любил до безумия). Крылов также любил стра-

стно матушку мою. Они оба не раз играли комедии для ее рождения. Крылов был превосходный комик [9].

Крылов и Гнедич, искреннейшие мои друзья и благодетели, занимались премного мною; были замечательны своею дурнотою; оба высокие: первый толстый, обрюзглый, второй сухой, бледный, кривой, с испитым от воспы лицом; но зато души и умы были превосходные. Гнедича батюшка прозвал ходячая душа. Крылов и Гнедич прожили неразрывными друзьями.

Гнедич был немного чванлив.

Батюшка ежегодно два раза делал сюрпризы для матушки: в день ее рождения и в именины. Один раз затеяли чудные шарады, приготовленные: одна была *Русская Баллада.* В этой фигурировали, за 60 лет, известный бывший посланник Иван Матвеевич Муравьев, Крылов, Гнедич, Пушкин и другие; а главную роль играл Жуковский, натурально. Когда начали *балом*, Жуковский исчез, что всех смутило, но все-таки продолжали bal masqué * в прелестных костюмах. Потом *Лада;* это было прелестно. Собрали красивейших из дам и девушек и представили la toilette de Venus **. Наконец подошло целое шарады: *Баллада.* Во время уже второй части искали повсюду Жуковского и нашли его наконец пишущего в батюшкином кабинете стихи на день рождения матушки — прелестные, которые бы мне очень хотелось где-нибудь напечатать... [10]

Фигурировали обыкновенно в шарадах и картинах Крылов, Гнедич, Жуковский, Муравьев, кн. Сергий Трубецкой, кн. Голицын (которого на смех прозвали le Marquis de Galitz) ***, Мейендорфы, Борхи, Полторацкие; потом Пушкин; еще позднее гр. В. Н. Панин (который необычайно был мил во всех играх). Qui l'aurait cru? ****

Крылов вечно растрепанный, грязный, нечесаный, немытый, а при всем том белье из самого тонкого полотна (в чем он был знаток) и из тонкого сукна платье. Peine perdu ***** всегда было, и заметить было невозможно.

* Бал-маскарад (*фр.*).
** Туалет Венеры (*фр.*).
*** Маркиз Голицын (*фр.*).
**** Кто бы мог подумать? (*фр.*)
***** Это ни к чему (напрасный труд) (*фр.*).

Как мил и приятен был умом и наружностью граф Сперанский. Тронутый по возвращении своем батюшкиным обращением с ним и особенно узнавши все действия его, был чрезвычайно дружествен с ним. Сперанский читал басни Крылова не хуже самого автора. Заметно было, как постепенно Крылов приходил в восторг.

ИЗ «ПРИМЕЧАНИЙ К БАСНЯМ И. А. КРЫЛОВА»

«Ягненок». Сестре Анете [1].

«Соловьи». Для батюшки Алек⟨сея⟩ Николаевича Оленина [2].

«Рыбьи пляски». Во время графа Аракчеева. Когда он сначала написал эту басню, было написано вместо последних 4-х стихов:

Тут Лев изволил
В грудь лизнуть,
А сам отправился
В дальнейший путь!

Ему приказано было переделать эдак [3].

«Прихожанин». На эпиграмму к. Вяземского.

Я осмелилась раз, еще в юных летах, заметить И. А. Крылову, зачем он выбрал такой род стихотворений. Отвечал он мне:

— Ах, фаворйточка: ведь звери мои за меня говорят.

А. А. ОЛЕНИНА

ИЗ «ДНЕВНИКА (1828—1829)»

17 июля ⟨1828 г.⟩

Когда мы возвратились из города, я после обеда разговорилась с Иваном Андреевичем Крыловым о наших делах. Он вообразил себе, что двор вскружил мне голову и что я пренебрегала бы хорошими партиями, думая выйти за какого-нибудь генерала.

В доказательство, что я не простираю так далеко своих видов, я назвала ему двух людей, за которых бы вышла, хотя и не влюблена в них: Мейендорфа и Киселева. При имени последнего он изумился.

«Да,— повторила я,— я думаю, что они — не такая большая партия, и уверена, что Вы не пожелаете, чтобы я вышла за Краевского или за Пушкина».

«Боже избави,— сказал он,— но я желал бы, чтобы Вы вышли за Киселева, и, ежели хотите знать, он сам того желает. Но он и сестра говорят, что нечего ему соваться, когда Пушкин того же желает».

А. П. КЕРН

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ О ПУШКИНЕ»

В 1819 году я приехала в Петербург с мужем и отцом, который, между прочим, представил меня в дом его родной сестры, Олениной. Тут я встретила двоюродного брата моего Полторацкого, с сестрами которого я была еще дружна в детстве. Он сделался моим спутником и чичероне в кругу незнакомого для меня большого света. Мне очень нравилось бывать в доме Олениных, потому что у них не играли в карты, хотя там и не танцевали, по причине траура при дворе [1], но зато играли в разные занимательные игры и преимущественно в charades en action *, в которых принимали иногда участие и наши литературные знаменитости — Иван Андреевич Крылов, Иван Матвеевич Муравьев-Апостол и другие.

В первый визит мой к тетушке Олениной батюшка, казавшийся очень немногим старше меня, встретясь в дверях гостиной с Крыловым, сказал ему: «Рекомендую вам меньшую сестру мою». Иван Андреевич улыбнулся, как только он умел улыбаться, и, протянув мне обе руки, сказал: «Рад, очень рад познакомиться с сестрицей». На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина и не заметила его: мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие. Не помню, за какой-то фант Крылова заставили прочитать одну из его басен. Он сел на стул посередине залы; мы все столпились вкруг него, и я никогда не забуду, как он был хорош, читая своего «Осла»! И теперь еще мне слышится его

* Шарады (*фр.*).

голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнес: «Осел был самых честных правил!» [2]

В чаду такого очарования мудрено было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина. Но он вскоре дал себя заметить. Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и, когда я держала корзинку с цветами, Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: «Et c'est sans doute Monsieur qui fera l'aspic?» * Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла ⟨...⟩

Зимой 1828 года Пушкин писал «Полтаву» и, полный ее поэтических образов и гармонических стихов, часто входил ко мне в комнату, повторяя последний написанный им стих; так он раз вошел, громко произнося:

Ударил бой, Полтавский бой!

Он это делал всегда, когда его занимал какой-нибудь стих, удавшийся ему или почему-нибудь запавший ему в душу. Он, напр., в Тригорском беспрестанно повторял:

Обманет, не придет она!.. [3]

Посещая меня, он рассказывал иногда о своих беседах с друзьями и однажды, встретив у меня Дельвига с женою, передал свой разговор с Крыловым, во время которого, между прочим, был спор о том, можно ли сказать: *бывывало*? Кто-то заметил, что можно даже сказать *бывывывало*. «Очень можно,— проговорил Крылов,— *да только этого и трезвому не выговорить!*» [4]

В это время он ⟨Пушкин⟩ очень усердно ухаживал за одной особой, к которой были написаны стихи: «Город пышный, город бедный...» и «Пред ней, задумавшись, стою...» [5]. Несмотря, однако ж, на чувство, которое

---

* А роль змеи, как видно, предназначается этому господину? (*фр.*)

проглядывает в этих прелестных стихах, он никогда не говорил об *ней* с нежностию и однажды, рассуждая о маленьких ножках, сказал: «Вот, например, у *ней* вот какие маленькие ножки, да черт ли в них?» В другой раз, разговаривая со мною, он сказал: «Сегодня Крылов просил, чтобы я написал *что-нибудь* в ее альбом».— «А вы что сказали?» — спросила я. «А я сказал: *ого!*» В таком роде он часто выражался о предмете своих воздыханий.

Ф. Г. СОЛНЦЕВ

ИЗ ЗАПИСОК «МОЯ ЖИЗНЬ И ХУДОЖЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ»

Вместе со мной занимались у А. Н. Оленина и другие молодые люди. Бывало, при окончании работы, я спрашивал Алексея Николаевича: «Не угодно ли еще что-нибудь приказать?»

Он несколько времени ничего не отвечал, зная, что если не дать мне занятия, то уйду домой, а потом перед обедом обыкновенно говорил: «Ты обедаешь у меня».

Надобно, впрочем, сказать, что Алексей Николаевич вообще не любил садиться обедать без посторонних лиц. Он был чрезвычайно общительный и гостеприимный человек. Гостей у него постоянно было очень много: художники, литераторы, офицеры Семеновского, Измайловского и Конногвардейского полков, разные известные лица; наконец, чуть ли не все сколько-нибудь замечательные иностранцы, приезжавшие в Петербург, непременно бывали у Алексея Николаевича. О количестве гостей, посещающих семейство Оленина, можно судить по тому, что на даче Алексея Николаевича, Приютино, за пороховыми заводами, находилось 17 коров,— а сливок никогда недоставало.

Гостить у Олениных, особенно на даче, было очень привольно: для каждого отводилась особая комната, давалось все необходимое и затем объявляли: в 9 часов утра пьют чай, в 12 — завтрак, в 4 часа обед, в 6 часов полудничают, в 9 — вечерний чай; для этого все гости сзывались ударом в колокол; в остальное время дня и ночи каждый мог заниматься чем угодно: гулять, ездить верхом, стрелять в лесу из ружей, пистолетов и из лука, причем Алексей Николаевич показывал, как нужно натягивать тетиву. Как на даче, так и в Петербурге,

игра в карты у Олениных никогда почти не устраивалась, разве в каком-нибудь исключительном случае; зато всегда, особенно при Алексее Николаевиче, велись очень оживленные разговоры. А. Н. Оленин никогда не просил гостей художников рисовать, а литераторов читать свои произведения; каких-либо подарков или подношений ни от кого не принимал. Несмотря на глубокую ученость Алексея Николаевича, при нем все держали себя свободно.

В многочисленном кругу Олениных довелось мне с иными сблизиться, с другими познакомиться, третьих видеть или слышать о них отзывы. Разумеется, не о всех этих лицах я могу говорить в моих воспоминаниях. Я скажу только о некоторых.

Прежде всего упомяну, как об особенном случае, что когда приехал в Петербург известный ученый и естествоиспытатель А. Гумбольдт, то он не преминул посетить Оленина. В Петербурге рассказывали, что после вечера, проведенного в доме Алексея Николаевича, Гумбольдт заметил, что он объехал оба земные полушария и везде должен был только *говорить,* а здесь с удовольствием *слушал* [1].

У Оленина я встречался с *И. А. Крыловым, К. П. Брюлловым,* с *А. С. Пушкиным, Гнедичем, Жуковским* и с другими более или менее известными лицами.

И. А. Крылов, как я его помню, был высокого роста, весьма тучный, с седыми, всегда растрепанными, волосами; одевался он крайне неряшливо: сюртук носил постоянно запачканный, залитый чем-нибудь, жилет надет был вкривь и вкось. Жил Крылов довольно грязно. Все это крайне не нравилось Олениным, особенно Елисавете Марковне и Варваре Алексеевне. Они делали некоторые попытки улучшить в этом отношении житье-бытье Ивана Андреевича, но такие попытки ни к чему не приводили. Однажды Крылов собирался на придворный маскарад и спрашивал совета у Елисаветы Марковны и ее дочерей; Варвара Алексеевна по этому случаю сказала ему:

— Вы, Иван Андреевич, вымойтесь да причешитесь, и вас никто не узнает.

Случилось также, что Алексей Николаевич как-то пригласил Крылова к себе на дачу, в Приютино, где пробыл Иван Андреевич довольно долго. В это время Елисавета Марковна с Варварой Алексеевной велели переделать и вычистить всю квартиру Крылова; купили

также новую мебель. Как отнесся к такой заботливости Иван Андреевич — мне неизвестно; но когда, недели через две, Елисавета Марковна с Варварой Алексеевной навестили Крылова, то в новоотделанной ими квартире они увидели множество голубей, которые разгуливали по мебели, столам и проч. Елисавета Марковна предпринимала и другие меры к исправлению Ивана Андреевича во внешней неряшливости, но все было напрасно, и его оставили в покое.

Таким же Крылов был и в некоторых других отношениях; например, если попадалась ему в руки какая-либо книга, то он, бывало, непременно умудрится затаскать ее; поэтому Алексей Николаевич никогда не давал ему редких или ценных изданий.

У Оленина Иван Андреевич бывал каждый день. После занятий в Публичной библиотеке, он отправлялся к Алексею Николаевичу, причем от самой библиотеки всю дорогу нанимал извозчиков и обыкновенно приходил пешком. Делал он это просто потому, что любил поговорить с простым народом. Раз как-то Крылов пришел к Оленину очень усталый. Алексей Николаевич спросил его:

— Почему ты не скажешь, что тебе трудно ходить пешком?

И сейчас же написал графу Уварову записку, что вот-де, по тучности, Иван Андреевич очень мучится, приходя ко мне пешком из библиотеки, и потому следовало бы купить ему экипаж. Уваров представил эту записку, в подлиннике, государю и его величество повелел выдать Крылову 3000 рублей «на экипаж». Иван Андреевич купил лошадь и дрожки.

Крылов являлся к Олениным около 4-х часов, когда обыкновенно подавали обед. Сам Алексей Николаевич имел всегда хороший аппетит, но Иван Андреевич в этом отношении превосходил его. Например, на масленице, у Олениных приготовлялись блины различных сортов. Между прочим подавались полугречневые блины, величиною в тарелку и толщиною в палец. Таких блинов, обыкновенно с икрою, Иван Андреевич съедал вприсест до тридцати штук.

Крылов в милом семейном кружку Олениных был довольно словоохотлив. Однажды, на масленице, Иван Андреевич пришел к Оленину раздосадованный, сердитый. Алексей Николаевич, заметив это, спросил:

— Что ты такой пасмурный?

— Ходил под балаганы гулять и ужасно прозяб,— отвечал Иван Андреевич[2].

— Охота тебе туда таскаться,— заметил Алексей Николаевич.

— Да нет, позвольте,— заговорил Крылов.— Я подошел к одному балагану; вышел «дед», снял с головы шляпу и, показывая ее публике, спрашивает: «В шляпе ничего нет, господа?» Ответили, что ничего. «Ну, так погодите»,— сказал «дед», поставил шляпу на перила и скрылся. Это меня заинтересовало; я решился подождать, чем кончится дело. Ждал, ждал, а «деда» нет. Наконец, часа через полчаса, он вышел, приподнял с перил шляпу и, опять показывая ее публике, спросил: «Ничего нет в шляпе?» Отвечают: ничего. «Старик» заглянул в шляпу и преспокойно говорит: «А ведь и в самом деле ничего!» Одурачил всех нас совершенно: каково, с добрых полчаса ждал я его выхода, какую-де он штуку выкинет! А штука-то самая простая.

Басни свои, как известно, Иван Андреевич писал на разных лоскутках, которые и таскал иногда с собою в кармане. Елисавете Марковне и вообще на женской половине Крылов никогда не читал своих басен; зато чуть ли не каждую басню прочитывал Алексею Николаевичу по несколько раз; Оленин делал при этом замечания. Крылов очень серьезно выслушивал эти замечания и сообразно с ними делал поправки.

Однажды, за обедом, Оленин сказал Ивану Андреевичу:

— Ни один литератор не пользуется такой славой, как ты: твоих басен вышло более десяти изданий.

На это Иван Андреевич отвечал:

— Что ж тут удивительного? Мои басни читают дети, а это такой народ, который все истребляет, что ни попадется в руки. Поэтому моих басен много и выходит.

Крылов редко разговаривал о художествах и почти никогда не высказывал об этом своих суждений. Раз только Иван Андреевич заметил об известной картине профессора Бруни «Воздвижение Моисеем медного змия», что если бы он был женат, то не повел бы жену смотреть эту картину.

— Почему же? — спросили Крылова.

— Да потому,— отвечал он,— что на ней изображены одни страдающие, а из праведных и не болящих никого нет[3].

Ф. А. ООМ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Кому не известны по преданию рассказы о доме Алексея Николаевича Оленина, этом средоточии интересов литературных и художественных? Имена Державина, Озерова, Гнедича, Батюшкова, Крылова, Жуковского для меня как бы родственные, и с ними соединены лучшие воспоминания моего детства и юношества, когда, бывало, матушка рассказывала нам о живых беседах и литературных чтениях в доме Олениных [1]. Ни одно сочинение этих деятелей по части словесности не выходило в свет, не будучи прочтено предварительно в тесном кружке, собиравшемся вокруг мецената того времени.

Матушка моя присутствовала при всех этих беседах и с работою в руках прислушивалась к рассуждениям, которые так благодетельно действовали на развитие ее. Несмотря на молодость свою, она уже тогда пользовалась уважением этого кружка и была, так сказать, любимицею некоторых из этих уже маститых в то время старцев. Так, например, Державин всегда сажал ее за обедом возле себя, а Озеров в угоду ей подарил ей ложу на первое представление его «Дмитрия Донского», сам приехал в ложу и, как говорила матушка, восторгаясь игрою известной в то время артистки Семеновой, плакал от умиления.

Часто матушка вспоминала также о больших празднествах,в которых принимали участие эти деятели золотого века русской словесности и лучшие того времени художники. Так, помнится мне рассказ ее о бале, устроенном графом Чернышовым в доме его у Синего

моста (впоследствии Юнкерская школа, а после дворец в. к. Марии Николаевны), где одновременно были танцы, маскарад, театр и живые картины. Эти празднества имели особый характер; все было осмысленно и в пьесах нарочно для этого случая написанных, и в картинах, изображавших то сатиру, то аллегорию; а если вспомнить тогдашнюю страсть к классицизму и сатирическое направление, то не трудно понять и то, что в сюжетах для живых картин и представлений не было недостатка. Крылов, Шаховской, Гнедич конкурировали между собою в сочинениях для этих празднеств, и Приютино (небольшое имение, скорее дача, Олениных, за пороховыми заводами) служило обыкновенно местом, где впервые разыгрывались пьесы, написанные знаменитыми литераторами. 5 сентября, в день именин Елисаветы Марковны Олениной, ежегодно устраивались сюрпризы в театре, нарочно для того выстроенном, и матушке моей нередко случалось принимать участие и испытывать под руководством Гнедича свои сценические способности, впрочем весьма слабые (она была слишком застенчива для игры на сцене). Празднование 5 сентября в Приютине повторялось ежегодно до кончины Елисаветы Марковны. Помнится мне, как в апофеозе, в котором участвовали Анна Алексеевна Оленина, Антонина и Лидия Дмитриевны Блудовы, и меня маленького повесили на проволоке почти голого с подрумяненными свеклою щеками и с крылышками. Такого же амура изображала Лизанька Оленина, впоследствии Мамонова, дочь Петра Алексеевича. В Приютине мы гостили ежегодно по нескольку недель. Тут же лето проводил И. А. Крылов; ему было отведено помещение в хорошеньком доме в саду на горе, который назывался банею. Часто меня посылали будить крестного отца моего, который всегда был ласков и шутил со мною. Так иногда он объявлял мне, что встанет только тогда, когда я без ошибки скажу ему наизусть одну из басен его.

К таким воспоминаниям детства принадлежат дни, которые проводили мы у Олениных. До кончины Елисаветы Марковны мы обязательно обедали каждое воскресенье у них. Тут всегда мы встречали родственников их: Олениных, Сухаревых, Волконских (князя Петра Михайловича и сыновей его Дмитрия и Григория с женами, рож-

денными Кикиной и Бенкендорф), Полторацких, Мертваго и проч., Блудовых, Крылова, Жуковского, академиков и профессоров.

Иван Андреевич Крылов каждое воскресенье обедал у Олениных. Раз как-то он не явился. Ждали его, посылали в Английский клуб узнать, не там ли он; но когда пришел ответ, что его и там не было несколько дней сряду, послали узнать о его здоровье. Оказалось, что он болен. На другой день я был послан матушкою узнать о его здоровье. Застаю его в халате, кормящего голубей, которые постоянно влетали к нему в окна и причиняли беспорядок и нечистоту в комнатах. Тут он рассказал мне, что был действительно нездоров, но вылечился неожиданно, странным способом. Обедал он накануне дома. Подали ему больному щи и пирожки. Съел он первый пирожок и замечает горечь, взял второй — тоже горек. Тогда он, по рассмотрении, заметил на них ярь. «Ну что же,— говорит,— если умирать, то умру от двух, как и от шести, и съел все шесть. После того желудок поправился, и сегодня думаю ехать в клуб».

Как живо помнится мне квартира, которую занимала матушка в первые годы ее службы ⟨в Воспитательном доме⟩[2]. Комнат было всего четыре, из которых одна разделялась на гостиную, спальню и матушкин кабинет. Все они топились огромною изразцовою печью, весьма красивою, с большим шаром, обвитым гирляндами, которые грациозно опускались на самую печь и по ней почти до полу ⟨...⟩ Мы жили пятнадцать лет в этом тесном помещении, но никому и в голову не приходило жаловаться на тесноту. Вообще требования были иные в то счастливое время. Никто не искал роскоши в обстановке, а между тем матушку навещали все старые друзья ее молодости. Так как во время наводнения родители мои лишились всей мебели, обзаводиться новою было не на что, то друзья и родственники позаботились снабдить их необходимым. У нас долгое время сохранялась мебель красного дерева в гостиной, которую подарил матушке И. А. Крылов.

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ

⟨О КРЫЛОВЕ⟩

Я зашел однажды к Ивану Андреевичу и обошел все комнаты; в них не было ни одной живой души; плач ребенка привел меня в кухню. Я полагал найти в ней кого-либо из немногочисленных слуг его; напротив, я нашел самого хозяина. Он сидел на простой скамейке; в колыбели перед ним лежал ребенок, неугомонно кричавший. Иван Андреевич с отеческою заботливостью качал его и прибаюкивал. На спрос мой, давно ли занимается этим ремеслом, он преспокойно отвечал: «Что ж делать? Негодяи, отец и мать, бросили на мои руки бедного ребенка, а сами ушли бог знает куда». Иван Андреевич продолжал усердно исполнять обязанность няньки до тех пор, пока не возвратилась мать.

Заметив на стене его комнаты грязное пятно, позади тех кресел, на которых он постоянно сиживал, образовавшееся от частого прикосновения головы к одному месту, я посоветовал Ивану Андреевичу выкрасить комнату. Замечание мое, по-видимому, удивило его, как бы важное открытие. «Эх, братец,— сказал он, немного подумавши,— ведь чрез несколько дней появится новое пятно; неужто для этого всякий раз красить комнату?» Призвав потом служанку, стал ей выговаривать, почему она не позаботится смыть пятно; когда же она возразила, что пятно будет еще хуже и больше, если его вымыть, потому что краска кругом сойдет, Иван Андреевич отвечал пресерьезно: «Да, правда твоя! Ну, пока мы сделаем лучше: прикрой пятно чистою тряпичкою, прикрепив ее к стене, и каждый раз, как тряпичка замарается, можешь ее вымыть». Выдумкою этой он остался так доволен, что лицо его, прежде озабоченное, тотчас просияло особенным удовольствием.

П. А. КАРАТЫГИН

ИЗ «ЗАПИСОК»

В 1827 году появилась на петербургской сцене известная мелодрама Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока» и произвела необыкновенный фурор — ее давали почти ежедневно [1]. В этот период времени романтизм начал серьезно угрожать классицизму. Хотя и прежде наш репертуар имел много мелодрам с бенгаликой и трескучими эффектами, но они не были опасны классическим трагедиям, и гордая Мельпомена с презрением смотрела на свою соперницу и не имела причины бояться за свою традиционную самостоятельность. Но с появлением «Жизни игрока» повеяло какой-то заманчивой новизной, и вкус публики к классицизму с того времени начал заметно ослабевать. Я помню, как начало этого сценического раскола возмутило наших истых поборников классицизма: Гнедича, Катенина, Лобанова и других, как они соболезновали о жалком упадке современного вкуса; даже дедушка Крылов, который, конечно, был поэтом реальной школы, но и тот с презрением отзывался об этой возмутительной, по его словам, мелодраме. На другой день после первого ее представления он говорил моему брату:

— Помилуйте, что это за безобразная пьеса! Теперь остается авторам выводить на сцену одних каторжников или галерных преступников.

Здесь мне припомнился курьез, бывший очень давно на нашей сцене.

В одном из бенефисов знаменитой трагической актрисы Катерины Семеновны Семеновой вздумалось ей сыграть

вместе с оперною актрисой Софьей Васильевной Самойловой в известной комедии «Урок дочкам», соч. И. А. Крылова. В ту пору они были уже матери семейства, в почтенных летах и довольно объемистой полноты. Дедушка Крылов не поленился прийти в театр взглянуть на своих раздобревших дочек.

По окончании комедии кто-то спросил его мнения.

— Что ж,— отвечал дедушка Крылов,— они обе, как опытные актрисы, сыграли очень хорошо; только название комедии следовало бы переменить: это был урок не «дочкам», а «бочкам» [2].

А. М. КАРАТЫГИНА

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Родилась я в Петербурге 4 февраля 1802 года. Отец мой Михаил П⟨етрович⟩ Колосов был музыкантом в оркестре императорских театров; матушка моя — известная пантомимная танцовщица Е⟨вгения⟩ И⟨вановна⟩ Колосова.

Первый пансион, куда я была отдана семи лет от роду, содержала госпожа Неймейстер, жена домашнего врача нашего семейства. Когда мне минуло девять лет, на публичном экзамене нашем читала я басню И. А. Крылова «Соловей» в присутствии самого Ивана Андреевича, который подозвал меня к себе, обнял и расхвалил меня, и, узнав, что я дочь давно с ним знакомой Е. И. Колосовой и что мать моя находится в числе родителей, присутствующих на экзамене, по окончании его подошел к ней и предсказал ей, что я непременно буду со временем хорошею актрисою; на что мать моя отвечала, что она вовсе не предназначает меня на театр ⟨...⟩

Пятнадцати лет я окончила свое воспитание. Матушка моя была в самых дружеских отношениях с семействами санкт-петербургского гражданского губернатора М. М. Бакунина и А. Н. Оленина, впоследствии президента Академии художеств. У них бывали часто домашние спектакли, в которых участвовали, кроме членов их семейств, И. А. Крылов, П. А. Катенин, М. Е. Лобанов и моя мать. Мне остались в памяти два замечательные представления: «Хвастуна», комедии в стихах Княжнина, у Олениных, в которой роли хвастуна и его дяди играли в совершенстве П. А. Катенин и И. А. Крылов;[1] и у Бакуниных — «Модной лавки», комедии И. А. Крылова, в которой роли Сумбурова и его жены играли сам Иван Андреевич и В. И. Бакунина неподражаемо ⟨...⟩

В это время возвратилась светлейшая княгиня Екатерина Ильинишна, вдова фельдмаршала светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, из-за границы. Родные ее устроили для ее встречи, на Петергофской дороге в здании «Красного кабачка» [2], костюмированный бал с разными сюрпризами; между прочим И. А. Крылов, в костюме шарманщика, приставив огромную шарманку к стене, предложил показывать китайские тени и выпускал из отверстия, сделанного в стене, сквозь шарманку всех участвовавших в разных сценах, которые были разыграны ⟨...⟩

Мне памятно, как сыновья Алексея Николаевича Оленина снаряжали во дворец И. А. Крылова, которого желала видеть императрица Мария Федоровна. Иван Андреевич, как это современникам его всем хорошо известно, был большой неряха. Его умыли, причесали и, принарядив в новенький мундир служащих при императорской Публичной библиотеке, привели показать Е. М. Олениной. Он подсел к нам в гостиной и, когда настало время ехать, мы спохватились о трехугольной шляпе его, которую не находили. Наконец и Иван Андреевич поднялся искать ее вместе с нами. Тут, к ужасу нашему, увидели мы на кресле, с которого он встал, какой-то блин, из которого торчал весьма помятый плюмаж. Увы! это была шляпа, на которой в продолжение получаса покоилась тучная особа его! Можно вообразить себе, какого труда стоило дать ей несколько приличный вид.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «МОЕ ЗНАКОМСТВО С А. С. ПУШКИНЫМ»

Впоследствии времени, уже в начале тридцатых годов, Александр Сергеевич при И. А. Крылове читал у нас своего «Бориса Годунова» [1]. Он очень желал, чтобы мы с мужем прочитали на театре сцену у фонтана, Димитрия с Мариною. Несмотря, однако же, на наши многочисленные личные просьбы, гр. А. Х. Бенкендорф, с обычною своею любезностью и извинениями, отказал нам в своем согласии: личность самозванца была тогда запрещенным плодом на сцене.

А. Е. АСЕНКОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО

(ЗАПИСКИ РУССКОЙ АРТИСТКИ)»

Князь Шаховский шаг за шагом следил за развитием моего небольшого дарования и требовал, чтобы я как можно чаще бывала у него в доме... Я повиновалась ему тем охотнее, что семейство у князя было большое и потому всегда было чрезвычайно приятно и весело. Его постоянно окружали артисты, писатели и художники. Очень часто бывал Пушкин. По просьбе гостей он читал свои сочинения; между прочим, несколько глав «Руслана и Людмилы», которые потом появились в печати совершенно в другом виде. Читал и другие отрывки и отдельные лирические пиесы, большею частью на память, почти всегда за ужином... Он всегда был весел: острил и хохотал вместе с нами, когда мы смеялись над его длинными ногтями. Нередко разрезывал кушанье и потчевал нас...

Бывали иногда Жуковский и Батюшков, и особенно Грибоедов, написавший тогда уже свою неподражаемую комедию... Он жил на одной лестнице с князем и потому бывал у него чаще других [1]. Бывал и Крылов. Этого мы особенно любили за его простодушие...

Во время спектаклей Иван Андреевич нередко приходил на сцену потолковать о том о сем. Мне он отдавал преимущество, потому что я играла во всех его комедиях...

С ним мы в жизни встречались не раз, и он иначе не говорил мне как *ты* и называл просто *Сашей.*

Много лет спустя после первой встречи моей с Иваном Андреевичем я увиделась с ним в одном обществе, где нарочно для него был составлен музыкальный вечер и приглашены некоторые любители музыканты.

Иван Андреевич присоединился к ним со скрипкой, но, сколько теперь помню, играл довольно плохо и неуклюжими движениями своими напоминал одно из действующих лиц своей басни «Квартет». Я не могла удержаться, чтобы не сказать ему этого замечания после концерта; он добродушно засмеялся и слегка подрал меня за ухо.

В последний раз я видела его за два или три года перед его смертью, и у него в квартире [2]. Я привезла ему билет на бенефис, и он дал мне слово приехать. По-видимому, он был очень рад меня видеть, потому что я собою напоминала старику счастливое время его молодости и первые успехи на поприще сценической литературы. Он развеселился, помолодел духом и сделался очень любезен; показывал мне великолепную фарфоровую чашку, которую получил в подарок от государыни императрицы. Потом привел мне на показ дочь своей домоправительницы, одетую в щегольской сарафан, и заставил ее прочитать мне по складам одну из своих бессмертных басен, не помню какую именно. Он беспрестанно останавливал ее и поправлял и с торжествующим видом объявил, что сам выучил ее читать... Вообще заметно было, что он сильно привязан к этому ребенку...[3]

Но это было уже последнее свидание мое с Иваном Андреевичем.

М. Ф. КАМЕНСКАЯ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Дачников Черной речки я, разумеется, помню только тех, которые были коротко знакомы с отцом моим и маменькой [1].

На одном дворе с нами жил Николай Иванович Греч с женою своей, вечно больной и нервной, Варварой Даниловной, старушкой матерью, сестрою, уже зрелою девой Екатериною Ивановной, и троими детьми ⟨...⟩

Через дом от нас, стена об стену с Гречем, жил тоже на одном дворе ⟨...⟩ друг Николая Ивановича, известный переводчик классиков, Михаил Астафьевич Лобанов, бывший в то время учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, с женою своею Александрой Антоновною, прелестной женщиной, которая была очень дружна с моей матерью и меня, маленькую, очень любила ⟨...⟩

У Греча почти постоянным гостем был Фаддей Венедиктович Булгарин, а у Лобанова — Иван Андреевич Крылов и Николай Иванович Гнедич. Хорошо помню всех этих господ, помню именно такими, какими они были тогда. Булгарин, например, был кругленький, на коротеньких ножках, с порядочным брюшком, голова плотно подстриженная, как бильярдный шар, лицо смятое, глаза вытаращенные, как у таракана, толстые губы его плевались... с лица его не сходила задорная улыбка, и вечно он спорил и хохотал; одет был в светло-серенькое с ног до головы. Я его ненавидела маленькая потому, что он вечно меня дразнил [2]. Про Греча могу сказать только то, что он мне казался великаном; он очень много говорил; на нас, детей, не обращал никакого внимания, а потому и мы были к нему равнодушны. Михаил Астафьевич Лобанов в манерах был нежен до приторности, говорил тихо и сладко. Лицом был похож на легавую собаку и даже на ходу поводил носом, точно все что-то нюхал ⟨...⟩

Теперь надо рассказать, какой был тогда еще не старый и не дедушка Крылов. Грязный был голубчик, очень

грязный! Чистой рубашки я на нем никогда не видала; всегда вся грудь была залита кофеем и запачкана каким-нибудь соусом; кудрявые волосы на голове торчали мохрами во все стороны; черный сюртук всегда был в пуху и пыли; панталоны короткие, как-то снизу перекрученные, а из-под них виднелись головки сапог и желто-грязные голенища... Да, не франт был Иван Андреевич, и несмотря на это, ему все смотрели в глаза и чуть на него не молились. Всегда к его приезду m-me Греч и Лобанова старались ему приготовить к обеду что-нибудь его любимое, вкусное. Как теперь его вижу, как он сидит у Лобановых за столом, жадно ест солонину и говорит: «Нет, господа, это еще не решено, что лучше: солонина горячая или холодная!»

Вечерком, когда все мужчины садились пить чай под навесом, кричали там, смеялись и спорили, у Ивана Андреевича вырывались очень умные речи, но днем он все больше жевал что-нибудь да тешился с нами, ребятами. Он меня очень любил, и я его тоже. Не знаю только, почему не нравилось ему, что я девочка. Как только, бывало, приедет, сейчас посадит меня на колени, начнет «тютюшкать» и скажет мне:

— Машенька, будь мальчиком! Я не хочу, чтоб ты была девочка!

— А я не хочу быть мальчиком! — отвечу я.

А тут подвернется злодей Булгарин, вынет из кармана крокодиловой кожи огниво и начнет меня дразнить:

— Да тебя никто и спрашивать не будет, хочешь ли ты быть мальчиком или нет! Вот видишь этот ящичек, вот я его открою (он открывал огниво, и из него показывался огонь и дымок), посажу тебя туда и закрою, вот так!..

Крышка, громко щелкнув, захлопывалась. Я собиралась плакать...

— Нечего хныкать, этим ничего не поможешь. Возьму, посажу, закрою и выну оттуда мальчиком.

Я спрыгивала с колен Крылова и с ревом убегала домой.

...И ведь не раз и не два они со мною это делали, а всякий раз, как приедут на Черную речку. Добрая Варвара Даниловна Греч положила конец этому издеванью надо мною только тем, что в угоду Крылову сшила мне русскую рубашонку и штанишки, и как только он приезжал, меня выводили к нему «мальчиком».

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ИЗ СТАТЬИ «ИЗВЕСТИЕ О ЖИЗНИ И СТИХОТВОРЕНИЯХ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРИЕВА»

ПРИПИСКА

Продолжая проверять себя, то есть прежнего я с нынешним я, после свыше пятидесятилетнего промежутка, как сделано мною в статье об Озерове, могу сказать, что в статье о Дмитриеве вообще остаюсь и ныне при тогдашних моих литературных понятиях и суждениях. Некоторые оттенки могли бы быть изменены или переправлены; но главная основа, главные краски остались бы те же. Те же встречаются и погрешности в слоге и в изложении; но характер и направление в настоящем очерке, может быть, получили развитие еще более определенное и полное, чем в очерке Озерова [1].

Если что из настоящей статьи могло сохраниться в памяти литературы нашей и отозвалось гораздо позднее в некоторой части нашей печати, то разве впечатление, что я излишне хвалил Дмитриева и вместе с тем как бы умышленно старался унизить Крылова. Всею совестью своею и всеми силами восстаю против правильности подобного заключения; признаю его ошибочным предубеждением или легкомысленным недоразумением.

В самой этой статье говорю о Крылове с искренним уважением. Говорю, например, что он боролся с Дмитриевым, переработывая басни, уже им (то есть Дмитриевым) переведенные, *и что мы благодарны ему за его смелость.* Далее говорю: «что к общей выгоде дорога успехов, открытая дарованию, не так тесна, как та дорога (то есть дорога придворная и честолюбия), на коей, по замечанию остроумного Фон-Визина, двое, встретясь, разойтись не могут и один другого сваливает». Стало быть, я признаю Дмитриева и Крылова идущими свободно друг другу навстречу или попутчиками, которые

друг другу не мешают и могут идти рядом. За Дмитриевым признаю одно старшинство времени: и, кажется, этой математической истины оспоривать нельзя. У нас многие еще не понимают отвлеченной, тонкой похвалы; давай им похвалу плотную, аляповатую, громоздкую — вот это так. Нужно заметить еще, что Дмитриев в числе первых приветствовал и оценил первоначальные попытки соперника своего. Но всего этого не довольно для пристрастных и заносчивых судей наших: они хотят, чтобы я непременно *свалил* одного из двух и, разумеется, свалил именно Дмитриева. Но я воздержался от такого побоища, во-первых, потому что не признаю его справедливым; во-вторых, потому, что это было бы с моей стороны непростительною неприличностью. Статья моя написана была вследствие предложения мне Санкт-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности, коему Дмитриев подарил рукопись свою и передал право издавать ее в пользу Общества [2]. Уместно ли было бы при такой обстановке входить мне в подробное рассмотрение высшей или низшей степени дарования того и другого, а еще более признать неоспоримое преимущество Крылова над Дмитриевым. Как я уже сказал: такого безусловного преимущества не признаю. Каждый из них оделен превосходными достоинствами, ему сродными: вкусы могут быть различны и друг друга оспоривать; но общая нелицеприятная оценка здравой критики может и должна воздавать каждому ему подобающее. *О бестактности*, о нарушении первых правил вежливости, которые оказал бы я, принося Дмитриева в жертву Крылову в статье, посвященной в честь Дмитриева и в благодарность за подарок его литературному обществу, я уже не говорю: условия и законы *ребяческой вежливости* (civilité puérile), общежитейского приличия, сметливости, литературного и нравственного *такта* давно уже вычеркнуты из уложения литературного: остается мне только пред новыми законодателями виниться в моей закоснелой отсталости. Не знаю, разделял ли Крылов с другими напущенное против меня предубеждение; но в довольно долгих и постоянно хороших отношениях моих с ним не имел я повода подозревать в нем ни малейшего злопамятства. Впоследствии воспевший и окрестивший *дедушку Крылова*, так, что с легкой руки моей это прозвище было усвоено всею Россиею, не считаю нужным оправдывать себя далее в поклепе, возведенном на меня,

а именно, что я не умею ценить дарование великого и незабвенного баснописца нашего. Припоминаю еще одно обстоятельство, которое ставят мне в вину. Когда-то в иванов день написал я куплеты в честь именинника Дмитриева. В этих стихах упоминаю кстати о тезках его: Иване Лафонтене и Иване Хемницере. А зачем не упомянули вы и об Иване Крылове? строго и грозно допрашивает меня мой литературный следственный пристав [3]. Не упомянул я о живом Крылове в похвальном приветствии живому Дмитриеву по той же причине, по которой не стал бы выхвалять красоту живой соперницы в мадригале красавице, перед которою хотел бы я полюбезничать. Кто-то — право, не помню, кто именно и где было напечатано — намекает, что в басне «Осел и Соловей» Крылов в стихах:

А жаль, что не знаком
Ты с нашим петухом —

имел в виду Дмитриева и меня. Уж это слишком! Усердие не по разуму. Пожалуй еще, Крылов в минуту досады мог применить меня к ослу — но и этому не верю — а решительно восстаю против догадки, что в лице петуха Крылов подразумевал Дмитриева. Ум и поэтическое чувство его были выше подобной нелепости. Безусловный поклонник Крылова зашел уже слишком далеко. Зачем не вспомнил он стихов его:

И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнем в лоб [4].

〈...〉Дмитриев и Крылов два живописца, два первостатейные мастера двух различных школ. Один берет живостью и яркостью красок: они всем кидаются в глаза и радуют их игривостью своею, рельефностью, поразительною выпуклостью. Другой отличается более правильностью рисунка, очерков, линий. Дмитриев как писатель, как стилист более художник, чем Крылов, но уступает ему в живости речи. Дмитриев пишет басни свои; Крылов их рассказывает. Тут может явиться разница во вкусах; кто любит более читать, кто слушать. В чтении преимущество остается за Дмитриевым. Он ровнее, правильнее, но без сухости. И у него есть своя игривость и свежесть в рассказе; ищите без предубеждения — и вы их найдете. Крылов, может быть, своеобразен, но он не образцовый писатель. Наставником быть он не может [5].

Дмитриев по слогу может остаться и остался во многом образцом для тех, которые образцами не пренебрегают. Еще одно замечание. Басни Дмитриева всегда басни. Хорош или нет этот род, это зависит от вкусов; но он придерживался условий его. Басни Крылова нередко драматированные эпиграммы на такой-то случай, на такое-то лицо. Разумеется, дело не в названии; будь только умен и увлекателен, и читатель останется с барышом — а это главное. При всем этом не должно забывать, что у автора, у баснописца бывало часто в предмете не басню написать: «но умысел другой тут был» [6]. А этот умысел нередко и бывал приманкою для многих читателей и приманкою блистательно оправданною. Но если мы ставим охотно подобное отступление автору не в вину, а скорее в угождение читателю, то несправедливо было бы отказать и Дмитриеву в правах его на признательность нашу. Крылов сосредоточил все дарование свое, весь ум свой в известной и определенной раме. Вне этой рамы он никакой оригинальности, смеем сказать, никакой ценности не имеет. Цену Дмитриева поймешь и определишь, когда окинешь внимательным взглядом все разнородные произведения его и взвесишь всю внутреннюю и внешнюю ценность дарования его и искусства его.

Что люди, мне чужие, обвиняли меня в *слабости* к Дмитриеву и в несправедливости к Крылову, это меня не очень озабочивало и смущало. Я вообще обстрелян: и лишний выстрел со стороны куда не идет. Но в числе обвинителей моих был и человек мне близкий; суд его был для меня многозначителен и дорог, он мог задирать меня и совесть мою за живое [7].

Пушкин, ибо речь, разумеется, о нем, не любил Дмитриева как поэта, то есть правильнее сказать: часто не любил его. Скажу откровенно, он был или бывал сердит на него. По крайней мере, таково мнение мое. Дмитриев, классик — впрочем, и Крылов по своим литературным понятиям был классик, и еще французский,— не очень ласково приветствовал первые опыты Пушкина, а особенно поэму его «Руслан и Людмила» [8]. Он даже отозвался о ней колко и несправедливо. Вероятно, отзыв этот дошел до молодого поэта, и тем был он ему чувствительнее, что приговор исходил от судии, который возвышался над рядом обыкновенных судей и которого, в

глубине души и дарования своего, Пушкин не мог не уважать ⟨...⟩ Как бы то ни было, споры наши о Дмитриеве часто возобновлялись и, как обыкновенно в спорах бывает, отзывы, суждения, возражения становились все более и более резки и заносчивы. Были мы оба натуры спорной и друг перед другом ни на шаг отступать не хотели. При задорной перестрелке нашей мы горячились: он все ниже и ниже унижал Дмитриева; я все выше и выше поднимал его. Одним словом, оба были мы не правы ⟨...⟩

В старых бумагах своих отыскал я несколько заметок, в разное время набросанных о Крылове. Считаю нелишним дать им место в настоящей приписке: они могут пополнить очерк мой и досказать уже сказанное мною.

«В Крылове не люблю *мотива*, направления, морали или заключения некоторых из басней его. Например басня «Сочинитель и Разбойник». В ней, конечно, есть некоторая доля правды; рассказана она живо и мастерски; конец ее превосходен:

Сказала гневная Мегера —
И крышкою захлопнула котел.

Последний стих поразительно хорош, удачен и живописен. Но, признаюсь, по моим понятиям как-то неловко и не благовидно сочинителю, то есть поэту, выводить рядом на очную ставку разбойника и сочинителя, и еще с тем, чтобы отдать преимущество разбойнику пред сочинителем. Найдутся и без поэта люди, которые охотно выведут такое заключение и подпишут подобный приговор. Нам, людям пера, не подобает мирволить и потакать таким беспощадным осуждениям. По содержанию басни можно предполагать, что Крылов имел в виду Вольтера. Следующие стихи наводят на эту догадку:

И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой.

По счастью для Вольтера, если есть тут Вольтер, стихи, произносимые Мегерой, довольно плохи. Но будь они и лучше, все не желал бы я видеть, что с согласия Крылова *захлопнулась крышка котла* над Вольтером или

другим великим писателем, хотя и великим грешником. Питаю надежду, что в таком случае и сама Мегера могла найти некоторые обстоятельства, облегчающие вину того, который

Был славою покрытый сочинитель.

Заметим мимоходом, что и здесь не посчастливилось Крылову: стих не хорош и выражение *покрытый славою* не правильно и не живописно.

Не нравится мне, хотя и не в такой степени как предыдущая, и другая басня «Огородник и Философ». И здесь как будто есть тенденция. Не рано ли у нас смеяться над философами и теми, которые *читают*, *выписывают*, *справляются*, как указано в басне. Правда, автор говорит о *недоученном философе*. Но всякий ли поймет эту оговорку? Большая часть читателей зарубят себе на памяти одну мораль басни:

А философ
Без огурцов,—

и придут к заключению, что лучше, выгоднее и скорее в *шляпе дело* не быть философом. Два эти стиха выражением и складом своим так и просятся в пословицы. Тем хуже.

В басне своей «Метафизик» Хемницер выразил почти ту же мысль; но не так безусловно и, так сказать, осторожнее, обдуманнее и художественнее. К тому же он выводит на сцену Метафизика, над которым, по общепринятым понятиям, можно без греха и потрунить.

Крылов был вовсе не беззаботливый, рассеянный и до ребячества простосердечный Лафонтен, каким слывет он у нас. Он был несколько, с позволения сказать, неряшлив; но во всем и всегда был он, что называется, себе на уме. И прекрасно делал, потому что он был чрезвычайно умен. Всю жизнь свою, а впоследствии и дарование свое обделал он умно и расчетливо. Портрет его, оставленный нам Вигелем, в «Записках» его, как и все характеристики его, более или менее пристрастен и недоброжелателен. Краски его иногда живы и верны, но почти всегда разведены желчью. Со всем тем, изображение Крылова в основе своей не должно быть совершенно лишено правды и меткости. Самая первоначальная обстановка жизни Крылова может несколько объяснить нам его самого. Он родился, вырос и возмужал в нужде и бедности; следовательно, в зависимости от других.

Такая школа не всем удается. На многих оставляет она, по крайней мере надолго, оттиск если не робости, то большой сдержанности. В таком положении весь человек не может выказаться и высказаться; невольно многое прячет он в себе сознательно или бессознательно. Крылов-баснописец, то есть тот Крылов, которого мы знаем и которого будет знать русское потомство, возрос позднее. В доме князя Сергея Федоровича Голицына, барина умного, но все-таки барина, и к тому же, по жене, племянника князя Потемкина, Крылов, по тогдашним понятиям, не мог пользоваться правом личного человеческого равенства с членами аристократического семейства. Он не был в семействе, а был при семействе. Он был учитель, чиновник, клиент, но в этой среде не был свой брат, хотя, может быть, и, вероятно, так и было, пользовался благоволением, а пожалуй, и некоторым сочувствием хозяев. Но, во всяком случае, тут, разумеется, было не до рассеянности, не до поэтической беззаботливости, не до возможности держать себя вольно. Нет, тут надобно было более или менее держать себя на часах; оглядываться, приглядываться к лицам и обстоятельствам. Такое умственное и нравственное воспитание оставило по себе на Крылове следы свои; они не совершенно сгладились и тогда, когда судьба и особенно дарование вывели его на дорогу более светлую и широкую. В первых авторских трудах его, не исключая и комедий, все еще значатся приметы того, что назовем литературным провинциализмом; сей провинциализм еще здравствует и встречается в печати нашей [9]. В области басни Крылов внезапно переродился, просветлел и разом достигнул высоты, на которой поравнялся со всеми высшими. Но басни и были именно призванием его, как по врожденному дарованию — о котором он сам даже как будто не догадывался,— так и по трудной житейской школе, чрез которую он прошел. Здесь и мог он вполне быть себе на уме; здесь мог он многое говорить, не проговариваясь, мог под личиною зверя касаться вопросов, обстоятельств, личностей, до которых, может быть, не хватило бы духа у него прямо доходить. Это ставим ему не в укоризну. Каждый человек по характеру, способностям, по выдержке своей имеет свое орудие и свою определенную местность для действия. Крылов наконец нашел и орудие и место свое. Он остался им верен и владел ими ненарушимо, блистательно и благополучно.

Нам известно, что Крылов был страстный игрок в свое время; впрочем, полно, страстный ли? Как-то не верится, чтобы страсть могла пробиться в эту громадно-сплоченную твердыню. Играл он в карты, вероятно, также по хозяйственным расчетам ума. Бывал ли он влюблен? Бывал ли он когда-нибудь молод? Вот вопросы, которые хотелось бы разрешить. Правда, сказал он как нельзя милее:

Любви в помине больше нет,
А без любви какое уж веселье?

Но и это сказано скорее умом, нежели сердцем, то есть сказано в подражание Лафонтену ⟨...⟩

Просвещенный любитель живописи образует картинную галерею свою не из одних произведений одного и того же мастера, одной и той же школы. Он любит и умеет ценить разнообразие кисти. И в литературе найдутся охотники, которые прочтут с удовольствием басню Крылова, но прочтут с удовольствием и басню Дмитриева. Между таковыми знавал я, например, Жуковского, Батюшкова, Дашкова, Блудова и других. Не ставлю Дмитриева выше Крылова; но не ставлю и Крылова выше Дмитриева. Сочувствия мои идут не пирамидально.

Мы готовы были признать в Крылове некоторый литературный провинциализм в первых попытках авторской деятельности его. От этой немощи он впоследствии совершенно оправился. Но в отношении житейском в обращении его все же остались на нем следы первородного провинциализма. Помню, что на одном из заседаний покойной Российской Академии кто-то из членов предложил, что не худо было бы академикам чаще собираться для совещания, чтобы придать занятиям более жизни и более прямое направление. Все согласились с этим мнением; согласился и Крылов, но с важностью прибавил к тому: «разумеется, за исключением почтовых дней». Житель нового Петербурга забыл или не знал, что по новому порядку все дни недели дни почтовые и что почта отправляется во все края по нескольку раз в день. Разумеется, тут входили в соображение и лень, и испуг являться часто в академию. Но забавно было, что Крылов оставлял за собою свободными почтовые дни, он, который, вероятно, изо всех смертных наименее пользовался письменною почтою».

ИЗ СТАТЬИ «ЖУКОВСКИЙ. — ПУШКИН. — О НОВОЙ ПИИТИКЕ БАСЕН»

ПРИПИСКА

Признаюсь, я не большой и не безусловный приверженец и поклонник так называемой национальности. Думаю, что и Крылов не гонялся за национальностью: она сама набежала на него, прильнула к нему, но и то не овладела им. Вот, например, случай, который доказывает, что он был более классик, нежели националист. Пушкин читал своего «Годунова», еще не многим известного, у Алексея Перовского. В числе слушателей был и Крылов. По окончании чтения, я стоял тогда возле Крылова, Пушкин подходит к нему и, добродушно смеясь, говорит: «Признайтесь, Иван Андреевич, что моя трагедия вам не нравится и, на глаза ваши, не хороша».— «Почему же не хороша? — отвечает он,— а вот что я вам расскажу: проповедник в проповеди своей восхвалял божий мир и говорил, что все так создано, что лучше созданным быть не может. После проповеди подходит к нему горбатый, с двумя округленными горбами, спереди и сзади: не грешно ли вам, пеняет он ему, насмехаться надо мною и в присутствии моем уверять, что в божьем создании все хорошо и все прекрасно. Посмотрите на меня. Так что же, возражает проповедник: для горбатого и ты очень хорош». Пушкин расхохотался и обнял Крылова [1].

ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ СТАТЬИ «О СМЕРТИ И. А. КРЫЛОВА»

Всегда разительна и трогательна бывает эта повестка смерти, возвещающая нам, что одного из нас не стало, и призывающая нас помянуть о нем во храме божием и воздать последний христианский долг усопшему брату. Жизнь в тысячах видов своих скользит мимо нас, часто не возбуждая ни сочувствия, ни внимания нашего. Различие возрастов, общественных положений, нравов, понятий, склонностей разъединяет братское общество ближних; оно воздвигает между ними необоримые ограды. Одна смерть, поражая человека, нам и чуждого, отзывается трепетом и сочувствием во глубине души нашей,

напоминает нам, что каждый человек есть наш ближний. Тем более эта повестка смерти, эти простые слова, всегда однообразные в выражении своем, имеют разительную силу и всемогущее красноречие, когда неожиданно застают они вас среди забот, страстей или развлечений жизни, когда объявляют вам, что вы, что все общество лишились человека, которого имя было известно и знаменито, которого труды, заслуги или самые наслаждения были достоянием и славою отечества. Таким глубоким чувством были поражены жители столицы, когда узнали о неожиданной кончине И. А. Крылова. Многие даже из знакомых, из приятелей его ничего не знали о кратковременной болезни его, и весть о ней дошла до них вместе с вестью о кончине его.

Уже давно Крылов редко посещал общество и вел довольно уединенную жизнь. Лета его и лень... Самое время года и прекращение сообщений между Петербургом и Васильевским островом, где он жил уже несколько лет, способствовали к тому, чтобы не приготовить многих к утрате, которая внезапно поразила нас. Во всякое другое время весть о болезни его была бы городскою, общею вестью: сотни, тысячи людей приходили бы в дом больного наведываться о здоровье его, многие из коротко знакомых, из приятелей его поспешили бы участием своим, изъявлением живейшего сочувствия доказать ему, сколь жизнь его для них была близка и драгоценна, поспешили бы усладить, развлечь страдания его и тоску предсмертной разлуки с жизнью. Но эти сотни, но эти тысячи, но многие из приятелей его могли только явиться на последний, загробный призыв его... и быть верными спутниками его от церкви св. Исаакия Далматского, где назначен был вынос тела его, до Александро-Невской лавры, где совершалось отпевание и предано тело его ⟨земле⟩ на кладбище, где уже покоятся Карамзин, Сперанский и другие.

Сожаление наше, что эти последние, торжественные, умилительные дни перехода от жизни к смерти совершились неведомо от нас, еще более усиливается мыслью и убеждением, что в эти дни Крылов помнил и думал об нас. Вместе с прозаическим, форменным объявлением о кончине его, сделанным по общему, установленному обряду, собственно он сам поэтически завещал нам жизнь свою, жизнь, сосредоточенную в том, что из жизни его осталось лучшего и нетленного. Трогательное и умиляющее

сердце приношение! Этот загробный экземпляр басней его, которым подарил он нас, будет служить лучшим доказательством, что сердце его, которое, судя по некоторым признакам характера его и беспечности и бесстрастию всей жизни его, многим могло казаться холодным, было, однако ж, проникнуто внутренней теплотою, любовью и глубоким сочувствием к людям, с которыми он жил и памятью коих дорожил он столько, что придумал особенный способ, чтобы оставить им по себе верный, неизгладимый след.

В этом приношении есть что-то древнее, особенно поэтическое. Эта загробная книга будет для каждого из нас как бы урною, сохраняющею пепел милого и драгоценного нам человека, но пепел, проникнутый еще духом и теплотою жизни, пепел красноречивый и назидательный. В виду сей книги из немногих страниц, в которых Крылов передал всю опытность долголетней жизни своей, все заметки ума ясного, верного, все впечатления свои, нельзя не благоговеть пред этою искрою, которою бог осветил душу немногих избранных своих, пред этим даром слова, которым он ущедрил, укрепил и поставил выше других только немногих, призванных на поучение и поклонение многим. Разберем всю жизнь Крылова, эту жизнь, прошедшую чрез несколько поколений: где события ее, где следы, оставленные ею на общественном поприще? Все события ее, все плоды ее сосредоточены в нескольких баснях, которые он без усилия принес в дар соотечественникам своим, как обильное и цветущее древо приносит плод свой. Эта дань, которая не стоила ни многих, ни тяжких трудов, которая, так сказать, изливалась сама из животворного и свыше благословенного лона, поставила Крылова на высоту, не многим доступную. Сия дань, сии досуги укрепили за ним уважение и любовь многих современных ему поколений: они же передадут имя и славу его дальнейшему потомству. Россия жадно слушала слова, истекавшие из его уст, и сохранит их с признательным благоговением. Она радовалась и гордилась им и будет радоваться и гордиться им, доколе будет процветать наш народный язык и драгоценно будет русскому народу русское слово. Когда падут преграды, возносимые предубеждением и враждебным равнодушием, когда внутренняя духовная жизнь России будет доступна исследованию и изучению Западной Европы, она в числе немногих и в Крылове найдет

удостоверение, что внутренняя наша жизнь зрела и совершенствовалась, что и мы имели право на внимание и сочувствие ее.

ИЗ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК»

...Крылов говорил о Шишкове как литераторе: следовать примерам его не дóлжно, а пользоваться иными критиками его может быть полезно. Крылов обычно одевал мысль свою обликом аполога. Шишков в этом отношении, продолжал он, похож на человека, который доказывал бы, как опасно употреблять недостаточно луженую кухонную посуду, и стал бы советовать чаще лудить ее суриком. Мы видим из общей истории, что встречаются преобразователи, к которым можно вполне применить аполог Крылова [1].

N N сказал о *** , впрочем, очень добром и почтенном человеке: «Он говорит пословицами, а действует виньетками». Кстати о виньетках. Блудов сказал о новом собрании басен Крылова, что вышли новые басни Крылова, с свиньею и с виньетками.

«Свинья на барский двор когда-то затесалась» и пр. Строгий и несколько изысканный вкус Блудова не допускал появления Хавроньи в поэзии. Какой-то французский критик, в таком же направлении, осуждал Крылова за то, что он выбрал гребень предметом содержания одной из своих басен, вероятно, на том основании, что есть французская поговорка: грязен, как гребень (sale comme un peigne) [2].

Кажется, мало известна эпиграмма Крылова на переведенную Хвостовым поэму Буало:

— Ты-ль это, Буало? Скажи, что за наряд?
Тебя узнать нельзя, конечно, ты вздурился?
— Молчи, нарочно я в Хвостова нарядился:
Я еду в маскарад [3].

Лев Пушкин (брат Александра) рассказывал, что однажды зашла у него речь с Катениным о Крылове. Катенин сильно нападал на баснописца и почти отрицал

дарование его. Пушкин, разумеется, опровергал нападки. Катенин, известный самолюбием своим и заносчивостью речи, все более и более горячился. «Да у тебя, верно, какая-нибудь личность против Крылова».— «Нисколько. Сужу о нем и критикую его с одной литературной точки зрения». Спор продолжался. «Да он и нехороший человек (сорвалось у Катенина с языка): при избрании моем в Академию этот подлец, один изо всех, положил мне черный шар» [4].

Известно, что в старые годы, в конце прошлого столетия, гостеприимство наших бар доходило до баснословных пределов. Ежедневный открытый стол на 30, на 50 человек было дело обыкновенное. Садились за этот стол кто хотел: не только родные и близкие знакомые, но и малознакомые, а иногда и вовсе не знакомые хозяину. Таковыми столами были преимущественно в Петербурге столы графа Шереметева и графа Разумовского. Крылов рассказывал, что к одному из них повадился постоянно ходить один скромный искатель обедов и чуть ли не из *сочинителей.* Разумеется, он садился в конце стола, и также разумеется, слуги обходили блюдами его как можно чаще. Однажды понесчастливилось ему пуще обыкновенного: он почти голодный встал со стола. В этот день именно так случилось, что хозяин после обеда, проходя мимо его, в первый раз заговорил с ним и спросил: доволен ли ты? — Доволен, ваше сиятельство, отвечал он с низким поклоном: всё было мне видно.

А сам Крылов! Можно ли не помянуть его в застольной летописи? Однажды приглашен он был на обед к императрице Марии Федоровне в Павловске. Гостей за столом было немного. Жуковский сидел возле него. Крылов не отказывался ни от одного блюда. «Да откажись хоть раз, Иван Андреевич,— шепнул ему Жуковский.— Дай императрице возможность попотчевать тебя».— «Ну а как не попотчует!» — отвечал он и продолжал накладывать себе на тарелку. Крылов говорил, что за стол надобно так садиться, чтобы, как скрипачу, свободно действовать правою рукою. Так и старался он всегда садиться. Он очень любил ботвинью и однажды

забавно преподавал он историю ее и чрез какие постепенные усовершенствования должна была она проходить, чтобы достигнуть до того, чем она ныне является, хорошо и со всеми удобствами приготовленная.

Крылов, как член старой Российской академии, был недоволен хозяйственными и экономическими распоряжениями ее. Капитал, которым она владела, не употребляла она на пользу русской словесности, не печатала полезных и дешевых книг, не изготовляла новых, улучшенных изданий наших классических писателей, не помогала молодым талантам. «Куда копите вы деньги свои? — спрашивал он академическое правление.— Разве на приданое Академии, чтобы выдать ее замуж за Московский университет?» Свадьба не состоялась; но после смерти Шишкова значительный академический капитал был отобран. Богатая невеста замуж не вышла и как сиротка пристроена была к другому месту и под другим именем [5].

После Крылова как-то вспомнилось о Гнедиче. Впрочем, они были приятели и друзья. Дружба их была, вероятно, основана более на уважении друг друга в литературном отношении, хотя дарование каждого из них было совершенно противоположно дарованию другого: они пели не на один лад. А вероятнее еще, короткая их связь закрепилась общим сожительством в доме Императорской библиотеки. Во всем быту, как и в свойстве дарования их, выказывалась такая же рознь. Крылов был неряха, хомяк. Он мало заботился о внешности своей. Гнедич, испаханный, изрытый оспою, не слепой, как поэт, которого избрал он подлинником себе, а кривой, был усердным данником моды: он всегда одевался по последней картинке. Волоса были завиты, шея повязана платком, которого стало бы на три шеи ⟨...⟩ Он был несколько чопорен, величав; речь его звучала несколько декламаторски. Он как-то говорил гекзаметрами. Впрочем, это не мешало ему быть иногда забавным рассказчиком и метким на острое слово. Он слыл хорошим чтецом; но в чтении его, как и во всем прочем, было мало простоты и натуральности. Крылов, напротив, читал, по крайней мере басни свои, без малейшего на-

пряжения: они выливались из уст его, как должны были выливаться из пера его, спроста, сами собою.

Хотя на водах и запрещено заниматься делами, но все не худо иметь всегда при себе в кармане *нужныг бумаги*. Эта глупость напоминает мне анекдот Крылова, им самим мне рассказанный. Он гулял или, вероятнее, сидел на лавочке в Летнем саду. Вдруг... его. Он в карман, а бумаги нет. Есть где укрыться, а нет, чем... На его счастье, видит он в аллее приближающегося к нему графа Хвостова. Крылов к нему кидается: «Здравствуйте, граф. Нет ли у вас чего новенького?» — «Есть, вот сейчас прислали мне из типографии вновь отпечатанное мое стихотворение»,— и дает ему листок. «Не скупитесь, граф, и дайте мне два-три экземпляра». Обрадованный такою неожиданной жадностью, Хвостов исполняет его просьбу, и Крылов с своею добычею спешит за своим делом.

Кстати о Крылове... Крылов написал трагическую фарсу «Трумф», которую в старину разыгрывали на домашних театрах и между прочими у Олениных. Старик камергер Ржевский написал эпиграмму... Крылов отвечал ему:

Мой критик, ты чутьем прославиться хотел,
Но ты и тут впросак попался:
Ты говоришь, что мой герой...
Ан нет, брат, он...

К. А. ПОЛЕВОЙ

ИЗ «ЗАПИСОК О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ПОЛЕВОГО»

Вообще, мало встречал я людей, столь кротких в обхождении, как Мицкевич [1]. Обыкновенный тон его речи всегда отзывался мягкостью, нежностью, и самые возвышенные мысли выражал он без всякой напыщенности, какая невольно проглядывает во многих людях, чувствующих себя выше других. Снисходительность его к людям была истинно младенческая, и только низость и порок приводили в негодование пылкую его душу, только благородные страсти воспламеняли его, и под влиянием их он преображался в другого человека. В суждениях о литературных предметах высказывал он всегда оригинальное свое мнение, но все возвышенное и прекрасное ценил высоко и не останавливался на мелких недостатках. Однажды кто-то при нем стал указывать на разные слабые стороны нашего Пушкина и обратился к Мицкевичу, как бы ожидая от него подтверждения своего мнения. Мицкевич отвечал: «Pouchkine est le premier poête de sa nation: c'est là son titre à la gloire» *. С особенным уважением отзывался он о Жуковском и, кажется, еще больше уважал в нем человека, нежели поэта, находя, что его сочинения тем и хороши, что их писал человек превосходный, который вложил в них свою душу. Остроумие Крылова приводило его в восторг, и он любил повторять анекдоты и слова, в которых так хорошо выражался ум нашего баснописца. Он не мог без смеха вспомнить, например, что Крылов сказал ему о Шишкове: «У этого человека ум вот какой: можно иногда послушаться его, когда он не советует чего-нибудь; но боже сохрани делать то, что он советует!» [2] Вообще, ему казалось, что лично Крылов был выше своей печатной славы.

* Пушкин первый поэт своего народа; вот что дает ему право на славу (*фр.*).

П. А. ПЛЕТНЕВ

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

I

9 ноября 1844 года Россия лишилась человека, незабвенного для нее. Скончался Иван Андреевич Крылов. Достаточно этого имени, чтобы выразить вполне, что утратили русские всех сословий, всех возрастов, люди с высшим образованием и люди едва грамотные, лица, занимающие важнейшие должности, и неизвестные частные лица, блестящие таланты, воспитатели, наставники — и все, кому еще предстоит в жизни, в какой бы то ни было степени, умственное развитие. Едва понятно, как мог этот человек, один, без власти, не обладавший ни знатностью, ни богатством, живший почти затворником, без усиленной деятельности, как он мог проникнуть духом своим, вселиться в помышление миллионов людей, составляющих Россию, и остаться навек присутственным в их уме и памяти. Но он дошел до этого легко, тихо, свободно и сам едва сознавая необъятность и высоту своего беспримерного успеха.

Бог ниспослал ему *благодать слова.* Все могущество, доступное на земле человеку по отношению к равным ему, заключено в этом неизъяснимом даре. Мы все постигаем, чувствуем и мыслим, а вследствие того и говорим или пишем — только не все равно. Слово есть полный образ духовности в человеке. Силы духа неисчислимо разнородны и разнообразны. В полноте совершенства своего, по какой-то чудесной способности, они все создают в таком дивно прекрасном виде, в такой гармонии с общечеловеческою духовностью, как сама Природа. Мир внешний, окружающий человека, вмещается в его душу, где мы называем его внутренним миром. Первый существует в одном неизменном образе. Другой, по различию

восприемлющих, до бесконечности разновиден. Поэтому слово, будучи полным образом, как я сказал, духовности в человеке, всегда показывает внешний мир согласно не с подлинником, а с принятыми им в душе особенностями.

В Крылове мы видели перед собою верный, чистый, совершенный образ Русского. Его индивидуальную духовность всего точнее можно уподобить слитку самородного золота, нигде не проникнутого даже песчинкой постороннего минерала. Эту, может быть, единственную в своем роде натуру воспитание, обстоятельства жизни, связи и отношения, влечение вкуса и — без сомнения, всего более — ясный ум образовали так полно, твердо и высоко, что во всех явлениях, даже в каждом элементе ее деятельности, все типически выражало русский мир. До чего ни прикасалась, на что ни взглядывала, чем ни отзывалась духовность человека, так счастливо образовавшегося и окрепшего в убеждениях, все в ее могучем слове являлось истинным, точным и полным. Внутренний мир Крылова до такой степени хранил тождество с внешностию, окружавшею его; художнический ум его в такой тонкости постигал легчайшие оттенки и особенности русского смысла, положений, привычек, языка, звуков, красок, ощущений и духа, что слово его, с появления в голове до последней обстановки в поэтическом создании, каждым движением, каждою чертою в совершенстве выполняло свое призвание.

II

Всем известно, что Крылов не отвергал от себя общего достояния людей мыслящих — знаний и счастливых произведений, обработанных на других языках. По своим понятиям, суждениям, по своей жизни, привычкам и прекрасно очищенному вкусу, по любви к талантам и личным успехам в некоторых художествах (например, в рисовании, музыке), он был равен всем самым образованным людям высокого разряда. Еще более скажу: природа наделила его способностию быстро и легко усваивать другие языки. Следовательно, он, подобно всем современникам, находился под тем влиянием иноземным, которому не без основания мы приписываем частое отсутствие в нас самобытности и народности. Между тем он духом своим так был крепок и неодолим,

ум его так был строг и вместе гибок, что на соображениях и исполнении его не осталось и следа подчиненности или увлечения, ни приема заимствованного и отзывающегося смешением разнородных движений, а напротив, каждое вызываемое им лицо и склад его мыслей облекались самым разительным образом в русскую физиономию. Народность его произведений заключается не в одном прекрасном употреблении чисто русского языка, народных поговорок, не в одном верном описании костюмов, быта русского, нравов, привычек, добрых и дурных наших качеств, нет: в его слове живо обрисованы полные сцены нашей духовной жизни с зародыша идеи, или с первого взгляда, молчаливо остановившегося на предмете, до конца умственной работы, или до последнего явления в действии. Наружное положение, самый ход внутренних ощущений, столкновения с побочными препятствиями, напряжение сил душевных и телесных, улыбка удачи и грубое восклицание промаха выставлены на суд и наслаждение зрителя не в общих или только приблизительных чертах, а в яркой неделимости, которую учено-гениальной кистию всю сорвал живописец с русского натурщика.

Одни природные способности, бессознательно устремленные на искусство, объемлющее столько разнородных материалов и для каждого из них требующее столько гибкости и утонченности всех эстетических сил, не могли бы вынести Крылова на ту высоту, которой он, по общему, единогласному признанию, достигнул как народный русский писатель, если бы он светлым и независимым своим умом, со всею истиною и точностию, не определил для себя гармонически теории своего искусства. Но теория его, в каждом создании, в каждом стихе, даже в каждом выражении высказывающаяся явственно, неуловима для исполнения. Она, как органическая жизнь в природе, всегда будет возбуждать любознательность, изумление; но по ее законам никто сам не создаст творения, равного тому, которое изучает.

III

2 февраля 1838 года исполнилось Крылову семьдесят лет от рождения. Торжественно и умилительно выразилось в это время чувство всеобщего уважения к его несомненным заслугам отечеству. Юбилей, празднованный

здесь в тот день, когда исполнилось пятьдесят лет с появления в печати первых его стихотворений, конечно, на все последние годы его жизни оставил в душе его сладостнейшие воспоминания. Дань любви, признательности и почтения выразилась так свободно, единодушно и полно, что в честь частного человека едва ли бывал когда подобный праздник.

Есть небольшая биография Крылова, напечатанная в январе 1844 года («Звездочка», ч. IX, стран. 34—60) [1]. Там подробно описано все бывшее на юбилее. Эта биография очень замечательна. Ее составила одна дама, много выведавшая подробностей о детстве Крылова, как видно, из разговоров с ним. Сердце умной и любящей женщины понимало, на чем всего занимательнее остановить внимание. «Часто спрашивала я нашего несравненного Ивана Андреевича (говорит сочинительница его биографии) о детских его склонностях, о том, проявлялся ли в младенчестве его гений; но он мне всегда отвечал: «И, матушка, я был дитя как и все, играл, резвился, учился не отлично, иногда меня даже и секали». На тринадцатом году своей жизни (продолжает она) Иван Андреевич лишился отца. Мать сделалась для него земным провидением, как бывают все матери для детей своих. Она с материнскою проницательностью открыла способности своего сына и старалась развить их, несмотря на ограниченность своих средств. Андрей Прохорович (отец Крылова) не оставил после себя почти никакого состояния, но оставил несколько книг, которые собирал в продолжение своей жизни. Эта библиотека лежала не в богатых шкафах, но в полуразвалившемся сундуке, в пыли и беспорядке. Марья Алексеевна (мать поэта) вывела на свет эти спрятанные сокровища, и сама себе составила план образования своего сына. Желая приохотить его к учению, она обещала давать ему награду, когда он прилежно будет читать с нею в положенные часы. Маленькому Крылову понравилось это распоряжение. Он охотно принимался за книги, усердно читал и каждый раз получал гривну или две — меди. Тогда деньги были очень дороги, тогда ими очень дорожили. И когда маленький Крылов сделался владетелем капитала в несколько рублей, то он считал себя богачом. Мать его, чтобы не приучить его к корыстолюбию, к желанию копить деньги, или к другой крайности — тратить их на пустяки, придумала очень хорошее средство: она замечала ему,

что у него изорваны перчатки, стар картуз, и советовала на свои деньги купить и то и другое. Молодой Крылов радовался, что мог сам доставать себе необходимые вещи, выбирал хорошие светлые перчатки, щегольской картуз — и все это очень берег, потому что мы всегда как-то более дорожим тем, что приобретаем своим трудом, нежели тем, что нам достается даром. Мать его хотела и с французским языком употребить то же средство, которое так хорошо удалось с русским. Она, не зная ни слова по-французски (между тем мальчик успел ознакомиться с этим языком, поучившись несколько у гувернера-француза, жившего у губернатора: это происходило в Твери, где служил перед кончиною своею отец поэта), заставляла сына читать на этом языке в положенные часы и давала награды. Но французская грамота не так легко давалась Крылову, как своя родная. Он рожден был человеком чисто русским и потому-то к его природе не легко прививалось что-нибудь иностранное. Ему скучно было читать на языке мало знакомом. Он бегло повторял слова и фразы, которые знал наизусть, перевертывал листы и с нетерпением ожидал, когда пройдет положенный час. Марья Алексеевна, может быть, и догадывалась, на какие хитрости подымался ее сынок, но она делала вид, будто ничего не замечает, и продолжала давать ему положенное награждение. Ему стало скучно бормотать без связи и толку заученные фразы, да и совестно обманывать добрую свою мать. Он решился читать с пользою и понимать, что читает. Вот для того он взял лексикон, начал приискивать каждое незнакомое слово и таким образом скоро научился по-французски».

IV

Приведенные мною рассказы драгоценны. Они так близко знакомят читателя с детством поэта. Все, чем бы захотелось в этом роде теперь пополнить дальнейшие события жизни Крылова, уже невозможно. Только сам он из уст своих мог снабдить женскую любознательность подобными подробностями. Не менее занимательно там же рассказано и о первых опытах авторства Крылова, о первых его знакомствах после переезда с матерью из Твери в Санкт-Петербург (напр., с Дмитревским, Брейт-

конфом), о начале его службы, о кончине матери его и проч. Не думаю, чтобы в бумагах Крылова нашлись записки о жизни его. Он был, как я и сочинительница биографии согласно заметили, *по преимуществу русский человек*. А русские ничему в себе не удивляются, ничего не признают в собственных делах за чрезвычайное и любопытное. Только особенные и слишком редкие обстоятельства при воспитании или в первой молодости выводят некоторых из этого *смиренномудрия*. По смерти своей великие люди наши оставляют в достояние истории только три наследства: послужной список, несколько анекдотов — и то если случайно переживут их ближайшие из современников — и гласные дела свои. Всякий согласится со мною: чем можно поживиться из послужного списка Крылова? Самый продолжительный период его службы прошел в императорской Публичной библиотеке, где он заведовал отделением русских книг. Исторические дела его — это *басни Крылова*. Тут, конечно, есть над чем поработать и грамматику, и филологу, и поэту, и историку, и критику высших совершенств поэзии, и даже критику вообще изящных искусств. Но все труды их войдут только в область верховного человековедения, а не в биографию. Басни же Крылова, просто как дела его, все уже знают наизусть. Мнение свое о литературных его заслугах я изложил за несколько перед сим лет («Современник», т. IX) [2]. В изложении своем я рассматривал его в трех отношениях отдельно: 1, как *поэта вообще*, то есть художника, который все, доступное обрабатыванию душевных сил, лучшими орудиями языка пересоздает в ясные, полные и живые образы, представляющие из области своей как бы *вторую* природу со всеми вечными ее законами; 2, как *баснописца*, то есть специального поэта, который на всякую свою мысль набрасывает легкий, прозрачный покров аллегории; который в каждом существе чувствует проявление чего-то человеческого, подобно жителю Индии, верующему в переселение душ; одним словом, поэта, которому в одно и то же время, с одной стороны, всякая вещь говорит о человеке, а с другой, всякое о нем помышление принимает какой-нибудь из чувственных образов, населяющих вселенную; наконец 3, как *русского писателя*, то есть автора, который явления русской жизни со всеми частностями, прикосновенными к этой идее, изображал в русских стихах с поэтическою верностию, поразительно и неизгладимо;

который в душе своей хранил такую симпатию ко всем окружающим его явлениям, что, говоря о них, прямо и удивительно метко попадал на выражения, обороты речи, расстановку слов, даже на самые звуки, исключительно отличающие наш язык от языков иностранных; автора, у которого человек и его действия, мысль и слово, образ и его очертание не иначе возникали в уме и воображении, как под неизменным типом народности нашей.

Трудно найти человека, которого жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими событиями, как жизнь Крылова. По своему характеру, привычкам и образу жизни он беспрестанно подвергался тем случаям, в которых выражаются резкие особенности ума, вкуса, добродушия или слабостей. Если бы можно было собрать в одну книгу все эти случаи и сопровождавшие их явления, она составила бы в некотором смысле энциклопедию русского быта и русского человека — в виде Крылова. К сожалению, Гнедич, вернее всех хранивший в памяти своей лучшее из этой любопытной энциклопедии, все унес с собою в могилу, маленькую только часть оставив в наследство друзьям своим, из которых иные тоже умерли, а другие *странствуют далече*...

V

С. Н. Глинка, по кончине Крылова, прислал мне небольшую о нем выписку из своих «Записок». Я из них приведу здесь то, что сколько-нибудь послужит к пополнению будущей биографии поэта. С. Н. Глинка только тремя годами моложе Крылова. Итак, на его сказания положиться можно [3]. «Иван Андреевич (написано у него) гласно стал заниматься литературою в осьмидесятых годах. С капитаном гвардии Рахмановым [4] начал он тогда издавать «Почту духов». С 1792 года имя его сделалось известнее. С Клушиным и другими товарищами он сделался редактором «Санкт-Петербургскаго зрителя» [5]. Здесь между прочим напечатана остроумная повесть его в прозе: «Каиб». Сочинением басен он занялся после поездки в Москву, где Дмитриев, прочитав первые опыты его в этом роде поэзии, присоветовал ему не оставаться при одной попытке. Там князь Шаликов в это время (1805), под покровительством Дмитриева, приступил к печатанию журнала «Московский житель» [6]. В нем, в

одно и то же время, помещены были: *Письмо* Дмитриева о цели, духе и направлении повременных изданий и басня Крылова «Разборчивая Невеста». С этой эпохи Иван Андреевич писал почти исключительно басни. Первое издание их явилось в 1809 году. Жуковский в «Вестнике Европы» произнес о них замечательное свое мнение, которое перешло впоследствии времени и в полное собрание сочинений его [7]. В «Русском вестнике» также замечено было издателем о баснях Крылова, что в рассказе есть новые и живые выражения [8]. Не вхожу здесь (продолжает С. Н. Глинка) ни в какой разбор: басни Крылова *разобрала* целая Россия. Упомяну только о моем свидании с ним, когда он жил еще в доме императорской Публичной библиотеки. При входе моем он лежал на софе с книгою в руках. То был греческий Эзоп. «Вы снова перечитываете Эзопа?» — сказал я. «Учусь у него»,— возразил Иван Андреевич. «Это удел гения,— прибавил я,— ум обыкновенный встречает предел; гений идет вперед, далее, мечтая о совершенстве. Виргилий завещал, чтобы сожгли его «Энеиду»; хорошо сделали, что не послушались его. Латинская словесность лишилась бы венца славы своей. Впрочем, и наш Державин сказал: «Учиться никогда не поздно».

Знаете ли, что Лафонтен, и Дмитриев, и вы упустили самую разительную, или, как ныне говорят, *гениальную* черту в басне Эзопа «Дуб и Трость»?» — «Как это?» — спросил Иван Андреевич. «А вот как,— отвечал я.— В падении дуба Эзоп представил падение гордыни, спеси, презорства; в торжестве тросточки торжество кротости, скромности, смирения. Лафонтен почти пиитическою трубою передал эту басню. У него дуб простонал. Прекрасно рассказана эта басня и у Дмитриева и у вас. Но дуб только пал. Спесь, падая тихомолком, в удалении от зрителей, кое-как утешится. Но что дуб пал к стопам смиренной тросточки, вот что больно спеси и гордыне». Крылов привстал, подал мне трубку и сел. Я закурил и продолжал: «Лафонтен правду сказал, что Эзоповы басни драма во ста действиях. Он вывел в них всю природу от кедра до иссопа. И в них каждый в чем-нибудь себя узнает и что-нибудь найдет для себя. Я говорю это о сущности вымыслов; но в поэзии и Лафонтен, и Дмитриев, и вы победители. У вас, Иван Андреевич, в баснях своя жизнь, свое неотъемлемое достоинство. Заметили, и я повторяю, что вы всем действователям ваших басен

передали во всем самобытность русскую. Переводчик ваших басен г. Масклэ, человек очень умный и знающий вполне русский язык, не достиг своей цели [9]. Перевод его не имел успеха за границею. Снова повторяю: жизнь ваших басен — в русском слове и в вашей поэзии». Поговорив еще немного, я встал, а Иван Андреевич сказал: «Сергей Николаевич! нас, старых знакомых, теперь немного осталось».— «Да,— отвечал я,— и старик Шатров умер» [10]. Это было последнее мое свидание с Крыловым. Я познакомился с ним еще в прошедшем столетии, у московского сибарита, любителя словесности и гостеприимца всех тогдашних поэтов и вообще писателей, Ф. Г. Карина. Я пережил их всех; грустно! Но Крылов не умер: гений не умирает. Басни его сделались общим народным сокровищем. Он первый из русских писателей (заключает С. Н. Глинка) увенчался торжеством юбилея — и это перейдет в историю ⟨...⟩»

VI

С поэтическим талантом, в раннем еще детстве открывшемся (опера «Кофейница» написана автором пятнадцати лет), Крылов от природы получил самый твердый, самый ясный, самый здравый ум. Обстоятельства жизни ему не позволили систематически вовремя образовать эти редкие дарования. Он принужден был начать службу ребенком и проводить лучшие лета за делами и между людьми, где ничего не было общего с его наклонностями и назначением. Но из положения, так сказать, бесплодного, тягостного и даже насильственного душа его умела вынести на жизнь много полезного. Он лицом к лицу ознакомился с мыслящею нуждою; разглядел, постигнул и оценил людей па разных ступенях гражданских; он проникнулся стихиями народности не из книг, не из рассказов, а вдыхая их сам в себя как участник и действователь. Эта, с одной стороны, опытность, прикоснувшаяся не ко многим из самых известных писателей наших, с другой стороны, врожденная способность понимать до тонкости все оттенки поступков и мнений людей, занимающих высший слой общества, способствовали Крылову с равным успехом вполне нравиться во всяком кругу. Он не был чужд ничему, принятому людьми. Я помню, что один из умнейших случайных людей отзы-

вался о нем так: «Я больше всех писателей люблю Крылова, с ним можно и поговорить о деле, и поболтать, и с удовольствием пообедать, и даже в карты поиграть». Последняя забава в молодости его едва не обратилась в его страсть. Гнедич рассказывал, что некогда для нее он готов был всем жертвовать ⟨...⟩ Удивительно ли, что человек, который успевал работать для журналов, для службы, для театра, который был веселым товарищем в разгульном собрании и умел одушевить, даже украсить самый блестящий круг, удивительно ли, что он сделался любимцем высшей в С.-Петербурге аристократии? Передавая некоторые биографические черты гр. Александра Сергеевича Строганова («Современник», т. XXXI), я упомянул уже, в каком отношении Крылов находился к его дому [11]. Точно так же он был приятнейшим гостем во многих других семействах значительных людей. Но, как всем, конечно, памятно еще, вполне душой и сердцем принадлежал он дому А. Н. Оленина.

Наступает время, с которого говорить о Крылове становится мне удобнее, потому что многое из того удалось самому мне видеть. Это 1811 год. Меня привезли тогда в С.-Петербург — и хоть из казенного заведения, в которое поместили меня, трудновато было находить доступ к свету, но мне посчастливилось посмотреть на Крылова в одну из лучших для него эпох. Последовало открытие императорской Публичной библиотеки. Несколько лет ежегодно праздновали это событие торжественным публичным собранием — и каждый раз учреждалось тут чтение новых сочинений замечательнейших в то время литераторов. В первый раз увидел я Крылова, когда он читал в этом собрании только что написанную им басню «Похороны» [12]. Никто лучше его не умел дать чтением всей прелести, выразительности и разнообразной игры чудным красотам его басен. Он не читал, а в полном смысле рассказывал, не напрягая нисколько силы голоса, не прибегая никогда к искусственному протяжению звуков или к эффектности в их окончании. Тогда Крылову было с небольшим сорок лет. Но от излишней полноты и обыкновенной у него во всем небрежности он казался гораздо старее. Совершенную с ним противоположность представлял Гнедич, как методою чтения, так и всею своею наружностию. Он до изысканности любил все щеголеватое, стараясь соблюдать в строгости приемы и движения светского человека из лучшего общества. Желая сообщить

художническую выразительность чтению своему, Гнедич соразмерял высоту или понижение голоса с пространством самого места, заранее готовил движения, смотря по смыслу стихов; некоторые из них выговаривал медленно, нараспев, другие глухо и едва слышимо. Нельзя, однако же, отнять у него справедливости, чтобы он не достигал цели своей, часто от его чтения, особенно гомеровских гекзаметров, начинало невольно что-то шевелиться в груди слушателя и движение крови изменялось. Он читал в упоминаемом собрании свою небольшую поэму «Рождение Гомера».

VII

С 1805 года до поступления в библиотеку Крылов писал преимущественно для театра. В это время им сочинены комедии: «Модная лавка», «Урок дочкам» и опера «Илья-богатырь». А. Н. Оленин умел соединить на службе при библиотеке многие известные лица из литераторов. Кроме Крылова и Гнедича там же были: знаток славянской филологии А. Х. Востоков, переводчик некоторых трагедий Расина М. Е. Лобанов, первый в России библиограф В. С. Сопиков; а впоследствии времени поэт барон А. А. Дельвиг и — тогда только еще писатель для театра — М. Н. Загоскин. Дом Оленина всегда оставался центром соединения писателей русских. Из Москвы переселившись в северную столицу, Карамзин, Жуковский, Батюшков и — по выходе из лицея — Пушкин там встречались друг с другом часто, или уж по крайней мере по воскресеньям. Знаменитые иностранцы (например, барон А. Гумбольдт), приезжая в С.-Петербург, тут находили лучшее русское общество литераторов, ученых и художников [13]. Оленин был президентом и Академии художеств. Кроме просвещенного и радушного хозяина там было существо — олицетворенная доброта и участие, Е. М. Оленина, урожденная Полторацкая. Человек бессемейный и необремененный делами, Крылов привык почитать этот дом родственным для себя. Его любили и даже баловали там, как ребенка. Все свои привычки и прихоти он находил у них предупрежденными. Когда лета, соединившись с его поэтическою леностью, отучили его от рассеянности и многочисленных посещений, он выезды свои из дома ограничил единственно семьею Олениных и Английским клубом, который сохранил над ним

права свои до последних годов его жизни. Крылов, при сознании великого таланта своего, всегда скромный и самые блестящие успехи свои чистосердечно приписывавший счастливым обстоятельствам своей жизни, трогательно, не разыгрывая театральной роли, во всеуслышание высказал в одном из стихотворений своих сердечную, можно сказать, беспримерную признательность перед А. Н. Олениным за его неизменную любовь к нему. Посылая экземпляр басен своих одного из бесчисленных изданий, вот что ему написал он и после напечатал в «Северных цветах»:

Прими, мой добрый меценат,
Дар благодарности моей и уваженья.
Хоть в наш блестящий век, я слышал, говорят,
Что благодарность есть лишь чувство униженья,
Хоть, может быть, иным я странен покажусь —
Но благодарным быть никак я не стыжусь.
И в простоте сердечной
Готов всегда и всем сказать, что, на меня
Щедрот монарших луч склоня,
Ленивой Музе и беспечной
Моей ты крылья подвязал.
И, может, без тебя б мой слабый дар завял
Безвестен, без плода, без цвета,
И я бы умер весь для света.
Но ныне, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной в том назову?
При мысли сей мое живее сердце бьется.
Прими ж мой скромный дар теперь
И верь,
Что благодарностью, не лестью он дается [14].

VIII

Бо́льшая часть служащих при библиотеке помещается близь нее в особом доме, почти против угла Гостиного двора. По одной лестнице надобно было всходить к Крылову и Гнедичу, из которых первый жил во втором этаже, а другой в третьем. Библиотекари и помощники их обязаны по очереди наблюдать по службе дежурство не только на целый день, но и на всю ночь. Никогда никто из них не искал для себя льготы или исключения. Напротив, эти дни, проводимые в богатейшем книгохранилище, принадлежали к приятнейшим для них. Только летом иногда тяготился Гнедич. Он, в отсутствие посетителей, выходил на обширный, ныне уже застроенный двор, и

мерно там расхаживал, освежаясь тенью главного здания. На вопрос являвшегося к нему приятеля: не дежурный ли он? — молча показывал пальцем красную ленточку на галстуке своем и только прибавлял иногда серьезно: «Ведь ты видишь». Крылов не любил движения. Он принимал всех, оставаясь на диване и читая какой-нибудь старинный роман, хоть бы это были «Письма Эрнеста и Доравры» [15]. С летами и дородностию он более и более погружался в недеятельность. Но чтобы избавиться скуки, он, без малейшего участия в рассказываемом, провожал страницу за страницей — и чем был роман глупее, тем он, по собственному его признанию, оставался им довольнее. Случалось, что таким образом одну и ту же книгу в разное время перечитывал он по нескольку раз. В отделении русских книг помощником Крылова был Сопиков, уже старик, но крепкий здоровьем, проведший как книгопродавец бо́льшую часть жизни за систематическою раскладкою книг и обогащенный сведениями по русской библиографии. Это был клад для Ивана Андреевича. Русских книг поступает в библиотеку несравненно более, нежели на других языках. Но Сопиков успевал все устраивать как нельзя лучше — и Крылову оставалось только любоваться исправностию по обязанности, на нем лежавшей.

Но когда вышел в отставку Сопиков и в помощники одного поэта явился другой, не менее его по природе ленивый, то нередко приходилось и Крылову озабочиваться. Барон Дельвиг не чуждался должности. Он даже с пристрастием полюбил ее — но не для водворения системы или составления каталога, а для обогащения себя знаниями. Здесь он в недолгие годы приобрел эту удивительную начитанность, которая его ввела как современника во все эпохи нашей литературы. Я сошелся с Дельвигом при самом начале его и моего вступления в свет и в литературу. От лицейского порога до самой кончины его это соединение сохранило один ровный, чистый характер. Мне сведомы были каждое в нем ощущение и каждая мысль. В отношении к Крылову он был, как и все, искренним почитателем его таланта и всей душою любил его как человека. Несмотря на неудобства по общей их службе, что могло бы других рассорить, они всегда оставались в лучших отношениях, потому что Крылов никогда не был холоден к истинному таланту в другом. Они, сколько могли, старались нести тяготы друг друга. Крылов придумал

тогда картонные в виде толстых книг футляры, в которые по авторам и вкладываются многочисленные брошюры (преобладающая отрасль русской словесности) [16]. Между тем библиотека по-прежнему наполнялась ежедневно посетителями, из которых едва ли не бо́льшая часть приходила туда для беседы с кем-нибудь из замечательных лиц, ей принадлежавших. В это время и я мог примкнуть себя к бесчисленному сонму людей, которым удалось войти в ряды знакомых Ивана Андреевича. Что касается до него, он редко мог похвалиться, чтобы хорошо кого-нибудь помнил. Это и не удивительно. Со всех сторон иностранцы и соотечественники, писатели и читатели беспрестанно являлись к нему, кто с тетрадию, кто с книгою, кто с письмом, кто с фразою — и всем им он должен был показывать вид, что с участием будет хранить память о столь приятном знакомстве. Никогда не забуду забавной сцены, какую представляли один перед другим — Крылов, от кого-то получивший перед тем экземпляр идиллий, и элегический поэт, в первый раз к нему явившийся. Ивану Андреевичу пришло на ум, что он видит своего идиллика (имен не помнил он), а потому и поспешил благодарить его за приятный подарок, которого сладость будто бы он уже успел вполне вкусить [17]. Другой, исполненный совершенного неуважения к этому сочинению, то бледнел, то краснел и внутренне страдал от мысли, за кого его принимают. Короче познакомясь с Крыловым, впоследствии времени я иногда шутил над притворством его, к которому он должен был прибегать, кланяясь или отвечая множеству незнаемых им людей. Он скромно отшучивался и со всею серьезностию всякий раз изъяснял мне, что не он один, а все вообще люди в подобном отношении состоят к другим, и что на долю каждого из нас всегда приходится больше таких, которые знают нас, нежели таких, которых мы знаем.

IX

У Крылова нельзя было не заметить самого тонкого чувства и быстрого соображения, когда он судил о произведениях литературы и вообще о каждом предмете. Получив первое издание Ламартина «Méditations poétiques» *, барон Дельвиг и я показали эту новость Ивану

* «Поэтические размышления» (*фр.*).

Андреевичу, бывшему с нами в библиотеке. Он внимательно просмотрел во многих местах разные пьесы, прочел несколько из них вполне — и, отдавая книгу, сказал: «Да, стихи довольно густы». В самом деле, сравнительно с предшественниками, Ламартин русскому читателю более всего на первый раз мог кинуться в глаза только полнотою стихов, звуков и картин — но не более. Еще прежде него мы наслаждались высокою поэзиею Жуковского, который и точнее, и глубже, и возвышеннее его. Крылов сознавал в Жуковском талант независимый и энергический. Он постоянно сохранял к нему в душе своей чувство братства и дружбы. Шутя и любезничая с ним, он бывал приятно остроумен. Раз на вечере у Жуковского Крылов чего-то искал в бумагах на письменном столе. «Что вам надобно, Иван Андреевич?» — спросили его. «Да вот какое обстоятельство,— отвечал он,— надобно закурить трубку; у себя дома обыкновенно я рву для этого первый попадающийся мне под руку лист; а *здесь* нельзя так: ведь здесь за каждый лоскуток исписанной бумаги, если разорвешь его, отвечай перед потомством». Есть очень любопытная картина, представляющая кабинет Жуковского, когда он жил в том отделении Зимнего дворца, которое называлось Шепелевским. Там видишь группы людей в разных положениях. Это портреты литераторов и других лиц, собиравшихся у него. Всех заметнее и живописнее тут Крылов рядом с Пушкиным[18]. Кроме эстетического суждения, у Ивана Андреевича об авторах были соображения другого рода. Он в каждом из них желал найти *достоинство человеческое*, то есть такие правила, такую жизнь, которые бы не только не стыдили авторской гласности, но и благоприятствовали бы ей. Он говорил, что отделение дарования от нравственного достоинства в одном и том же лице несовместно с гражданскою жизнию. Поэтому он не входил без разбора в близкие литературные связи, оказывая, впрочем, всякому, по всегдашней скромности своей, вежливость и приветливость. Но он любил быть в обществе людей, им искренне уважаемых. Он там бывал весел и вмешивался в шутки других. За несколько лет перед сим, зимой, раз в неделю, собирались у покойного А. А. Перовского, автора «Монастырки». Гостеприимный хозяин, при конце вечера, предлагал всегда гостям своим ужин. Садились немногие, в числе их всегда бывал Иван Андреевич. Зашла речь о привычке ужинать. Одни говорили, что ни-

когда не ужинают, другие, что перестали давно, третьи, что думают перестать. Крылов, накладывая на свою тарелку кушанье, промолвил тут: «А я, как мне кажется, ужинать перестану в тот день, с которого не буду обедать».

Для своих литературных мнений Крылов не искал подпоры в журналах. Впрочем, однажды и он бросил публике эпиграмму на несправедливого критика. Это было при появлении «Руслана и Людмилы». Иван Андреевич, без сомнения, лучше других умел ценить высокий талант Пушкина. Прочитав какой-то скучный и ошибочный разбор первой его поэмы, он напечатал четыре стиха:

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику читал «Руслана и Людмилы»:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка ⟨...⟩ [19]

X

Пушкин напечатал анекдот о Крылове, как над его головою несколько лет висела большая картина, сорвавшаяся с одного гвоздя и чуть только державшаяся на другом, угрожая неминуемым падением на диван, где сиживал Иван Андреевич, и как он не беспокоился об этом в уверенности, что рама, в случае падения картины, непременно должна описать косвенную линию и миновать его голову. Рассказ Пушкина знакомит несколько читателя с характером жилища, с беспечностию и вместе с математическим умом Крылова. Много было оригинального в этом человеке, в его взгляде на вещи и в его привычках. Спокойствие, доходившее до неподвижности, составляло первую его потребность. Читая, или просто сидя в размышлении (я не заставал его ни разу за работою у письменного стола, которого и не было у него), или принимая у себя посетителей, он обыкновенно курил, прекомодно расположившись на диване. Сигара его во время разговоров потухала беспрестанно. Тогда он звонил. Входила служанка с зажженною маленькой восковою свечкой, которую приносила без подсвечника. На овальный стол красного дерева, перед ним находившийся, она накапывала воску и ставила перед ним свечку, что повторялось почти ежеминутно. После изобретения химического способа доставать огонь, он уже никого не беспокоил.

Все вокруг него, столы, стулья, этажерки, вещи на них, покрыто было пылью, так что не без затруднения надобно бывало ухитриться, чтобы сесть перед ним, не дав ему почувствовать неприятного своего ощущения. Летом у него всегда была открыта форточка, в которую влетали с Гостиного двора голуби, располагаясь на шкапах его, на окнах, за книгами, в вазах, как в собственных гнездах. Сор, перья, пух дополняли картину домашнего его опрятства. Разговаривая, беспрестанно мысли свои он пояснял вам апологами, для чего находил содержание в каждом предмете, в каждом человеке, в окно попадавшемся ему на глаза. У него была до конца жизни свежая память. В числе рассказов, которые передавал он с одушевлением, особенно помню я воспоминания его о пожарах. Его так всегда занимали они, что не было ни одного из них (разумеется, когда доходила до него весть о том), на который смотреть не отправлялся бы он, хоть с постели. Особенно врезалось в его памяти единственное зрелище, когда на Неве близ взморья горели камели. Думаю, что по этой причине и описания пожаров в его баснях так поразительно точны и оригинально хороши.

В числе множества воспоминаний Крылова были драгоценные для его сердца. Однажды летом шел он где-то по улице, на которой перед домами разведены садики. Он заметил, что недалеко от него за отгородкою играли дети и с ними была дама, вероятно мать их. Прошедши это место, Иван Андреевич случайно оглянулся туда — и видит, что дама брала на руки детей поочередно, поднимала их над заборчиком и глазами своими показывала на него каждому из них. О другом случае, пославшем Крылову как автору и неожиданное удовольствие, и неожиданный урок смирения, уже рассказано было мною в «Современнике» (т. XXII, стр. 43, *первой нумерации)* [20].

У него в самый большой расплох всегда оставалось довольно присутствия духа, чтобы поправиться. Как-то выпросил он у А. Н. Оленина дорогую и редкую книгу на дом к себе для прочтения. Это было роскошное издание описания Египта, которое составлено во время кампании Наполеона. Поутру, за своим кофе, усевшись на приделанном подле окна возвышении, где стоял маленький столик, Крылов положил на него книгу и, поддерживая ее рукою, любовался прелестными гравюрами, приложенными к тексту. Вдруг стул его покачнулся. Усиливаясь сохранить равновесие, второпях он схватился ру-

кою за блюдечко, чашка опрокинулась на книгу — и разогнутые листы фолианта облиты были кофе. В то же мгновение Крылов бросился в кухню, отделявшуюся узеньким коридорчиком от залы, где случилось несчастье, схватил ушат с оставшеюся в нем водою, втащил его в залу — и, кинув разогнутую книгу на пол, стал ведром поливать ее из ушата. Служанка, видевшая все это из кухни и коридора, опрометью бросилась наверх к Гнедичу, призывая его на помощь и давая намеками чувствовать, что Иван Андреевич не в своем уме. Гнедич, пересказывая об этом, театрально говаривал так: «Вхожу, на полу — море, Крылов с поднятым ведром льет на книгу воду. Я в ужасе кричу. Он продолжает». Наконец, опорожнив ушат, Крылов изъяснил Гнедичу, что без воды не было никакого способа вывести пятна кофе из книги, на которой в самом деле, когда она просохла, ничего не осталось заметного, кроме желтой полоски на краях страниц.

XI

О замечательной способности Крылова к иностранным языкам я заметил уже выше. Когда-то разговорились у Оленина, как трудно в известные лета начать изучение древних языков. Крылов не был согласен с этим мнением и оспаривал его против Гнедича. Желая представить когда-нибудь несомненное доказательство своих слов, он дома шутя принялся за греческий язык. Без помощи учителя, в несколько месяцев, он узнал все грамматические правила. После, с лексиконом, прочитал он некоторых авторов, менее трудных; наконец, восходя от легкого все выше и выше, он уже не затруднялся в чтении Гомера. Тогда, к изумлению и радости Алексея Николаевича, он предложил в обычном обществе воскресных друзей, чтобы Гнедич проэкзаменовал его по Гомеру. Опыт оказался в полной мере удовлетворительным. Замечательно, что Крылов с детства и до старости чувствовал странную антипатию к языку латинскому — и никогда бы не решился (как сам говорил мне) посвятить ему столько трудов, сколько в старости положил он на греческий, без всякой цели, кроме удовлетворения минутной прихоти. Действительно, он прочитал все, что дошло до нас любопытного на греческом языке,— и не увлекся ничем для перевода на русский. Его даже не соблазнила «Одиссея» [21]. Между

тем он способен был побеждать трудности. Напрасно воображают, что легкие стихи его сами текли с пера. Кто сравнит басню его «Дуб и Трость», как она первоначально им переведена была из Лафонтена и как он напоследок принудил себя переделать ее, тот убедится, что счастливые стихи его стоили ему долговременной работы. Эту басню десять раз он переделывал, принося перечитывать ее к Гнедичу, который в подобных случаях бывал неумолим, так что барон Дельвиг раз сравнил его с известным тогда в Петербурге щеголем, заставлявшим своего портного перешивать одно и то же платье по нескольку раз.

Собрание греческих классиков уложил Крылов все на полу под своею кроватью, доставая оттуда, по надобности, того или другого автора, когда нежась в постели, сбирался читать по-гречески. Достигнув цели своей, он уже никогда не протягивал руки под кровать, где толстый слой пыли наконец совсем покрыл священную древность. По прошествии двух или трех лет, однажды, вспомня о своей греческой библиотеке, он протянул было туда по привычке руку, но ничего там не нашел, кроме маленького остатка разрозненных томов. Служанка его, заметив, что эти пыльные книги валяются без нужды, придумала им полезное назначение: каждый раз, когда приходила топить печку подле кровати Ивана Андреевича, она разрывала по книжке и подкладывала листы под дрова, чтобы они скорее разгорались.

XII

Не один Кант достигнул всемирной славы, проведши целую жизнь только в том городе, в котором он родился. То же можно сказать и о Крылове. Поездки его в Москву и Ригу ничего не значили в сравнении с тою неизменною оседлостию, которая владела им в продолжение бо́льшей и замечательнейшей части жизни. Почти с 1805 года до кончины своей он не покидал С.-Петербурга. Даже летом предпочитал он оставаться в городе, изредка посещая друзей на их дачах. С особенным удовольствием проводил он по нескольку недель у Олениных в Приютине, которое даже воспето было стихами[22]. Денежных средств у него всегда было достаточно для умеренных прихотей. Со времени первого издания своих басен он пользовался постоянно хорошими доходами сверх того, что было жалуемо ему от монарших щедрот. Период обильнейший появле-

нием новых его басен были годы существования «Беседы любителей русского слова», то есть с 1811-го по 1816. В каждой из напечатанных Обществом книжек встречаешь непременно по нескольку новых басен Крылова [23].

Поездка за границу однажды явилась было и к нему как искушение, как болезнь бо́льшей части достаточных у нас людей. Выгодно продавши одно из своих изданий на чистые деньги, он увидел себя обладателем порядочного капитала, который, как лишнюю вещь, захотелось ему промотать, что говорится, по-барски. Но в дальний и чуждый край на старости пуститься Крылову одному — это было невозможно. Он обратился к соседу и другу своему Гнедичу, подговаривая его на замышленное странствование. Поэт отвечал поэту прекрасными стихами, которые дошли до сердца и защитили друзей от *добровольного креста,* как называл В. Г. Тепляков страсть к путешествиям. Вот эти достопамятные стихи Гнедича:

Надежды юности, о милые мечты,
Я тщетно вас в груди младой лелеял!
Вы не сбылись: как летние цветы,
Осенний ветер вас развеял.
Свершен предел моих цветущих лет;
Нет более очарований!
Гляжу на тот же свет:
Душа моя без чувств, и сердце без желаний!
Куда ж, о друг, лететь, и где опять найти,
Что годы с юностью у сердца похищают?
Желанья пылкие, крылатые мечты,
С весною дней умчась, назад не прилетают.
Друг, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я — не Ариель,
Эфира легкий сын, весны любимец вечной.
От неизбежного удела для живых
Он на земле один уходит:
Утраченных, летучих благ земных,
Счастливец, он замену вновь находит.
Удел прекраснейший судьба ему дала,
Завидное существованье!
Как златокрылая пчела
Кружится Ариель весны в благоуханье;
Он пьет амврозию цветов,
Перловые Авроры слезы;
Он в зной полуденных часов
Прильнет и спит на лоне юной розы.
Но лишь приблизится ночей осенних тьма,
Но лишь дохнет суровая зима,
Он с первой ласточкой за летом улетает;
Садится радостный на крылышко ея,

Летит он в новые, счастливые края —
Весну, цветы и жизнь все новым заменяет.
О, как его судьба завидна мне!
Но нам ее в какой искать стране?
В какой земле найти утраченную младость?
Где жизнию мы снова расцветем?
О друг, отцветших дней последнюю мы радость
Погубим, может быть, в краю чужом.
За счастием бежа под небо мы чужое,
Бросаем дома то, чему замены нет —
Святую дружбу, жизни лучший цвет
И счастье душ прямое [24].

XIII

Деньги, не истраченные на поездку в чужие края, беспокоили Крылова. Он предался новой фантазии. Если нельзя или уже поздно разъезжать ему барином по Европе, так зачем не жить ему по-барски в Петербурге? Вот он заказывает лучшему мастеру во все свои три комнаты богатую мебель и обивает ее шелковою материею. Повсюду ставят ему из магазинов серебро, бронзу, фарфор, алебастр и хрусталь. Полы покрываются прекрасными английскими коврами. Буфет принимает в себя модные сервизы и прочие принадлежности богатых столов. Устроившись таким образом, Крылов назначает день и просит к себе на обед семейство Олениных с избранными общими их друзьями. Все в восхищении от каждой вещицы у Ивана Андреевича. Удовольствовавшись первым и единственным опытом суетности, он тут же понял, что это не прибавило ему счастия, что привычкам его нужны только спокойствие и поэтическая лень. На всю новую свою роскошь набросил он покрывало доброго старого невнимания, замкнул буфет — и уже ни разу с тех пор никого не звал пялить глаза на суету сует. В гостеприимную форточку по-прежнему налетели голуби и украсили матом дружбы своей все блестящие изделия столичных мастеров. Пепел сигар рассыпался с его халата на диваны и ковры. В позднее, однако же, время и померкший этот кабинет Крылова сохранен для потомства искусною рукою художника. Великая княгиня Мария Николаевна приказала для себя перенести его на картину [25].

Так он доживал в библиотеке мирные дни свои. Старость его не привела с собою немощей. Он отяжелел, но не одряхлел. Еще без насилия себе он принимал приглашения нового поколения литераторов, в которых созна-

вал и таланты, и человеческое достоинство. Друзья Жуковского всегда оставались и его друзьями. Таковы были постоянные сношения его с князем П. А. Вяземским и Е. А. Баратынским. В последние годы я встречал его на обедах у графини Е. П. Ростопчиной и на вечерах у князя В. Ф. Одоевского. Он сохранял всю свою любезность и веселость, принимая с трогательною признательностию самые легкие оттенки внимания к его привычкам и вкусу. Он особенно любил настоящие русские кушанья, которыми и старались угощать его. Ни один орган чувств не изменил ему. Хоть зрение и ослабело, но с помощию очков он мог читать все, кроме собственного почерка, что, впрочем, происходило от удивительной и всегдашней его неразборчивости. Года за полтора до кончины его я пришел к Ивану Андреевичу попросить его автограф. Близ него в комнате мы ни лоскутка не нашли его почерка. Служанка принесла с чердака целую корзину басен, его рукою переписанных. Выбрав для меня листок, он в очки рассмотрел заглавие, написанное довольно крупно, но стихов и по догадке не мог разобрать.

XIV

Под конец жизни своей, кажется, года за четыре перед сим, оставил он службу в библиотеке и переселился на Васильевский остров, где в 1-й линии нанял очень покойную квартиру в доме купца Блинова, против 1-го кадетского корпуса. Реже начал выезжать он, даже и в Английский клуб. Но все же у него была пара прекрасных лошадей и самая модная откидная английская карета. Ближайшим соседом его сделался избранный им впоследствии времени и в его душеприказчики Я. И. Ростовцев, который чаще всех стал навещать поэта. Дни его были однообразны. Но никогда он не жаловался на одиночество и скуку. Уже прошло семь лет, как он перестал писать басни, из которых последнею была «Вельможа» [26]. Вот что говорит об этой эпохе сочинительница биографии, из которой я уже заимствовал несколько подробностей о детстве Крылова. «Теперь ему 75 лет. Он усыновил семейство одной своей крестницы, благотворит ему и печется о нем. Его окружают малютки, они любят и ласкают его, как бы желая возблагодарить за пользу, которую он приносит всем детям на Руси. Он же особенно любит из детей своей крестницы одну маленькую девочку, Наденьку,

которую сам научил читать и которою особенно занимается». В самом деле, он и мне много рассказывал о необыкновенной понятливости этого ребенка и замечательной его способности к музыке. Приходя к нему после полудня или вечером, я заставал его с этими детьми за обедом или за чаем [27].

8 февраля 1844 года С.-Петербургский университет праздновал свое первое двадцатипятилетие. Крылов, почетный член университета с его основания, получил приглашение на праздник, который должен был происходить во вторник. Часу в одиннадцатом утра, накануне этого дня, входит в комнату ко мне Иван Андреевич в мундире. «Что это значит?» —«Ах, устал! дайте отдохнуть. Высоко всходить к вам». Я усадил его и узнал, что он, взглянув не очень внимательно на печатное приглашение, ошибся днем. Еще к бо́льшему огорчению моему, я услышал от него, что он на тротуаре перед главным подъездом поскользнулся и упал. «Вы ректор, так будьте свидетелем усердия моего к университету»,— продолжал Иван Андреевич,— черта всегдашней его вежливости и уважения общественных приличий. Я упросил его, чтобы не беспокоился он приезжать завтра, тем более что холод доходил тогда до 20 градусов. Мне, однако, посчастливилось в тот же великий пост еще раз принять его у себя в доме. Он явился в университетскую залу на концерт, который ежегодно устраивают из своего артистического круга наши студенты. Тот концерт, о котором я говорю, был один из блистательнейших в прошедшую зиму, потому что в нем участвовала знаменитая Виардо-Гарция. Крылов, как знаток музыки и некогда сам отличный музыкант, был в восторге. Из залы он прошел ко мне, чтобы еще потолковать о приятном вечере и вместе напиться чаю. К большому удовольствию своему, Крылов тогда сошелся у меня с князем Г. П. Волконским, тоже истинным музыкантом и в душе и на деле. Вечер этот у всех нас сохранился живо в памяти —и после едва ли кто из нас виделся с Иваном Андреевичем.

XV

Предсмертная болезнь его, последовавшая от несварения пищи в желудке, продолжалась несколько дней. То, что в этой старости прекратило жизнь, в прежнее время, конечно, прошло бы благополучно. На ужин себе (сбы-

лось предсказание его об этих ужинах) он приказал подать протертых рябчиков и облил их маслом. Помощь врачей оказалась недействительною. Я. И. Ростовцев не оставлял его в эти дни. Крылов, в полной памяти, не оказав никакого знака малодушия, покорился воле судьбы. За несколько часов до кончины, разговаривая с Яковом Ивановичем, он еще по привычке вводил апологи в свои речи — и шутя сравнил себя с крестьянином, который, навалив на воз непомерно большую поклажу рыбы, никак не рассчитывал излишне обременить своей немощной лошади только потому, что рыба была сушеная. Наконец Яков Иванович, желая приготовить его к исполнению христианского долга, спросил его как бы случайно: «Не мнительны ли вы, Иван Андреевич?» — «Я? — отвечал он.— А вот я вам расскажу, как я не мнителен. Давно как-то, лет сорок назад, я почувствовал онемение в пальцах одной руки. Показываю доктору. Он спрашивает меня, как вы: не мнителен ли я? Нет, говорю». «Так у вас,— продолжал он,— будет паралич».— «Да нельзя ли помочь?» — спросил я. «Можно: вам надобно всю жизнь не есть мясного и быть вообще очень осторожным». «Как же вы поступили?» — прервал его Яков Иванович. «Месяца два я исполнял предписание доктора».— «А потом?» — «А потом, как видите, до сих пор все ем. Вот как я не мнителен»,— заключил Крылов 〈...〉

Весть о кончине его опечалила каждое русское сердце. Кто только мог, все пришли проводить его до тихого пристанища 〈...〉

ИЗ ОЧЕРКА «ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА»

В лице Ивана Андреевича Крылова мы видели в полном смысле русского человека, со всеми хорошими качествами и со всеми слабостями, исключительно нам свойственными. Гений его как баснописца, признанный не только в России, но и во всей Европе, не защитил его от обыкновенных наших неровностей в жизни, посреди которых русские иногда способны всех удивлять проницательностию и верностию ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровию в делах своих. Судьба не благоприятствовала Крылову в детстве и лишила его тех пособий к постепенным успехам в литературе и обществе, которыми других наделяют рождение, воспитание и

образование. Но он, как бы наперекор счастию, впоследствии времени приобрел все, что необходимо писателю и гражданину. Он даже успел развить в себе несколько талантов, составляющих роскошь и для счастливорожденного молодого человека. Победивши первые препятствия к благополучию и удовольствиям жизни, он на время ослабил деятельность свою в расширении знаний и с непонятным равнодушием провел несколько лет почти без дела. Наконец снова и почти бессознательно принялся Крылов за тот род поэзии, которому ныне обязан бессмертием своим.

Удивительнее всего, что ему суждено было начать славное свое поприще в такие лета, когда многие перестают писать сочинения в стихах, предпочитая им прозу. Между тем остался ли хоть легкий след на этих трудах, что автор не вовремя приступил к ним? Нет: рассматривая их живость и красоты, получаешь убеждение, что это те неувядающие цветы поэзии, которыми юность украшает гения. И вот Крылов достигнул тогда истинной славы, всеобщего уважения, самой чистой к нему привязанности тех, которые были к нему близки и вполне оценили дар его. Счастие вознаградило его за все лишения молодости. Он был обеспечен на всю жизнь. Казалось, перед любознательным, тонким и светлым умом его открылись все пути к бесконечной деятельности литератора. Но он и своею поэзиею занимался только как забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его к себе. Деятельность современников не возбуждала его участия. Он чувствовал выгоды и безопасность положения своего и не оказал ни одного покушения расширить тесную раму своих умственных трудов. Так один успех и счастие усыпили в нем все силы духа. В своем праздном благоразумии, в своей безжизненной мудрости он похоронил, может быть, нескольких Крыловых, для которых в России много еще праздных мест. Странное явление: с одной стороны, гений, по следам которого уже идти почти некуда, с другой — недвижный ум, шагу не переступающий за свой порог ⟨...⟩

Андрей Прохорович Крылов (отец баснописца) принадлежал в свое время к числу людей замечательных ⟨...⟩ Нельзя не предполагать, что природный ум его украшен

был по возможности и некоторыми знаниями. Все, что Крылов помнил и сам рассказывал о матери своей, несомненно, говорит в пользу ее мужа. Женщина, дорого ценившая хорошее воспитание сына своего и собственными соображениями находившая средства к его образованию, конечно, приготовлена была к тому замужеством с человеком не грубым, не пустым, но дельным и чему-нибудь учившимся. По смерти Андрея Прохоровича Крылов получил в наследство целый сундук книг, собранных отцом. У человека, который принужден всегда жить по-походному, это большая редкость ⟨...⟩

На детей, родившихся с поэтическими способностями, обыкновенно первое и самое сильное впечатление производят драматические сочинения. Так было и с Крыловым. В голове его, наполненной героями древней Греции и Рима, составлялись разные планы театральных пьес. Но, не находя пособий в сведениях своих к образованию чего-нибудь определенного и полного, никак не умел он приготовить сносного сочинения из этих материалов. Вероятно, какая-нибудь старинная русская опера послужила для него образцом и успокоила воображение его. На пятнадцатом году он написал свою оперу «Кофейница». Это сочинение никогда не было напечатанным. Впоследствии времени Гнедич выпросил себе у Крылова, как драгоценность, рукопись детского его произведения и хранил у себя до смерти ⟨...⟩

Время прибытия Крылова в Санкт-Петербург замечательно по некоторым обстоятельствам, касавшимся драматического искусства в России, предмета, на который тогда устремлена была вся умственная деятельность будущего великого нашего баснописца. Правда, что первый указ об учреждении в здешней столице русского театра последовал еще в 1756 году; но это было учреждение, которым, не внося платы за посещение его, преимущественно пользовались придворные и люди чиновные. Но только с 1782 года начались приготовления к устройству общенародного русского театра, который открыт в следующем за тем году. Таким образом Крылов прибыл сюда в эпоху первого любопытнейшего движения на сцене нашей.

В молодой голове Крылова образовался план извлечь какие-нибудь выгоды из первого его сочинения. В Санкт-

Петербурге жил иностранец Брейткопф, происходивший из известного тогда в Лейпциге книгопродавческого дома. Он содержал здесь типографию, торговал книгами и занимался музыкою, как страстный ее любитель и знаток. К нему решился обратиться Крылов с своею «Кофейницею». Опера, которой слова сочинены ребенком, показалась доброму Брейткопфу любопытным явлением. Он согласился купить ее и предложил автору в вознаграждение за труд 60 рублей. Крылов не соблазнился деньгами: он взял от него столько книг, сколько их приходилось за эту сумму. Любопытен был выбор. Крылов, отказавшись от Вольтера и Кребийона, предпочел им Расина, Мольера и Буало. Это было основание библиотеки его и руководство для будущих его трудов. В подражание первому, он увлекся героями Греции и Рима; вторые развили его направление сатирическое, которое преобладало в нем над прочими внушениями природы.

В числе русских писателей, современных ему, но упредивших его славою, как драматический поэт всех знаменитее был в Санкт-Петербурге Княжнин. В это время (1784) явилась патриотическая трагедия его. Дмитревский, представлявший Рослава, на театре доставил сочинению успех необыкновенный. Хотя Крылов был моложе Княжнина двадцатью шестью годами и не мог тогда приобрести еще никакой известности, однако же он отважился представиться творцу «Дидоны», соединявшему в таланте своем также сатирический характер и драматическое стремление [1]. Недостаточное состояние, приискивание службы и литературные знакомства не остановили любимых занятий Крылова. Его взгляд на расположение драмы и действия героев получил, сравнительно с прежним, некоторую опытность, а вспомогательных знаний и еще больше накопилось. Тогда-то успел он написать первую свою трагедию «Клеопатра».

Княжнин доставил Крылову знакомство с Дмитревским. Несмотря на разность лет, званий и самых занятий, они должны были близко сойтися некогда. В самом деле, эти два человека рождены были понимать друг друга вполне. Дмитревский был старше Крылова тридцатью двумя годами. Хотя и ему, как нашему поэту, не привелось в детстве учиться основательно и постоянно, однако же он, по прибытии из Ярославля в Санкт-Петербург, отдан был в кадетский корпус, где ознакомился с некоторыми науками и иностранными языками. Еще в 1765 году

Дмитревский ездил во Францию, чтобы довершить свое артистическое образование, а в самый год рождения Крылова вторично отправлен был в Париж для принятия в здешнюю труппу некоторых французских актеров. Все это между тем, как и в Крылове, не сгладило ни с характера его, ни с его ума, ни даже с его привычек тех резких признаков, по которым легко видеть коренного русского человека, защитившегося от владычества иноземного воспитания. Дмитревский, не ослепленный успехами своими и славою, доступен был каждому молодому человеку, который желал воспользоваться советами его и замечаниями касательно театральных сочинений. Как лицо общественное, он все достоинство свое, всю свою честь полагал в том, чтобы опытностью своею споспешествовать общественной пользе. К довершению всего, он был артист гениальный. Ему были понятнее, нежели обыкновенному человеку, первые опыты другого гения. Неудивительно, что два человека, получившие от природы столько общего, после сближения друг с другом, навсегда остались между собою в дружеских отношениях. В другом возрасте, в лучших обстоятельствах, Крылов приходил к Дмитревскому, как в дом родственника своего. За сытным обедом, всегда состоявшим из одних чисто русских блюд, в халатах (если не было посторонних), они роскошничали по-своему, и после стола оба любили, по обычаю предков, выспаться порядочно.

По этому поводу можно рассказать забавный случай, выпавший Крылову. Раз как-то очень долго не видался он с Дмитревским и совсем не знал, что приятель его живет уже на новой квартире. Они где-то встретились. Дмитревский зазвал Крылова к себе обедать и заранее очаровал воображение рассказом, как он попотчует его щами, кулебякою, поросенком под хреном в сметане, гусем с груздями, кашею и проч. Поэт в назначенный день является на знакомую ему квартиру. Слуга объявляет ему, что барин еще не возвратился домой. «Я подожду, братец». Спокойно через приемную комнату и кабинет добравшись до спальни, он разделся и для освежения сил лег заснуть на кровати. Квартиру Дмитревского в это время занимал женатый чиновник. К обеденному времени, ранее мужа, прибыла жена. Каково было ее удивление, когда она увидела на кровати в своей спальне незнакомого ей мужчину, дюжего, полного и беззаботно спящего. Можно представить, до какой степени, когда разбудили

Крылова, смешался он, вообще застенчивый и не очень ловкий! [2]

Кончив свою «Клеопатру», ребяческое подражание французским трагедиям, которые успел Крылов перечитать, он, из Измайловского полка, где жил тогда с матерью, отправился на Гагаринскую пристань к Дмитревскому. Актер принял его ласково и сказал ему, что желает предварительно прочитать пьесу один. Крылову вообразилось, что у Дмитревского не будет теперь никакого дела, кроме чтения трагедии его, и потому он почти каждый день наведывался о судьбе своего детища. Надобно же было случиться, что в течение не только нескольких дней, но и нескольких месяцев, будущие друзья не могли свидеться. Чего не передумал сочинитель в этой пытке! Наконец Дмитревский принял его и объявил, что намерен читать трагедию вместе с автором. Чтение было необыкновенно продолжительно, потому что критик не пропустил без замечания ни одного действия, ни одного явления, даже ни одного стиха. Он со всею ясностию показал ему, как ошибочен план, отчего действие незанимательно, а явления скучны, да и самый язык разговоров не соответствует предметам. Это можно назвать первым курсом словесности, который Крылову удалось выслушать и где примеры ошибок брали на каждое правило из его трагедии. Он почувствовал, что легче было написать новую, нежели исправить старую, что присоветовал ему и Дмитревский. Таким образом, этот опыт остался навсегда в неизвестности [3].

Содержанием новой трагедии послужило для Крылова мифологическое предание Древней Греции о Филомеле 〈...〉 «Филомела» служит нам убедительным доказательством, что и великий поэт, которому суждено преобразовать искусство, остается некоторое время под властию века своего 〈...〉 До 1795 года, в течение почти десяти лет печатались Академиею в одном издании все пьесы на русском языке, писанные для сцены. Из них составился сборник в 43 частях, под названием «Российский феатр» 〈...〉 Здесь нашла себе место и «Филомела» Крылова, что без сомнения доставило много огня отроческим его восторгам.

Ежели поэт утешался произведениями своими, то мать его еще больше должна была радоваться в это время: сыну ее дали место в здешней Казенной палате с жалованием в год по 25 рублей. Чтобы постигнуть, как могли

жить они при этих средствах, надобно представить всю бережливость бедных людей, ограниченность их желаний и бывшую тогда дешевизну во всем. О последней можно приблизительно судить по одному: Крылов рассказывал, что мать его платила тогда за прислугу женщине 2 рубля в год. Недолго, впрочем, Марья Алексеевна утешалась милым своим сыном. Ему суждено было одному прокладывать себе дальнейшую дорогу к счастию: в 1788 году он лишился матери, о которой никогда не мог вспоминать без сердечного умиления.

Природа наделила Крылова умом деятельным, острым и даже колким. В молодости он увлекался всякою первою мыслию. Двадцати лет оставшись полным властелином судьбы своей, он, как по службе, так и в литературных предприятиях, беспрестанно гонялся за новостию. Это было причиною, что, быстро расширив круг знакомств и пользуясь известностию в кругу писателей, он ничему не предавался постоянно и долго оставался без существенных успехов на поприще гражданской службы и на поприще литературном. По смерти матери, в том же году, он определился на службу в Кабинет ее императорского величества, откуда по истечении двух лет вышел в отставку с чином провинциального секретаря.

Ему казалось, что периодическими изданиями и заведением собственной типографии можно приобрести все: независимость, известность и деньги, что это положение спасет его от пожертвований, сопряженных с службою. Обольстившись мечтательным расчетом, Крылов с 1789 по 1801 год, в течение двенадцати лет, оставался без должности, работал для своих журналов, хлопотал по содержанию типографии и ревностно обогащал театр новыми пьесами своими ⟨...⟩

В 1789 году Крылов соединился с капитаном гвардии Рахманиновым, чтобы на общем иждивении содержать типографию и печатать в ней свой журнал. Ровно за двадцать лет до них, доныне еще забавляющий нас романическими похождениями своими и во всех родах литературными предприятиями, Федор Эмин, по рождению поляк, проживший несколько лет в Турции магометанином и янычаром, перекрестившийся в Лондоне у русского посланника в православие и окончивший жизнь в Санкт-Петербурге за сочинением книги «Путь ко спасению», издавал здесь журнал под названием «Адская

почта». Его заглавие понравилось новым журналистам, которые и явились в публику с «Почтою духов» ⟨...⟩

Он и здесь заплатил дань веку своему, набросив на едкие свои изображения покрывало писем *Зора, Буристона* и *Вестодава* к волшебнику *Маликульмульку*. Нельзя читать без удивления писем этих, когда сравнишь с ними сочинения прочих писателей наших в прозе, относящиеся к одному с ними времени, и когда подумаешь, что их писал двадцатилетний молодой человек, выросший в провинции, не получивший ни воспитания, ни даже обыкновенных школьных знаний. Разнообразие предметов, до которых он касается, выбор точек зрения, где становится как живописец, изумительная смелость, с какою он преследует бичом своим самые раздражительные сословия, и в то же время характеристическая, никогда не покидавшая его ирония, резкая, глубокая, умная и верная,— все и теперь еще, по истечении с лишком полустолетия, несомненно свидетельствует, что перед вами группы, постановка, краски и выразительность гениального сатирика. Крылов этим одним опытом юмористической прозы своей доказал, что, навсегда ограничившись впоследствии баснями, он опрометчиво сошел с поприща счастливейших нравоописателей. Тут он и языком русским далеко опередил современников ⟨...⟩

Крылов все приобретал случайно. Счастливые способности помогли ему между прочим выучиться рисовать и играть на скрипке ⟨...⟩ Лучшие наши живописцы впоследствии времени выслушивали суждения его о своих работах с доверенностию и уважением. Как музыкант он в молодые лета славился в столице игрою своей на скрипке и обыкновенно участвовал в дружеских квартетах первых виртуозов. Неизменная страсть к театру дополняла его практическое образование.

Прекратив издание первого журнала, Крылов удержал типографию за собою и за своими в ней участниками. Она доставляла им доход, а в скором времени понадобилась и для собственного его предприятия. С 1792 года он приступил к составлению нового журнала под названием «Зритель» ⟨...⟩

Из числа современников по литературе самое близкое лицо к Крылову в это время был драматический писа-

тель Клушин (ум. в 1804 г.). Он участвовал и в содержании типографии его, помещавшейся в нижнем этаже дома Бецкого (ныне е. и. в. принца Ольденбургского), и в наполнении «Зрителя» статьями. Это был человек с несомненным комическим дарованием. Крылов даже в старости своей вспоминал о нем с удовольствием и отзывался всегда с похвалою. Прекратив издание «Зрителя», они решились с 1793 года печатать в общей их типографии новый журнал «Санкт-Петербургский Меркурий» и означить на нем имена обоих редакторов ⟨...⟩

Издание «Санкт-Петербургского Меркурия» продолжалось, как и прежние журналы Крылова, только один год ⟨...⟩

Театр еще долго привлекал к себе все внимание Крылова и подстрекал его деятельность. От сочинения трагедий отказался он вовремя. Но тем сильнее пристрастился теперь к комедиям в прозе, быстро поставляя их одну за другою. К 1793 году относятся две его пьесы: комическая опера «Бешеная семья» и комедия «Проказники», обе тогда же представленные и после напечатанные в «Российском феатре» ⟨...⟩

Обильно было это время и мелкими стихотворениями Крылова. Множество напечатано их в «Санкт-Петербургском Меркурии». Со всею игривостию и жаром молодого человека, в разных видах, часто с увлечением и оригинальностию, описывал он любовь своего пылкого сердца ⟨...⟩

С 1795 по 1801 год Крылов как бы исчезает от нас. Ни на одном из его сочинений не осталось заметки, по которой бы можно было отнести его к этому шестилетию. Сам он не был тогда в службе. Литератор уже с известным именем, молодой человек, успевший образовать в себе несколько талантов, за которые так любят в свете, драматический писатель, вошедший в дружеские сношения с первыми артистами театра, журналист, с которым были в связи современные литераторы,— Крылов и сам не мог заметить, как ускользал от него год за годом посреди развлечений столицы. Он участвовал в приятельских концертах первых тогдашних музыкантов, прекрасно играя на скрипке. Живописцы искали его общества как человека с отличным вкусом [4]. В дополнение пособий по

литературе, Крылов выучился по-итальянски и свободно на этом языке читал книги. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы, где в прежнее время так радушно принимались люди с талантами. Между тем увлечения молодого сердца естественно требовали жертв, стоивших и траты времени, и частого удаления от серьезных занятий. Хладнокровие и благоразумие не удел юного поэта. По крайней мере, Крылов, повинуясь призыву любви, умел защититься от страсти буйной. Нравственная грация во всю жизнь сопровождала движения его сердца ⟨...⟩

Никто не замечал, чтобы Крылов был жаден к деньгам. Он был вообще беспечен и нерасчетлив. У этих людей, вместо истинного сребролюбия, иногда проглядывает что-то похожее на бессмыслицу. «Отправляясь со мною вместе куда-нибудь в гости (рассказывал Гнедич), Крылов никак не соглашался заплатить хорошему извозчику столько же, сколько платил я, и считал это мотовством. Половину дороги он шел пешком; и наконец, усталый, бывал принужден сесть на самый дурной экипаж и за половину дороги платил почти столько же, сколько просили с него при начале. Это называл он бережливостью». Вот образчик расчетливости поэта, им же изображенной в басне «Мельник» ⟨...⟩

В 1806 году он отправился, через Москву, к старым приятелям своим и к старым занятиям в Санкт-Петербург ⟨...⟩ В Москве русская словесность тогда процветала. Не только Дмитриев и Карамзин, преобразователи языка нашего и вкуса, влекли к образцам своим молодое поколение, но и Жуковского имя уже приобрело известность. Крылову, который остановился в Москве, не менее как и другим, приятно было общество этих литераторов, которые жили только для успехов ума и вкуса. Он особенно сблизился с Дмитриевым. Желая войти с ним в такие сношения, которые бы касались предмета, для них обоих равно занимательного, Крылов в свободное время перевел из Лафонтена две басни: «Дуб и Трость» и «Разборчивую Невесту». Дмитриев, прочитав их, нашел перевод Крылова очень счастливым и достойным прелестного подлинника. Тогда он начал уговаривать будущего соперника своего не покидать этого рода поэзии, который, по его мнению, более других удался ему и может со време-

нем составить его славу. Крылов последовал совету законного судьи в этом деле — и в Москве же перевел еще из Лафонтена «Старик и трое молодых». Две первые басни Дмитриев немедленно послал к князю Шаликову для напечатания в № 1 его журнала «Московский зритель» (1806). Перед ними была надпись переводчика: «С. И. Бкндрфвой» (Бенкендорфовой). Издатель припечатал к ним свое следующее примечание: «Я получил сии прекрасные басни от И*И*Д* (Дмитриева). Он отдает им справедливую похвалу и желает, при сообщении их, доставить и другим то удовольствие, которое они принесли ему. Имя любезного поэта обрадует конечно и читателя моего журнала так, как обрадовало меня». Во 2-м № «Московского зрителя», опять с именем переводчика, напечатана и третья его басня. Итак, почти за тридцать девять лет до своей кончины Крылов был поставлен судьбою на ту дорогу, которая должна была привести его к бессмертию.

По возвращении своем в Санкт-Петербург Крылов по-прежнему предался страсти к театру. Вероятно, три его новые пьесы для сцены, все напечатанные в 1807 году, подготовлены были уже прежде. Обе комедии: «Модная лавка» и «Урок дочкам», выражают сильное негодование поэта на слепое пристрастие русских к французам и их языку ⟨...⟩

В Санкт-Петербурге издавался тогда журнал под названием «Драматический вестник». В нем является несколько новых басен Крылова ⟨...⟩ Они представляли собою такие произведения поэзии, которыми удовлетворялись вдруг и требования литературной критики, и ожидания национального чувства. Патриотическое стремление к самостоятельной, независимой поэзии видело в них залоги для своей эпохи ⟨...⟩

В 1809 году вышло первое издание его басен, в числе 23 — блистательный год в русской литературе ⟨...⟩

Теперь он принадлежал кругу лучших литераторов. Его талант вполне ценил сам Державин. В 1810 году, в доме певца Фелицы устроилась «Беседа любителей русского слова» ⟨...⟩

В 1811 году избран был в действительные члены «Беседы» и Крылов ⟨...⟩

Так как большею частию литераторы, участвовавшие в «Беседе любителей русского слова», были члены Российской академии, то в конце 1811 же года и Крылов избран в академики. По смерти А. А. Нартова, в 1813 году, президентом назначен А. С. Шишков. Блистательный период существования Российской академии уже прошел. Своею славою она обязана Екатерине II, непосредственно участвовавшей в ее занятиях, и первому президенту своему княгине Дашковой, умевшей постигнуть глубокую мысль великой основательницы академии. Крылов не нашел в ученых заседаниях той занимательности и возбуждения, которые бы сообщили новый полет его гению. Он редко посещал академию, и то разве в торжественные собрания. Таковы везде бывают отношения гениальных людей к прозаическим официальным совещаниям. Рассказывают, будто раз при рассуждении о способах, как обезопасить доходы академии, в припадке простодушной веселости своей, Крылов предлагал купить землю под овощные огороды, с которых доход самый прибыльный и самый верный. Впрочем, и для Российской академии была еще впереди эпоха, когда на несколько времени ожила ее знаменитость. В 1818 году ее летописи украшены были именами Карамзина и Жуковского. Академические собрания, как обыкновенные, так и публичные, оживлены были присутствием и участием лиц, привлекавших к трудам своим всеобщее внимание. Отрывки из «Истории Российского Государства» публично в первый раз читаны были в академии. Крылов, Жуковский и Гнедич тут же являлись с новыми своими произведениями.

Открытие императорской Публичной библиотеки последовало в 1812 году. Ее директором назначен А. Н. Оленин. Должности библиотекарей и помощников их поручены лицам, преимущественно известным в литературе, что и после соблюдаемо было несколько лет. Таким образом, здесь соединились: переводчик «Илиады» Гнедич, знаток славянской филологии Востоков, первый в России библиограф Сопиков, переводчик «Ифигении» и «Федры» Расина Лобанов. В этот же круг введены были после барон Дельвиг и Загоскин. Сюда Оленин пригласил и Крылова. Сопиков, прежде несколько лет занимавшийся книжною торговлей, как человек опытный и знавший все, что касалось до русских книг, назначен был библиотекарем по русскому отделению, а Крылов помощником

его. Давний поощритель музы поэта, Брейткопф, которого жена была начальницею Санкт-Петербургского училища ордена св. Екатерины, также поступил на службу в библиотеку. Удивились и обрадовались друг другу старые знакомцы, нежданно очутившись за одним делом. В первых своих воспоминаниях они воскресили прошлое. Дошла очередь и до «Кофейницы». Крылову любопытно было взглянуть на рукопись детства своего. К счастию, Брейткопф сохранил эту драгоценность. Он в целости передал ее знаменитому автору.

Для жительства служащих отведены квартиры через дом главного здания библиотеки. С этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не переменил он ни службы, ни литературных занятий, ни даже квартиры. В 1816 году, когда вышел в отставку Сопиков, умерший в 1818-м, Крылов занял его должность и квартиру (в среднем этаже, на углу, что к Невскому проспекту). Тут прожил он до последней отставки своей почти тридцать лет. Украшением приемной комнаты был портрет его, во весь рост масляными красками, написанный тоже в 1812 году профессором Академии художеств Волковым на сорок четвертом году жизни поэта.

День учреждения библиотеки долгое время праздновап был публичным собранием и чтением разных новых произведений русских литераторов. В первый год Крылов прочитал здесь для публики свою басню «Водолазы». Имя и талант его становились уже народными. Сосредоточив деятельность свою на обрабатывании одного рода поэзии, он явственнее отделился от прочих писателей и утвердил за собою общее, выгодное для себя мнение. В первый год службы его в библиотеке император Александр Павлович приказал производить ему, сверх жалованья по должности, 1500 р. асс. пенсии из Кабинета его императорского величества. Спустя восемь лет, эта монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человеку теперь не о чем было заботиться. Он и погрузился в свою поэтическую лень.

Одна и та же лестница, мимо Крылова, вела наверх, в квартиру Гнедича. Удобство сообщения, холостая жизнь обоих, любовь к литературе и равные отношения к гостеприимному дому Олениных тесно связали поэтов, хотя во многом великая была разница в их личности. Умом своим, всегда сосредоточенным и дальновидным,

сердцем опытным и охлажденным, характером беспечным и скрытным, жизнию недеятельною и неопрятною, приемами простыми и чуждыми светскости, Крылов представлял совершенную противоположность Гнедичу, который до многого додумывался медленно и не всегда верно, увлекался добрым и доверчивым чувством, любил во всем порядок и щеголеватость, старался выказать знатока общественных приличий и часто поддавался влечению самолюбия. Это, впрочем, не мешало каждому из них сознавать в другом истинное его достоинство. Они верили вкусу один другого и взаимно советовались в сомнительных случаях. Гнедич выше всего ставил здравый смысл и несомненный талант Крылова, который ценил благородное предприятие своего товарища, его добросовестность в исполнении важного дела и самую начитанность, приобретенную им в продолжение долголетнего труда ⟨...⟩

Все мы убеждены, что здесь назначение наше — деятельность. Она источник самосовершенствования, без которого человек становится виновным и перед людьми и перед своим создателем. Умственная, нравственная, политическая, какая бы ни была, даже просто физическая деятельность доставляет человеку то, чем он возводит свое достоинство выше и выше. С этой точки зрения рассматривая Крылова, нельзя не обвинять его во многом. Теперь жизнь его, вставленная в рамки, которые пришлись по мерке, улеглась неподвижно. Кроме выходов к должности, очень легкой и не головоломной, кроме выездов к обеду в Английский клуб (где он после играл некоторое время по привычке в карты, а под конец только дремал) и на вечер иногда к Олениным, Крылов ничего не полюбил как человек общественный и образованный, как писатель гениальный. Он продолжал от скуки сочинять иногда новые басни, а больше читал самые глупые романы, особенно старинные, читал не для приобретения новых идей, а чтобы убить только время. Можно одну сторону найти в этом хорошую. Он доказал, что мелочное честолюбие, чиновническое или писательское, не общая у нас слабость. Не увлекаясь никакими замыслами, он отсторонился от людей, может быть не чувствуя в себе столько свежести сил, чтобы с верным успехом раздвигать дорогу между ними. Но он и тут не был позабыт ни в каком отношении ⟨...⟩

Убеждения нашего поэта, высказывавшиеся в его созданиях, самостоятельны и резки 〈...〉

Крылов умел выразить собственное мнение в самых щекотливых случаях против людей сильных и даже опасных 〈...〉

Домашняя жизнь Крылова еще более выказывала в нем особенностей. Он не заботился ни о чистоте, ни о порядке. Прислуга состояла из наемной женщины с девочкой, ее дочерью. Никому в доме и на мысль не приходило сметать пыль с мебели и с других вещей. Из трех чистых комнат, которые все выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая влево от нее оставалась без употребления, а последняя, угольная к Невскому проспекту, служила обыкновенным местопребыванием хозяина. Здесь за перегородкой стояла кровать его, а в светлой половине он сидел перед столиком на диване. У него не было ни кабинета, ни письменного стола; даже трудно было отыскать бумаги с чернильницей и пером 〈...〉

Утром он вставал довольно поздно. Часто приятели находили его в постели часу в десятом. Один из них, товарищ его по академии, привез ему с вечера в подарок богато переплетенный экземпляр перевода Фенелонова «Телемака». Это было еще в 1812 году. Едучи поутру к должности, полюбопытствовал он спросить у Крылова, понравился ли ему перевод, которым поэт наш и хотел было, ложась спать, позаняться, но так держал неосторожно перед сном в руках книгу, что она куда-то сползла с кровати под столик. Переводчик, заглянув за перегородку, где Крылов еще спал, и увидев, куда попала золотообрезная книга его, тихонько убрался назад, чтобы Крылов и не узнал об его посещении. Так, за сигарой, с романом, иногда в разговорах с приятелями, Крылов проводил время до того часу, в котором надобно было отправляться обедать в Английский клуб. Продремав там довольно времени после обеда, иногда заезжал он к Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

К посторонним посетителям, с которыми не был связан искренне, литераторы ли были то или другого рода люди, Крылов вообще оказывал большую вежливость. Никогда не любил он входить в спор, хотя бы кто говорил ему совершенно противное убеждениям его. Он знал,

что люди переменяют свои мнения только после собственных опытов. Давно сделавшись равнодушным к литературе, Крылов машинально соглашался со всяким, что бы кто ни говорил. Это многих ободряло продолжать самые нелепые начинания. Между тем проницательность и чувство изящного у Крылова всегда ощутительны были в высшей степени ⟨...⟩

К славе своей Крылов не был нечувствителен. Он, при всей осторожности своей и наружном хладнокровии, с большим чувством и как бы с умилением рассказывал о следующем. Однажды летом шел он по какой-то улице, где перед домами были разведены садики. Он издали заметил, что за одною отгородкою играли дети, и с ними была дама, вероятно их мать. Прошедши это место, случайно взглянул он назад — и видит, что дама брала детей поочередно на руки, поднимала их над заборчиком и глазами своими указывала на Крылова каждому из них. Из другого происшествия, которое сначала польстило его самолюбию, а после укололо его, он всегда выводил нравоучение, как смешно полагаться на свою известность. Крылов зашел когда-то в лавку Королева, что прежде была под Английским магазином. Ему хотелось полакомиться устрицами, до которых он был большой охотник. Там увидел он много подобных себе гастрономов и в том числе действительного тайного советника Р. Расплачиваясь за устрицы и не сомневаясь, чтобы его там не знали, этот господин спросил у лавочника, может ли он поверить ему на слово, так как теперь у него недостает несколько денег, чтобы все заплатить по их счету. Купец извинялся, что не имеет чести знать его, и, обращаясь к Крылову, прибавил: «Вот если угодно поручиться за вас Ивану Андреевичу, то я с удовольствием поверю». «А как же меня знаешь ты?» — спросил Крылов. «Помилуйте, Иван Андреевич,— отвечал добродушно лавочник,— да вас, я думаю, всякий мальчишка на каждой улице знает». Возвращаясь домой, Крылов зашел перед окнами своей квартиры в лавку Гостиного двора, чтобы купить нотной бумаги. «За деньгами,— сказал он,— пришлите ко мне на дом, я живу в двух шагах от вас, ведь вы меня знаете: я Крылов».— «Как можно знать всех людей на свете,— проговорил купец и взял с прилавка бумагу,— много живет здесь народу».

Свою известность Крылов по скромности изъяснял и тем, что у всякого из нас в обществе гораздо более (как говорил он) таких людей, которые знают нас, нежели таких, которых мы знаем. В собраниях, на прогулках, в библиотеке, даже у себя на дому, часто он принужден был, улыбаясь, раскланиваться или говорить по-приятельски с такими людьми, которых, конечно, когда-нибудь видел, но ни имени, ни места службы совсем он теперь не помнил. При свиданиях с иными сочинителями он благодарил их за присылку сочинений, между тем как приношения последовали совершенно от других лиц ⟨...⟩[5]

Беспечность и празднолюбие Крылова происходили более от равнодушия к тому, чем жизнь увлекает других, нежели от истощения душевных его сил. Светлый ум и твердая воля в нем сохранились до последних дней его ⟨...⟩

Менее всего благоразумен был Крылов в употреблении пищи. За несколько лет до последней болезни своей испытавши припадок паралича, правда, он в остальные годы строго наблюдал, чтобы не есть много разных кушаньев, но и при двух-трех блюдах умеренность не была его добродетелью ⟨...⟩

Особенно весело было Крылову, когда на званом обеде или ужине приготовляли для него русские кушанья. Это обыкновенно и делали все из его друзей и близких знакомых ⟨...⟩

Последние из многолюдных литературных обедов бывали у В. И. Карлгофа. В его доме Крылов видел особенное, непритворное к себе радушие хозяина и хозяйки [6]. Хотя изредка, являлся наконец он на обеды к графине Е. П. Ростопчиной, а на ужины к князю В. Ф. Одоевскому [7]. Впрочем, не было человека менее спесивого на зов, как наш поэт. Пережив столько поколений литераторов и оставшись в искренней дружбе только с малым числом первоклассных писателей, он почитал себя в отношении к другим какою-то общею, законною добычею.

2 февраля 1838 года со дня рождения Крылова должно было исполниться ровно семьдесят лет. Хотя еще с лишком за год перед тем совершилось пятидесятилетие

со времени появления его «Филомелы» в печати, по вспомнили о том только по случаю приближавшегося дня его рождения. Все литераторы оживились, обрадовавшись случаю отпраздновать юбилей знаменитого русского баснописца. По докладе о том государю императору министр народного просвещения дал знать, что его величество соизволяет на общее желание. Из лиц, к поэту ближайших по дружбе, составлен был комитет для учреждения праздника. Под председательством Оленина там были: Жуковский, князь Вяземский, Плетнев, Карлгоф и князь Одоевский. Предположили в день рождения Крылова дать обед в зале Дворянского собрания, что было в доме г-жи Энгельгардт. Гостей соединилось около 300 человек. В Санкт-Петербурге не было ни одного таланта, в каком бы он роде искусства ни получил известность, который бы не поспешил присоединиться к торжеству, родственному для всей России. Перед обедом Плетнев и Карлгоф поехали за Крыловым. До него не могли не дойти слухи о приготовляемом празднике, но он ничего не знал определенно. Впрочем, депутация нашла его уже одетым. «Иван Андреевич, — сказал ему Плетнев,— сегодня исполнилось пятьдесят лет, как вы явились посреди русских писателей; они собрались провести вместе этот день, достопамятный для них и для всей России, и просят вас не отказаться быть с ними, чтобы этот день сделался для них навсегда незабвенным праздником».— «Знаете что,— отвечал он,— я не умею сказать, как благодарен за все моим друзьям, и, конечно, мне еще веселее их быть сегодня вместе с ними, боюсь только, не придумали бы вы чего лишнего: ведь я то же, что иной моряк, с которым оттого только и беды не случалось, что он не хаживал далеко в море». По прибытии их в Собрание Оленин приветствовал Крылова: «Иван Андреевич! Русские литераторы северной нашей столицы, художники и любители отечественной словесности собрались в день вашего рождения, чтоб единодушно праздновать пятидесятилетние ваши успехи на поприще русской словесности. Примите по сему случаю искреннее наше поздравление и нелицемерное желание, чтобы многие еще годы вы украшали знаменитыми, полезными и приятными вашими трудами русскую нашу словесность» 〈...〉

Начался обед. Помещение гостей так было устроено, что они отовсюду могли видеть общего любимца. Против него, на другой стороне залы, поставлен был стол, пре-

красно освещенный и убранный цветами, где стоял в лавровом венке бюст его и лежали разные издания всех сочинений Крылова, какие только могли собрать тогда. На хорах поместились дамы, желавшие присутствовать при торжестве. Крылов сидел между Олениным и министром народного просвещения. По обе стороны от них заняли места прочие министры, почтившие своим присутствием юбилей народного писателя. Между ними находился и граф Канкрин, особенно любивший поэта и дружески принимавший его у себя. Перед Крыловым сидели все пять членов комитета, распоряжавшегося празднеством ⟨...⟩ Министр народного просвещения предложил тост за здоровье Ивана Андреевича Крылова и сказал ему: «За здоровье Ивана Андреевича Крылова — да будет его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое в нравственном своем направлении, примером для возрастающих талантов, поощрением для современных, радостным воспоминанием потомству! Я считаю одним из приятнейших дней моей жизни день, в который удостоился я быть посреди вас, мм. гг., орудием всемилостивейшего внимания государя императора к нашему незабвенному Крылову и на этом празднике русской словесности представителем его державного благоволения к ее трудам и успехам!» Вслед за его словами Петров запел стихи князя Вяземского, на этот случай написанные ⟨...⟩

Жуковским предложен был тост за славу и благоденствие России и за успехи русской словесности, причем он произнес: «Любовь к словесности, входящей в состав благоденствия и славы отечества, соединила нас здесь в эту минуту. Иван Андреевич, мы выражаем эту нам общую любовь, единодушно празднуя день вашего рождения. Наш праздник, на который собрались здесь немногие, есть праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие с тем самым чувством, которое всех нас в эту минуту оживляет, и вы, от нас немногих, услышите голос всех своих современников. Мы благодарим вас, во-первых, за самих себя, за столь многие счастливые минуты, проведенные в беседе с вашим гением; благодарим за наших юношей прошлого, настоящего и будущих поколений, которые с вашим именем начали и будут начинать любить отечественный язык, понимать изящное и знакомиться с чистою мудростию жизни; благодарим за рус-

ский народ, которому в стихотворениях своих вы так верно высказали его ум и с такою прелестию дали столько глубоких наставлений; наконец, благодарим вас и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено им в летописи его славы. Но, выражая пред вами те чувства, которые все находящиеся здесь со мною разделяют, не могу не подумать с глубокою скорбию, что на празднике нашем недостает двух, которых присутствие было бы его украшением и которых потеря еще так свежа в нашем сердце. Один, знаменитый предшественник ваш на избранной вами дороге, недавно кончил прекрасную свою жизнь, достигнув старости глубокой, оставив по себе славное, любезное отечеству имя; другой, едва расцветший и в немногие годы наживший славу народную, вдруг исчез, похищенный у надежд, возбужденных в отечестве его гением. Воспоминание о Дмитриеве и Пушкине само собою сливается с отечественным праздником Крылова. Заключу желанием, которое да исполнит провидение, чтобы вы, патриарх наших писателей, продолжали многие годы наслаждаться цветущею старостию и радовать нас произведениями творческого ума своего, для которого еще не было и никогда не будет старости. Оглядываясь спокойным оком на прошедшее, продолжайте извлекать из него те поэтические уроки мудрости, которыми так давно и так пленительно поучаете вы современников, уроки, которые дойдут до потомства и никогда не потеряют в нем своей силы и свежести, ибо они обратились в народные пословицы; а народные пословицы живут с народами и их переживают».

Наконец кн. Одоевский предложил тост за здоровье присутствовавших, присоединив следующие слова: «Я принадлежу к тому поколению, которое училось читать по вашим басням и до сих пор перечитывает их с новым, всегда свежим наслаждением. Мы еще были в колыбели, когда ваши творения уже сделались дорогою собственностию России и предметом удивления для иноземцев; от ранних лет мы привыкли не отделять вашего имени от имени нашей словесности. Существуют произведения знаменитые, но доступные лишь тому или другому возрасту, бóльшей или меньшей степени образованности; не много таких, которые близки человеку во всех летах, во всех состояниях его жизни. Ваши стихи во всех концах нашей величественной родины лепечет младенец, повторяет муж, воспоминает старец; их произносит просто-

людии как уроки положительной мудрости, их изучает литератор как образцы остроумной поэзии, изящества и истины. Примите же дань благодарности от лица младших делателей на том поприще, которое вы проходите с такою честию для вас и для русского слова, пусть долго-долго ваш пример будет нам путеводителем; пусть новыми вашими творениями вы обогатите если не славу вашу, то, по крайней мере, сокровище тех высоких ощущений, которые порождаются в людях только произведениями высокого искусства. Голос нашей признательности исчезает в общем голосе наших соотчичей; но это чувство в нас тем живее, что для нас прелесть старины и младенческих воспоминаний возвышается наслаждением видеть в лицо знаменитого современника, быть очевидными свидетелями его нравственной доблести; для нас память ума соединяется с памятью сердца».

Бенедиктов сочинил для этого праздника помещаемые здесь стихи, которые были прочитаны Блудовым:

День счастливый, день прекрасный —
Он настал, и полный клир,
Душ отверзтых клир согласный,
Возвестил нам праздник ясный,
Просвещенья светлый пир.

Небесам благодаренье
И владыке русских сил,
Кто в родном соединенье
Старца чудного рожденье
Пировать благословил.

Духом — юноши моложе,
Он пред нами — славы сын!
Витых локонов пригожей,
Золотых кудрей дороже
Серебро его седин.

Не сожмут сердец морозы;
В нас горят к нему сердца:
Он пред нами — сыпьтесь, розы;
Лейтесь, радостные слезы
На листы его венца!

Общего одушевления и радости столь непритворной, столь живой, кажется, не бывало еще в таком многолюдном собрании. Между тем выражение, которое постоянно оставалось на лице Крылова, не могло не произвести сильного впечатления на мыслящего человека. О нем в «Современнике» тогда было напечатано: «Крылов, окруженный многочисленными почитателями своими, в эти

минуты занимал каждого как первый из тех талантов, которые созидают неисчезающее величие наций. Но что выражало его полувеселое и полузадумчивое лицо? О, в его душе, верно, теснилось все прошедшее — одно, что не изменяется никогда в своей прелести. Он верно проходил мыслию по этому чудному пути, который указало ему тайное провидение, чтобы темное, заботам и трудам обреченное дитя увенчано было в старости по единодушному отзыву всего отечества». Когда Крылов, встав из-за стола, проходил близ хор, на него посыпались цветы и лавровые венки. Он с чувством благодарил дам за их трогательное внимание к нему — и, взяв один из венков, роздал из него по листку друзьям своим. В заключение празднества, по приглашению председателя его, все присутствовавшие согласились участвовать, чтобы в память этого события выбита была медаль с изображением Крылова.

В следующем месяце напечатано было в «Коммерческой газете» объявление: «Его императорскому величеству благоугодно было в воспоминание совершившегося пятидесятилетия литературного поприща И. А. Крылова изъявить высочайшее соизволение не только на выбитие на счет казны медали с его портретом, но и на открытие подписки для учреждения стипендии под названием: *Крыловской,* чтобы проценты с собранной суммы были употребляемы на взнос в одно из учебных заведений для воспитания в нем, смотря по сумме, одного или нескольких молодых людей. Сообразно с сею высочайшею волею министр финансов приглашает желающих почтить знаменитого нашего баснописца, приняв участие в деле, которое с подвигом благотворительности связует одно из любезнейших для всякого русского имен».

После учреждения стипендии Крылов пожелал, чтобы ею воспользовался мальчик Степан Кобеляцкий, сирота без отца и без матери, сын подпоручика Алексея Степановича Кобеляцкого, бывшего помещика Черниговской губернии Нежинского уезда. Его поместили в 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию. В 1845 году молодой человек уже поступил в императорский Санкт-Петербургский университет по юридическому факультету и теперь слушает лекции во 2-м курсе.

В 1839 году И. А. Крылов избрал в свои стипендиаты еще молодого человека, который определен был во 2-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Это сын главной надзи-

рательницы при Сиротском институте Санкт-Петербургского воспитательного дома Анны Федоровны Оом, вдовы учителя Морского кадетского корпуса, которая до замужества своего жила в доме А. Н. Оленина. Крылов, знавший ее почти с ее детства, до смерти своей сохранил к ней то уважение и дружбу, которые внушаются прекрасными качествами сердца, высоко образованным умом и наилучшим воспитанием. Молодой человек, сын ее, Федор Оом, в июле 1846 года, из гимназии поступил в Санкт-Петербургский университет, где ныне слушает лекции в 1-м курсе юридического факультета по камеральному отделению.

В 1841 году Крылов навсегда оставил службу. Высочайше предписано было производить ему пенсии из Государственного казначейства по 5700 р. асс., что с пенсиею, которую получал он из Кабинета его императорского величества, составляло 11 700 р. асс. Он переехал жить на Васильевский остров в дом купца Блинова, что в 1-й линии. Отсюда еще менее стал выезжать он в свет. Даже в Английском клубе видели его редко. Из его коротких знакомых жили с ним по соседству только двое: в первом кадетском корпусе Я. И. Ростовцев и в университете Плетнев. Они еще навещали его. Он как будто отяжелел. Впрочем, тучность издавна одолевала его. Он сам очень мило подшучивал над нею. В блистательном маскараде, бывшем у великой княгини Елены Павловны, где все характерные костюмы подобраны были с таким вкусом и разнообразием, Крылов, нарядившись музой Талиею, произнес их императорским величествам стихи, и между прочим сказал:

Люблю, где случай есть, пороки пощипать —
Все лучше-таки их немножко унимать.
Однако ж здесь, я сколько ни глядела,
Придраться не к чему; а это жаль — без дела
Я, право, уж боюсь, чтобы не потолстела.

Последнюю из басен своих («Вельможа») написал он еще в 1835 году. Он ее читал их императорским величествам также в маскараде, бывшем в Аничковом дворце, где Крылов одет был кравчим, в русском кафтане, шитом золотом, в красных сапогах, с подвязанной седой бородою. От стихотворений в других родах отказался он давно. Были, однако же, случаи, при которых он брался за перо. Так, еще в 1824 году написал он анакреонтическую оду

свою «Три поцелуя», в воспоминание самой приятной для него шутки трех молоденьких почитательниц его таланта. После обеда у Оленина он сел в кресла и заснул. Не зная, как учтивее разбудить его, эти грации сговорились поцеловать его поочередно одна за другою. В последний раз сидел он над рифмою через пять месяцев после своего юбилея. Это было одно из самых грустных для него событий: 3-го июня 1838 года скончалась Е. М. Оленина. Он почтил ее прах эпитафиею, которая и вырезана на ее надгробном камне. Замечательно, что Крылов отделкою языка в лучших баснях своих нисколько не напоминает блестящей школы Жуковского. Есть что-то, так сказать, увесистое в стихах его, как в нем самом. Однако же тут нет и того, что называется недоконченностию обработки. Напротив, ни на одном слове не задумываешься и не пожелаешь перемены его или перестановки. Эти стихи не достались Крылову так легко, как думают. Он иногда десять раз совершенно по-новому переделывал одну и ту же басню. Особенно пришлось ему помучиться над баснею «Дуб и Трость». Конечно, главною тут причиной был превосходный образец Дмитриева. Совершенно выправленные басни Крылов любил начисто переписывать сам, на особом листке каждую. Только старинный почерк его был так неразборчив, что иные из своих рукописей под конец никак не мог он разобрать и сам.

В отшельнической жизни своей Крылов нашел забаву, обучая детей грамоте и прослушивая их уроки музыки. Он усыновил семейство крестницы своей, которое и поместил на квартире с собою. Ему весело было, когда около него играли дети, с которыми дома обедал он и чай пил. Девочка по имени Наденька особенно утешала его. Ее понятливость и способности к музыке часто выхвалял он как что-то необыкновенное ⟨...⟩

Во всю жизнь Крылов пользовался завидным здоровьем, благодаря той простоте, в которой он вырос и которая навсегда так много доставляет выгод и преимуществ бедным людям над богатыми. Неумеренность в пище и сидячая жизнь не могли ослабить физической его крепости, захваченной им в детстве. Правда, еще задолго до последней болезни своей он два раза, в разные эпохи, чувствовал легкие припадки паралича. Но и они, миновав без гибельных последствий, не заставили его озаботиться что-нибудь переменить в образе жизни ⟨...⟩

Равнодушие и беспечность еще заметнее сделались в нем в последнее время жизни. Случилось, что открылся пожар в доме, смежном с его квартирою. Торопливо уведомив о том Крылова, люди его бросились спасать разные вещи от видимой опасности и неотступно просили, чтобы он поспешил собрать те из своих бумаг и дорогих вещей, которых потеря необходимо расстроит остаток жизни его. Но он, против обыкновения, не спешил и на пожар взглянуть. Не обращая внимания на крик и слезы, он не одевался, приказал готовить себе чай — и, выпив его не торопясь, закурил еще сигару. Кончив это все, начал он одеваться как бы нехотя. Потом, вышедши на улицу, поглядел на горевшее здание — и, как знаток дела, сказал только: «не для чего перебираться». Он возвратился в свою комнату и скоро улегся спать. Незадолго до его последней болезни из Парижа присланы были к нему для поправки листы, на которых печаталось его жизнеописание для биографического словаря достопамятных людей. «Пускай пишут обо мне, что хотят»,— сказал он, откладывая бумаги,— и, только уступив усильным просьбам бывших при этом свидетелей, внес туда несколько заметок.

Предсмертная болезнь Крылова произошла от несварения пищи в желудке ⟨...⟩

Перед самою кончиною он попросил перенести себя в кресла, но, почувствовав тоску, сказал: «Тяжело мне»,— и снова пожелал лечь на постелю. Там скоро произнес он слабым, прерывающимся голосом: «Господи! прости мне прегрешения мои». Последовавший за тем глубокий вздох был последним в его жизни. Он скончался утром в четверг в 3/4 8 часа 9 ноября 1844 года (который был високосный), 76 лет, 9 месяцев и 7 дней от роду.

У Крылова не осталось родственников, кроме усыновленного им семейства крестницы его Савельевой. Душеприказчиком, по духовному завещанию его, назначен Я. И. Ростовцев. Министр народного просвещения предложил Академии наук и Университету принять участие в печальном сопровождении покойного в церковь Исаакиевского собора и при погребении его на кладбище Александро-Невской лавры. Крылов в академии был действительным членом по Отделению русского языка и словесности, а в университете... почетным членом ⟨...⟩

Церковь св. Исаакия Далматского едва могла вмещать собравшихся туда на последнее прощание с народным баснописцем. Викарий Санкт-Петербургский, преосвященный Иустин, совершил литию, а надгробное слово произнес протоиерей Исаакиевского собора А. И. Малов. Первые сановники государства несли гроб из церкви. На траурных принадлежностях вместо герба находилось изображение медали, выбитой в память пятидесятилетнего юбилея Крылова. Студенты Санкт-Петербургского университета поддерживали балдахин и несли ордена покойного. Народ, столпившийся при погребальном шествии, занял весь Невский проспект. В Александро-Невской лавре, после божественной литургии, обряд отпевания совершал высокопреосвященнейший Антоний, митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, с Афанасием, епископом Винницким и викарием Иустином. Голову Крылова украшал лавровый венок, которым он был увенчан в день юбилея. Перед закрытием гроба министр народного просвещения положил туда медаль, поднесенную поэту в воспоминание 2 февраля 1838 года. Крылов погребен на так называемом новом кладбище, подле Гнедича, откуда видна и Карамзина гробница с умилительною надписью: «Блажени чистии сердцем».

На другой день по кончине Крылова более тысячи особ в Санкт-Петербурге получили по экземпляру басен его, которые, начав печатать в 1843 году и кончив издание под собственным надзором, он не успел еще пустить в свет. Все эти книги разосланы были в траурной обертке со следующими словами, припечатанными на первом заглавном листе: «Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. Санкт-Петербург, 1844, 9 ноября, 3/4 8-го, утром». Драгоценный этот подарок действительно предназначаем был самим Крыловым в изъявление благодарности лицам, участвовавшим в составлении юбилейного для него торжества. Он не успел удовлетворить желания сердца своего. Ревнуя к чести его и доброй о нем памяти, верный каждой его мысли, душеприказчик прекрасно исполнил его намерение.

Утрата, которую живо почувствовали все, мгновенно обратила мысли к одному предмету — увековечить для России память Крылова видимым образом. Единодушное

желание предупредило всякий холодный суд в этом деле. И можно ли усомниться в правах Крылова на памятник? Он, без власти, не достигнувший знатности, не обладавший богатством, живший почти затворником, без усиленной деятельности, наполнил собою помышления миллионов людей, вселился в их душу и навек остался присутственным в их уме и памяти. О нем то должно повторить, что древние сказали про Гомера: «Он каждому, и юноше, и мужу, и старцу, столько дает, сколько кто взять может». Есть люди, которые видят в Крылове только поэта для детей. Правда, ни из чьих сочинений дети не извлекут столько пользы, как из его басен. Но мыслящий человек почерпнет и еще более. Есть мудрость, доступная всем возрастам. Но во всей глубине своей она может быть постигнута только умом зрелым. То, что составляет самое существенное достоинство сочинений Крылова, не может потерять цены своей от изменений вкуса, языка и требований времени. На него никогда не пройдет мода, потому что успех его от нее никогда и не зависел. Никто не откинет Крылова, кто читает для того, чтобы окрепнуть умом и обогатиться опытностию.

И. П. БЫСТРОВ

ИЗ СТАТЬИ «ОТРЫВКИ ИЗ ЗАПИСОК МОИХ ОБ ИВАНЕ АНДРЕЕВИЧЕ КРЫЛОВЕ»

С Иваном Андреевичем находился я в самых близких отношениях, сначала по службе (1829—1841 гг.), а потом по *привычке* (1841—1844 гг.); следовательно, не прибегая к системе правдоподобных вымыслов, могу говорить о бывшем моем сослуживце и благодетеле только то, что мне лично о нем известно. Памятные записки мои, из коих позволяю себе извлечь самую малую часть в пополнение известных биографий Крылова, заключают в себе непрерывную нить отношений моих к Ивану Андреевичу, с 1829 года по день кончины незабвенного. Посему было бы с моей стороны даже непростительно, если бы я не посвятил священной памяти сослуживца нескольких строк. Я уверен также, что никто не сочтет за дерзость, если (впоследствии) составлю я свод, поверку и соглашение крупных и мелких противоречий, которые, без сомнения, без умысла авторов, вкрались в их биографические сведения об Иване Андреевиче ‹...›

Известно, что Иван Андреевич испытывал свой талант в разных родах словесности: он писал сатиры, трагедии, комедии, драмы, оперы, любовные стишки, подражания псалмам и басни. Иван Андреевич принимал также самое деятельное участие в некоторых периодических изданиях. В 1789 году издавал он еженедельный журнал, под названием «Почта духов». Товарищем ему был Рахманов [1], которого Иван Андреевич любил за остроту его ума, за откровенный и веселый нрав. «Помнится, мой милый, что раз поссорились мы с Рахмановым за то, какое название дать журналу... Пельский, кажется, помирил нас... Ну, Рахманов хорошо был учен: знал языки, историю, философию... Он давал нам

материалы... После еще ближе сошелся я с Клушиным... Он был умный, услужливый человек... Мы с ним много писали в тогдашних журналах...» Это подлинные слова Ивана Андреевича.

Другие журналы, в которых Иван Андреевич печатал свои статьи, были «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793). В «Зрителе» помещены: а) «Ночи»; б) «Речь, говоренная повесою в собрании дураков»; в) «Утро», ода; г) «Рассуждение о дружестве»; д) «Мысли философа по моде»; е) «Похвальная речь в память моему дедушке»; ж) «Каиб». В «Меркурии»: а) «Похвальная речь науке убивать время, говоренная в Новый год»; б) «Примечания на комедию «Смех и горе», соч. А. Клушина»; в) «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей»; г) «Утешение Анюте», стихи; д) «Мое оправдание к Анюте», стихи; е) «Замечание на комедию в одном действии, в прозе, соч. А. Клушина, под названием «Алхимист»; ж) «Стихи к другу моему, А. И. К»; з) «Стихи к счастию»; и) «Мой отъезд», песня.

Теперь эти журналы, в коих Крылов с таким усердием и искусством некогда подвизался, стали довольно редки ⟨...⟩

В стихах «К счастию» Иван Андреевич так пеняет на фортуну:

Богиня резвая, слепая,
Худых и добрых дел предмет,
В которую влюблен весь свет,
Подчас некстати слишком злая,
Подчас роскошна невпопад,
Скажи, Фортуна дорогая,
За что у нас с тобой нелад? [2]

В 1831 году, по совету Ивана Андреевича, стал я заниматься составлением алфавитного указателя к русским периодическим изданиям, начав эту работу со старинных, ныне довольно редких журналов. Однажды я принес к Ивану Андреевичу «Зрителя» и «Меркурия», в коих находились вышепоименованные статьи его. Иван Андреевич хорошо помнил свое прошедшее время, но захотел снова прочесть прежние свои сочинения в стихах и прозе. Между тем я обратил внимание его на стихи «К счастию»: «Иван Андреевич, за что это вы пеняете на фортуну, когда она так милостива к вам?» — «Ах, мой милый, со мною был случай, о котором теперь смешно

говорить; но тогда... я скорбел и не раз плакал, как дитя... Журналу не повезло; полиция и еще одно обстоятельство... да кто не был молод и не делал на своем веку проказ...» Это подлинные слова Ивана Андреевича[3].

Вообще, проза Ивана Андреевича лучше его стихов, писанных им в 1792—1793 годах ⟨...⟩ Но в 1795 году Иван Андреевич является уже высоким лирическим поэтом. В Русском отделении императорской Публичной библиотеки, в кипе разрозненных газет и журналов, нашел я тетрадь стихов, писанных собственною Ивана Андреевича рукою. (Это было в апреле 1832 года.) «В этой тетради есть прекрасная ваша «Молитва к Богу»,— сказал я Ивану Андреевичу. «Покажите, мой милый»,— Иван Андреевич взял рукопись и стал читать про себя. Какой огонь, какой благоговейный восторг одушевляли в то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!..[4]

Говорят, что Иван Андреевич изучил греческий язык в совершенстве и в самое короткое время. Так, но к этому надобно прибавить, что Иван Андреевич начал учиться по-гречески без грамматики, по Новому завету, и скоро так успел, что в состоянии был переводить классиков. В Геродота Иван Андреевич, так сказать, влюбился и предполагал также перевести его. Когда А. Н. Оленин изъявил свое намерение издать в свет, в буквальном русском переводе, «Одиссею», с рисунками греческих древностей, то Иван Андреевич не прочь был от любимой мысли своего начальника-друга, и перевел из этой поэмы, гекзаметром, двадцать семь стихов первой песни, вот как:

Мужа поведай мне, Муза, *хитраго* *, странствия многи,
Им понесенны **, когда был священный Пергам испровернут.
Много он видел градов и обычаев разных народов;
Много носясь по морям претерпел сокрушений сердечных,
Пекшися всею душой о своем и друзей возвращенье.
Но не спас он друзей и сподвижников, сколько не пекся.
Сами они от себя и своим безрассудством погибли,
Буйные! — Тучных волов они *высокого солнца* ***
Пожрали — он навек обрек их не видеть отчизны.
Ты, богиня и Диева дщерь, нам все то поведай.
Все уж иные, кого не постигла горькая гибель,
В домы свои возвратились, войны избежавши и моря.

---

* Сверху написано рукой И. А.: *мудрого*.

** *Кои претек он* зачеркнуто, а сверху написано: *им понесенны*.

*** Прежде написано было: *светозарного Феба*. (*Примеч. авт.*)

Он лишь один, по отчизне тоскуя и верной супруге,
Властью удержан был сильной божественной нимфы Калипсы,
В *утлых* * *прекрасных* ** пещерах — она с ним уз брачных желала.
Год же когда совершился и новое лето настало,
Боги тогда присудили в отчизну ему возвратиться
В область Итаку — и тут не избегли трудов и злосчастий
Он и дружина его; боги все к нему умилились,
Только Посейдон один гневен жестоко был к Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступил он на землю.
Но тогда был Посейдон далеко в стране Ефиопов.
Два ефиопских народа земли на концах обитают.
Там, где солнце восходит, и там, где солнце нисходит.
Жертвами тучных волов и богатой стотельчною жертвой
Он от них услаждался — боги же купно другие
Были тогда на Олимпе, в чертогах могущего Дия.

По словам Ивана Андреевича, *экзаметр ему не дался.* «Я не могу сладить с этим Голиафом»,— говаривал иногда Иван Андреевич 〈...〉

Ивану Андреевичу обязан я первыми уроками и некоторыми сведениями моими в библиографии. Советы и наставления его заохотили меня к изучению сей науки. В мае 1829 года Иван Андреевич писал мне: «Пришлите мне мои карточки. Что у вас сделано? Не скучаете ль новою должностью? — Старайтесь, старайтесь, мой милый! Сопиков много трудился, ему и честь. Но не без греха и он, и при ссылках на него будьте осторожны. В чем усомнитесь, спросите Анастасевича. Он живет...» и проч.

Таковы были заботы Ивана Андреевича об успехах моих в библиографии 〈...〉

Он был беспечен и не скрывал от меня этой слабости. Раз (это было в начале 1837 года), когда я пришел к Ивану Андреевичу дать отчет о трудах моих по службе, он спросил: «А каково идет ваш Указатель к журналам?» Я отвечал, что отметил на карточках до 117 тысяч статей, и что это, по моему мнению, третья доля из того количества исторических материалов, которые возможно будет извлечь из периодических изданий. Иван Андреевич, подумав немного, сказал: «А я, мой милый, ленив ужасно... Начал было нечто похожее на ваш труд,

* Сначала написано было: *темных*, но оно зачеркнуто.
** *Прохладных* зачеркнуто и рукою А. Н. Оленина написано сверху: *прекрасных*. (*Примеч. авт.*)

и бросил... скучно показалось... Да что, мой милый, говорить... И французы знают, что я лентяй» *. Кончив последнюю фразу, Иван Андреевич вынул из кармана лист бумаги и, отдавая его мне, сказал: «Прочтите-ка, мой милый!» Это была копия с предложения Н. А. Оленина императорской Публичной библиотеке, от 10-го января 1812 года, следующего содержания: «Помощнику библиотекаря, титулярному советнику Крылову, по известным его успехам в российской словесности и по свойственному ему приятному слогу, поручено было заняться составлением критических замечаний, которые должны были входить в состав разборных каталогов (catalogues raisonnes). В сих замечаниях (по части только исторической и словесных искусств, то есть витийства и поэзии) г. Крылов должен был в виду иметь следующие предметы: 1) Краткий критический разбор содержания книг; 2) Критический таковой же разбор слога; 3) Определение книг в число редких, полезных или изящных творений».

«Каков же я молодец!.. Да и Алексей Николаевич не принуждал меня... Другое дело, если б потребовал... А то... ну, вы постарайтесь за меня, мой милый!..»

Иван Андреевич любил читать романы в старинных переводах, и чем роман был глупее, тем он более нравился нашему поэту. В марте 1829 года, при первом свида-

---

* Этими словами И. А. намекал на предисловие Лемонтея к басням его, изданным графом Г. В. Орловым в Париже, под названием: «Fables Russes, tirées du recuéil de Mr. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française, de Mr. Lémontey; et d'une préface italienne de Mr. Salfi, publiées par Mr. le comte Orloff, ornées du portrait de Mr. Kriloff et de cinq gravures. Deux vol. imprim. par. F. Didot. 1825» (т. е. «Русские басни, заимствованные из сочинений г. Крылова с французскими и итальянскими подражаниями разных авторов, с французским введением г. Лемонтея и итальянским г. Сальфи, изданные графом Орловым, с портретом автора и пятью картинками, два тома, печ. у Ф. Дидота»).— В переводе басен Крылова участвовали все тогдашние знаменитости французской и итальянской литератур. Из французов, например: граф Буасси д'Англа, два графа Сегюра, граф Дарю, Казимир Делавинь, Арно, герцог де Бассано, Андрие, Жуи, Суме и другие; дамы: Констанция Сальм, София Ге, г-жа Тастю и другие. Рисунки к изданию делали Изабе, Бертон и другие отличные художники.— Лемонтей в предисловии к сему изданию, между прочим, сравнивает Ивана Андреевича с басенным деревом (у Лемонтея игра слов), которого ветви надобно сильно потрясать, если желаешь стряхнуть с них плоды. (*Примеч. авт.*)

нии и разговоре моем с Иваном Андреевичем, я увидел на столе его книгу; это, как на другой день узнал я, была повесть под названием «Похождение задом наперед» [5]. Дорожа и мелкими чертами великого человека, я сохранил собственноручную ко мне записку Ивана Андреевича, в которой он говорит: «Посылаю 27 книг счетом. У меня осталось 5 книг, да покорно прошу прислать ко мне «Сказки духов», чем очень одолжите. Все сочинения полны» *.

Из периодических изданий Иван Андреевич читал весьма усердно «Северную пчелу», «Библиотеку для чтения» и «Сына отечества», и все прочитанное в этих журналах, от первой строки до последней, он очень хорошо и долго помнил. Статьи, относящиеся к домоводству, технологии и хозяйству вообще, Иван Андреевич нарочно отмечал для Алексея Николаевича Оленина. В удостоверение сего, может быть, не всем известного факта, ссылаюсь на подлинную ко мне записку Алексея Николаевича, от 19 июля 1838 года. Вот она: «Иван Андреевич Крылов сказывал мне, что в последних номерах (за месяц, должно быть, назад) «Северной пчелы» или «Сына отечества» напечатано извещение от какого-то сельского хозяина в Германии, который объявляет, что он нашел средство добывать лучший сахар из свекловицы, без машин и без дальных заведений, так что каждый может варить сахар у себя дома, и предлагает принимать учеников для изучения сего нового производства. Прошу Ивана Павловича Быстрова отыскать мне эту статью».

Иван Андреевич, как и всякий высокий гений, необыкновенно был скромен. В 39-м номере «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду» на 1837 год, на странице 377-й, в повести ** под названием «Преобразование», соч. г. Струйского, рассказан был весьма любопытный анекдот из незабвенной эпохи 1812 года. Вот слова г. Струйского: «Наполеон, после Бородинского отпора, пошел ощупью, верст по 15-ти в сутки, и как бы ожидал другой битвы, столь же страшной и гибельной, как первая. Наши молодые воины также требовали сей

---

* Иван Андреевич не любил медицины, и всегда, как только начинал чувствовать себя под влиянием хандры, обращался к чтению романов. Это было единственное средство к восстановлению его здоровья. (*Примеч. авт.*)

** Повесть эта напечатана в №№ 38, 39, 40 «Прибавлений к «Инвалиду». (*Примеч. авт.*)

битвы и дерзали укорять великого тактика в старости, нерешительности, а иные близорукие называли его просто трусом». Далее автор говорит, что «И. А. Крылов, живучи в С.-Петербурге, проник думу Кутузова и прислал ему свою басню «Волк на псарне». Кутузов, зная ропот нетерпеливой молодежи, призвал к себе юных героев и прочитал им басню... Смысл басни пояснил многим то, чего они прежде не понимали, и с той поры, возложив надежду на бога и опытность седого ловчего, наши богатыри выжидали в Тарутинском лагере первого сигнала к битве и победе».

Когда я прочел это место Ивану Андреевичу, то он нахмурился и сказал: «Все это вздор... Я не бог... Возможно ли, чтоб я, частный человек, ни дипломат, ни военный, наперед знал, что сделает Кутузов?.. Смешно... Да и где Кутузов читал басню?.. Не в Тарутинском же лагере, а после... Скажите, мой милый, в каком-нибудь журнале, что все это было не так!.. Кого вы знаете из журналистов?..» Я назвал Н. И. Греча и А. Ф. Воейкова... На другой день отнес я к А. Ф. Воейкову * составленные мною примечания к басне И. А. Крылова «Волк на псарне», которые в «Русском инвалиде», № 32, 1838 г., стр. 128**, и были напечатаны в следующем виде:

«Душевно благодарим г. Струйского за прекрасный исторический анекдот, но мы обязаны поправить автора там, где он отступает от истины: 1) По словам г. Струйского, И. А. Крылов проник думу Кутузова. Это вовсе несправедливо. Наш маститый поэт, довольный бессмертными лаврами, которые заслужил он на скромном поприще литературы, торжественно отрекается от сюрприза, предлагаемого ему г. Струйским, и откровенно сознается, что он тогда уже разгадал высокую думу князя Смоленского, когда ангел-истребитель, в лице русского Фабия, губил полки врагов, стремглав бежавших из России; 2) И. А. Крылов, собственною рукою переписав басню

---

* А. Ф. Воейков был в то время болен, никуда не выходил и занимался приведением в порядок «Современных записок». Они весьма любопытны, судя по тем отрывкам, которые А. Ф. прочел мне из своего сборника. (*Примеч. авт.*)

** Пятидесятилетие литературной деятельности и славы Ивана Андреевича Россия, в лице избранных своих представителей, праздновала 2 февраля 1838 года, в среду, и мои примечания к басне Крылова, напечатанные 5-го числа того же месяца, т. е. спустя три дня после юбилея, по словам А. Ф. Воейкова, были очень кстати. (*Примеч. авт.*)

«Волк на псарне», отдал ее княгине Катерине Ильиничне, а она при письме своем отправила ее к светлейшему своему супругу. Однажды, после сражений под Красным, объехав с трофеями всю армию, полководец наш сел на открытом воздухе, посреди приближенных к нему генералов и многих офицеров, вынул из кармана рукописную басню И. А. Крылова и прочел ее вслух. При словах: «ты сер, а я, приятель, сед», произнесенных им с особенною выразительностью, он снял фуражку и указал на свои седины. Все присутствовавшие восхищены были этим зрелищем, и радостные восклицания раздались повсюду.— Известно, что армия вошла в Тарутинский лагерь 20 сентября, а Красниинское дело происходило 2—5 ноября. Большая разница! В это время серый волк бежал уже от победоносной гончих стаи, и проч.» [6] Когда я прочел Ивану Андреевичу эту статью, то он сказал: «Немудрено, мой милый, отгадать, когда дело сделано... Я не люблю этого... Ныпче пишут, например, *всемогущий* гений... и тому подобное...» Тут Иван Андреевич весьма приятно улыбнулся и примолвил: «Все мудрецами стали... Пожалуй, скоро недостанет превосходных степеней в русском языке...»

В. И. СОБОЛЬЩИКОВ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО БИБЛИОТЕКАРЯ»

Иван Андреевич Крылов был толст и важен. Когда он приходил получать жалованье, то на поклон мой он отвечал только улыбкой. Кланяться он мне не мог по двум причинам: во-первых, он давно был статский советник, а я свежий коллежский регистратор и, во-вторых, для тучного человека одно кивание головой есть уже труд, а у Крылова голова-то была очень большая. Впрочем, со мной он всегда был любезен и обращался всегда со словами: «мой милый». В это время все статские советники так говорили, обращаясь к канцелярскому чиновнику. Крылов являлся за жалованьем каждый месяц очень аккуратно, но скоро ему это надоело, и он попросил меня приносить ему жалованье на квартиру. Он жил в казенной квартире 〈...〉 Наконец ему надоело расписываться каждый месяц, и он попросил, чтобы вносили его в список по третям. Случилось однажды, что казначей куда-то отлучился, оставив у меня на руках довольно большую сумму денег для раздачи жалованья чиновникам, а в том числе и Крылову. Отсчитав следовавшую ему порцию, я, по своей ветрености, ошибся, и когда, расписавшись, он взял у меня деньги и бросил их в стол, не сосчитав, вероятно также по ветрености, тогда я ему сказал:

— Иван Андреевич, вы, который пустили в ход столько новых пословиц, не внемлете совету старой: деньги любят счет.

— Эх, мой милый, вы не станете меня обманывать.

— Умышленно не стану, но я могу ошибиться и обмануть вас так же, как и себя.

— Ну, ну, хорошо.

Он пересчитал деньги, и оказалось, что я недодал ему 100 рублей. Старик сконфузился, а я еще больше. Кажется, последовало даже рукопожатие, в первый и в последний раз в моих с ним отношениях.

Этот ничтожный случай не совсем хорошо рекомендует казначейские мои способности, но со временем я сам сделался казначеем, и не раз случалось мне недодавать денег получателям, но они были не Крыловы и, получая, считали. Они до такой степени были не Крыловы, что, получая лишнее, не возвращали, а это таки случалось при моей крайне слабой страсти к деньгам ⟨...⟩

В былые времена все библиотекари, старшие и младшие, и все писцы дежурили в библиотеке по целым суткам, и на их обязанности лежало выдавать читателям заранее приготовленные книги. В деле этом было прежде много патриархального. Я уже не застал того времени, когда дежуривал Иван Андреевич Крылов, но мне рассказывали, что, придя дежурить после обеда, он ложился обыкновенно на диван и читал лежа, а когда приходили посетители, то он, не вставая, указывал им на шкаф с приготовленными для них книгами и просил брать, что кому нужно [1]. Точно так же, или почти так же, поступали и другие библиотекари из разряда высшего. Когда библиотеку открыли для публики, в мое уже время, высшие библиотекари большею частью не дежурили лично: обязанности эти исполняли за них младшие, за деньги, конечно.

М. П. ПОГОДИН

ИЗ «ДНЕВНИКА»

1831

3 ⟨октября⟩. В Английский клуб, читал журналы. Встретил гр. Хвостова, который и осадил меня. Обедали втроем с Крыловым. Хвостов уморителен.

23 ⟨октября⟩. ...К Гнедичу. Его беседа поучительна. О народности: фанатизм в Испании, дух рыцарства во Франции — как немцы дурно понимали французский театр.— Крылов, как Дмитревский, никому не говорит правды.— Дмитревский трое суток пересматривал с Крыловым какую-то первую его трагедию и потом сожгли ее исчерненную [1].— Лет двадцать Крылов ездил на промыслы картежные.— Чей это портрет? — Крылова.— Какого Крылова? — Да это первый наш литератор, Иван Андреевич.— Что вы! Он, кажется, пишет только мелом на зеленом столе.

27 ⟨октября⟩. ...У Крылова. О ⟨нрзб.⟩ Дмитревского. Павел встретил и сказал: — Здравствуйте, Иван Андреевич. Здоровы вы? — Он подал ему трагедию «Клеопатра».

Просит «Петра» [2].— Да если ему дать белого, то он перепачкает.

3 ⟨ноября⟩. ...К Крылову, которого застал за своею трагедией и дочел — очень хвалит, наставление об изящной природе (английский сад, красавица с шишкой, падение женщины в обморок и проч.) [3].

ИЗ КНИГИ «ГОД В ЧУЖИХ КРАЯХ (1839)»

ДОРОЖНЫЙ ДНЕВНИК

Новый год встретил я у старого моего товарища князя Одоевского. Было *собрание литераторов*.

⟨...⟩Были там и наши представители, старшие: Крылов, Жуковский, Вяземский, Плетнев.

Разговор, как обыкновенно у нас водится, никак не касался литературы. Если б незнакомый человек попался в общество наших литераторов, он никак не угадал бы, с кем случилось ему говорить: он мог бы почесть их хозяевами, светскими людьми, финансерами, но никак не литераторами. Даже французского языка, противного для меня во всяких русских устах, он наслушался бы вдоволь от наших литераторов. Уже за ужином упросил я Плетнева навесть разговор кое-как на Державина, чтоб выспросить у Крылова, что тот знает об нем. Крылов унесет с собою множество любопытных подробностей русской литературы, коей он почти ровесник. И никто не думает им воспользоваться! Его собственная жизнь как любопытна! Покойный Гнедич хотел написать его биографию, и действительно, живя с ним лет 30 вместе, он знал много любопытных подробностей, но не успел сделать ничего. Потеря невозвратная, потому что сам Иван Андреевич едва ли примется за перо.

М. А. КОРФ

ОТРЫВОЧНЫЕ ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

В давно прошедшие времена, в бытность еще мою в лицее и в первые затем годы, народное самообольщение любило — не на одних только школьных скамьях, но и в печати — приравнивать наших писателей к классическим и иностранным знаменитостям и даже величать первых именами последних. Таким образом, Херасков был непременно русским Гомером, Ломоносов — Пиндаром, Озеров — Расином, Сумароков — Ювеналом и т. д. Впоследствии большее развитие вкуса и более зрелое суждение убедили нас в глубокой еще литературной посредственности нашей, а с тем вместе миновалась и эта ребяческая мания. Но один из писателей, которого мы назвали русским Лафонтеном, сохранил, и за переменою наших понятий, почетное право на этот почетный титул, едва ли даже не превзойдя свой французский образец. Говорю об И. А. Крылове, которого имя не только пользуется общею популярностью в России, но и за границею известно более имен всех других наших писателей. Этот корифей и, вместе, Нестор нашей словесности умер 9 ноября 1844 года, в исходе 8-го часа утра, после четырехдневной болезни. И замечательно, что четыре единственные в то время ежедневные газеты в Петербурге *, вечно во всем между собою враждовавшие, только при возвещании об этой постигшей нас потере соединились в один единодушный отзыв, выражавший вместе и общее мнение всей публики, всей России.

---

* «Полицейские ведомости», № 249; «С.-Петербургские (академические) ведомости», № 259; «Русский инвалид», № 255 и 256 и «Северная пчела», № 258. (*Примеч. авт.*)

Вместе с приглашением к похоронам Крылова рассылался каждому званому и экземпляр его басен в издании 1843 года, к которому припечатан был новый заглавный лист в следующей форме: «Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. Басни И. А. Крылова. С.-Пбург, 1844, 9 ноября 3/4 8-го утром». И приглашения, и эти книжки рассылались от имени душеприказчика покойного, Якова Ивановича Ростовцева, в то время начальника Штаба военно-учебных заведений. Крылов никогда не был женат, но имел дочь, которую выдал за служившего в этом Штабе чиновника. Ростовцев, уже и прежде покровительствовавший последнему, с тех пор стал выдвигать его еще более. Отсюда между начальником и тестем подчиненного установилась приязненная связь, которая еще более скрепилась со смертью, в 1843 году, А. Н. Оленина, многолетнего друга Крылова. Живя последнее время на Васильевском острове *, где жил и Ростовцев, Крылов проводил у него все свои дни. Под конец их он вел жизнь почти чисто прозябательную, славясь между охотниками жирно поесть своим исполинским аппетитом. Самая болезнь, положившая его в гроб, произошла от того, что он объелся каши с маслом, в чем и сам каялся. Не далее как накануне смерти он рассказывал Ростовцеву анекдот совершенно в обычном своем простодушно ироническом роде. «Когда я,— говорил он,— еще в первой моей молодости, в Пугачевщину, был в Оренбургской губернии, мне попался как-то денщик, очень хороших свойств, но всегда чрезвычайно угрюмый. На расспросы мои, отчего бы это происходило, он сознался, что горюет о настоящем своем положении сравнительно с прежним. «Да зачем, братец? Ведь служба царская тоже дело хорошее».— «Оно так, но теперь я гол как сокол, а тогда был человеком богатым: моя семья жила в деревне над озером, где водилось рыбы без счету. Бывало наловишь ее, да навалишь на воз пудов четыреста, и зашибешь хорошую копейку».— «С умом ли ты: можно ли навалить на один воз четыреста пудов?» — «Да ведь рыба-то была сушеная!» — «Так и я, братец Яков Иванович, вообразил, видно, что каша сушеная, да и наклал ее в себя свыше меры».

---

* В 1-ой линии, в доме Блинова, четвертом от Румянцевской площади, где он и умер. (*Примеч. авт.*)

Действительно, от этой несваримой в его лета пищи сделался запор и как его ничем нельзя было превозмочь, то он скоро перешел в антонов огонь [1].

Кроме того редкого и едва ли не единственного в нашей литературе исключения, именно что в приговоре над произведениями Крылова (по крайней мере над его баснями) никогда не было ни гласного, ни затаенного разномыслия, тогда как и Жуковский, и Пушкин имели своих литературных врагов, наш баснописец представлял собою и другое, столь же редкое изъятие в отношении собственно к обществу. На людей, занимавшихся словесностью, в то далекое время масса нашей публики смотрела все еще или как на дилетантов, для которых эти занятия составляли род побочного дела и которых судили и ценили не по их произведениям, а по положению и связям в свете, или почти как ремесленников, правда высшего разряда, но все же ремесленников, промышлявших этим делом, как булочник или портной своим мастерством. В Крылове никто не думал о том, да едва ли многим было известно, что он действительный статский советник, со вторым «Станиславом» (по тогдашнему со звездою), что он числится где-то в службе, что он некогда был столоначальником в Казенной палате, а потом библиотекарем в Публичной библиотеке [2]. Все видели и знали в нем только литератора, но этого *только* литератора уважали и чтили не менее знатного вельможи. Крылов был принят и взыскан в самом высшем обществе, и все сановники протягивали ему руку не с видом уничижительного снисхождения, а как бы люди, чего-нибудь в нем искавшие, хоть бы маленького отблеска его славы. Его столько же любили и в императорском доме, а у императрицы Марии Федоровны и у великого князя Михаила Павловича он был домашним человеком [3]. Скромный и ровный в своем обращении со всеми, он никогда не зазнавался, но ему, думаю, простили бы даже и заносчивость. Не стану распространяться здесь о характере и достоинствах его басен, которые в руках у всех и из которых множество стихов обратилось в народные поговорки и пословицы; но замечу, что они во многом изображение слабостей, странностей, причуд и пороков не только человечества вообще,

но и современного ему общества, так что, в существе, представляют ряд исторических рассказов *.

Примечательно, что тот же самый Крылов, которого каждый стих дышал остроумием и хотя простодушным, можно даже сказать добрым, однако в высшей степени метким сарказмом, в частной беседе и вообще в жизни был только добряком, лишь изредка веселым и шутливым, большею же частию довольно молчаливым и в котором почти никогда не просвечивало и искры едкой иронии, так легко и свободно скользившей из-под его пера. В последние годы своей жизни, перестав почти совсем являться в салонах, он делил свое время между Олениными, Ростовцевым и Английским клубом. Но по временам ему случалось оставаться и дома, и тогда, как сам он мне рассказывал, препровождение дня его было самое оригинальное. После обеда он тотчас ложился совсем в постель, как бы на ночь, и, проспав часа три или четыре, читал в постели же часов до 7 или 8 утра, большею частию романы в русских переводах, не слишком заботясь о том, попадется ли ему под руку первая или прямо вторая и т. д. часть. Затем он принимался снова спать, что продолжалось часу до 2-го перед обедом. В Английском клубе большую, тучную фигуру Крылова, с огромною головою, которой черты совершенно верно переданы в его портретах и бюстах, можно было видеть почти каждую субботу, после обеда, в известной комнате, на известном диване, в известном его углу. С сигарою во рту, старик дремал тут или, по крайней мере, молчал по часам **. Потом, вечером, он неизменно садился играть в трик-трак с тогдашним генерал-аудитором флота, Михаилом Сергеевичем Щулепниковым, тоже немножко стихотворцем и таким же ветхим холостяком; но когда последний умер, то трик-трак исчез из клуба, а вскоре затем исчез и сам Крылов. В прежние годы, до запретительного указа, он был и страстный любитель азартных

---

* Так, в моей «Жизни графа Сперанского» есть намек на значение одной из таких исторических басен: «Квартет» — т. I, стр. 118. (*Примеч. авт.*) [4]

** Впоследствии над этим местом был поставлен бронзовый его бюст, который потом перенесли в новое помещение клуба. (*Примеч. авт.*)

игор, за которыми просиживал целые ночи. Сначала говорили, что он оставил большой каменный дом и до 200 тысяч рублей денег. Но после оказалось, что у него не было ни того, ни другого и в его квартире нашлось всего 400 рублей ассигнациями. Он получал от государя пожизненную пенсию в 12 тысяч рублей ассигнациями и этим одним и жил [5].

Погребение Крылова происходило 13 ноября из тогдашнего временного помещения Исаакиевского собора в Адмиралтействе. К сожалению, это число пришлось в понедельник, день общего собрания государственного совета, и как последнее не было ни отменено, ни отсрочено, то все мы могли присутствовать только на выносе тела из сказанной церкви. Членов царского дома, вопреки чаянию многих, не присутствовало при этой народной церемонии никого, но, за исключением их, собралось к ней все прочее: все Андреевские кавалеры, министры, вся прочая знать, все литераторы по ремеслу и по вкусу — проявление тем более умилительное, что тут не было ни оставшейся семьи, ни тех условных приличий, которые так часто собирают нас к гробам без участия сердца. Колоссальный гроб стоял под балдахином, открытым ⟨...⟩ Вокруг катафалка стоял рой студентов Петербургского университета, назначенных к несению орденов и вообще как бы в виде почетной стражи при знаменитом покойнике. Выносную литию совершал, с многочисленным духовенством, викарный епископ Иустин, который потом предшествовал гробу пешком до Александро-Невской лавры. Здесь священнодействовал уже сам митрополит Антоний, по добровольному на то вызову. Когда положено было похоронить покойного на Лаврском кладбище и Ростовцев явился к митрополиту для испрошения позволения как на это, так и на приглашение к совершению печального обряда *такого-то* архиерея, «а что,— отвечал Антоний,— читали ли вы *последнюю* басню Ивана Андреевича «Вельможа», который, сложив все дела на секретаря, сам ничего не делал и

Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался!

Уж не прочтите ли вы и меня этим же путем в рай, если полагаете, что я уступлю другому честь отдать послед-

ний долг тому, о ком плачет целая Россия». На выносе сказал небольшое надгробное слово известный в то время духовный наш оратор Исаакиевский протоиерей Малов; но оно не прибавило ничего к его славе: говорив, как всегда, без тетради, он вначале видимо оробел, а потом насказал таких вещей, которые не трогали ни ума, ни сердца. Все были им недовольны. Гроб подняли и понесли к колеснице сперва студенты, но потом неожиданно приблизился и понес его в головах граф Алексей Федорович Орлов, которому, разумеется, тотчас нашлось немало подражателей. От церкви потянулись за гробом густые ряды экипажей и еще более густые толпы пешеходов, мигом застлавшие собою всю площадь между Адмиралтейством и Невским проспектом. Русь хоронила одну из своих знаменитостей!.. Отцы и матери провожали добродушного наставника своих детей, дети плакали по своем любимом собеседнике и учителе, весь народ прощался с *своим* писателем, одинаково для всех понятным, занимательным и поучительным. Пробираясь сквозь массы к своей карете, я подслушал разговор двух, судя по одежде, низшего разряда купцов. «Да что, братец,— говорил один другому, видно менее его знавшему или, может быть, новоприезжему из какой-нибудь глуши,— басни-то его правда славные; но главная память его не в этом, а в том, что до него, видишь ты, совсем не было русского языка, вот он взялся да и сделал!..»

К характеристике нашего «дедушки» Крылова, как назвал его впервые, помнится, князь П. А. Вяземский *, надо еще прибавить, что он, подобно «le bonhomme Lafontaine» **, был чрезвычайно рассеян и вообще отличался разными оригинальными проделками.

Многим старожилам, верно, памятен анекдот, ходивший в то время по городу, как однажды, гуляя в зимний день по Невскому проспекту и увидав в проезжавшем дорожном экипаже знакомые лица, наш Иван Андреевич остановил карету и стал спрашивать у сидевших в ней, куда они едут. «В Москву».— «Ах, как я вам зави-

---

* Это как нельзя более удачное название сделалось потом народным эпитетом Крылова и живет до сих пор. (*Примеч. авт.*)

** Старичок Лафонтен (*фр.*).

дую, мне уже давно самому хочется съездить туда».— «Ну чего же! вот у нас пустое место: милости просим с нами».— «А что, вы шутите или в самом деле?» — И Крылов залез в карету и без дальнейших сборов отправился с Невского проспекта прямо в Москву.

Одним из свойств покойного была чрезвычайная его любовь вообще к детям, которых он всегда называл «моя публика». Необычайное множество изданий своих басен он приписывал тому, что они — в руках у детей, а дети не умеют беречь книг 〈...〉

Останки Крылова положены рядом с могилою его друга и товарища по службе (в Публичной библиотеке) Гнедича. При процессии на траурных принадлежностях было вместо герба изображение медали, выченаненной по случаю его юбилея, и перед закрытием гроба министр народного просвещения граф Уваров положил в него один экземпляр этой самой медали. О смерти Крылова были также статьи во всех иностранных газетах, а в Лейпцигской «Иллюстрации» появился и его портрет.

Вскоре после смерти Крылова я встретился с Кукольником и услышал от него, что он занимается, по собственным воспоминаниям и по рассказам других, историческим и анекдотическим комментарием к басням покойного, с которым был в дружбе, после чего думает труд свой, как еще не пригодный для гласности, сложить запечатанным в Академии наук. В числе разных анекдотов, тут же рассказанных Кукольником, одним очень хорошо выразился тот иронический юмор, которым так блещут басни Крылова, но который, как я уже сказал, лишь изредка, и то как бы нехотя, набегал на него в разговоре. Еще за несколько недель до смерти ему на завтраке после публичного акта в каком-то учебном заведении пришлось сидеть насупротив одного молодого офицера. Подали огромную рыбу. Офицер стал рассказывать соседям в общее услышание, что рыба эта, конечно, велика, но все же ничего в сравнении с тою, которую на днях подавали где-то за обедом. «Та,— прибавил он,— была, по крайней мере, так велика, как вот от меня до Ивана

Андреевича».— «Не мешаю ли я вам?» — спросил его с самою простосердечною миною наш старичок, отодвигаясь со стулом от стола. Другой анекдот. Очень задолго перед тем, когда Каратыгин (старший) был еще в театральном училище, Крылов, превосходно читавший, обучал там русской словесности и декламации[6]. Ученики заметили, что преподаватель их, обыкновенно веселый, приветливый и снисходительный, иногда является в класс чрезвычайно угрюмым и тогда, против обычая, строг и взыскателен. Разными путями мальчики выведали наконец, что это бывает в те дни, когда он много проиграет в банк, и на этом, с школьною догадливостью, основали свой план атаки или, лучше сказать, защиты. Как только любезный их учитель придет пасмурным и сердитым, все повесят носы и даже расплачутся, так что напоследок он начнет их расспрашивать, что с ними сделалось? «Мы играли тайком в карты,— отвечают они,— как вдруг начальник поймал нас на деле, и теперь все мы боимся строгого наказания». И после этого, бывало, Крылов, в тайном сознании и симпатии одинаковой вины, тотчас сделается мягок как воск и добр к своим слушателям до слабости.

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

Эта женщина ⟨вел. кн. Елена Павловна⟩ счастлива только тогда, когда она может кого-нибудь унизить; она решила, что должна забавлять государя, так как императрица умеет якобы только танцевать сама и заставлять других танцевать. Она придумала костюмированный бал и присудила мне роль шутихи. Я должна была войти, приплясывая и созывая свою свиту. На репетиции в утреннем платье я никак не могла показать образчик своего уменья. Она послала ко мне великого князя, бедного великого князя, который умолял меня пойти ей навстречу. Я просила ей передать, чтобы она была спокойна, что в костюме и под румянами я справлюсь со своей ролью. Между тем я вызвала театрального костюмера с рисунками и смастерила себе костюм с зубцами,— желтыми и красными, и фригийской шапочкой; все это с бубенцами, белокурым париком и красными башмаками на каблуках. Войдя бегом, я стала говорить глупости о безумии, о той радости, которое оно доставляет, и позвала свою свиту: все белокурые в голубых туалетах, они исполнили танец под музыку Глюка. Когда я входила, императрица сказала: «Кто это и что это? Боже, да это Черненькая». «Да, это я, в. в.».— Но посмотрите, что было дальше и вызвало лишь легкую усмешку. Поэт Крылов, Юсупов и длинный Панин в трико с венками роз на головах были ужасны, и я не думала, что мужчины могут позволить делать над собой такие бессмысленные глупости; я слышала, что граф Нессельрод был возмущен, что ему предложили принять в этом участие [1]. ⟨...⟩

Зимой 40-го года Гоголь провел месяц или два в Петербурге. Гоголь обедал у меня с Крыловым, Вяземским,

Плетневым и Тютчевым. Для Крылова всегда готовились борщ с уткой, салат с пшенной кашей или щи и кулебяка, жареный поросенок или под хреном. Разговор был оживленный. Раз говорили о щедрости к нищим. Крылов утверждал, что подаяние не есть знак сострадания, а просто дело эгоизма. Жуковский противоречил[2]. 〈...〉

Весьма немногие знают, что Крылов страстно любил музыку, сам играл в квартетах Гайдна, Моцарта и Бетховена, но особенно любил квартеты Боккерини[3]. Он играл на первой скрипке. Тогда давали концерты в Певческой школе. В первом ряду сидели — граф Нессельрод, который от восторга все поправлял свои очки и мигал соседу, князю Иллариону Васильевичу Васильчикову, потом сидел генерал Шуберт, искусный скрипач и математик. Все математики любят музыку. Это весьма естественно, потому что музыка есть созвучие цифр. Во втором ряду сидела я и Карл Брюллов. Когда раз пели великолепный «Тебя, бога, хвалим», который кончается троекратным повторением «аминь», Брюллов встал и сказал мне: «Посмотрите, ажно пот выступил на лбу». Вот какая тайная связь между искусствами! Когда четыре брата Миллеры приехали в Петербург, восхищению не было конца. Они дали восемь концертов в Певческой капелле, играли самые трудные концерты Бетховена. Никогда не били такт, а только смотрели друг на друга и всегда играли в tempo. Казалось, что был один колоссальный смычок. После обедни в большой церкви в Зимнем дворце, где пели певчие, начиналось пение. Я ездила на эти концерты. Это был праздник наших ушей. Илларион Васильевич Васильчиков говорил: «Важные, чудесные квартеты Бетховена, а я все-таки более люблю скромные квартеты старичка Боккерини. Помнишь, Иван Андреевич, как мы с тобой играли их до поздней ночи?»[4]

И. А. Крылов. Гравюра Каина 1825 г. с неизвестного оригинала начала XIX в.

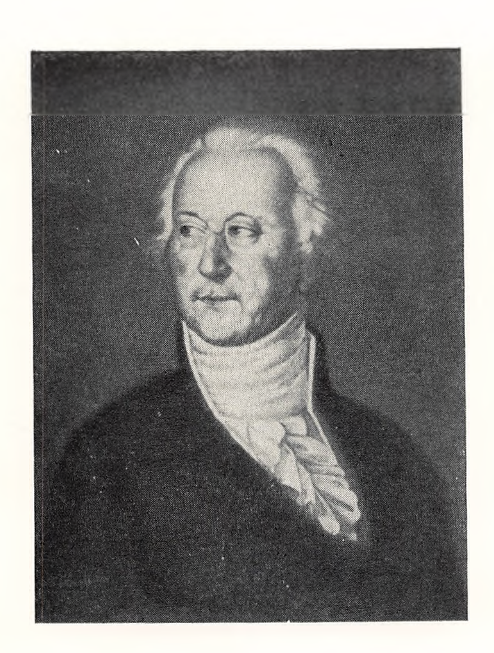
Тверь. Гравюра по рисунку М. Дамам — Демартре. Начало XIX в.

Петербург. Большой (Каменный) театр. Гравюра Б. Патерсена. Начало XIX в.

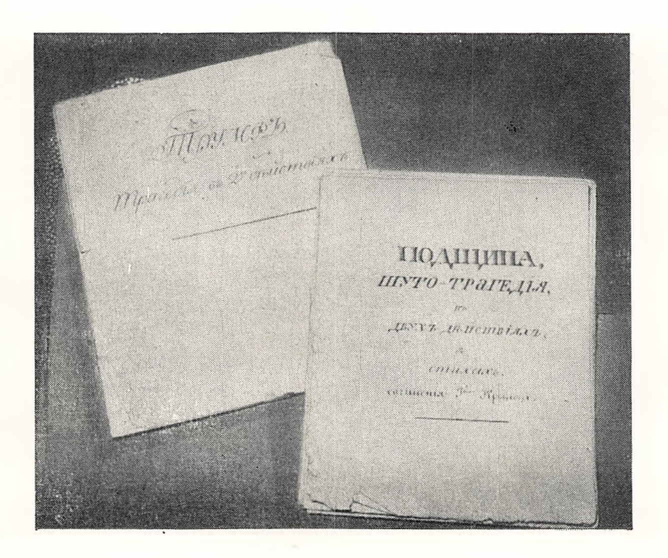
Пьеса Крылова «Проказники», опубликованная в «Российском феатре» в 1793 г.

Петербург. Вид на Царицын луг и Летний сад.
Акварель неизвестного художника. Начало XIX в.

Журнал Крылова «Почта духов»

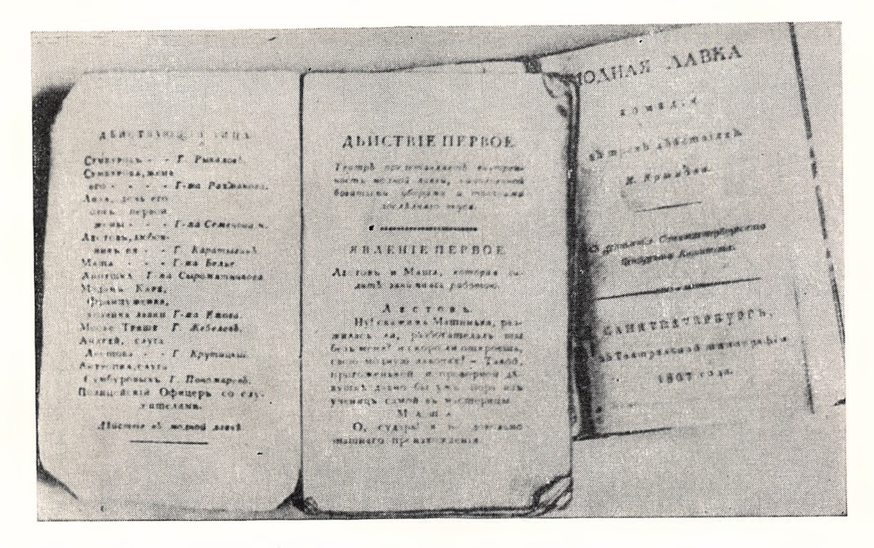
И. А. Дмитревский. Портрет работы неизвестного художника. Конец XVIII в.

Пьеса Крылова «Подщипа, или Трумф». Списки

Л. А. Шаховской. Портрет работы неизвестного художника. Начало XIX в.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ОДНАЯ ЛАВКА

Комедия Крылова «Модная лавка». Первое издание

Петербург. Набережная Фонтанки у дома Г. Р. Державина.
Литография. 1820-е гг.

И. А. Крылов. Рисунок О. Кипренского. 1810-е гг.

Петербург. Здание Публичной библиотеки на Невском проспекте. Гравюра. Начало XIX в.

Басни И. А. Крылова. Издание 1815 г.

◀

Приютино. Усадьба Олениных. Рисунок Ф. Солнцева. 1820-е гг.

И. А. Крылов и П. А. Оленин. Рисунок О. Кипренского. 1810-е гг.

Гостиная Олениных. Рисунок неизвестного художника. 1820-е гг.

◀

А. Н. Оленин. Рисунок О. Кипренского. 1810-е гг.

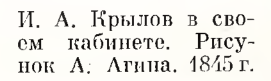

И. А. Крылов на прогулке. Рисунок А. Агина. 1845 г.

◀

И. А. Крылов в своем кабинете. Рисунок А. Агина. 1845 г.

Кабинет Крылова. Гравюра. 1830-е гг.

На Сенатской площади 14 декабря 1825 г.
Акварель К. Кольмана. 1820-е гг.

Басни Крылова. Издание 1825 г. Портрет-гравюра
по рисунку П. А. Оленина

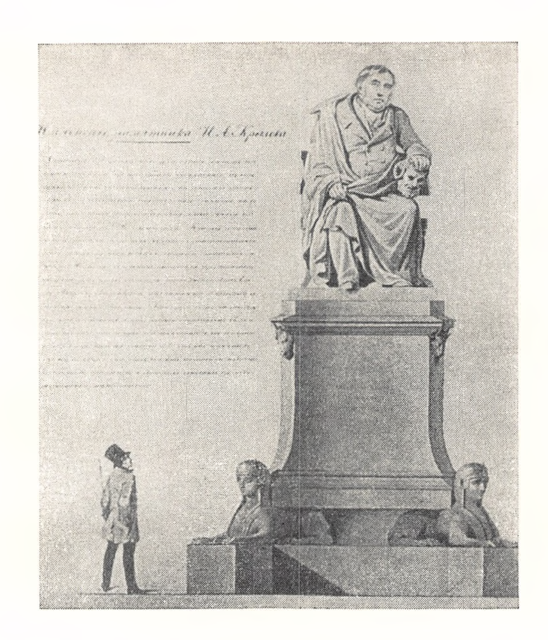
Собрание у В. А. Жуковского. Картина А. Мокрицкого и др. 1830-е гг.

Новоселье А. Ф. Смирдина. Рисунок А. Брюллова. 1832 г.

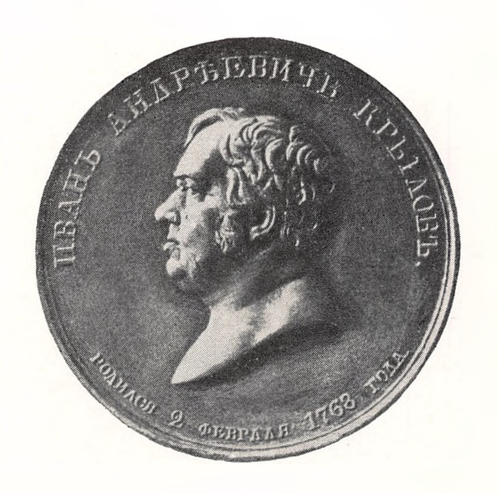

Петербург. Дом Энгельгардта на Невском проспекте, где 2 февраля 1838 г. праздновался юбилей Крылова. Фрагмент панорамы Невского проспекта В. Садовникова. 1830-е гг.

Проект памятника Крылову. Скульптор И. Теребенев. Вторая половина 1840-х гг.

Медаль в честь юбилея Крылова. 1838 г.

Петербург. Первая линия Васильевского острова. Здесь с 1841 г. жил Крылов. Литография. 1820-е гг.

И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич. Этюд Г. Чернецова. 1832 г.

В. П. ЗАВЕЛЕЙСКИЙ

ИЗ ЗАПИСОК «ВЫДЕРЖКИ ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА НА ПАМЯТЬ»

Знаменитого баснописца нашего И. А. Крылова я видывал очень часто, почти ежедневно, в течение трех лет, когда я служил в канцелярии министра. Я ходил в канцелярию из 12-й роты Измайловского полка через Сенную площадь и потом по Большой Садовой, по Гостиному двору; Крылов тогда жил возле императорской Публичной библиотеки и всегда лежал в одном из окон второго этажа, иногда без фрака, в одной жилетке, на подушке и посматривал на ходящий и езжущий народ и на кучи голубей, которые смело бродили тут и выпархивали из-под ног людей и лошадей. Я думаю, что тут родилась не одна чудесная басня дедушки Крылова ⟨...⟩

Однажды, когда я служил в департаменте внешней торговли, я встретился с славным нашим баснописцем на Дворцовой площади у Александровской колонны. Колонна стояла тогда вся еще в лесах и закрытая холстом: ее полировали [1]. Подходя к ней, я догнал высокого и массивного на вид человека в коричневом или кофейном сюртуке, с круглою шляпою на голове и с толстою палкою, которая лежала у него на самом изгибе талии, а обе руки его заложены были за палку. Человек этот довольно скоро шел прямо к тому месту пьедестала колонны, откуда начинается лестница и вход на подмостки, я ускорил шаг, человек этот, поставя ногу на первую ступень лестницы, оглянулся — и я узнал Крылова. Не будучи знаком с ним, я, однако ж, снял почтительно шляпу и поклонился нашему славному поэту. Он так приветливо взглянул на меня, что я влюбился в его ласковую улыбку. Он спросил меня: «И вы тоже наверх?» Я отвечал: «Да-с!» Он взял свою палку в правую руку, а левою, как

бы приглашая меня, указал наверх. Я пропустил его вперед и шел за ним до самых верхних подмосток. Взойдя на площадку, он остановился и окинул взглядом вокруг. Там, на углах подмосток, сидя на стульях перед столиками, два молодых художника что-то рисовали на больших листах бумаги, наклеенных на досках. Они встали и тоже почтительно поклонились Крылову. Он что-то сказал им, но я не расслышал: тут ветер шумел порядочно. Мы любовались молча видами вдаль и начали спускаться вниз. На половине лестницы Крылов спросил меня: «Вы служите у Канкрина?» Я был в вицмундирном фраке, и поэтому он узнал министерство, в котором я служу. Я отвечал: «Да-с! Я служу в департаменте внешней торговли, помощником столоначальника». Нельзя же было не похвастать перед таким лицом! Знайте, мол, что и я не последняя спица в колеснице. Он сказал: «А, знаю, там славный директор — Бибиков! Знаю!» Мы сошли на мостовую площади. Крылов пошел на Невский, а я поворотил к Адмиралтейскому бульвару...

И. Т. ЛИСЕНКОВ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ О КНИГОПРОДАВЦАХ И АВТОРАХ»

В Москве, в 1826 году, по окончании праздников коронации государя Николая Павловича, осенью, Матвей Петрович Глазунов новому своему приказчику Лисенкову поручил заведовать его книжным магазином в С.-Петербурге, куда Лисенков и отправился вслед за выездом государя императора. Лисенков прибыл в Петербург к своему посту и старательно выполнял все поручения по торговле десять лет, а в 1836 году открыл собственную свою торговлю в доме Пажеского корпуса, где и занимал магазин 37 лет [1]. Литераторы во все это время делали свои посещения: И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. Ф. Воейков, А. С. Пушкин, Вл. Иг. Соколовский, журналисты и многие другие. Крылов заходил справляться, не получены ли новые сочинения Александра Афимьевича Орлова из Москвы, посредственного повествователя русских нравов среднего класса народа. Сочинения Орлова занимали Крылова любознательностью выражений русских редких слов, но весьма метких в его писаниях, а Ивану Андреевичу нужно было заимствовать меткие слова для басен своих; но как долго московская цензура медленно высылала произведения московские, а Иван Андреевич видел из газет, но в императорской Публичной библиотеке, где он был библиотекарем, не было, а в публике Орлова читали [2]. Гнедич знаком был с Лисенковым и поручил ему продавать свое первое издание «Илиады», большой формат, напечатанное ему Академией наук в подарок в его пользу, а впоследствии издания 2-е и 3-е принадлежали Лисенкову по акту. Пушкин посещения делал к Лисенкову довольно часто, когда издавал журнал «Современник»; ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в его журнале.

Н. М. КОЛМАКОВ

РАССКАЗЫ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

I

И. А. Крылов в последних годах своей жизни почасту обедал у гр. Софьи Владимировны Строгановой, урожденной княжны Голицыной, умершей 5 марта 1845 года[1].

В тот день, когда Крылов предполагал обедать у графини, он сам или посланный его заезжал обыкновенно утром в ее дом (на Невском проспекте, у Полицейского моста) и объявлял об этом швейцару. Само собою разумеется, что такое заявление тотчас докладывалось графине и было некоторым образом выражением того, чтобы к обеду непременно были кулебяка и щи. Кушанья сии, по замечанию Ивана Андреевича Крылова, были самые удобоваримые для его простой русской натуры.

В столовой графини, над самым обеденным столом, висело несколько люстр, украшенных довольно крупными хрустальными гранями, старинной работы. На гранях сих отсвечивал солнечный свет самыми разнообразными радужными цветами.

Во время обеда, в котором участвовал Иван Андреевич, посетители графини вели разговор о том, хорошо ли сделал император Петр Великий, что основал Петербург, и не станет ли город этот, при дальнейшем своем существовании, вопреки желанию своего основателя, подвигаться постройками далее вверх по реке Неве. Спор был довольно жаркий и, разумеется, как всегда при споре, одни были одного мнения, а другие другого. Иван Андреевич все время молчал и усердно трудился над своей кулебякой. Графиня Софья Владимировна, как бы желая вовлечь его в разговор, выразила ему свое удивление о том, что такой важный предмет, как постройка

Петербурга, подвергается с давнего времени столь разнообразным и многосторонним толкам.

«Ничего тут нет удивительного,— возразил совершенно спокойно Иван Андреевич,— и чтобы доказать вам, что я говорю истину, прошу вас, графиня, сказать, какого цвета вам кажется вот эта грань»,— спросил он, указывая на одну из граней люстры, висевшей над столом. *«Оранжевого»*,— отвечала графиня. «А вам?» — спросил Иван Андреевич гостя, сидевшего с левой стороны графини. *«Зеленоватый»*, — отвечал последний. «А вам?» — продолжал Иван Андреевич, указывая на гостя, сидевшего направо от графини. *«Фиолетовый»*.— «А мне,— заключил он,— *синий*». Все умолкли. Удивление выразилось на лицах гостей, потом все засмеялись. «Все зависит от того,— сказал Иван Андреевич, принимаясь снова за кулебяку,— что все мы, хотя и смотрим на один и тот же предмет, да глядим-то с разных сторон».

После сего разговор о Петербурге не продолжался.

Здесь кстати нелишним считаю сказать, что когда Крылов обедал у гр. С. В. Строгановой, то все гости и домашние непременно должны были говорить по-русски. Это было законом. Если же кто-либо невзначай нарушал его, то графиня тотчас останавливала нарушителя.

После обеда И. А. Крылов нередко читал свои басни последнего сочинения. Пишущий сии строки слышал «Кукушку и Петуха» и «Вельможу».

II

Хозяин дома, в котором Крылов нанимал квартиру, составил контракт и принес ему для подписи.

В этом контракте между прочим написано было, чтобы он, Крылов, был осторожен с огнем, а буде, чего боже сохрани, дом сгорит по его неосторожности, то он обязан тотчас заплатить стоимость дома, именно 60 000 руб. асс.

Крылов подписал контракт и к сумме 60 000 прибавил еще два нуля, что составило 6 000 000 руб. асс.

«Возьмите,— сказал Крылов, отдавая контракт хозяину.— Я на все пункты согласен, но, для того чтобы вы были совершенно обеспечены, я вместо 60 000 руб. асс. поставил 6 000 000. Это для вас будет хорошо, а для меня все равно, ибо я не в состоянии заплатить ни той, ни другой суммы».

Об этом я слышал из уст самого Крылова.

III

И. А. Крылов рассказывал графине С. В. Строгановой, что первая журнальная похвала на его какое-то сочинение имела на него громадное влияние. «Скажу вам откровенно,— говорил он,— в молодости я был ленив, да и теперь, признаться, не могу избавиться от этого. Раз я что-то написал: журнал, который разбирал мой труд, похвалил; это меня заохотило, и я начал трудиться. Сделал ли я что-либо или нет, пускай судит потомство; только думаю, что, не похвали меня тот журнал, не писал бы Иван Крылов то, что он написал впоследствии» [2].

IV

Современники Крылова рассказывают, что многие оригинальные басни его написаны были большею частию по какому-либо известному случаю из тогдашней жизни. Известно ли это теперь всем или нет, не знаем, но нельзя не заметить, что чрезвычайно любопытно было бы собрать и объяснить сии случаи, и тогда смысл басен Крылова получил бы особое значение. Чтобы подать сему добрый пример, я решаюсь сказать, что знаю от современников Крылова.

1. Басня «Василек» написана была по тому поводу, что блаженной и вечной памяти императрица Мария Федоровна обратила на талант Крылова свое внимание.

2. «Квартет» написан был по поводу какого-то комитета *.

3. Басня «Кот и Щука» написана была на адмирала Чичагова, командовавшего в 1812 году Дунайскою армиею и князя Кутузова-Смоленского. Вероятно, известно читателю, что арьергард армии Чичагова при г. Борисове имел неудачное дело с французами и сам Наполеон успел прорваться сквозь Дунайскую армию при Березине.

4. Кукушка и Петух, выхваляющие себя в басне, изображают Н. И. Греча и друга его Ф. В. Булгарина. Лица сии в журналах тридцатых годов восхваляли друг друга до забвения или, как говорят, до бесчувствия.

Объяснение это я слышал от самого И. А. Крылова.

* По другим, более точным свидетельствам, басня «Квартет» написана на первое заседание Государственного совета. (*Примеч. авт.*)

Пример мой, может быть, подвинет и других лиц, для коих дорого все то, что относится до сохранения в потомстве преданий прошлого времени.

V

Графиня С. В. Строганова однажды спросила Крылова, зачем он не пишет более басен? «Потому,— отвечал Крылов,— что я более люблю, чтобы меня упрекали, для чего я не пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили, зачем я пишу».

ИЗ «ОЧЕРКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ»

Много было личностей, гулявших по Невскому и кои уже давно отошли в вечность, всех не перечтешь, но мы остановимся еще в особенности на одной из них.

Вот медленными шагами она идет на левой стороне улицы, по направлению от Публичной библиотеки к Полицейскому мосту, в синей шинели с несколькими воротниками. Голова его большая, с вьющимися седыми волосами, лицо белое, широковатое и с доброю улыбкою на устах. Простой народ и в особенности извозчики, встречая его, снимают шапки и почтительно кланяются. Это Иван Андреевич Крылов. Он идет в Английский клуб, помещавшийся тогда на Мойке, за Красным мостом, в доме Демидова. Почасту по дороге он заходил в дом графини Софии Владимировны Строгановой, чтобы объявить ей через швейцара, что в такой-то день он будет у ней обедать. Но на дороге он остановился, видимо заинтересованный следующею сценою: ехал экипаж и в упряжи лошадей что-то испортилось. Кучер, правивший ими, закричал: «Эй ты, земляк! Подь сюда, поправь там, видишь?»

Встречный охотно подошел к нему и начал, как знал, поправлять, но делал как-то неумело. Кучер, видя это, без всякой церемонии ругнул его. «Эх ты! — говорит он.— И этого-то не умеешь сделать, болван!» — прибавил он.

Поправка, однако же, кончилась благополучно, кучер уехал, не сказав пособнику даже спасибо.

Крылова это поразило.

Придя к графине, он рассказывал: «Вот какой народ наш добродушный! Подозвал чужого человека, заставил его делать чужое дело, выругал и, не сказав спасибо, уехал! А ведь немец не такой! — заключил Крылов.— Тот даже и не подошел бы поправлять...»

А. В. НИКИТЕНКО

ИЗ «ДНЕВНИКА»

1835. Февраль. 9.

Был у нашего знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова. Он взял на себя редакцию «Библиотеки для чтения» вместо Греча, который после неприятной истории за стихи В. Гюго и за «Роберта-дьявола» отказался от редакции [1].

Этот «Роберт» наделал много хлопот Гречу. Он, то есть Греч, поместил в «Северной пчеле» содержание этой оперы в том виде, как она существует на французском языке. Но на нашем театре она, по распоряжению самого государя, играется с некоторыми изменениями. Его величество велел сказать ему за это, что еще один такой случай — и Греч будет выслан из столицы.

Комнаты Крылова похожи больше на берлогу медведя, чем на жилище порядочного человека. Все: полы, стены, лестница, к нему ведущая, кухня, одновременно служащая и прихожей, мебель,— все в высшей степени неопрятно. Его самого я застал на изорванном диване, с поджатыми ногами, в грязном халате, в облаках сигарного дыма. Он принял меня очень вежливо, изъявил сожаление о моем аресте и начал разговор о современной литературе. Вообще он очень умен. Суждения его тонки, хотя отзывают школою прошлого века. Но на всем, что он говорил, лежал отпечаток какой-то холодности. Не знаю, одушевлялся ли он, когда писал свои прекрасные басни, или они рождались из его ума наподобие шелковых нитей, которые червяк бессознательно испускает и мотает вокруг себя. Он жалуется на торговое направление нынешней литературы, хотя сам взял со Смирдина

за редакцию «Библиотеки для чтения» десять тысяч рублей. Правда, он не торгует своим талантом, ибо может быть уверенным, что он ничего не будет делать для журнала. Однако он пускает в ход свою славу: Смирдин дает ему деньги за одно его имя ⟨...⟩

1844. Октябрь. 22.

Обедал у Мартынова, Саввы Михайловича. Он дружен с Крыловым и, между прочим, рассказал мне о нем следующее. Крылову нынешним летом вздумалось купить себе дом, где-то у Тучкова моста, на Петербургской стороне. Но, осмотрев его хорошенько, он увидел, что дом плох и потребует больших переделок, а следовательно, и непосильных затрат. Крылов оставил свое намерение. Несколько дней спустя к нему является богатый купец (имени не знаю) и говорит:

— Я слышал, батюшка Иван Андреич, что вы хотите купить такой-то дом?

— Нет,— отвечает Крылов,— я уже раздумал.

— Отчего же?

— Где мне возиться с ним? Требуется много поправок, да и денег не хватает.

— А дом-то чрезвычайно выгоден. Позвольте мне, батюшка, устроить вам это дело. В издержках сочтемся.

— Да с какой же радости вы станете это делать для меня? Я вас совсем не знаю.

— Что вы меня не знаете — это не диво. А удивительно было бы, если б кто из русских не знал Крылова. Позвольте же одному из них оказать вам небольшую услугу.

Крылов должен был согласиться, и вот дом отстраивается. Купец усердно всем распоряжается, доставляет превосходный материал; работы под его надзором идут успешно, а цены за все он показывает половинные — одним словом, Иван Андреевич будет иметь дом отлично отстроенный, без малейших хлопот, за ничтожную, в сравнении с выгодами, сумму [2].

Такая черта уважения к таланту в простом русском человеке меня приятно поразила. Вот что значит народный писатель! Впрочем, это не единственный случай с Крыловым. Однажды к нему же явились два купца из Казани,

— Мы, батюшка Иван Андреич, торгуем чаем. Мы наравне со всеми казанцами вас любим и уважаем. Позвольте же нам ежегодно снабжать вас лучшим чаем.

И действительно, Крылов каждый год получает от них превосходного чая такое количество, что его вполне достаточно для наполнения пространного брюха гениального баснописца.

Прекрасно! Дай бог, чтобы подвиги ума ценились у нас не литературной кликой, а самим народом.

А. И. АНДРИАНЕНКО

ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

Я видела много раз Ивана Андреевича Крылова, но знакома с ним не была. Был знаком с ним покойный мой муж, он мне многое рассказывал о Крылове. Теперь у нас 1907 год,— значит, мне девяносто два года. Я — урожденная Беляева, мой отец был лекарь, а по замужеству моя фамилия Андрианенко. Покойный мой муж, Иван Иванович Андрианенко, служил канцеляристом у графа Сергея Семеновича Уварова, когда тот был министром народного просвещения, и жили мы в квартире у графа.

Иван Андреевич Крылов очень часто бывал в гостях у гр. Уварова и в его семье чувствовал себя, как дома, и держался всегда не стесняясь, непринужденно. Я вместе с другими часто выбегала посмотреть на знаменитого баснописца [1].

Зал был большой, в два света; мы с хор смотрели, как ходил Крылов по залу, то с Уваровым, то с кем-нибудь из гостей, либо с дамой, либо с митрополитом, либо с молоденькой девушкой, либо с кем-нибудь из мужчин, кто с ним хотел поговорить. И, видно было, всякого он умел рассмешить.

А чаще он в гостиной в ленивой позе полулежал на алжирском диване. Захочется ему чего-нибудь пить или покушать, он не ожидает общего стола, а сам идет к прислуге, спрашивает, что ему угодно, и тут же пьет и закусывает.

Больше, помнится, он любил длинный сюртук, и всегда я видела его в белом голстуке. Нижнюю губу он немножко выпячивал вперед, как будто немножко презрительно, как будто немножко насмешливо; часто добро-

душно улыбался. Манера ходить у него была такая, что косматая его голова вперед выдавалась, и еще такая, что он казался как будто сутуловатым. И по внешности своей был очень оригинален. Недаром Пушкин его назвал в одном из своих писем:

«Крылов — преоригинальная туша...» [2]

Да, он был грузный, массивный,— именно, туша... и зато — добродушный, веселый, и все находили — в высшей степени остроумный.

У гр. Уварова бывала и великая княгиня Елена Павловна; и она, и дочь Уварова очень любили разговаривать с Крыловым, и он их много смешил.

Мне рассказывал муж много острот Крылова, которые он сам слышал непосредственно или ему были известны через других, но я уже все это перезабыла. Только помню одну его неприличную, но добродушную выходку на митрополита, когда тот пристал к нему, чтобы сказал ему Крылов какой-нибудь стих-экспромт...

Часто видела Ивана Андреевича Крылова, как он подъезжал в карете: выйдет в длинном пальто и в высоком, неуклюжем цилиндре, по моде того времени, или в мягкой шляпе, иногда с толстой камышовой палкой. Приезжал он и на извозчичьих дрожках, а иногда, должно быть для шалости, подъезжал, сидя верхом на извозчичьей линейке, какие тогда существовали. В такой позе он казался особенно массивным и забавным.

Хорошо помню, что все его знали как очень доброго, очень милого и очень умного человека.

Мне жаль теперь, что я не записала в то время всего, что о нем знала...

Вот видите, как мало я смогла рассказать вам об этом великом человеке.

А. Н. МУРАВЬЕВ

ИЗ КНИГИ «ЗНАКОМСТВО С РУССКИМИ ПОЭТАМИ»

В доме родственной мне графини Канкриной, урожденной Муравьевой, имел я случай познакомиться с другим знаменитым поэтом, баснописцем Крыловым. Небрежный в своей одежде, неловкий в телодвижениях, он был чрезвычайно забавен в своих речах, в которые нечаянно у него прорывались как бы некие афоризмы. Однажды за столом, когда долго говорили о сибирских рудниках и о том, что добываемое золото наших богачей лежит у них как мертвый капитал, Крылов внезапно спросил: «А знаете ли, граф, какая разница между богачом и рудником?» — «А какая, батюшка?» — возразил граф. «Рудник хорош, когда его разроют, а богач, когда его зароют».

В другой раз, гуляя с приятелем по Невскому, где только что устроены были широкие тротуары, хвалился он, что теперь такое удобство для пешеходов, что даже извозчики более не нужны. В эту минуту подъехал к нему «ванька» с предложением подвезти. Важно посмотрел на него Крылов и спросил: «А что ты мне за это дашь?»

Была у него однажды рожа на ноге, которая долго мешала ему гулять, и с трудом вышел он на Невский. Вот едет мимо приятель и, не останавливаясь, кричит ему: «А что рожа, прошла?» — Крылов же вслед ему: «Проехала!»

Но он был чрезвычайно скромен в отношении своего таланта, как и все великие писатели, чувствующие свое достоинство. Однажды у Канкриных, думая ему польстить, стали перечислять, как много уже вышло изданий его басней. «А что мудреного? — отвечал Крылов,— басни писаны для детей, а дети все рвут книжки, и приходится опять печатать».

Н. М. ЕРОПКИНА

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

Иван Андреевич Крылов был старинным знакомым твоего дедушки. Не знаю, как это случилось, но в молодости Александр Михайлович Тургенев помог Крылову определиться учителем в семью кн. Голицына [1]. Крылов до получения этого места бедствовал, и оказанная протекция явилась своего рода благодеянием, так как дала ему возможность развить свой талант. Вероятно поэтому Крылов, обращаясь к дедушке, говорил иногда: «Благодетель мой Александр Михайлович».

В свою очередь, Крылов оказывал дедушке покровительство в Публичной библиотеке, где служил и куда А. М. Тургенев частенько заглядывал.

Дружбы особой между ними не было,— они были скорее хорошие знакомые. Крылов хаживал к нам редко, но всегда к обеду и по приглашению. Я знала его уже стариком и не могу сказать, чтобы вид его был очень привлекателен. Одежда была всегда помятая и не особенно опрятная — в пятнах, лицо обрюзглое. Вся фигура походила на тушу, и я с трепетом смотрела всегда на кресло, когда грузно вваливался он в него. Но в глазах Крылова светился юмор, и загорались они насмешливым огоньком, когда он спорил или читал свои басни. Вероятно, в молодости был он много живее и интересней.

Появление его у нас происходило так: Александр Михайлович обыкновенно деловито заявлял: «Был у меня сегодня Крылов и, уходя, без обиняков напомнил: «А знаете, Александр Михайлович, ведь в этом году я у вас еще не обедал...» Отсюда логический вывод — следует пригласить,— что я и сделал на такое-то число».

Начинались хлопоты. Александр Михайлович был большой хлебосол, и у него была отличная кухарка Александра Егоровна, которая жила у него 45 лет; часто обедали у нас и без приглашения, но накормить Крылова всласть,— а дедушка иначе не допускал,— вызывало много забот.

Во-первых, нужно было пригласить подходящую компанию; во-вторых, готовить обед в тройном или четверном количестве. Аппетит у Крылова был чудовищный, болезненный. Меню составлялось из самых тяжелых, сытных кушаний. Обедали тогда рано, в 5 часов. Крылов аккуратно появлялся в половине пятого. Перед обедом он неизменно прочитывал две или три басни. Выходило у него прелестно. Особенно удавалась ему лиса, которая напевала на особый лад. Вообще все звери говорили иначе, и выходило очень забавно. Только мораль читал Иван Андреевич своим голосом. Лучше всего выходила у него «Демьянова уха».

Приняв расточаемые со всех сторон похвалы как нечто обыденное и должное, Крылов водворялся в кресло — и все внимание его было обращено теперь на дверь в столовую. Если обед запаздывал, он осторожно заглядывал в свой великолепный брегет,— подарок царя или царицы, не помню,— а иногда доносился и звон часов. Александр Михайлович улыбался и нам подмигивал. Но вот наступала торжественная минута: лакомая дверь растворялась и раздавался голос Емельяна: «Обед подан».

Иван Андреевич быстро поднимался с легкостью, которой и ожидать от него нельзя было, оправлялся и становился у двери. Вид у него был решительный, как у человека, готового наконец приступить к работе. Скрепя сердце пропустив вперед дам, он первый следовал за ними и направлялся к своему месту. Он всегда сидел по правую руку от меня, а я помещалась, как хозяйка, против Александра Михайловича. За стулом Крылова уже стоял Емельян.

Емеля́ — Емельянушка — Емельян был киргиз-сирота, которого дедушка окрестил и вывез из Астраханской губернии, где был одно время губернатором. Емеля было его будничное имя; Емельянушкой называли его, когда были им довольны. «Иди спать, Емельянушка,— говорил ему по вечерам дедушка,— мне ничего больше не надо». В случае же недовольства или если поручали ему какое-нибудь серьезное дело, звали его Емельяном. Так и на

этот раз Александр Михайлович обратился к нему пред обедом: «Смотри, Емельян, чтобы Иван Андреевич у меня голодным из-за стола не вышел...»

И вот Емеля бережно подвязывает Крылову салфетку под самый подбородок, а вторую расстилает на колени.

Я отлично помню этот последний обед Крылову. Была уха с расстегаями, которыми обносили всех, но перед Иваном Андреевичем стояла глубокая тарелка с горою расстегаев. Он быстро с ними покончил и после третьей тарелки ухи обернулся к буфету. Емеля знал уж, что это значит, и быстро поднес ему большое общее блюдо, на котором оставался еще запас.

За обедом Иван Андреевич не любил говорить, но, покончив с каким-нибудь блюдом, под горячим впечатлением высказывал свои замечания. Так случилось и на этот раз. «Александр Михайлович, а Александра-то Егоровна какова! Недаром в Москве жила: ведь у нас здесь такого расстегая никто не смастерит — и ни одной косточки! Так на всех парусах через проливы в Средиземное море и проскакивают. (Крылов ударял себя при этом ниже груди.) Уж вы, сударь мой, от меня ее поблагодарите. А про уху и говорить нечего — янтарный навар... Благородная старица!»

Телячьи отбивные котлеты были громадных размеров,— еле на тарелке умещались, и половины не осилишь. Крылов взял одну, затем другую, приостановился и, окинув взором обедающих, быстро произвел математический подсчет и решительно потянулся за третьей... «Ишь, белоснежные какие! Точно в Белокаменной»,— счастливый и довольный поведал он. Покончить умудрился он раньше других и, увидев, что на блюде остались еще котлеты, потребовал от Емели продолжения.

Громадная жареная индейка вызвала неподдельное восхищение. «Жар-птица! — твердил он и, обратившись ко мне, жуя и обкапывая салфетку, повторял: — У самых уст любезный хруст... Ну и поджарила Александра Егоровна! Точно кожицу отдельно и индейку отдельно жарила. Искусница! Искусница!..»

Но вскоре новая радость. Крылов очень любил всякие мочения. Дедушка это знал и никогда не забывал угодить ему в этом. И вот появились нежинские огурчики, брусника, морошка, сливы...— «Моченое царство, Нептуново царство!» — искренно радовался Крылов, как вишни проглатывая огромные антоновки.

Обыкновенно на званом обеде полагалось в то время четыре блюда, но для Крылова прибавлялось еще пятое. Три первых готовила кухарка, а для двух последних Александр Михайлович призывал всегда повара из Английского собрания. Артист этот известен был под именем Федосеича. Дедушка знал его еще по Москве, где служил Федосеич одно время у родственника нашего Павла Воиновича Нащокина. В Английском собрании считался Федосеич помощником главного повара и давно бы занял его место, если бы не запой, которым страдал он, как многие талантливые русские люди.

Появлялся Федосеич за несколько дней до обеда, причем выбирались два блюда. На этот раз остановились на страсбургском пироге и на сладком — что-то вроде гурьевской каши на каймаке. «Ну и обед,— смеялся Александр Михайлович,— что твоя Китайская степа!»

Федосеич глубоко презирал страсбургские пироги, которые приходили к нам из-за границы в консервах. «Это только военным в поход брать, а для барского стола нужно поработать»,— негодовал он,— и появлялся с 6 фунтами свежайшего сливочного масла, трюфелями, громадными гусиными печенками,— и начинались протирания и перетирания. К обеду появлялось горою сложенное блюдо, изукрашенное зеленью и чистейшим желе.

При появлении этого произведения искусства Крылов сделал изумленное лицо, хотя наверно ждал обычного сюрприза, и, обращаясь к дедушке, с пафосом, которому старался придать искренний тон, заявил: «Друг милый и давнишний, Александр Михайлович, зачем предательство это? Ведь узнаю Федосеича руку! Как было по дружбе не предупредить? А теперь что? Все места заняты»,— с грустью признавался он.

— Найдется у вас еще местечко,— утешал его дедушка.

— Место-то найдется,— отвечал Крылов, самодовольно посматривая на свои необъятные размеры,— но какое? Первые ряды все заняты, партер весь, бель-этаж и все ярусы тоже. Один раек остался... Федосеича в раек,— трагично произнес он,— ведь это грешно...

— Ничего, помаленьку в партер снизойдет,— смеялся Александр Михайлович.

— Разве что так,— соглашался с ним Крылов и накладывал себе тарелку горою. За этой горой таяла во рту его и вторая.

Непонятно, как мог он поглощать столько жира? Все прочие брали по небольшому кусочку, находили, что очень вкусно, но trèsindigeste *. Обыкновенно Александра Егоровна складывала остатки такого pâté ** в банку, закупоривала и долго потом подавала на закуску.

Наконец Крылов, утомленный работой, нехотя опускал вилку, а глаза все еще с жадностью следили за лакомым блюдом.

Но вот и сладкое... Иван Андреевич опять приободрился.

— Ну что же, найдется еще местечко? — острил дедушка.

— Для Федосеича трудов всегда найдется, а если бы и не нашлось, то и в проходе постоять можно,— отшучивался Крылов.

Водки и вина пил он не много, но сильно налегал на квас. Когда обед кончился, то около места Ивана Андреевича на полу валялись бумажки и косточки от котлет, которые или мешали ему работать, или нарочно из скромности направлялись им под стол.

Выходить из столовой Крылов не торопился, двигался грузно, пропуская всех вперед. Войдя в кабинет, где пили кофей, он останавливался, деловито осматривался и направлялся к покойному креслу поодаль от других. Он расставлял ноги и, положив локти на ручки кресла, складывал руки на животе. Крылов не спал, не дремал — он переваривал. На лице выражалось довольство. От разговора он положительно отказывался. Все это знали и его не тревожили. Но если кто-нибудь неделикатно запрашивал его,— в ответ неслось неопределенное мычание. Кофея выпивал он два стакана со сливками наполовину. «Да, были сливки в наше время! — засмеялась Надежда Михайловна,— воткнешь ложку, а она так и стоит».

Чай мы пили в половине девятого, и к этому времени Крылов постепенно отходил. Он начинал прислушиваться к разговору и принимать в нем участие. Ужина у Александра Михайловича никогда не бывало, и хотя Крылов отлично это знал, но для очистки совести он все же, залучив в уголку Емельяна, покорно говорил ему: «Ведь ужина не будет?» После чая Иван Андреевич

* Очень тяжело (*фр.*).
** Пирог (*фр.*).

сдавался на руки Емеле, который бережно сводил его с лестницы и усаживал в экипаж.

Царская семья благоволила к Крылову, и одно время он получал приглашения на маленькие обеды к императрице и великим князьям. Прощаясь с Крыловым после одного обеда у себя, дедушка пошутил: «Боюсь, Иван Андреевич, что плохо мы вас накормили — избаловали вас царские повара...» Крылов, оглянувшись и убедившись, что никого нет вблизи, ответил: «Что царские повара! С обедов этих никогда сытым не возвращался. А я также прежде так думал — закормят во дворце. Первый раз поехал и соображаю: какой уже тут ужин — и прислугу отпустил. А вышло что? Убранство, сервировка — одна краса. Сели,— суп подают: на донышке зелень какая-то, морковки фестонами вырезаны, да все так на мели и стоит, потому что супу-то самого только лужица. Ей-богу, пять ложек всего набрал. Сомнение взяло: быть может, нашего брата писателя лакеи обносят? Смотрю — нет, у всех такое же мелководье. А пирожки? — не больше грецкого ореха. Захватил я два, а камер-лакей уж удирать норовит. Попридержал я его за пуговицу и еще парочку снял. Тут вырвался он и двух рядом со мною обнес. Верно, отставать лакеям возбраняется. Рыба хорошая — форели; ведь гатчинские, свои, а такую мелюзгу подают,— куда меньше порционного! Да что тут удивительного, когда все, что покрупней, торговцам спускают. Я сам у Каменного моста покупал. За рыбою пошли французские финтифлюшки. Как бы горшочек опрокинутый, студнем облицованный, а внутри и зелень, и дичи кусочки, и трюфелей обрезочки — всякие остаточки. На вкус недурно. Хочу второй горшочек взять, а блюдо-то уж далеко. Что же это, думаю, такое? Здесь только пробовать дают?!

Добрались до индейки. Не плошай, Иван Андреевич, здесь мы отыграемся. Подносят. Хотите, верьте или нет — только ножки и крылушки, на маленькие кусочки обкромленные, рядушком лежат, а самая то птица под ними припрятана и не резаная пребывает. Хороши молодчики! Взял я ножку, обглодал и положил на тарелку. Смотрю кругом. У всех по косточке на тарелке. Пустыня пустыней. Припомнился Пушкин покойный: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» И стало мне грустно-грустно, чуть слеза не прошибла... А тут вижу — царица-матушка печаль мою подметила и что-то глав-

ному лакею говорит и на меня указывает... И что же? Второй раз мне индейку поднесли. Низкий поклон я царице отвесил — ведь жалованная. Хочу брать, а птица так не разрезанная и лежит. Нет, брат, шалишь — меня не проведешь: вот так нарежь и сюда принеси, говорю камер-лакею. Так вот фунтик питательного и заполучил. А все кругом смотрят — завидуют. А индейка-то совсем захудалая, благородной дородности никакой, жарили спозаранку и к обеду, изверги, подогрели!

А сладкое! Стыдно сказать... Пол-апельсина! Нутро природное вынуто, а взамен желе с вареньем набито. Со злости с кожей я его и съел. Плохо царей наших кормят,— надувательство кругом. А вина льют без конца. Только что выпьешь,— смотришь, опять рюмка стоит полная. А почему? Потому что придворная челядь потом их распивает.

Вернулся я домой голодный-преголодный... Как быть? Прислугу отпустил, ничего не припасено... Пришлось в ресторацию поехать. А теперь, когда там обедать приходится,— ждет меня дома всегда ужин. Приедешь, выпьешь рюмочку водки, как будто вовсе и не обедал...»

— Ох, боюсь я, боюсь,— прервал его дедушка,— что и сегодня ждет не дождется вас ужин дома... Крылов божился, что сыт до отвала, что Александра Егоровна его по горло накормила, а Федосеич совсем в полон взял.

— Ну, по совести,— не отставал дедушка,— неужели вы, Иван Андреевич, так натощак и спать ляжете?

— По совести, натощак не лягу. Ужинать не буду, но тарелочку кислой капусты и квасу кувшинчик на сон грядущий приму, чтобы в горле не пересохло.

В конце тридцатых годов исполнялось пятидесятилетие литературной деятельности Крылова. Он был бесспорно самым популярным писателем в России. Самобытный талант его, начиная с дворцов, покорил все слои общества. Он не только писал басни, но одновременно выковывал пословицы, которые еще при жизни его вошли в обиход русских людей.

Со всех сторон раздались голоса, предлагающие торжественно отпраздновать полувековой юбилей его. Таких юбилеев в России еще не праздновали и боялись, не встретится ли каких-нибудь препятствий со стороны властей. Но царская семья откликнулась одна из первых — опасаться было уж нечего.

В громадном зале Дворянского собрания состоялся торжественный обед, и публика была допущена на хоры.

Устроители знали маленькую слабость Крылова и решили устроить ему лукулловский обед. Столица дала все, что было у ней свежего и лучшего из провизии. Императрица предоставила свои царскосельские оранжереи со свежей зеленью и фруктами. Купцы наперерыв раскрывали свои лавки.

На обеде подносились адресы, говорились речи. Крылов отвечал, благодарил и был растроган до слез. Еще года через три, рассказывая дедушке об оказанном ему почете, он был взволнован, но обычная слабость и тут проявилась. «А обед-то был — такого и не видывал. Икра свежая, зерно — великан, а балык, семга, как весенний снег, таяли... Все тут было. Беда только в том, что по усам текло, а в рот не попало. Вышло-то так, что я как бы угощал, а угостители мои кушали... Ведь мне все время кланяться и благодарить приходилось или выслушивать и ответ подготовлять. Да какая же уж тут еда, когда сердце желудок покорило. Хочешь к блюду приступить, а слезы мешают. Так и пропал обед — и какой обед!» — с грустью припоминал он через три года. «Хоть бы на дом прислать догадались»,— доверительно поведал он Александру Михайловичу свою давнишнюю зазнобу.

«Вот все, что я помню о Крылове,— заявила Надежда Михайловна,— и как-то неловко, что все время пришлось говорить почти только об еде. Но не моя вина, что встречалась с ним только на обедах, да и познакомилась-то с ним, когда он был уже стариком 〈...〉

Александр Михайлович Тургенев высоко ценил Крылова и восхищался его баснями, но он говорил: «До обеда Иван Андреевич очень интересен. Говорит он всегда с неподдельным юмором, сыплет пословицами и прибаутками и отлично знает Россию и быт низшего офицерства, чиновничества и купечества. Во время обеда он занимателен: не каждый день встретишь человека, одаренного таким аппетитом. Винить его за это не приходится. Лучше покормишь его и его зверинец — Лису Патрикеевну, Кота Ваську, Журавля... смотришь,— новую басню выкормил. После же обеда,— добавлял Александр Михайлович,— Крылов пренеприятен: сидит и переваривает, а на лице блаженство. Удав удавом, да и тот на это время из скромности засыпает».

Близко сойтись, подружиться с Крыловым никому не удалось. Он все сторонился, ежился, уходил в себя и убегал от всякого сближения. Какое-то недоверие, какая-то боязнь людей. «И за это винить его я не могу,— говорил Александр Михайлович.— Слишком неудачлива была жизнь его в молодости, слишком много он вытерпел в годы, когда сердце отзывчивее. Печать недоверия легла на всю жизнь и от клейма этого на старости уж не избавиться.

Жаль! Иван Андреевич добрейший и честнейший человек. Всегда помогал он своим родственникам-беднякам, да и по сие время, не колеблясь, идет он навстречу каждому доброму делу».

Е. А. КАРЛГОФ

ИЗ ЗАПИСОК «ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ»

28 января 1836 года осталось памятным днем моей жизни. Я с самого детства благоговела перед литературными знаменитостями. Вышедши замуж, я познакомилась с некоторыми литераторами, но самых знаменитых еще не видела. Мой муж, который со всеми ними был близок и который находил величайшее наслаждение исполнять мои желания, обещал мне познакомить меня с ними со всеми. Приезд в Петербург партизана Давыдова, давнишнего знакомого моего мужа, дал повод сделать обед в его честь и пригласить всю литературную аристократию, которую мой муж встречал каждую субботу у Жуковского. Когда он сказал мне об этом обеде, то я пришла в неописанный восторг. Несколько дней оставалось еще до этого обеда, и я была им так занята, что каждую ночь видела его во сне с разными подробностями и изменениями.

Наконец наступил нетерпеливо ожидаемый день. Я встала рано поутру, хлопотала, заботливо все приготовляла, придумывала, как бы устроить все в лучшем виде для принятия дорогих гостей. Оделась с большим тщанием и в 4 часа вышла в гостиную. Первый приехал Крылов. Он был чрезвычайно рассеян и до того забывал физиономии, что перепутывал своих знакомых (разумеется, не ближних), и взял привычку всех приветствовать словами: «Как я давно не имел удовольствия вас видеть». Он и ко мне подошел с этою фразой, хотя видел меня в первый раз отроду, но потом спохватился и, чтобы загладить свою неловкость, наговорил мне много милого и любезного. Впоследствии мы так дружески сошлись с ним, что в отношении нас он имел *память*

сердца и никогда не забывал ни наших приглашений, ни наших разговоров и доказал нам во многих случаях свою искреннюю приязнь ⟨...⟩

Великою потерей для России начался 1837 год. Не стало Пушкина. 28 января, в тот самый день, когда прошлого года у нас был такой веселый обед, на котором я в первый раз увидела Пушкина, он был смертельно ранен. Скоро разнесся по городу слух об ужасном событии. Скорбь была общая ⟨...⟩

1 февраля, в 10 часов утра, мы поехали в Адмиралтейский собор; в билете было назначено там отпевание, но вышло, что тело Пушкина перенесли в Конюшенную церковь. Отчего произошла эта перемена, я не знаю. Вся Конюшенная площадь была покрыта народом и экипажами. Хотя в церковь пускали только по билетам, но, несмотря на это, была давка. Там находилось множество придворных в парадных мундирах, много членов дипломатического корпуса, некоторые посланники, все находившиеся в Петербурге литераторы, артисты, актеры ⟨...⟩ Я думала, что у гроба Пушкина должны проливаться слезы, раздаваться рыдания, что на всех лицах изображено будет отчаяние... Каково же было мое удивление, когда я увидела совершенно придворные похороны... спокойные, приличные физиономии, самое чинное безмолвие ⟨...⟩ Когда после отпевания начали прощаться, я видела, как седая голова Крылова склонилась над молодой главой усопшего и два народные поэта соприкоснулись в последний раз на земле[1]. Гроб заколотили, поставили в сарай и на другой день отвезли в деревню ⟨...⟩

7 ноября ⟨1837 г.⟩ у нас был обед, на котором присутствовали Крылов, Кукольник, К. Брюллов, барон Розен, барон Зебах, Н. Полевой и многие другие. Посреди оживленного застольного разговора муж мой взял Крылова за руку и сказал, что имеет до него просьбу. Тот отвечал, что непременно исполнит ее, если это только в его воле. «Так вы будете у нас обедать второго февраля?» Крылов немного задумался, наконец смекнул, в чем дело, поблагодарил моего мужа и обещал быть у нас 2 февраля. Мы тут же пригласили на этот день всех

присутствующих. 2 февраля день рождения Крылова, и в этот год должно было исполниться пятидесятилетие литературной его деятельности <...>

В январе мы начали уже помышлять об обеде, который хотели дать у себя в день рождения Ивана Андреевича, по его любезному обещанию подарить нам этот день. Мы часто говорили с мужем об этом обеде, начали даже делать список тех, кого хотели пригласить, как в одно прекрасное утро приехал к нам наш искренний приятель Василий Дмитриевич Комовский, правитель канцелярии министра народного просвещения по его поручению. Я упоминала выше о том, как Крылов дал слово моему мужу обедать у нас 2 февраля. Но Кукольник с Булгариным и Гречем возымели мысль устроить Ивану Андреевичу публичный обед. Уваров стороной узнал об этом и спрашивал Комовского, не слышал ли он, что именно затевается. Тот отвечал, что еще в ноябре, у нас на обеде, Крылов при нем обещал праздновать день своего рождения у нас.

— Так поезжайте же к ***,— сказал министр,— попросите его ко мне, чтобы он сам рассказал мне все, как это происходило.

Мой муж отправился к министру, который просил моего мужа освободить Крылова от обещания и вместо семейного обеда высказал желание сделать торжество это общественным. Разумеется, мой муж ничего не мог против этого возразить. Уваров предложил моему мужу, вместе с В. А. Жуковским, Плетневым, князем Одоевским, учредить род комитета под председательством Оленина, друга Крылова, и постараться устроить праздник как можно торжественнее. Господа эти каждый день собирались у Оленина, князь Одоевский и мой муж приняли на себя все хлопоты и находились целые дни в разъездах [2]. Я принимала живое участие во всех этих приготовлениях, помогала уговариваться с поваром, с кондитером, сообща сочиняли меню обеда. Разумеется, была стерляжья уха под именем Демьяновой ухи и все, что можно было придумать тонкого, роскошного и вместе соответствующего гастрономическим вкусам Крылова,

П. П. КАМЕНСКИЙ

ИЗ ОЧЕРКА «КРЫЛОВ»

...Невнимание критики и публики было причиною малого успеха Хемницера; оно же поддерживало и в Крылове то отвращение к апологической поэзии, о котором он не может забыть и до сих пор ⟨...⟩ Гете сознавался, что лучшие его стихотворения написаны каждое по поводу особенного случая. То же самое должно сказать о Крылове. Эта современность, или своевременность, немало способствовала к успеху множества его басен. Когда Крылов напишет, бывало, басню, то Клим и Петр невольно отворачивались от своих портретов, а нередко и все общество, указывая на Клима и Петра, узнавало тут же и себя, с своим современным духом и направлением. Ключ ко многим басням Крылова уже потерян: для нас остались только эстетические их достоинства и полезные общие нравоучения; но было время, когда смысл их был еще занимательнее ⟨...⟩

Чаще всего Крылов читывал свои басни в доме Алексея Николаевича Оленина, нынешнего почтенного президента императорской Академии художеств, и в блистательном обществе любителей русского слова, собиравшегося у Державина: здесь впечатление, производимое его коротенькими творениями, было неимоверное: часто не находили места в зале; гости толпились около поэта, становились на стулья, столы и окна, чтобы не проронить ни одного слова, и эффект басни Крылова, прочитанной им самим, равнялся эффекту арии Каталани [1], как говорил один из тогдашних его слушателей. Образ чтения Крылова был самый мастерский по своей простоте и естественности и составлял резкую противоположность с громозвучною и надутою декламациею Гнедича, который тоже слыл за большого мастера читать. Крылов, рассказывая басни свои просто, натурально, большею частью наизусть, восхищал всех ⟨...⟩

Окруженный в свете общим уважением и любовью, Крылов дожил счастливо до маститой старости, сохраняя прежний бодрый вид, свою величественную осанку, свой веселый, кроткий и приятный нрав, остроумный разговор и самый простой образ жизни, в котором русский квас и русско-американская сигарка были всегда верными спутниками баснописца-философа.

Невозможно представить себе человека скромнее и снисходительнее, при такой колоссальной славе, на такой высоте литературного величия. Но как истинный философ, он ценит славу в то, чего она стоит для мудрого, и, чтобы показать ее практическую бесполезность, он послал однажды в бумажную лавку, находившуюся против окон его квартиры, попросить листа бумаги — для Крылова, предсказав наперед своим собеседникам, что за славу люди не дадут и листа бумаги без денег; и предсказание сбылось.

Три года тому назад, в день его рождения, второго февраля, на семидесятом году жизни и пятидесятом с появления на литературном поприще, все литераторы, ученые и художники, находившиеся в Петербурге, и многие почтеннейшие гражданские и военные сановники, единодушно пожелали праздновать полувековой юбилей Крылова <...> Среди общего энтузиазма и радости, среди приветствий, поздравительных стихов и речей, почтенный старец-поэт был задумчив; лицо его было полувесело, полумрачно: он, вероятно, разбирал в душе, со своею суровою философией, цену начинающегося после славы бессмертия <...>

Несмотря, однако ж, на это, крупные черты лица Крылова и выразительные глаза его обыкновенно оживлены тихою и беззаботною веселостью, и в беседе он чрезвычайно мил и приятен. Друзья, квартира и привычки жизни у него все одни и те же: этих трех вещей он не переменяет. В числе друзей состоит и его верный халат. Крылов до сих пор живет в доме императорской Публичной библиотеки, против зеркальной линии Гостиного двора, утро по-прежнему посвящает службе в библиотеке или беседе с друзьями и знакомыми, которые во множестве посещают умного баснописца-философа в его скромном приюте; потом едет обедать, большею частью в Английский клуб, и остальное время дня проводит в своем поэтическом уединении или в кругу избранных приятелей.

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

КРЫЛОВ И ПУШКИН ПО РАССКАЗАМ ЯРОСЛАВЦЕВ

Судьба сталкивала пишущего эти строки с людьми, которые близко знали двух русских писателей, названных в начале статьи. Сами по себе как дедушка Крылов, так и А. С. Пушкин не имеют ничего общего с ярославскою стариной, они даже никогда не бывали в Ярославле; но лица, знавшие их, долгое время принадлежали к здешнему обществу. Вот почему я и включил рассказы этих лиц в число моих исторических очерков, думая при том, что там, где речь идет о Пушкине и Крылове, непростительно оставлять без внимания и самые малейшие подробности, с которыми успел познакомиться ярославский старожил.

25 июля 1868 года умер в Ярославле, после долгой и мучительной болезни, архитектор Александр Каллистратович Савельев. Все знавшие покойного близко, а не поверхностно, не путем одних служебно-официальных отношений (иногда глубоко оскорблявших чуткую, впечатлительную душу Александра Каллистратовича),— все, надеюсь, помянут его добрым словом, как человека умного, правдивого. Что касается пишущего эти строки, он до сих пор не может вспомнить о Савельеве без жгучей скорби. Александр Каллистратович принадлежал к семейству тех гг. Савельевых, которых усыновил баснописец Крылов [1]. Покойный друг мой по наружности сильно походил на знаменитого «дедушку»: прекрасные, крупные черты лица его живо напоминали черты лица Крылова. Быть может, со временем и душевные свойства Савельева приблизились бы к свойствам «дедушки», то есть к его тонкому русскому «себе на уме»? Не знаю.

Я знаю только то, что Савельев был — откровенная душа, сохранявшая свою нравственную чистоту даже и в той, по правде сказать, грязноватой обстановке, которая выпала ему на служебную долю. Светлое детство обещало ему лучшую участь: детство его прошло под глазами Крылова, «а в глазах дедушки (говорил мне не раз Александр Каллистратович), мы, дети, имели гораздо больше значения, чем политические события вроде восстания египетского паши против турецкого султана...»

Вообще, А. К. Савельев сохранял много детских, следовательно, неподкупно-правдивых, хотя, быть может, отчасти и довольно туманных, воспоминаний о Крылове, который баловал его и других маленьких Савельевых, скрывая ребяческие проказы их.

«Бывало (рассказывал мне Савельев) после дождя, когда на дворе образуются лужи, я да Надя * бродим по воде, замочимся, выпачкаемся и, зная, что нас могут наказать, стрелой бежим к нашему всегдашнему заступнику Ивану Андреевичу; тот, по обыкновению, изрядно покушав, благодушно нежит свое тучное тело в креслах и сладко-сладко дремлет. «Дедушка! Милый дедушка! Спасите нас, спрячьте поскорее куда-нибудь...»

Сейчас распахнется гостеприимный широчайший дедушкин халат, и мы, закрытые им, сидим, ни гугу, за спиной Крылова; а он на вопросы домашних, куда девались шалун и шалунья, отвечает вполне серьезно, во-первых, что дети не шалуны, напротив, очень тихие, милые дети, а во-вторых, что он знать не знает, ведать не ведает, где они. Затем проходила домашняя гроза. Мы благодарили дедушку за великодушную защиту. Дедушка тонко подмигивал и опять начинал дремать. Была ли эта дрема поэтическою грезою или же следствием приятного пищеварения, судить не берусь, впрочем — последнее вернее. Также верно и то, что впоследствии, когда, учась географии, я узнал о существовании неприступной крепости Гибралтара, мне думалось, что халат Крылова был для нас надежнее Гибралтара...» [2]

Александр Каллистратович Савельев не был, однако, первым «любимчиком» баснописца: Крылов особенно горячо, насколько было возможно для его натуры, неподатливой на нежности, любил Надежду Каллистратовну,

---

* Надежда Каллистратовна, старшая сестра Савельева. (*Примеч. авт.*)

о чем упоминает и Плетнев *, говоря, что «в отшельнической жизни своей он (Крылов) нашел забаву, обучая детей грамоте и прослушивая их уроки музыки. Ему весело было, когда около него играли дети, с которыми дома он обедал и чай пил. Девочка, по имени Наденька, особенно утешала его. Ее понятливость и способность к музыке часто выхвалял он, как что-то необыкновенное». По словам Александра Каллистратовича и его почтенной матери, Александры Петровны Савельевой (с ней я имел честь познакомиться в Ярославле, близ гроба ее сына, а моего друга), «без Наденьки дедушке становилось скучно». Отправляясь в Английский клуб, Крылов всегда отдавал приказание: дать знать, когда она проснется и захочет чаю, и в таком случае немедленно возвращался домой.

На четвертом или на пятом году Надежда Каллистратовна, а потом и ее брат, стали учиться азбуке, под указкой Крылова. Однажды он увидал, что девочка плачет над его басней. Крылов был тронут до слез этой детской чувствительностью и тихонько удалился в соседнюю комнату, чтобы сказать домашним: «А ведь Надя-то у меня талант! Все понимает, даже мою лисицу, съевшую малиновок, понимает!..»

Когда сама Александра Петровна была еще ребенком, Крылов часто дарил ей свои рукописи: «На, спрячь куда-нибудь подальше; авось со временем эти бумажки тебе пригодятся!»

Далее, я слышал, что причиной смерти Крылова были вовсе не роковые рябчики, а вообще старость, постепенно разрушавшая организм знаменитого баснописца, который в последние три года своей жизни почти никуда не выходил из дому, избегая даже малейших волнений, а тем более споров с кем бы то ни было. Раньше, когда был жив Гнедич, Крылов вел с ним оживленные прения, но при всех других отмалчивался, сохраняя, подобно старцу Гете, олимпийское спокойствие. Смерть «кривого друга» опечалила Крылова, но опечалила не особенно сильно, несравненно меньше, чем смерть А. С. Пушкина, о чем будет сказано далее.

Довольно равнодушный к смерти других, Крылов встретил и свою смерть безбоязненно, равнодушно. Он умер на руках Александры Петровны, рассказывавшей

* Крылов, т. I, стр. XCVII, изд. 1859. (*Примеч. авт.*)

мне, что Крылов до последней минуты сохранил память и, умирая, не мог удержаться от шутки.

«Ты, милая, не плачь,— говорил он,— я стар, утомлен, пора мне на покой. А ты и без меня проживешь, если не богато, так и не бедно, разумеется, с условием — не ездить... не ездить... не ездить... в Английский клуб».

Каждую пасху Крылов встречал в Казанском соборе. Большого труда стоило ему пробраться через густую толпу. Однажды тучное тело баснописца особенно страдало от толчков; но когда полиция это заметила и сказала: «Раздайтесь, ведь это Иван Андреевич Крылов!» — народ с уважением уступил дорогу.

Трагическая смерть Пушкина, как уже сказано, глубоко опечалила Крылова. По словам А. П. Савельевой, Пушкин посетил Крылова за день или за два до своей дуэли с Дантесом. Он был особенно, как-то даже искусственно, весел, говорил госпоже Савельевой любезности, играл с ее малюткой дочерью, нянчил ее, напевал песенки, потом вдруг торопливо простился с Крыловым. Когда же тот узнал, что великого поэта не стало, баснописец, всегда спокойный, невозмутимый, воскликнул:

— «О! Если б я мог это предвидеть, Пушкин! Я запер бы тебя в моем кабинете, я связал бы тебя веревками... Если б я это знал!»

Н. И. ИВАНИЦКИЙ

ИЗ «ДНЕВНИКА»

2 декабря ⟨1844 г.⟩ Был вчера у Никитенки и провел вечер очень приятно. Сначала пришел туда Краевский. Разговор нечувствительно склонился к Крылову. Много было говорено о его уме — чисто русском — точном, тонком, сметливом, о его ужасном цинизме в жизни и пр. и пр. Между прочим вот два анекдота, рассказанные Краевским. Однажды (К⟨раевский⟩ не помнит, в котором году) Крылов сидел у князя Одоевского. Приходят Якоби, который тогда бредил гальванопластикой, и химик Гесс. Одоевский тотчас познакомил их с Крыловым. Начались разные вежливости и комплименты. Крылов между прочим сказал: «Да, и я очень люблю естественные науки, но не имею возможности заниматься ими как следует, а потому много вопросов для меня нерешимы, хотя очень занимают меня». Якоби и Гесс, разумеется, захотели узнать, что это за вопросы. «А вот, например,— сказал Крылов,— я не понимаю преломления лучей света. Положим, я отсюда, справа, смотрю на левый конец картины и вижу его; а вы слева — на правый и также видите. Каким же образом, если мы видим предметы потому, что лучи света падают на них и отражаются в глазу, здесь эти лучи пересекают друг друга и не перемешиваются?» Другой анекдот. В 1836 году, в последний год жизни Пушкина, у Жуковского были субботы. Однажды в субботу сидели у него Крылов, Краевский и еще кто-то. Вдруг входит Пушкин, взбешенный ужасно. Что за причина?— спрашивают все. А вот причина: цензор Крылов не хочет пропустить в стихотворении Пушкина «Пир Петра Великого» стихов: *чудотворца-исполина чернобровая жена*[1]... Пошли толки о цензорах.

Жуковский, с свойственным ему детским поэтическим простодушием, сказал: «Странно, как это затрудняются цензоры! Устав им дан: ну, что подходит под какое-нибудь правило — не пропускай; тут в том только и труд: прикладывать правила и смотреть».— «Какой ты чудак! — сказал ему Крылов.— Ну, слушай. Положим, поставили меня сторожем к этой зале и не велели пропускать в двери плешивых. Идешь ты (Жуковский плешив и зачесывает волосы с висков), я пропустил тебя. Меня отколотили палками — зачем пропустил плешивого. Я отвечаю: «Да ведь Жуковский не плешив: у него здесь (показывая на виски) есть волосы». Мне отвечают: «Здесь есть, да здесь-то (показывая на маковку) нет». Ну хорошо, думаю себе, теперь-то уж я буду знать. Опять идешь ты; я не пропустил. Меня опять отколотили палками. «За что?» — «А как ты смел не пропустить Жуковского».— «Да ведь он плешив: у него здесь (показывая на темя) нет волос».— «Здесь-то нет, да здесь-то (показывая на виски) есть». Черт возьми, думаю себе: не велели пропускать плешивых, а не сказали, на котором волоске остановиться». Жуковский так был поражен этой простой истиной, что не знал, что отвечать, и замолчал.

И. И. ПАНАЕВ

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ»

Потерявший всякое доверие и участие к себе между прежними своими приятелями, Воейков обратился к людям богатым и далеким от литературы.

Жуков попался на его удочку.

Воейков и в глаза и за глаза прославлял Жукова, называл его честнейшим, умнейшим, просвещеннейшим русским человеком, твердил ему, что он частичку из своих богатств должен употребить как меценат, на пользу литературы, и уговорил его дать капитал на заведение типографии, прибавив, что он охотно возьмется, несмотря на свои преклонные лета и многочисленные литературные занятия, управлять этой типографией и *блюсти выгоды почтеннейшего Василья Григорьича.*

Самолюбие Жукова не устояло против грубой лести Воейкова. Жуков дал ему деньги на первое обзаведение и открытие типографии. Воейков уверил его при этом, что для придания большей известности новой типографии, необходимо дать угощение в ней всем литераторам, начиная с И. А. Крылова и В. А. Жуковского. И на обед были выданы деньги Воейкову.

Я получил приглашение вместе с другими.

Квартиру для типографии Воейков нанял в переулке близ Сенной площади, в грязном доме, пользовавшемся самою печальною известностию; во время холеры 1831 года в этом доме была устроена холерная больница и из окон его взбунтовавшийся народ выбрасывал на улицу докторов.

В самой большой из зал типографии был накрыт стол, *покоем,* человек на семьдесят.

К четырем часам литераторы начали съезжаться и сходиться. Воейков принимал всех как хозяин, очень довольный тем, что Крылов, Жуковский и Вяземский не отказались от приглашения. За исключением Булгарина, Сенковского и Греча — заклятых врагов Воейкова,— на этом обеде присутствовали все до последнего фельетониста, накануне напечатавшего свою статейку в первый раз.

Крылов, Жуковский и Вяземский были посажены, конечно, во главе стола. Около них Плетнев, князь Одоевский и Краевский, который при первом появлении в залу озаботился, чтобы занять место как можно поближе к ним. Кукольник сел на другой конец стола со своими литературными друзьями и посадил возле себя Полевого. Остальные расселись, как случилось [1]〈...〉

Из литераторов Воейков более всех ненавидел Сенковского, Греча и Булгарина и всякий раз выискивал с наслаждением случаи, чтобы нанести им какую-нибудь неприятность торжественно, перед лицом публики.

Один из таких случаев представился ему при юбилее Крылова.

Мысль о юбилее Крылова возникла, если я не ошибаюсь, на вечерах князя Одоевского. Об этой мысли сообщено было графу Уварову, который, как министр просвещения, взялся испросить на этот литературный праздник высочайшее разрешение. Сенковский, Греч и Булгарин, ненавидевшие Одоевского и Вяземского потому только, что инициатива этого юбилея принадлежала им, отказались от участия в нем; но когда юбилей, высочайше одобренный, принял официальный характер, они начали хлопотать о билетах для себя; билеты уже были все розданы, и они на юбилей не попали.

Воейков воспользовался этим случаем и напечатал в «Инвалиде», что на празднике в честь нашего знаменитого баснописца не пожелали принять участие только Сенковский, Греч и Булгарин.

За эту невинную выходку Воейков просидел три дня на гауптвахте. Она показалась дерзкою высшему начальству.

Воейков очень тщеславился своею смелою выходкою (да! в то время и это считалось смелостью!) и разослал

всем своим приятелям, в том числе и мне, тот нумер «Инвалида», в котором она была напечатана.

У меня он хранится до сих пор.

Наверху, карандашом, рукою Воейкова написано:

«Любезнейшему Ивану Ивановичу Панаеву на память от Ал. Воейкова».

Когда Воейкова выпустили на свободу, он, подробно рассказывая мне об этом происшествии, прибавил в заключение:

— Если бы меня предупредили заранее, что я просижу за это не три дня, а три года,— я все-таки бы напечатал это и просидел бы с удовольствием три года в заключении, для того только, чтобы опубликовать и опозорить этих господ перед всеми...[2]

Юбилей Крылова праздновался в большой зале дома Энгельгардта, где теперь *Русский магазин*. Он принял, как я уже заметил, совершенно официальный характер. Перед началом обеда граф Уваров пришпилил к груди баснописца звезду ордена св. Станислава и в кратких, но выразительных словах поздравил его с этою высочайшею милостию.

За обедом говорили речи: Жуковский, князь Одоевский от лица молодого поколения литераторов, князь Вяземский прочел свое известное стихотворение к «Дедушке Крылову»[3]. На хорах, в зале, присутствовало много любопытных великосветских дам. Крылов казался очень растроганным.

К концу обеда, после всех речей, встал со своего места Сергей Николаевич Глинка. На нем был синий фрак с бронзовыми пуговицами и с огромным «Владимиром» в петлице, манишка, повязанная сверх жилета, и сапоги сверх панталон. Глаза его имели несколько дикое выражение. Он направлялся с какою-то торжественностию к середине стола, где сидел Крылов, имевший своим соседом с правой стороны министра народного просвещения, а с левой Жуковского. Князь Одоевский и Плетнев сидели напротив Крылова, и около них приютился Краевский, начинавший для придания себе веса прицеплять себя к друзьям Пушкина и таким образом выдвигавшийся на видный план.

Сергей Николаевич остановился против Крылова, размахнул рукой и произнес горячо краткую, но не совсем связную речь, при всеобщих иронических взгля-

дах, и затем потянулся к Крылову, который обнял его и поцеловал.

Когда пили за здоровье Крылова, энтузиазм в зале был страшный, и дамы на хорах кричали, махали платками и, кажется, бросили с хор несколько букетов...

Крылов бывал иногда на субботах князя Одоевского, и я в первый раз увидал там нашего знаменитого баснописца [4]. Он имел много привлекательности и, несмотря на тучность тела, казался еще очень живым стариком. Он вообще мастерски рассказывал, когда был в хорошем расположении, и передавал с добродушным юмором различные забавные факты о своей беспечности и рассеянности: о том, как он однажды при представлении императрице Марии Федоровне в Павловске наклонился, чтобы поцеловать ее руку, и вдруг чихнул ей на руку; о том, как какой-то сочинитель принес ему свое сочинение и просил его советов, как Крылов взялся очень охотно прочесть это сочинение и продержал его больше года; как сочинитель, выведенный наконец из терпения, вошел к нему раз утром в спальню и увидел его спящего, а свое сочинение плавающим в каком-то сосуде, стоявшем у постели; как Крылов потерял жилет с самого себя и прочее. Анекдоты эти известны почти всем.

Всякий раз, когда Крылов бывал у Одоевского, за ужином являлся для него поросенок под сметаной, до которого он был величайший охотник, и перед ним ставилась бутылка кваса.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

ИЗ СТАТЬИ «ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ»

Не будем распространяться в подробностях о частной жизни Крылова. Как скоро где публичность не в обыкновении и не в правах,— там толки о неприкосновенной личности частного человека всегда подозрительны и никогда не могут быть приняты за достоверные. Оттого-то подобные толки напоминают всегда басню Крылова, в которой паук, прицепившись к хвосту орла, взлетел с ним на вершину Кавказа да еще расхвастался, что он, паук, приятель и друг ему, орлу, и что он, паук, больше всего любит правду ⟨...⟩[1] Личность Крылова вся отразилась в его баснях, которые могут служить образцом русского *себе на уме,*— того, что французы называют arrière pensée. Человек, живой по натуре, умный, хорошо умевший понять и оценить всякие отношения, всякое положение, знавший людей,— Крылов тем не менее искренно был беспечен, ленив и спокоен до равнодушия. Он все допускал, всему позволял быть, как оно есть, но сам ни подо что не подделывался и в образе жизни своей был оригинален до странности. И его странности не были ни маскою, ни расчетом; напротив, они составляли неотделимую часть его самого, были его натурою [2]. Любо было смотреть на эту седую голову, на это простодушное, без всяких притязаний величавое лицо: точно, бывало, видишь перед собою древнего мудреца,— и этого впечатления не разрушала ни трубка, ни сигарка, не выходившая из рта его. Хорош был этот старик-младенец, говорил ли он или молчал: в речи его было столько спокойствия и ровноты, а в молчании так много говорило спокойное лицо его [3].

Н. В. ГОГОЛЬ

ИЗ СТАТЬИ «В ЧЕМ ЖЕ, НАКОНЕЦ, СУЩЕСТВО РУССКОЙ ПОЭЗИИ И В ЧЕМ ЕЕ ОСОБЕННОСТЬ»

Тот ошибется грубо, кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев, Хемницер и, наконец, Измайлов. Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа ⟨...⟩

Всюду у него Русь и пахнет Русью. Всякая басня его имеет, сверх того, историческое происхождение. Несмотря на свою неторопливость и, по-видимому, равнодушие к событиям современным, поэт, однако же, следил всякое событие внутри государства: на все подавал свой голос, и в голосе этом слышалась разумная середина, примиряющий третейский суд, которым так силен русский ум, когда достигает до своего полного совершенства. Строго взвешенным и крепким словом так разом он и определит дело, так и означит, в чем его истинное существо. Когда некоторые чересчур военные люди стали было уже утверждать, что все в государствах должно быть основано на одной военной силе и в ней одной спасение, а чиновники штатские начали, в свою очередь, притрунивать над всем, что ни есть военного, из-за того только, что некоторые обратили военное дело в одни погончики да петлички, он написал знаменитый спор пушек с парусами, в котором вводит обе стороны в их законные границы сим замечательным четверостишием:

Держава всякая сильна,
Когда устроены в ней мудро части:
Оружием — врагам она грозна,
А паруса — гражданские в ней власти [1].

Какая меткость определения! Без пушек не защитишься, а без парусов и вовсе не поплывешь. Когда у некоторых доброжелательных, но недальнозорких началь-

ников утвердилось было странное мнение, что нужно опасаться бойких, умных людей и обходить их в должностях из-за того единственно, что некоторые из них были когда-то шалуны и замешались в безрассудное дело, он написал не меньше замечательную басню: «Две бритвы», и в ней справедливо попрекнул начальников, которые

Людей с умом боятся
И держат при себе охотней дураков[2].

Особенно слышно, как он везде держит сторону ума, как просит не пренебрегать умного человека, но уметь с ним обращаться. Это отразилось в басне «Музыканты», которую заключил он словами: «По мне, уж лучше пей, да дело разумей!» Не потому он это сказал, чтобы хотел похвалить пьянство, но потому, что заболела его душа при виде, как некоторые, набравши к себе, наместо мастеров дела, людей бог весть каких, еще и хвастаются тем, говоря, что хоть мастерства они и не смыслят, но зато отличнейшего поведения. Он знал, что с умным человеком все можно сделать и не трудно обратить его к хорошему поведению, если сумеешь умно говорить с ним, но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним. «В воре — что в море, а в дураке — что в пресном молоке» — говорит наша пословица. Но и умному делает он также крепкие заметки, сильно попрекнувши его в басне «Стоячий пруд» за то, что дал задремать своим способностям, и строго укоривши в басне «Сочинитель» за развратное и злое их направление. Вообще его занимали вопросы важные. В книге его всем есть уроки, всем степеням в государстве, начиная от главы, которому говорит он:

Властитель, хочешь ли народы удержать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою[3],—

и до последнего труженика, работающего в низших рядах государственных, которому указывает он на высокий удел в виде пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживлен одной,
Что к пользе общей он трудится[4].

Слова эти останутся доказательством вечным, как благородна была душа самого Крылова.

И. С. ТУРГЕНЕВ

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНЫХ И ЖИТЕЙСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ»

Крылова я видел всего один раз — на вечере у одного чиновного, но слабого петербургского литератора [1]. Он просидел часа три с лишком неподвижно между двумя окнами — и хоть бы слово промолвил! На нем был просторный поношенный фрак, белый шейный платок; сапоги с кисточками облекали его тучные ноги. Он опирался обеими руками на колени — и даже не поворачивал своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изредка двигались под нависшими бровями. Нельзя было понять, что он, слушает ли и на ус себе мотает или просто так сидит и «существует»? Ни сонливости, ни внимания на этом обширном, прямо русском лице — а только ума палата, да заматерелая лень, да по временам что-то лукавое, словно хочет выступить наружу и не может — или не хочет — пробиться сквозь весь этот старческий жир... Хозяин наконец попросил его пожаловать к ужину. «Поросенок под хреном для вас приготовлен, Иван Андреевич»,— заметил он хлопотливо и как бы исполняя неизбежный долг. Крылов посмотрел на него не то приветливо, не то насмешливо... «Так-таки непременно поросенок?» — казалось, внутренно промолвил он — грузно встал и, грузно шаркая ногами, пошел занять свое место за столом.

ИЗ РЕЦЕНЗИИ «КРЫЛОВ И ЕГО БАСНИ. ПЕР. В. Р. РОЛЬСТОНА. 3-Е ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ»

...С самого детства Крылов всю свою жизнь был типичнейшим русским человеком: его образ мышления, взгляды, чувства и все его писания были истинно рус-

скими, и можно сказать без всякого преувеличения, что иностранец, основательно изучивший басни Крылова, будет иметь более ясное представление о русском национальном характере, чем если прочитает множество сочинений, трактующих об этом предмете〈...〉

Пишущий эти строки припоминает, что видел Крылова незадолго до его смерти. У него была величественная голова, несколько массивная и тяжелая, прекрасные седые волосы, немного отвислые щеки, большой, но правильный и серьезный рот, неподвижные глаза с полуопущенными веками, ленивое, почти апатичное выражение лица, сквозь которое просвечивал живой ум и юмор. Он почти не говорил, но слушал — блестяще, если можно так выразиться, ибо его молчание сопровождалось чем-то вроде внутренней улыбки, как будто, наблюдая, он делал про себя много замечаний, которые, однако, никогда не собирался поведать миру.

Мы слышали от очевидца [1] анекдот из жизни Крылова — этот анекдот хорошо передает его ленивый и оригинальный характер.

Большая тяжелая картина, висевшая как раз над тем местом, где обыкновенно сиживал Крылов, соскочила с одного из державших ее гвоздей и грозила упасть прямо на голову беспечного баснописца. Когда Крылову указали на эту опасность, он спокойно ответил: «О! я изучил положение картины и рассчитываю, что если она сорвется, то пролетит по диагонали, как раз мимо моей головы». Таким образом, картина долгое время висела криво, а Крылов продолжал спокойно сидеть под ней.

В. Ф. КЕНЕВИЧ

РАССКАЗЫ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

I

Известно, что Крылов любил хорошо поесть и ел очень много. Садясь за стол в Английском клубе, членом которого он состоял до смерти, он повязывал себе салфетку под самый подбородок и обшлагом стирал с нее капли супа и соуса, которые падали на нее; от движения салфетка развязывалась и падала; но он не замечал и продолжал обшлагом тереть по белому жилету (который он носил почти постоянно) и по манишке. Каждого подаваемого блюда он клал себе на тарелку столько, сколько его влезало. По окончании обеда он вставал и, помолившись на образ, постоянно произносил: «Много ли надо человеку?», что возбуждало общий хохот в его сотрапезниках, видевших, *сколько* надобно Крылову.

II

Крылов относился в преклонных летах к литературе совершенно равнодушно, за что неоднократно упрекали его друзья и товарищи; но иногда и он произносил свои суждения над явлениями, противоречившими его ясному, широкому взгляду на дело. Так осудил он «Méditations» Ламартина [1], рассуждение о басне Хвостова [2], критику на пушкинского «Руслана» [3]. Суд его во всех трех случаях хотя резок, но верен. Но вот еще его суждение об одном из корифеев нашей журналистики тридцатых годов, переданный нам одним из слышавших его своими ушами.

Первые томы «Библиотеки для чтения» производили на публику живейшее впечатление и возбуждали горячие, иногда ожесточенные споры. Статьи Сенковского,

как арии Рубини и Альбони, становились вопросом дня, за неимением других вопросов. Однажды у Олениных, после обеда, сидел Крылов с сигарою в зубах в кабинете хозяина в полусонном состоянии и, по-видимому, совершенно безучастно к тому, что происходило кругом. А между тем кругом собралась молодежь и горячо шумела по поводу какой-то статьи Сенковского.

Одни утверждали, что в своих предположениях, выводах, соображениях автор обнаруживает ум чуть ли не гениальный. Другие доказывали, что все эти предположения, выводы и соображения не что иное, как парадоксы. Последние победили, а первые, не желая уступить поля, предложили помириться на том, что автор человек очень умный, хотя у него ум парадоксальный.

— Вот вы говорите: умный,— сказал Крылов, на которого никто не обращал внимания, полагая, что он спит,— умный! Да ум-то у него *дурацкий*.

Тем вопрос и был порешен, по крайней мере, на этот раз.

III

Находчивость и острота, о которых так много рассказывают Плетнев и Лобанов, обнаруживались у Крылова иногда в самых мелких, незначительных случаях.

Однажды на набережной Фонтанки, по которой он обыкновенно ходил в дом Оленина, его нагнали три студента, из коих один, вероятно, не зная Крылова, почти поравнявшись с ним, громко сказал товарищу:

— Смотри, туча идет.

— И лягушки заквакали,— спокойно отвечал баснописец в тот же тон студенту.

ИЗ ОЧЕРКА «ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ»

...Кажется, его подозревали в том, что он напечатал у себя книгу Радищева. По крайней мере, лет десять спустя после появления ее в свет, один полицейский чиновник сам рассказывал ему, что являлся в его типографию с поручением разведать, не у него ли печатается эта книга, и прикрыл это поручение желанием узнать, как вообще печатаются книги. (Слышано от Н. И. Греча[1].)

Нельзя сказать: он играл в карты; он жил ими, он видел в них средство разбогатеть. Он отыскивал сборища

игроков и проводил с ними дни и ночи. «Стыдно сознаться,— говорил он впоследствии Н. И. Гречу,— я ездил по ярмаркам, чтобы отыскивать партнеров». Успех поощрял к игре: в короткое время он сделался обладателем капитала в 110 тысяч рублей ассигнациями.

Наконец, умудренный опытом, искушенный в превратностях жизни, он в 1806 году возвратился в Петербург... В Петербурге снова вспыхнула в нем страсть к театру, и результатом этой вспышки были две комедии, о которых современники отзывались с величайшею похвалою... Но эта страсть не вытеснила другой — он продолжал играть в карты. По-прежнему он отыскивал игроков, вмешивался в их сборища — но уже не был так счастлив, как прежде. Вместе с какими-то шулерами он был призван к генерал-губернатору, который объявил им, что они, на основании законов, подлежат высылке из столицы; обратясь же к Крылову, он сказал: «А вам, милостивый государь, стыдно. Вы, известный писатель, должны были бы сами преследовать порок, а между тем не стыдитесь сидеть за одним столом с отъявленными негодяями». Ему также грозило изгнание из столицы; но он отделался, преспокойно сказав: «Если бы я их обыграл, тогда бы я был виновен; но ведь они меня обыграли. У меня осталось из 110 тысяч — всего 5; мне не с чем продолжать играть». (Рассказ Н. И. Греча.)[2]

ИЗ «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К БАСНЯМ КРЫЛОВА»

Известно, что Крылов был к себе несравненно строже, чем его читатели: он по многу раз переписывал одну и ту же басню, всякий раз переделывал ее и удовлетворялся только тогда, когда в ней не оставалось ни одного слова, которое, как он выражался, «ему приедалось». Этого рода варианты дают богатый материал для изучения языка, и если бы впоследствии представилась надобность в специальном словаре к басням Крылова, то они нашли бы в нем видное место. Но надо заметить, что нередко, обрабатывая язык, поэт наш изменял многие оттенки мысли, подробности в сценах и картинах и таким образом придавал своему сочинению совершенно иной характер. Подобные варианты имеют еще большую важность: они иногда приводят к уразумению той задней

мысли, которую поэт скрывал за своим вымыслом, или прямо намекают на современные явления〈...〉

В саркастическом замечании о докторах 〈в басне «Старик и трое молодых»〉 выразилось недоверие, с которым Крылов во всю жизнь относился к медикам и их теориям 〈....〉 Это, впрочем, не мешало ему верить в симпатии и исполнять самые нелепые советы старух.

Уже в преклонных летах, но еще до выхода в отставку Крылов заболел рожей, которая поместилась у него на лице. Приглашенный поутру врач прописал ему лекарства и вечером, проезжая мимо дома Публичной библиотеки, пожелал взглянуть на своего знаменитого пациента. Что ж он увидел? Больной сидел на том же кресле, где он его оставил утром; но все его лицо было завешено красным сукном, в котором были прорезаны две дырочки для глаз. «К чему вы это делаете?» — спросил его доктор. «Да вот они говорят, что это помогает»,— отвечал Крылов, указывая на каких-то женщин, сидевших в соседней комнате. Доктору стоило большого труда уверить его, что лекарства действительнее красного сукна. (Слышано от доктора, к которому Крылов обратился в этом случае.) 〈...〉

Кёниг в своих «Очерках русской литературы»[1] 〈...〉 говорит, что Крылов в отношениях своих к гр. Хвостову уподоблялся этой Лисице 〈из басни «Ворона и Лисица»〉; он долго и терпеливо выслушивал его стихи, похваливал их, а потом «у довольного графа выпрашивал взаймы денег». К такому рассказу, ничем не подтверждающемуся, Кёнигу, вероятно, подал повод следующий анекдот, рассказанный Бантышом-Каменским со слов Дмитрия Ивановича Языкова[2], слышавшего его от самого Крылова: «Однажды пришел к последнему приятель его Ок〈ладников〉 и уговорил Крылова отправиться вместе к гр. Хвостову. Посещение их чрезвычайно обрадовало неутомимого стихотворца. «Садитесь, господа,— сказал он в кабинете,— я прочту вам новое свое произведение».— «Нет, не сядем,— отвечал Ок〈ладников〉 — пока не ссудишь ты меня двумястами рублями». Хвостов отговаривался. «Прощай»,— сказал Ок〈ладников〉 с досадою и пригласил Крылова последовать его примеру. «Останьтесь, выслушайте! — сказал хозяин еще с большим неудовольствием,— право, не будете раскаиваться».—

«Дай двести рублей,— продолжал Ок⟨ладников⟩,— останемся».— «Дам, но выслушайте наперед».— «Нет, брат, не проведешь: дай двести рублей, а там читай, сколько тебе будет угодно».— «И вы останетесь у меня, будете слушать?» — «Останемся и будем слушать». Деньги отсчитаны, гости уселись у окна, близ двери, хозяин начал чтение с жаром, свойственным поэту. Долго продолжалось оно. Выведенный из терпения Ок⟨ладников⟩ сказал на ухо Крылову: «Уйдем, право, нет сил!» Крылов советовал дождаться конца. Ок⟨ладников⟩ удалился потихоньку, потом Крылов; но последний, вышедши, остановился за дверью, ожидая развязки. «Не правда ли, друзья,— произнес наконец стихотворец, прервав свое чтение,— что это стих гениальный! — и, не слыша ответа, оглянулся, вскрикнув с сердцем: — Ах, проклятые, они ушли!» Тогда Крылов бросился бежать, не оглядываясь назад» ⟨...⟩

Какой-то вельможа (по словам одних, гр. Разумовский, по другим, кн. А. Н. Голицын), может быть, следуя примеру имп. Марии Федоровны, покровительствовавшей поэту, а может быть, искренно желая свести с ним знакомство, пригласил его к себе и просил прочитать две-три басенки. Крылов артистически прочитал несколько басен, в том числе одну, заимствованную у Лафонтена. Вельможа выслушал их благосклонно и глубокомысленно сказал: «Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?» — «Не умею»,— скромно отвечал поэт. Тем разговор и кончился. Возвратясь домой, задетый за живое, баснописец вылил свою желчь в басне «Осел и Соловей». Что все действующие лица этой басни и отношения между ними — намеки на действительность, в этом нельзя сомневаться; но мы находим подтверждение этому в следующем факте, записанном М. А. Дмитриевым. «Летом 1822 года,— говорит он,— несколько русских литераторов, в том числе Крылов, нанимали на общий счет дачу близ Руки (местность указана неверно). Иногда у них бывали чтения. В этом маленьком обществе Крылова называли «соловьем» («Мелочи из запаса моей памяти», «Москвитянин» за январь 1854 г., стр. 191). Едва ли возможно сомневаться, что такое имя было дано ему на основании его басни. Сюда же, по словам М. А. Дмитриева, относится и стихотворение гр. Хвостова «Певцу-Соловью», для прочтения

которого автор нарочно поехал на дачу; но поплатился за то, потому что слушатели беспрестанно прерывали чтение аплодисментами, уверив его наперед, что за каждый аплодисмент у них положено ставить бутылку шампанского. В «Полном собрании сочинений» гр. Хвостова мы нашли это стихотворение только не под тем заглавием, какое дает ему М. А. Дмитриев, а под другим: «Новоселье в Кирпановке» * (т. V, стр. 86), которое отнесено к июню 1822 года и было читано автором на даче 7 июня (примеч. 67), где, по словам гр. Хвостова, собирались не литераторы, а члены Английского клуба. Приводим 4-ю строфу стихотворения, относящуюся к нашему предмету:

Средь Кирпановки смекали
Устроить на Руси Парнас,
С утра до вечера подчас
И в вист и рокамболь играли.
Теперь, любезные друзья,
Приехал слушать соловья [3].

М. А. Корф указывает на факт, послуживший поводом к сочинению басни «Квартет». После преобразования Государственного совета в 1810 году «первыми председателями департаментов были: гр. Завадовский, Мордвинов, кн. Лопухин и гр. Аракчеев. Известно, что продолжительным прениям о том, как их рассадить и даже нескольким последовавшим пересадкам мы обязаны остроумною баснею Крылова «Квартет» ⟨...⟩

От некоторых лиц, в том числе и от покойного Н. И. Греча, мы слышали, будто Крылов в этой истории паука ⟨басня «Орел и Паук»⟩ изобразил судьбу Сперанского ⟨...⟩ [4]

Поводом к сочинению этой басни ⟨«Щука и Кот»⟩ была известная неудача адмирала Чичагова, который должен был пресечь путь Наполеону через Березину. «Нельзя изобразить общего на него негодования»,— пишет Вигель,— все состояния подозревали его в измене, снисходительнейшие кляли его неискусство и Крылов написал басню о пирожнике, который берется шить

* Кирпановка — дача на четвертой версте по Петергофской дороге, принадлежавшая княгине Екатерине Романовне Дашковой; она назвала ее так во имя св. Кира и Иоанна, память которых празднуется 28 июня, в день восшествия на престол имп. Екатерины II. (*Примеч. авт.*)

сапоги, т. е. о моряке, начальствующем над сухопутным войском ⟨...⟩ [5]

Эту басню ⟨«Лебедь, Щука и Рак»⟩ так часто применяли к различным коллективным учреждениям и преимущественно к Государственному совету, что наконец утвердилось мнение, будто она была вызвана несогласиями членов этого совета ⟨...⟩

Покойный Н. И. Греч рассказывал нам, что эта басня ⟨«Троеженец»⟩ написана была по поводу производившегося тогда в Сенате разводного дела Егора Борисовича Фукса, который, разведясь с первою женою и не дождавшись окончания дела, возникшего по поводу его развода со второю, перешел из лютеранского вероисповедания в православное и вступил в третий брак. В общем собрании Сената, которое, по высочайшему повелению, рассматривало это дело не в очередь, кто-то из сенаторов сказал: «Что же нам рассуждать об этом? Крылов прежде нас решил дело!» Фукс очень был оскорблен появлением в печати басни и совершенно прервал знакомство с Гречем, редактором и издателем «Сына отечества» ⟨...⟩

В своих «Воспоминаниях о И. А. Крылове» Булгарин рассказывает, что «один стихотворец (но не поэт), впрочем человек остроумный, выпустил в свет стишки, в которых говорит, что в литературе три великих баснописца и все трое Иваны: Иван Лафонтен, Иван Хемницер и Иван Дмитриев. Об Иване Крылове, уже наслаждавшемся полною славою,— ни помина!» Говорят, будто Крылов, оскорбленный таким невниманием, написал басню «Любопытный», в которой дал понять автору стихотворения, что он посмотрел козявок, мушек и проч., а слона-то, Ивана Крылова, не заметил [6] ⟨...⟩

По другим сведениям, поводом к сочинению этой басни послужил следующий случай: кто-то из приезжих в Петербург, посетив Кунсткамеру, за обедом у Авраама Сергеевича Норова с восторгом говорил об ее богатых коллекциях, останавливаясь на самых мельчайших предметах. На вопрос же, видел ли он слона, отвечал: «Виноват, слона я не заметил». Этот рассказ сообщен нам А. А. Куниным ⟨...⟩

Рассказывают, и мы это слышали с разных сторон, будто Крылов написал эту басню ⟨«Туча»⟩ по поводу пожалования аренды псковскому губернатору во время всеобщего голода в этой губернии ⟨...⟩

По словам Н. И. Греча, Крылов в образе Осленка ⟨в басне «Апеллес и Осленок»⟩ изобразил начинавшего тогда молодого писателя, Катенина, который однажды в библиотеке преважно сказал, что ему Крылов (который действительно раза два зазывал его к себе) надоел своими вечными приглашениями. У Греча в «Черной женщине» Катенин выведен на сцену под именем штабс капитана Закатаева (сведения эти сообщены Н. И. Гречем 10 ноября 1863 г.) ⟨...⟩

По словам В. А. Олениной, басню эту ⟨«Ягненок»⟩ Крылов написал для ее младшей сестры, Анны Алексеевны, когда она была еще ребенком ⟨...⟩

По свидетельству некоторых современников Крылова, басня эта ⟨«Кошка и Соловей»⟩ касалась самого чувствительного современного вопроса,— именно вопроса о цензуре. В ней он изобразил печальное состояние русской литературы, которая в те времена, в эпоху реакции, подвергалась невероятным цензурным стеснениям ⟨...⟩

...Цензор, вообразив, что баснописец разумеет в ней ⟨басне «Рыбьи пляски»⟩ путешествовавшего тогда по России императора Александра, положительно ее запретил. Это так оскорбило Крылова, что он в порыве негодования хотел было уничтожить свою басню, но уступил наконец просьбам своих друзей и переделал ее. (Слышано от В. А. Олениной.) Оказывается, однако же, что догадка цензора была не без основания. «Есть предание,— говорит Я. К. Грот,— объясняющее следующим образом происхождение басни «Рыбьи пляски». Во время одного из своих путешествий по России император Александр I в каком-то городе остановился в губернаторском доме. Готовясь уже к отъезду, он увидел из окна, что на площади приближается к дому довольно большое число людей. На вопрос государя, что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние

края. Государь, спеша отъездом, отклонил прием этих лиц. После распространилась молва, что они шли с жалобою на губернатора, получившего между тем награду»⟨...⟩

Существует мнение, что Крылов написал эту басню ⟨«Дикие Козы»⟩ по поводу дарования конституции царству польскому и что император Александр, которому будто бы эта басня была представлена, крайне был недоволен баснописцем и, сказав: «Не ожидал я этого от старика», запретил ее печатать ⟨...⟩

Крылов был иногда приглашаем на придворные маскарады. В 1836 году при дворе устраивался маскарад. Крылов был также в числе приглашенных. За несколько дней до маскарада он в мрачном расположении духа сидел после обеда у А. Н. Оленина. «Что с вами, дедушка?» — спросила Варвара Алексеевна, к которой Крылов питал глубокую привязанность *. «Да вот беда: надо ехать во дворец в маскарад, а не знаю, как одеться».— «А вы бы, дедушка, помылись, побрились, оделись бы чистенько, вас там никто бы и не узнал». Шутка искренне любимой «фавориточки» (так называл Крылов Варвару Алексеевну) развеселила старика, но не уменьшила заботы. Мы слышали (и это вполне подтверждается Бантыш-Каменским), что разрешить трудную задачу, как одеться, удалось знаменитому трагику Каратыгину, который нарядил баснописца в костюм боярина-кравчего. Сообразно с этою ролью и написано нижеследующее стихотворение. Предварительно нужно заметить, что праздник было устроен по английскому обычаю. Кому достался кусок пирога со спрятанным в нем бобом, тот и был царем праздника.

К этому-то царю Крылов и обращает речь:

По части кравческой, о царь, мне речь позволь,
И то, чего тебе желаю,
И то, о чем я умоляю,
Не морщась, выслушать изволь.
Желаю, наш отец, тебе я аппетита,
Чтоб на день раз хоть пять ты кушал бы досыта.
А там бы спал, да почивал,
Да снова кушать бы вставал.
Вот жить здоровая манера!

---

* Рассказ подтвержден вполне В. А. Олениною. (*Примеч. авт.*)

С ней к году,— и за то я, кравчий твой, берусь —
Ты будешь уж не боб, а будешь царь-арбуз!
Отец наш! не бери ты с тех царей примера,
Которые не лакомо едят,
За подданных не спят,
И только лишь того и смотрят и глядят,
Чтоб были все у них довольны и счастливы;
Но, рассуди премудро сам,
Что за житье с такой заботой пополам;
И бедным кравчим нам
Какой тут ждать себе награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нет, не того бы мне хотелось!
Я всякий день молюсь тепло,
Чтобы тебе, отец, пилось бы лишь да елось,
А дело бы на ум не шло.

Стихотворение это государь выслушал с видимым удовольствием; тогда Крылов обратился к гр. Бенкендорфу с просьбою доложить государю, что он желал бы прочесть вновь сочиненную им басню. Государь изъявил на то согласие, и Крылов прочел «Вельможу». Вся басня и особенно заключительные стихи так понравились государю, что он обнял автора, поцеловал его и промолвил: «пиши, старик, пиши». Воспользовавшись этим случаем, Крылов просил высочайшего разрешения напечатать басню и, разумеется, получил[7].

Причина, понудившая Крылова поступить таким образом, была следующая. Еще за год до этого маскарада он написал «Вельможу». Предполагал ли Крылов, что его произведение не будет дозволено цензурою, или действительно цензура его запретила, но только он передал его тогдашнему министру народного просвещения гр. Уварову для представления государю императору. Не знаем, по какой причине Уваров не исполнил просьбы баснописца; рукопись оставалась у него около года. Между тем кто-то ее списал, передал другому, тот третьему, и таким образом в короткое время басня разошлась в публике во множестве списков; дошло до того, что ученики Пажеского корпуса читали ее на экзамене, а в публике распространилось мнение, что Крылов написал басню, которую цензура запретила; а он, назло ей, распространил эту басню в рукописи. Чтобы прекратить эти толки, он решился лично просить государя о дозволении напечатать эту басню *.

* Рассказ подтвержден несколькими лицами, знавшими Крылова. (*Примеч. авт.*)

ИЗ ПИСЕМ

Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву

Москва, 1791.

Туманский задавил меня своими пиесами [1]. Между тем, да будет тебе известно, что Дмитревский вместе с Плавильщиковым и Клюшкиным, или Кукушкиным, или Кулушкиным, издает в Петербурге журнал «Зритель», который еще до меня не дошел.

Москва, 3 января 1793.

Мне сказывали, будто издателей «Зрителя» брали под караул: правда ли это? И за что? [2]

Москва, 28 января 1793.

Итак, Эмин, Крылов, Клушин, Туманский не благоволят ко мне! Какое несчастие! Я видел, как бедный Туманский хотел зацепить меня в своем журнале. Эмин не сочинил ли какой-нибудь эпиграммы?

Н. М. Карамзин — П. А. Вяземскому

Петербург, 1 мая 1823.

Крылов почти совсем здоров, но простился с баснями [1].

Петербург. 21 января 1824.

С удовольствием слышу, что Крылов написал 20 новых басен и бросил перо только от усталости.

А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу

СПБург. 1 мая 1809.

Посылаю тебе⟨...⟩ басни Крылова, которые здесь недавно вышли [1]. Между ними есть очень хорошие и смешные, но он не Дмитриев.

А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой

СПБург. 1 февраля 1837.

⟨На отпевании Пушкина⟩ австрийский посол, неаполитанский, саксонский, баварский, и все с женами и со свитами. Чины двора, министры некоторые: между ними и Уваров, смерть — примиритель. Дамы, красавиц и модниц множество; Хитрова — с дочерьми, гр. Бобринский, актеры: Каратыгин и пр. Журналисты, авторы,— Крылов последний из простившихся с хладным телом.

А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову

СПБург. 26 июня 1840.

Вчера с дедушками Крыловым и Вяземским ездил я обедать в Ц⟨арское⟩ Село к Смирновой, но дождь и пиявки ее помешали нам наслаждаться ее беседою и гуляньем.

В. А. Озеров — А. Н. Оленину

с. Казанское. 29 октября 1808.

Уф, насилу кончил пятое действие, и полный список трагедии с нынешнею почтою в особливом ящике препровождаю к Вам, любезнейший и почтеннейший друг Алексей Николаевич [1]. Сделайте милость, прочитайте ее всю с начала до конца с откровенными и просвещенными

вашими и моими приятелями, которые и прежде подавали мне полезные советы, с Ф. И. Энгелем, кн. А. А. Шаховским, с И. А. Крыловым; рассмотрите ее с строгостью, особливо же 5-ое действие, о котором не у кого было мне здесь спроситься⟨...⟩ Но прежде заключения моего письма, нужно мне просить Вас, чтобы погрешности или слабости в слоге, особливо 5-го действия, если они не так велики, не останавливали бы переписки ролей; в случае, если трагедия будет принята Дирекциею, Вы и князь Александр Александрович и Иван Андреевич можете сами их поправить, а то в сношениях наших потеряется время.

А. Н. Оленин — В. А. Озерову

Петербург, 27 мая 1809.

Наши комитеты по приказанию Вашему о «Поликсене» были бесполезны.— Шаховской кричал и горячился во всем токмо, что относилось до роли Касандры, которая предоставлена была Вальберховой, а прочим мало занимался, а И. А. Крылов, по обыкновению своему, ни да, ни нет не говорил [1].

А. Н. Оленин — П. М. Волконскому

Петербург. 12 июня 1836.

Вчера в здании императорской Академии художеств в присутствии должностных, действительных и частью почетных вольных ее общников совершилось торжество, в честь превосходного таланта одного из питомцев сей Академии, торжество, какому не было еще примера в летописях С.-Петербургской императорской Академии художеств! ⟨...⟩

Я имел честь Вам, милостивый государь, представлять о намерении некоторых здесь художников совоспитанников известного ныне в Европе знаменитого нашего живописца Карла Брюллова встретить его праздничным дружеским обедом в недрах самой Академии ⟨...⟩

Званых гостей было более семидесяти художников, в том числе некоторые любители изящных искусств и литераторы, приверженцы тех же искусств. Из круглой залы г-н Брюллов вошел со мною во вторую античную галерею, где он был уже встречен всем сословием академических учеников. Один из молодых художников, пенсионеров Академии, пропел сочиненные на этот случай стансы, для коих была сочинена особая музыка. Хор и музыканты были из числа учащихся академистов. По обеим сторонам залы стояли в шеренгах питомцы Академии художеств.

Из сей галереи провел я г-на Брюллова до комнаты, в которой поставлена его картина. В сей зале и в прилегающей к оной комнате был расположен обеденный стол. Я посадил г-на Брюллова на большое место, между мною и г-ном конференц-секретарем, подле меня сидел г-н вице-президент, а поблизости его почетные вольные общники: Жуковский и Крылов ⟨...⟩

3-й тост был Карлу Брюллову, прославившему в Европе имя русского художника ⟨...⟩ 8-й тост был выпит за здравие литераторов и 9-й особенно, в честь присутствующих гг. Жуковского и Крылова. Сим последним тостом, при которых столовая музыка играла туш, заключено было знаменитое для Академии пиршество...

Н. И. Гнедич — К. Н. Батюшкову

Петербург. 6 декабря 1809.

Стихи твои читают наизусть; можешь судить, нравятся ли они. Каков был сюрприз Крылову; он на днях возвратился из карточного путешествия; в самый час приезда приходит к Оленину и слышит приговоры курносого судии; он сидел истинно в образе мертвого, и вдруг потряслось все его здание; у него слезы были на глазах; признаться, что пиеса будто для него одного писана [1].

Петербург. Конец апреля — начало мая 1811.

Так как я с первою почтою тебе отвечаю, то ничего не пишу об Оленине, с которым виделся я вчера только

в доме гр. Строганова. Старик Гомер довел старика Строганова до того, что он кидался мне на шею; графиня Строганова молодая прогнала графа Мейстера, который начал было читать по-французски то место, которое читал я им в своем переводе. Басни Крылова доводят женщин до колик. В среду у Строгановых публичное чтение. Здесь кружатся головы: или это действия моды или афинская звезда взошла над нашею страною.

Н. И. Гнедич — А. П. Зонтаг

Петербург. 20 февраля 1830.

...Посылаю вам стихи Крылова, которые говорил он императрице в сюрпризе, сделанном ей великой княгинею Еленою Павловной. Вообразите Крылова, одетого музою Талией, со всею строгостью древнего греческого костюма, которая с хором других муз неожиданно предстает пред императрицей,— и вы почувствуете цену стихов сих... Можете легко представить, зная Крылова, какое действие произвели стихи эти над слушателями, им самим читанные:

Про девушку меня идет худая слава [1].

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу

1 ноября 1809.

Крылов родился чудаком. Но этот человек загадка, и великая! ...Играть и не проигрываться, скупость уметь соединить с дарованиями, и редкими, ибо если б он более трудился, более занимался... Но я боюсь рассуждать, чтоб опять не завраться.

Череповец. Август 1811.

...Пришли мне что-нибудь почитать. Нет ли Крылова? Я и безделке буду рад, а за Крылова скажу спасибо.

27 ноября — 5 декабря 1811.

Открылась ли «Беседа»? [1] Что делают наши петухи? Зачем хочешь печатать в «Беседе»? По крайней мере, я не советую: надобно иметь характер и золота в навоз не бросать, истинно в навоз, ибо, кроме *Гора́ция* Муравьева [2] и Крылова басен, там ничего путного я не видел.

Октябрь 1812.

Напомни обо мне Крылову и Ермолаеву. Что сделалось с Библиотекою? Ходишь ли ты в нее по-прежнему? [3]

30 октября 1813.

Скажи Крылову, что ему стыдно лениться: и в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием. Вам надобно приучать нас к языку русскому, вам должно прославлять наши подвиги, и между тем как наши воины срывают пальмы победы, вам надобно приготовлять им чистейшее удовольствие ума и сердца.

Москва. Начало августа 1816.

Вчера у меня сидел Каченовский и беседовал до полуночи. Деньги Ивана Андреевича и забавное письмо его я вручил. Поклонись от меня бессмертному Крылову, бессмертному — конечно, так! Его басни переживут века. Я ими теперь восхищаюсь.

Деревня. Вторая половина февраля 1817.

Обними соседа. Но как обнять? Он, я думаю, толще всех поэтов вкупе и рассудком, и тушею, то есть Крылову мой поклон.

Одесса. Конец июля 1818.

Поклон мой 〈...〉 Ивану Андреевичу 〈...〉 Скажи, что басни его здесь в великом употреблении.

А. Е. Измайлов — И. И. Дмитриеву

Петербург. 4 мая 1816.

Вы изволите ободрять меня, советуя мне *идти надежно по следам веселых моралистов*. Ах! я не столько надеюсь, сколько страшусь, вступив на сие обширное и скользкое поприще. Чем более читаю Лафонтена и других славных фабулистов и критиков, тем более имею причин опасаться и не доверять самому себе. Весьма много почитаю себя обязанным отечественным баснописцам, ибо хорошие образцы на своем языке полезнее всякой теории и правил. По моему мнению, Хемницер и Крылов весьма близко подошли к Лафонтену: первый своим простодушием, а второй веселостью и живостию разговора. Но ни тот, ни другой не имеют любезной его чувствительности, силы и благородства в выражениях, которые столь удачно сохранили вы в своих подражаниях. Я удивляюсь, как ваше превосходительство могли столь хорошо и столь близко переводить Лафонтена. От Лафонтена и от вас узнал я, что баснописец должен быть настоящий поэт, то есть должен иметь чувство, составляющее существенное свойство поэта, и при всей простоте рассказа не унижать никогда языка богов.

Кажется, у нас любят теперь читать басни. Никогда еще не раскупали здесь так хорошо ни одной книги, как раскупают ныне басни Крылова. Жаль очень, что в 4-й и 5-й частях поместил он довольно посредственных басен и оставил в прочих несколько слабых и даже дурных стихов, которые весьма бы легко можно было поправить. Завидуя его успехам, многие здесь принялись писать басни и пишут ежели не успешно, зато весьма поспешно. У главного издателя «Духа журналов» [1] подряжен один молодой баснописец Лузанов, который всякую почти неделю ставит ему по две и по три басни. Вот настоящий и самый плодовитый Fablier! * Граф Д. И. Хвостов намерен сделать второе издание своих Притчей. Не известно еще, скоро ли они появятся в свет, но давно уже одобрены цензурою к напечатанию. Недавно вышла здесь первая книжка басен и сказок Василья Тибекина, а вслед за оной должны выйти еще три книги.

---

* Баснописец (*фр.*).

Петербург. 8 октября 1822.

Нынешним летом Крылов и еще несколько литераторов (не знаю уже кто именно) нанимали на общий счет дачу где-то близко Руки. Иногда бывали у них и чтения. Главою этого общества был Крылов, прозванный от членов Соловьем. Граф Д. И. ⟨Хвостов⟩, *пронюхав* (с позволения сказать) это, написал стихи Певцу-Соловью и поехал с ними на дачу в то самое время, когда было там чтение. Не прежде пустили его в залу собрания, как он объявил желание быть членом и внес в качестве оного на общественные издержки 25 руб. Граф просил позволения прочесть оду свою Певцу-Соловью. «Сколько строф или куплетов?» — спросили его. «Двадцать»,— отвечал он и начал читать. Только что окончил он первую строфу, как раздались рукоплескания. Он хотел начать вторую, но ему не дают читать и все аплодируют. Граф сконфузился. Один из членов объяснил ему, что когда при чтении аплодируют, то читающий должен, по уставу, купить бутылку шампанского и потчевать слушающих. Итак 20 строф стали его сиятельству 200 или 300 р.— я недавно о сем услышал и при первом свидании с Крыловым спрошу его, так ли было дело? [2]

Петербург. 15 января 1823.

Вчера был я в торжественном собрании Российской Академии. Заседание открылось чтением записки о занятиях Академии в последние два года. Потом почтеннейший историограф нам прочитал два весьма любопытные отрывка из X тома своей истории: 1) О убиении царевича Димитрия и 2) О избрании на царство Бориса Годунова. После него читал Гнедич перевод Жуковского из «Энеиды» российскими гекзаметрами (взятие и сожжение Трои). До сих пор шло все очень хорошо; но как начал Петрушка Соколов (так называют его все старинные, сугубые сочлены) читать перевод свой из Тита Ливия о спасении Капитолия гусями и Камиллом, то невозможно почти было слушать — так он несносно переводит и читает! Дочитав до гусей, взглянул он и показал рукою на Крылова. Крылов улыбнулся; улыбнулся А. Н. Оленин и сам важный Гнедич. Наконец князь Шаховской прочел две сцены из какой-то Аристофановой комедии. Сколько можно было расслышать, то стихи его

очень хороши, по крайней мере плавны. В заключение вышереченный секретарь Петрушка Соколов объявил громогласно, что Академия единогласно определила наградить его высокопревосходительство Ивана Ивановича Дмитриева и его высокоблагородие Ивана Андреевича Крылова большими золотыми медалями. Раздались в зале рукоплескания [3].

Петербург. 1 февраля 1824.

Крылов написал несколько новых басен. Я слышал только четыре, читанные им при мне у А. Н. Оленина. Очень хороши. Три из них напечатаны будут во 2-м № «Соревнователя» [4].

Петербург. 23 марта 1825.

Если б и не читал я в 26 № «Северной пчелы» (или *Осы*), что в «Полярной звезде» будет напечатано новое произведение *долго безмолвствовавшей вашей Музы*, то и тогда бы узнал, чья это басня, по мастерской отделке стихов и особенно по глубокому чувству. Сего последнего вовсе нет ни у Хемницера, ни у Крылова [5].

Ю. А. Нелединский-Мелецкий — дочери

30 августа 1823.

⟨...⟩ Недавно в Павловске был спектакль: разыгрывали басню Крылова «Демьянова уха». Крылов на театре уху расхлебывал, хозяин, который потчевал, был кн. Федор Голицын, а княжна Хилкова представляла его жену и кланялась Крылову, чтобы он покушал, очень натурально, по-крестьянски, в пояс.

20 декабря 1823.

Посылаю Вам портрет И. А. Крылова и его биографию, которую он одобряет [1]. Он мне сказывал, что в каком-то французском журнале его обвиняют, будто в басне «Разбойник и Сочинитель» он метил на Вольтера, чего, говорит, и в голове у него не было [2].

Н. М. Языков — брату

Дерпт. 3 октября 1823.

Твое предложение мне писать к сестре о каком-нибудь предмете ее образования имеет следствием вопрос, сделанный мною самому себе: могу ли еще теперь об чем бы то ни было рассуждать и писать основательно и даже делать понятным то другому, что хотя сам понимаю? Для такого подвига должно бы более пожить в Дерпте и более, нежели я имею времени, заниматься этими предметами ⟨...⟩ Прошу тебя, займи ее особенно Крыловым: это такой автор, которого нельзя довольно хвалить и который всех настоящих и прошедших поэтов русских умнее. Пусть она учит его наизусть: это придать может ее мыслям и выражениям особенную замысловатость и крючливость, а нет ничего божественнее женщины, имеющей сии качества — не так ли?

Дерпт. 3 февраля 1824.

Слышно, что у Булгарина откроется война с Вяземским: ибо последний (каналья!) в биографии Дмитриева предпочитает его Крылову; это безбожно и безвкусно, как мне кажется, и может быть сказано только одним Вяземским, который Дмитриеву или кум, или сват. Крылов, как тоже слышно, написал несколько новых басен и отдал их в «Соревнователь» — имей это в виду.

Дерпт. 2 марта 1824.

Читал ли ты новую басню Крылова «Кошка и Соловей»? Прелесть: видно, что его воображение не охладело от лет, не так как у Дмитриева ⟨..⟩ Пишет Княжевич, что теперь цензура сделалась еще глупее и строже прежнего; вот пример: для «Литературных прибавлений» переведена была повесть из Голдшмита, в которой только что упоминалось об каких-то актерах, худо игравших; этой повести не пропустили, потому что запрещено писать о театрах в Петербурге. Вот каково, мой почтеннейший! Что делать нашей братье авторам? Молчать или говорить вяло и пусто. Как кстати здесь применить можно прекрасную басню Крылова «Кошка и Соловей»: подлинно сказать —

Худые песни соловью
В когтях у кошки.

Дерпт. 26 октября 1825.

...Не вышли ли «Басни» Крылова? Я их давно жду с нетерпением от Княжевича.

Дерпт. 4 апреля 1826.

Аладьин мне дарит все новое в нашей литературе; вчера получил я от него басни Крылова; они меня восхищают; он довольно поправил в прежних, и новые все тут. Заметь в басне «Дуб и Трость» стих, стоящий целого Дмитриева: *Брега бурливого Эолова владенья;* это вещь Гомеровская, божественно!

Дерпт. 28 ноября 1826.

Пушкин возвратился в свою деревню; он писал мне раз оттуда и обещает еще написать много о Москве; хочет напечатать «Годунова», говоря, что царь освободил его от цензуры. Честь и слава Гнедичу; день выхода в свет его «Илиады» можно праздновать, как это делалось в Германии во имя Фосса [1]. Не слыхал ли, когда придет этот день? и не продолжит ли Гнедич переводить далее Гомера? Ведь, кажется, были слухи, что Крылов переводит «Одиссею». Справься: это важно и достолюбопытно.

А. С. Грибоедов — С. Н. Бегичеву

Петербург. Июнь 1824.

На дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину, дай счесть — 8 чтений. Нет, обчелся, — двенадцать...

А. С. Грибоедов — П. А. Вяземскому

Петербург. 21 июня 1824.

Гнедича я видел; несмотря что у него и галстук повязан экзаметром, в мыслях и словах и поступи что-то надутое, но кажется, что он гораздо толковее многих здесь.

Крылов (с которым я много беседовал и читал ему) слушал все выпуча глаза, похваливал и вряд ли что понял. Спит и ест непомерно. О, наши Поэты! Из таких тучных тел родятся такие мелкие мысли! Например: что Поэзия должна иметь *бют* *, что к голове прекрасной женщины не можно приставить птичьего туловища и пр.— Нет! Можно, почтенный Иван Андреевич, из этого может выйти прекрасная идеальная Природа, гораздо выше нами видимой, слыхали ли Вы об Грифоне Индо-бастрианского происхождения, посмотрите на него в обломках Персеполя, в поэме Фердусия.— А! [1]

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу

Москва. 16 октября 1816.

Иван Иванович ⟨Дмитриев⟩ написал несколько превосходных басен. Скипетр — в руках законного царя: горе и стыд самозванцам! Разумеется, здесь дело идет не о Крылове: он счастливый смельчак, бесстрашный наездник, который, смеясь законам, умел приковать победу к себе и закупить навсегда пристрастие народа, склонного всегда рукоплескать счастливой смелости.

Петербург. 29 декабря 1835.

Я читал твое письмо в субботу у Жуковского, который сзывает по субботам литераторскую братью на свой олимпический чердак [1]. Тут Крылов, Пушкин, Одоевский, Плетнев, барон Розен etc., etc. Все в один голос закричали: «Жаль, что нет журнала, куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего!»

---

* But (*фр.*) — цель.

П. А. Вяземский — А. А. Бестужеву

Москва. 9 марта 1824.

За что Булгарин клепает на меня, как на мертвого? Бог знает что заставляет он меня говорить в выписках своих из биографии! Если он меня не понял, то бог с ним, а если перетолковал, то грешно[1]. Крылова уважаю и люблю, как остроумного писателя, но в эстетическом, литературном отношении всегда поставлю выше его Дмитриева и скажу свое мнение без зазрения и страха, ибо не признаю никаких условных властей в республике словесности. Скажу более, Крылова ценю выше казенной оценки так называемых его почитателей. Чему бо́льшая часть из них дивится в нем? Что выдало ему открытый лист на общенародное уважение? Плоскости, пошлости, вредящие его истинному достоинству. У всех на языке «а философ без огурцов!.. Ай, моська! Знать, она сильна, что лает на слона» и шутки подобные, да вот и все! А, конечно, не в этих прибаутках лубочных заключается знаменье его дарования. Крылову многие поклоняются как временщику, его должно уважать, как истинного вельможу. Ищите в нем не мишуру, кидающуюся в глаза, но отыскивайте золото, требующее внимания проницательного, и тогда, сравнивая золото одного и другого, отдадите вы преимущества Дмитриеву, ибо золота в нем более, и оно лучшей пробы.

П. А. Вяземский — А. С. Пушкину

Остафьево. 16 октября 1825.

Твоя статья о Лемонтее очень хороша по слогу зрелому, ясному и по многим мыслям блестящим. Но что такое за представительство Крылова? Следовательно, и Орловский представитель русского народа?[1] Как ни говори, а в уме Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань из-за угла, трусость перед господами, все это перемешано вместе. Может быть, и тут есть черты народные, но, по крайней мере, не нам признаваться в них и не нам ими хвастаться перед иностранцами. И 〈...〉 есть некоторое представительство человеческой природы, но смешно же было бы живописцу ее представить как

отличительную принадлежность человека. Назови Державина, Потемкина представителями русского народа, это дело другое; в них золото и грязь наши par excellence *; но *представительство Крылова* и в самом литературном отношении есть ошибка, а в нравственном, государственном даже и преступление, de lèze-nation **, тобою совершенное.

П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской

Петербург. 7 марта 1828.

...Был я с Пушкиным у Крылова: со всем умом и дарованием его он на меня производит действие какого-нибудь сибирского *сирокко*: охлаждает и сушит. От него на меня пышет душным холодом.

Петербург. 19 апреля 1828.

...Смерть хочется, приехав, с вами поздороваться и распроститься, возвратиться в июне в Петербург и отправиться в Лондон на пироскафе, из Лондона недели на три в Париж 〈...〉 Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я. Мы можем показываться в городах, как жирафы, или осажи [1]: не шутка видеть четырех русских литераторов. Журналы, верно, говорили бы об нас. Приехав домой, издали бы мы свои путевые записки: вот опять золотая руда. Право, можно из одной спекуляции пуститься на это странствие. Продать заранее ненаписанный манускрипт своего путешествия какому-нибудь книгопродавцу или, *например, Полевому*, деньги верные...

Петербург. 2 мая 1828.

Третьего дня провели мы вечер и ночь у Пушкина с Жуковским, Крыловым, Хомяковым, Мицкевичем, Плетневым и Николаем Мухановым [2]. Мицкевич импровизировал на французской прозе и поразил нас, разумеется, не складом фраз своих, но силою, богатством и поэзиею

* По преимуществу (*фр.*).
** Оскорбление нации (*фр.*).

своих мыслей. Между прочим, он сравнивал мысли и чувства свои, которые нужно выражать на чужом языке, avec un enfant mort dans le sein de sa mère, avec des matériaux enflammés qui brûlent sous terre, sans avoir de volcan pour leur erruption *. Удивительное действие производит эта импровизация. Сам он был весь растревожен, и все мы слушали с трепетом и слезами...

Петербург. 12 мая 1828.

...Вчера ездили мы с Карамзиными Невою на биржу есть устрицы и слушать тысячи птиц, которые в клетках расставлены на несколько этажей. Кораблей, однако же, еще немного. То-то было бы тебе объедение на бирже: устрицы, сыры, разные сласти. После биржевых устриц поехал я обедать к Перовскому также на устрицы. Там были сверх того: Карбонье, Филимонов, Нечаев, Крылов, Пушкин, Мицкевич. Крылов на таких сходках очень приятен. С ним не до́лжно говорить о поэзии, о высоком, потому что он положительная проза, но как проза он очень мил. Он слышал трагедию Пушкина, и — классик присяжный — он не может не протестовать против романтизма ее. Пушкин спрашивал его: «Признайтесь, что моя трагедия вам не нравится».— «Нет, не могу сказать этого: в своем роде она очень хороша. Один проповедник говорил, что все в мире совершенно и лучше быть не могло. «Неужели вы то скажете и обо мне?» — спросил его горбатый. «А почему же нет,— возразил проповедник,— для горбатого вы очень хороши».

Петербург. 20 июня 1836.

На днях был у меня вечер для Жуковского прощальный, он поехал на шесть недель в Дерпт, а для Loeve Veimar встречальный. Все было взято напрокат и вышло прекрасно, Une soirée des célébrités ** Брюллов, Лев Веймар, Пушкин, Крылов, Жуковский, я, Бартенев и еще кое-кто. Не попал только Horace Vernet, который приехал сюда на следующий день.

---

* С младенцем, умершим во чреве матери, с огненной массой, пылающей под землей и не имеющей вулкана для извержения (*фр.*).

** Сборище знаменитостей (*фр.*).

П. А. Вяземский — Д. П. Северину

Петербург. 7 февраля 1838.

Сейчас узнаю, что едет курьер в Мюнхен и посылаю с ним замечательную литературную новинку[1]. Праздник очень хорошо удался. Более двухсот гостей участвовало в нем и между прочими все наши сановитости. Перед обедом Уваров привез новорожденному орден св. Станислава второй степени при весьма лестном рескрипте. Вот как все идет на белом свете! Я думал, что в первом письме моем к тебе поплачем вместе о нашем незабвенном Дмитриеве[2]. А вместо того сообщаю о празднике Крылову. Радость радостью, а слезы слезами.

А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому

8 марта 1824. Одесса.

Жизни Дмитриева еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь черт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова...[1]

Около 7 ноября 1825. Михайловское[2].

Ты уморительно критикуешь Крылова: молчи, то знаю я сама, да, эта крыса мне кума[3]. Я назвал его представителем *духа* русского народа— не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял.— В старину наш народ назывался смерд (см. госп⟨одина⟩ Кар⟨амзина⟩)[4]. Дело в том, что Крылов преоригинальная туша, гр⟨аф⟩ Орлов дурак, а мы разини и пр. и пр...

А. С. Пушкин — А. А. Бестужеву

Конец мая — начало июня 1825. Михайловское.

У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает⟨...⟩ Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги.

Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который в басне столь же выше Лафонтена, как Держ⟨авин⟩ выше Ж.-Б. Руссо⟨...⟩

Отчего у нас нет гениев и мало талантов? Во-первых, у нас Державин и Крылов — во-вторых, где же бывает *много* талантов [1].

А. С. Пушкин — А. А. Дельвигу

Начало июня 1825. Михайловское.

Какую Крылов выдержал операцию? Дай бог ему многие лета! [1] Его «Мельник» хорош как «Демьян и Фока» [2].

А. С. Пушкин — М. П. Погодину

1 июля 1828. Петербург.

Пора Уму и Знаниям вытеснить Булгарина и Федорова ⟨...⟩ За разбор «Мысли», одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева, каждого по достоинству [1].

А. С. Пушкин — И. Т. Калашникову (черновое)

Начало апреля 1833. Петербург.

Вы спрашиваете моего мнения о «Камчадалке». Откровенность ⟨?⟩ под моим пером может показаться вам простою ⟨?⟩ учтивостию ⟨?⟩. Я хочу ⟨?⟩ лучше ⟨?⟩ повторить вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного ценителя истинного ⟨?⟩ таланта. Прочитав «Дочь Жолобова» он мне сказал: Ни одного из русск⟨их⟩ ром⟨анов⟩ я не читывал с большим удовольствием. «Камчадалка» верно не ниже вашего первого произведения.

П. А. Катенин — А. С. Пушкину

Петербург. 24 ноября 1825.

В прошедшую пятницу по правилам нового театрального постановления собрался в доме гр. Милорадовича комитет *словесников* (так написано было в повестках); какими правилами руководствуются при этом сборе — мне неизвестно ⟨...⟩ [1] Из людей в самом деле известных в словесности находились только Шишков, Муравьев-Апостол, Шаховской и Крылов; поверишь ли ты, что тут же с ними заседал и Бестужев?! Меня не было, читал мой ученик Каратыгин, как видно, весьма хорошо, ибо трагедия понравилась, и ее определили принять...

А. П. Бочков — А. А. Ивановскому

Петербург. 28 октября 1826.

Надеясь на вашу снисходительность, мой любезнейший друг, я осмеливаюсь, по старой памяти, сообщить Вам свои замечания на письма Вяземского и Пушкина, доставившие мне много приятнейших минут.

Письма Вяземского — сокровище: живость, игра ума, богатые мысли и сравнения. Но я досадую на его упрямство. Дмитриева предпочитать Крылову? Крылов — поэт, поэт природный! При этом выражении скалят зубки и перемигиваются между собою некоторые критики; Вяземскому ли к ним приставать? «Пускай идут люди с людьми, а прочее — с прочим». Это его собственные слова. Положим, что с его мнением согласятся немногие, но мнение Вяземского не безделица в трибунале российской словесности.

Крылов у нас один из первых поэтов — это доказано; этому нельзя противустать. Восторженные и тупоголовые — все одно и то же об нем скажут. Его слава утверждена общественным неразделыным мнением. Сей поток в своем течении увлекает вместе с кедрами и дубами — жерди и дубины. «У Дмитриева более чистого и высшей пробы золота», — говорит Вяземский. Следовательно, Крылов ниже Дмитриева? Пушкин говорит другое: Дмитриев,

по его мнению, «напрасно причислен к лику великих поэтов, а Крылов, несомненно, выше Лафонтена».

Досадуя на несправедливое суждение Вяземского и увлекаясь мнением Пушкина, в первом движении и не спросясь рассудка, в фанатизме, так сказать, я написал следующее. Дмитриев, правда, писатель очень любезный, приятный, но где же у него вдохновение? ⟨...⟩ «К какому разряду причислишь ты Крылова,— говорит мне, улыбаясь, рассудок,— он, верно, не беснуется, как Пиндар, Шекспир, Байрон и Пушкин. Пред нашим баснописцем летают легкие веселые призраки, и не судорожный трепет, а громкий простодушный смех обнаруживает, что он видит своего гения. Скажи лучше, что вы все не правы, что поэт — Протей: везде и всегда разнообразен. Пушкин увлек тебя так, как порывистый вихрь подымает на воздух сор и щепки».

А. А. Шаховской — М. Н. Загоскину

Петербург. 4 января 1830.

Первое действующее лицо авторского обеда, явившееся на сцену, был А. Пушкин ⟨...⟩ [1] После обниманий и некоторых полуизвинений тотчас заговорил о тебе; Пушкин восхищен от отрывка твоего романа, который он читал в журнале; [2] входит Крылов, из дворца, где он пробовал в новом маскарадном сюрпризе (который дают сегодня) роль Талии; [3] расспросы о тебе и улыбательное ободрение отрывка твоего романа; входит Гнедич; восклицание: прекрасно! твоему же роману; наконец является Жуковский ⟨...⟩ он объявляет, что не спал вчера всю ночь, от чего же? все то ж от твоего романа...

А. А. Шаховской — С. Т. Аксакову

С.-Петербург. 8 января 1830.

Вчера я провел вечер у Жуковского с Крыловым, Пушкиным, Гнедичем и еще с каким-то молодым человеком, которого не знаю и забыл спросить о его имени. Предметом нашего собрания были мои «Смоляне» [1]. Их

слушали с большим вниманием, кроме Крылова, который, объевшись поросенка, дремал до начала чтения, заснул в 1-м действии и выспался к четвертому. Уважение слушателей к хозяину не дозволяло им делать замечаний прежде его, а он делал их общими суждениями, как напр., что он почитает хоры лишними в драматических сочинениях, что ему кажется, будто все мои герои говорят одним языком до третьего действия, что то или другое трудно представить на сцене нашим актерам, хотя уже несколько лет он их не видит, да и видеть не хочет, и тому подобное. Молодой незнакомец опровергал кое в чем эти замечания. Пушкин говорил, что он лиризм везде любит. Гнедич вполголоса одобрял мои возражения, а Крылов прихрапывал. Наконец, при пробуждении его, слушатели мои пооживились, и начали вырываться похвалы. Четвертое действие одушевило всех; пятое уже очень хвалили и по прочтении пиесы решили, что она должна произвести сильное впечатление над зрителями, и в ней много хороших мест, которым понравиться слушателям не совсем помешало даже мое бормотанье ⟨...⟩

Крылов третьего дня, в домашнем маскараде, который давала великая княгиня государыне императрице, представлял музу Талию и говорил прелестные стихи, им сочиненные, которые я к вам пришлю и прислал бы теперь, но забыл взять у Жуковского; в них много остроты, веселости и очень милой, потому что без лестной похвалы домашнего быта высоких хозяев.

Н. В. Гоголь — А. С. Данилевскому

Рим. 2588-й год от основания города,
13 мая н. ст. 1838.

...На днях я получил письмо от Смирнова. Он упоминает, между прочим, об обеде, данном Крылову по случаю его пятидесятилетней литературной жизни. Я думаю, уже тебе известно, что государь, узнавши об этом обеде, прислал на тарелку Крылову «Станислава» 2-й степени. Но замечательно то, что Греч и Булгарин отказались быть на этом обеде, но когда узнали, что государь интересуется сам, прислали тотчас просить себе

билетов. Но Одоевский, один из директоров, им отказал, тогда они нагло пришли сами, говоря, что им приказано быть на обеде, но билетов больше не было, и они не могли быть и не были [1]. Смирнов прибавляет, что Булгарин, на возвратном пути в Дерпт, был кем-то, вероятно из дерптских студентов, так исправно поколочен, что недели две пролежал в постели. Этого наслаждения я не понимаю. По мне, поколотить Булгарина так же гадко, как и поцеловать его. По случаю этого празднества были написаны и читаны на нем же стихи — одни Бенедиктова, незамечательны, другие кн. Вяземского, очень милы и очень умны и остроумны. Они были петы. Музыку написал Вельегорский.

Н. В. Гоголь — С. П. Шевыреву

Франкфурт. 14 декабря н. ст. 1844.

Благодарю тебя за некоторые литературные подробности. О смерти Крылова мы узнали из немецких газет. Мир душе, исполнившей на земле чисто свое дело!

Н. В. Гоголь — В. А. Жуковскому

Рим. Ноябрь 28 н. ст. 1845.

Словцо об «Одиссее». В «Северной пчеле», уже не помню в каком номере, попавшемся в мои руки, напечатана статья о Крылове, написанная каким-то его сослуживцем, Быстровым. В числе немногих анекдотов сказано там, между прочим, о занятиях Крылова греческим языком и о попытке переводить «Одиссею», причем приложена была и самая попытка, составляющая начало I песни, которую я, разумеется, сей же час списал для вас и при сем посылаю. Сделав попытку, Крылов бросил самое дело, назвавши гекзаметр (по словам Быстрова) Голиафом, с которым ему не сладить [1].

П. А. Плетнев — В. А. Жуковскому

С.-Петербург. 17 февраля 1833.

Его ⟨Гнедича⟩ похоронили 3 февраля в Невском [1]. При погребении было довольно людей, любивших его. Но Хвостов не пощадил и последней церемонии. Целую обедню раздавал он стихи свои и разговаривал во весь голос, так что Крылов при конце отпевания сказал ему: «Вас было слышнее, чем Евангелие». Пушкин пророчит, что Хвостов всех нас похоронит. Оно правдоподобно: если он не умер в старину, когда над ним смеялись, то кто ему велит умирать теперь, когда его чуть на руках не носят? Верно, насладились вы лицезрением его на картинке *Новоселья* (которое князь Вяземский к вам давно отправил), где он так чинно сидит между Крыловым и Пушкиным [2].

С.-Петербург. 2 марта 1845.

Вы очень справедливо думаете, что бы можно сделать из биографии Крылова. Да кому это сделать-то? Мне кажется, один Пушкин был бы в состоянии повторить в творении своем это чудное творение руки создателя. В записках у Вигеля есть много острого и даже справедливого (хотя не в похвалу Крылову) о той эпохе, когда Крылов жил в деревне у Голицына. Вигель препаблюдательный ум, только желчный и односторонний.

М. А. Коркунов — издателю «Московских ведомостей»

4 февраля 1837.

Отпевание тела его ⟨Пушкина⟩ происходило в церкви Спаса в Конюшенной 1 февраля в 11 часов утра. Перед церковью, для отдания последнего долга любимому писателю, стеклись во множестве люди всякого звания. Трогательно было видеть вынос гроба из церкви: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и другие литераторы и друзья покойного несли гроб.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

СПб., декабря 16 дня. 1839.

У князя Одоевского по субботам встречаюсь с посланниками, и у нас уже составился вист впятером: я, немецкий, французский, итальянский и турецкий посланники [1]. Впрочем, видел я одного — шведского, графа Пальментиерна: презамечательный старик, выучился по-русски, любит со всеми говорить по-нашенскому-то, добр и прост, как какой-нибудь русский немец, учитель немецкого языка. Видел И. А. Крылова и, признаюсь, с умилением посмотрел на этого милого и достолюбезного старца.

В. Г. Белинский — К. С. Аксакову

СПб., января 10.1840.

Видел Крылова и, признаюсь, с умилением смотрел на этого старца-младенца, о котором можно сказать: «сей остальной из стаи славной» [1].

А. П. Керн — П. В. Анненкову

С.-Петербург. 17 июня 1859.

А еще я вспомнила одно словечко Крылова. Однажды он уснул в самый разгар литературной беседы. Разговор продолжался под храп баснописца. Но тут спор зашел о Пушкине и его таланте, и собеседники захотели тотчас же узнать мнение Крылова на сей счет; они без стеснения разбудили его и спросили: «Иван Андреевич, что такое Пушкин?» — «Гений!» — проговорил быстро спросонья Крылов и опять уснул.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ «МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ БИОГРАФИИ И. А. КРЫЛОВА, СОБРАННЫХ В. Ф. КЕНЕВИЧЕМ. ЛЕВ АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ, БРАТ БАСНОПИСЦА»

Лев Андреевич Крылов принадлежал к разряду тех незначительных людей, которые проходят свое земное поприще, не ознаменовав его никаким заметным делом, не возвысив и не унизив своей скромной доли, и умирают, не оставив по себе «ни мысли плодовитой», ни даже следа своего существования. О таких людях человечество ничего не знает, а близкие к ним товарищи и друзья забывают их чуть ли не у самой могилы. Если воспоминания о них иногда и сохраняются, то они обязаны этим своим невольным отношением к людям гениальным, озарявшим все, что ни соприкасалось с ними. Таков был и Лев Андреевич Крылов.

Все наши сведения о нем мы почерпаем из его писем к брату, которые сохранились в бумагах последнего, принадлежащих ныне императорской Академии наук.

Он начал службу в гвардии и жил в Петербурге, когда его брат вместе с Клушиным издавал журнал; но когда он перешел в армию и по какой причине, того из писем не видно [1]. Время разлуки с братом не ослабило в нем нежной, почти сыновней привязанности к нему. «Любезный батюшка, братец Иван Андреевич», «милый тятенька», вот постоянные обращения, повторяющиеся в каждом письме. В них Л. А. делился с своим гениальным братом и радостями своими и горем, навещавшим его не раз. Конечно, такая искренность отношений может сохраняться только тогда, когда она взаимна. И. А. до последней минуты жизни своего брата, умершего гораздо ранее его, был его другом, покровителем и помощником; постоянно входил в мельчайшие его нужды, интересовался

его служебным положением, его знакомствами, образом жизни, занятиями, расходами. Ответы Л. А-ча на его вопросы рисуют до мельчайших подробностей бедную картину жизни сначала армейского, а потом гарнизонного офицера, ибо Л. А. по болезни перешел в гарнизон.

Чтобы не утомлять внимания читателей, мы воздерживаемся от перепечатывания всех писем и ограничимся только извлечениями и небольшими выдержками из них.

Первое письмо по времени написано в 1800 году 11 или 12 января и получено И. А-чем (как видно из его собственноручной заметки) 1800 г. января 17 дня. Приводим начало его, потому что оно, на наш взгляд, весьма характерично: «Богу одному известно, сколько сердце мое чувствует радости, читая твое приятное письмо, которое я получил сего января 11 дня, со вложением ста рублей ассигнаций; и сколько я ни думал описать тебе мою благодарность, но наконец увидел, что слабый ум мой никогда не может сыскать слов, чтобы живо выразить оную. Мне кажется, что сильные действия сердца только можно чувствовать, а описать никогда... Ты говоришь, любезный тятенька, что живешь весело и доволен своим состоянием, по милости князя Сергея Федоровича Голицына [2]. Слава богу! желаю тебе от всего моего сердца и прошу бога, чтобы ты и всю свою жизнь провел весело. Уверяю тебя, любезный мой, что меня ничто не может больше веселить, как твое доброе состояние»...

Далее в ответ на вопрос брата, требовавшего, чтобы Л. А. описал ему весь свой «экипаж», он перечисляет все свое скудное имущество, в котором книги занимают первое и весьма значительное место; скрипка, взятая И. А—чем у какого-то Сафонова, также «много прогоняла скуку» Л. А — ча. Затем следует счет денег, заключающийся следующими восклицаниями: «итак, видишь ты, любезный тятенька, имею я больше 200 рубл., чего у меня никогда не бывало и которых, думаю, надолго станет, ибо я в карты не играю, стол имею всегда хороший... перед обедом и перед ужином рюмка водки, поутру чай...»

После того Л. А. рассказывает о своем походе. 1799 г. 12 января, войска, находившиеся в Херсоне, получили приказание от генерала Германа немедленно выступить в поход; «но как была некоторая неисправность в рассуждении обоза да и офицеров у многих ни лошадей, ни повозок, то и промешкали до 22-го. Сего числа

поутру в 8 часов с помощию божлею выступили. Надобно сказать тебе наперед, что у меня перед этим временем не было ни полушки денег, а кормили меня товарищи, с которыми я жил в одной казарме. Хотя у меня и была маленькая повозченка, но лошади и ничего больше; а без денег в походе пренегодно. Занял я 30 рублей у батальонного начальника в счет жалованья и, таким образом кое-как собравшись, потащился, сам пешком и во весь поход шел пеший... Вообрази себе, любезный тятенька, что я, не ходи́вши никогда, и 20 верст пешком! А тут с утра была оттепель, снегу выпало по колено...», потом сделался жестокий мороз, «я же шел в штиблетах, повозки все отправили вперед; мне кажется, я бы совсем околел, если бы, к счастью моему, повозка моя не остановилась; однако же я со всем тем так сильно отморозил ноги, что до самого Бору болели, целый месяц». В Бору генерал Герман сделал смотр войскам, после чего они продолжали путь до Гусятина; здесь расположились они по деревням и поступили под начальство князя Дмитрия Михайловича Волконского. Под командою князя Волконского они совершили весь поход. Автор письма останавливается на описании Львова и Пешта, где наши войска были встречены принцем Иосифом и где им был оказан самый радушный прием, что также описано в письме весьма кратко: обед, бал, музыка и т. п.

Из последующих писем видно *, что Л. А. вел журнал во время своего Итальянского похода и по частям доставлял его брату; к сожалению, он не весь сохранился. Небольшой отрывок (один почтовый лист) дает, однако же, понятие о том, в каком роде был этот журнал. Он по изложению напоминает хождение игумена Даниила. В этом отрывке весь маршрут от Нови, где происходило шестнадцатичасовое сражение, в котором войска, где находился Л. А., не участвовали, потому что опоздали, ибо пошли не тою дорогою — до Кастель-Флорентино, «небольшого селения на высокой горе»; здесь означены время всех переходов, местечки, города, несколько общих замечаний сделано о каждом, но ничего нет, что бы могло заинтересовать читателя в каком бы то ни было отношении.

---

* Из Серпухова, 1802 г., апреля 3 дня. (*Примеч. В. Ф. Кеневича.*)

Следующее письмо, от 26 декабря 1801 г.*, писано, как видно, из Серпухова, вокруг которого расположились войска, возвратившиеся из похода. В нем Л. А. поздравляет брата с новым годом и благодарит за присланные ему 50 р. ассигнациями.

Из писем, отосланных из Серпухова в 1802 г., сохранилось только два: первое (без означения числа), несмотря на краткость, не лишено интереса. Приводим его в извлечении. Поблагодарив брата за письмо, полученное 24 января, Л. А. продолжает: «Сказка твоя о Марфушке (?) меня удивила. Я, право, полагал, что она давно на воле, а она, бедная, терпела через твою беспечность. Однако ж теперь я очень рад и благодарю тебя, что ты за все претерпение ее наградил; по крайней мере, она теперь сыщет где-нибудь пристанище и не будет бояться тюрьмы, которой прежде всякий раз ожидала». Пожалев, что не имеет сведений о своих прежних товарищах, Л. А. восклицает: «Что вздумалось Клушину твоему жениться, да еще и с таким богатым приданым, и, верно, на актрисе? Я бы никогда от него этого не ожидал!» Не лишено интереса и следующее замечание: «Конечно, вы с ним не в ладу, что так в близком расстоянии один от другого, а не имеете переписки» **[3]. В этом же письме сообщается новость: Л. А — чу удалость в Серпухове открыть родственницу, «дядюшки Якова Юдича родную сестру, вдову, которая имела там свой дом и жила с детьми; один сын подъячий», но виделся ли с ними Л. А., не видно. Заключение письма так интересно, что мы приводим его вполне. «Ты заботишься и не знаешь, как пособить моей скуке, и пишешь, что если бы Татищев был в Москве, то бы библиотеку ко мне переслал. Но ты подумай, не смешно ли было бы возить целый воз книг, иметь тройку лошадей для них [4]. Я думаю, если бы ты ко мне пожаловал, чего я нетерпеливо ожидаю, то хотя бы книг 30 или 40 привез, да одолжил

---

* Это единственное письмо, на котором сохранился адрес. Передаем его буквально: «Его благородию Крылову милостивому государю моему Ивану Андреевичу, секретарю при его сиятельстве князе Сергее Федоровиче Голицыне, в Риге». (*Примеч. В. Ф. Кеневича.*)

** Действительно ли Иван Андреевич разошелся с Клушиным вследствие каких-либо неудовольствий, или развели их обстоятельства, я не имел возможности узнать. (*Примеч. В. Ф. Кеневича.*)

бы до бесконечности, если бы привез скрипку, она бы много скуку отгоняла». В другом письме из-под Серпухова находим упреки в лени, соболезнование о том, что трудно найти сюжет для писем, когда на них не отвечают. «Еще раз прошу тебя, голубчик мой, пиши ко мне, не ленись, пиши о своем здоровье, которое мне всего на свете милее, и как живешь. Я сердечно желаю тебя видеть. Ах! как мне скучно, что тебя так долго не вижу, ты у меня всегда в мыслях».

После единственного письма от 5 марта 1803 года, не заключающего ничего особенно интересного, кроме выражения никогда не исполнившейся надежды, что И. А. посетит брата, следует длинный перерыв — до февраля 1816 года. Утрачены ли эти письма, или Л. А. в это время вовсе не писал к брату, мне неизвестно. Судя по тону последующих писем, можно всего правильнее сделать первое предположение.

Первое письмо от 26 февраля 1816 года начинается выражением благодарности за присланные 200 рублей, которые были особенно кстати, потому что у Л. А—ча, по его собственному выражению, «один мундир, да и тот с плеч слезает, а рубашки хотя и три, но и те в дырьях» — из этого можно судить, что у него и самых нужных вещей не было, а о прочем и говорить нечего. Эти 200 р. должны были казаться особенно дорогими Л. А—чу, потому что И. А. писал ему, что сам находится в хлопотах и нуждается. «Но что делать,— утешал его брат,— я часто, любезный тятенька, вспоминаю твою пословицу: бывает хуже, бывает и лучше, а также старого твоего друга Александра Ивановича Клушина: все пройдет. И подлинно: и худое и хорошее все проходит». Затем следует изображение состояния бедного гарнизонного офицера: «Жалованья мне 80 р. в треть, что составляет серебром 17 р., а мундир, как ни делай бедно, менее 25 р. сделать нельзя; рубашка одна стоит немудреного холста 2 р. 50 к. сер. Между тем, если бы я и вздумал что сделать, так прежде думать надобно о сапогах, которые стоят, самые простые, 4 р. сер.; а есть также надобно, да и не одному, а кормить и двух денщиков, которые провиант хотя и получают, но уж больше ничего». К такой нужде присоединились и болезни: «Я здоровьем так слаб стал, а особливо глазами, что почти и в гарнизоне служить не могу и желал бы иметь покой; но, видно, судьбе угодно, чтоб до гроба влачил я жизнь

в беспокойствах и горестях». Письмо заключается просьбою, чтобы брат писал как можно чаще, ибо в его письмах он находит единственное утешение.

Следующее письмо (от 10 мая 1816 г.) заслуживает особенного внимания: оно более других выясняет отношения между братьями в ту эпоху, когда старший из них сделался человеком знаменитым и в материальном отношении вполне независимым, с другой стороны, оно рисует положение Л. А—ча: «Ни разуму моего, ни слов не достанет довольно выразить тебе мою благодарность за твои милости ко мне. Письмо твое от 26 марта со 150 р. ассигн. я получил с превеликою радостью». Это же письмо принесло Л. А—чу и другой повод радоваться: брат писал к нему, что надеется поправить свои обстоятельства, и положительно спрашивал, сколько ему нужно для поправления его нужд. Л. А. отвечал, что всего труднее поддерживать гардероб, что сюртука у него нет, мундир износился, а шинель хотя и есть, но в ней «не всегда можно быть», а потому просит прислать денег на обмундировку. Май месяц был самым тягостным для Л. А—ча: батальону предстояло занимать в летнее время караулы в городе; «а к тому же начальник строгий, человек молодой, подполковник Бурнашев, и все воображает, что он в армии, забывая, что в гарнизоне одни калеки и старые люди». Отсюда же узнаем, что Л. А. в 1806 году произведен в капитаны «и успел под Туркою быть в пяти сражениях, но слава богу, не ранен; а за болезнью в 808 году переведен в гарнизон». В конце письма он просит брата прислать ему свои сочинения, которые он «весьма желал бы прочесть, а особливо басни, которые и здесь (в Каменце-Подольском) в славе».

Но на это письмо Л. А. долго не получал никакого ответа и в письме от 19 августа 1816 года теряется в предположениях, что бы могло значить это молчание. Он извещает брата, что назначен асессором в комиссии военного суда, что служба его хотя и гарнизонная, но тягостная, что он «не выходит из мундира, который сам с плеч валится», а сшить новый он не решается потому, что «хоть и есть у него немного деньжонок, но он боится, что, израсходовав их, ему есть нечего будет». «Прошу еще тебя, любезный тятенька,— заключает он,— сделай отеческую милость, не забудь любящего тебя брата; признаюсь, мне очень совестно беспокоить тебя своими нуждами, но я надеюсь на твое великодушие...»

Последнюю просьбу брата И. А. исполнил тотчас же: на обороте этого письма его рукою сделана следующая надпись: «Получено 10 сентября, 11 отправлен ответ и 200 р. ассигн. Записано на почте 11 сентября № 33».

В следующем письме, 9 декабря того же года, Л. А. повторяет свои усиленные просьбы писать к нему и между прочим уведомить, получил ли он 6 фунтов турецкого табаку, посланные при письме от 4 октября; это письмо до нас не дошло, хотя, как видно из других писем, благополучно достигло вместе с табаком по назначению.

В марте 1817 года И. А. исполнил просьбу брата, повторявшуюся неоднократно в прежних его письмах: прислал ему экземпляр своих басен, две комедии и неизбежные 150 р. ассигн.[5]. Вот что по этому поводу пишет Л. А. (от 17 марта): «Благодарю тебя, любезный мой тятенька, что ты меня не позабыл и исполнил свое обещание. Беспримерные твои басни я пробежал и могу сказать, что недаром ты ими прославился, да и государь император удостоил их назвать приятными и полезными... Я никогда не сомневался, чтоб ты не употребил свои божественные дарования в пользу общего блага, и нахожу, что нет ничего достойнее благородной души, как советами и самыми легкими доказательствами отвращать от порока и привлекать к добродетели. Поверь, любезный тятенька, что примеры твоей добродетели и все твои слова, слышанные мною еще в младенчестве, в сердце моем останутся неизгладимы до конца моей жизни».

Не лишены интереса замечания Л. А—ча о портрете брата, приложенном к басням. Он находит его вовсе не похожим и не верит, чтобы человек мог так помолодеть. В этом и сам И. А. легко мог убедиться, сравнив портрет при баснях с прежним [6].

От рассуждения о портрете Л. А. переходит к рассказу о том, как проводит время и как живет, о чем спрашивал его И. А. От 5 часов утра до 9 он занимался делами своей роты: читал бумаги, составлял отчеты, беседовал с фельдфебелем; с 9 до часу исполнял обязанности судьи. В час обедал: «ел щи да кашу, по праздникам и жаркое, и рюмку водки выпивал». Время до 7 часов опять посвящалось роте. Только вечер принадлежал ему. Тогда он весь предавался своей скрипке. «Из этого,— продолжает он,— ты можешь заключить, что я мало скучаю праздностию, и если бы ты, любезный тятенька, был со мною,

так я бы полагал себя наисчастливейшим из смертных... Знакомых здесь я никого не имею, с кем бы мог разделить приятно время ⟨...⟩

Из этого же письма узнаем, что Л. А., уже находясь в гарнизоне, в 1813 году участвовал в походе в Пруссию, «а теперь,— продолжает он,— сижу уже на месте, как рак на мели. Вот теперь меня можно назвать сивым старцем, как меня в молодости друзья называли».

Спустя месяц (11 апреля) Л. А. пространно сетует на брата, что он, требуя от него подробных отчетов, о себе молчит и ничего не сообщает о своих обстоятельствах. Среди скуки и однообразия жизни он теперь находит новое развлечение в его баснях: «скажу тебе, любезный тятенька, басни твои меня так утешают, что я многие из них наизусть вытвердил, и читать их никогда не наскучит». Из всех басен особенно понравилась ему «Сочинитель и Разбойник»; так что он откровенно сознается, что «в жизни ничего лучшего не начитывал. Да и все твои басни,— прибавляет он,— беспримерны. Я бы желал прочесть и другие твои сочинения, и я уверен, что они должны быть бесподобны». Но Л. А. не знал, как его желание неисполнимо!

Письмо заключается следующей, весьма часто повторяющейся просьбой: «Прошу тебя, голубчик мой, пожалуйста, удели полчаса времени, не поленись, напиши ко мне попространнее».

Почти теми же словами начинается следующее письмо от 2 июня: «Ты мне пеняешь, что я ленюсь к тебе писать, а сам, вот уже три месяца прошло, ни строчки ко мне не напишешь». Далее Л. А. извещает брата, что он находится в беспрестанных трудах и заботах, что к прежним занятиям прибавилось новое, поглощающее много времени, именно: счет книг каменецкого провиантского магазина; к тому же увеличились заботы и по роте, потому что батальон ходит занимать караулы.

Но и сентябрь наступил, и Л. А. еще раз послал брату 6 фунтов турецкого табаку, а он все молчит; уже в октябре делает предположение, не вздумалось ли И. А—чу прокатиться в Москву, куда, как слышно было в Каменце-Подольском, отправился государь и гвардия, неизвестно, по какой причине.

Как ни странным должно было показаться И. А—чу такое предположение, однако ж он сохранил молчание до самого декабря. Между тем Л. А. успел написать и

четвертое письмо, в котором снова пеняет на его лень и умоляет написать хоть пять строк, ибо, говорит он, «я все-таки не думаю, чтобы ты меня забыл, а полагаю, что ты все откладываешь за ленью, чем меня крайне беспокоишь». Тут же Л. А. извещает брата, что есть слух, будто государь приедет в Каменец в апреле будущего года, а он промотался, сшив себе сюртук, за который 80 р. ассигн. должен был заплатить; между тем у него нет серебряного шарфа и витишкетов к смотру. «Деньгами же я,— продолжает он,— до назначенного от тебя, голубчик мой, жалованья, как-нибудь перебьюсь». И. А. предупредил просьбу брата: 5 декабря он отослал к нему письмо со вложением 250 р. ассигн., которое тот получил 31 декабря. Ответ на это письмо (от 15 января 1818 г.) открывает еще одну черту в отношениях между братьями. И. А. не ограничивался одною высылкою денег к назначенному сроку; он сверх того желал быть поближе к брату и, как видно, серьезно о том подумывал. Но на эти мечты его пусть лучше отвечает сам Л. А. «Ты меня, голубчик, весьма много обрадовал, что желаешь как-нибудь перетащить меня поближе к себе. Я не могу изъяснить, сколь велико желание мое быть с тобою вместе или хотя в недальнем расстоянии от тебя; но ума не приберу, каким образом можно бы это сделать. Ты пишешь, что твои приятели могут сыскать или достать мне место комендантское или плац-майорское в каком-нибудь уездном городке поблизости Петербурга; но эти места штаб-офицерские, а я только капитан. Плац-адъютантом хотя бы я и мог быть, но это место весьма хлопотливо да и надобно знать по бумагам; а я при огне даже читать, а особливо рукопись совсем не могу; ибо глазами я очень слаб, и потому, сколько мне ни желательно быть чаще с тобою вместе, но остаюсь без всякой надежды по своему здоровью. Разве ты, голубчик, посоветуешься с твоими почтенными приятелями, может быть, они что придумают. И если они найдут спокойное и несуетливое место, сверх моего чаяния, по моему слабому и безоружному здоровью, и могут мне доставить, то пожалуйста, любезный тятенька, поскорее. В рассуждении же штатских должностей, я никак не сроден и не способен, служа с малолетства вот уже 32-й год в военной службе...» «Ах, как, голубчик мой,— заключает Л. А.,— желаю тебя видеть и обнять тебя и лично поблагодарить за твои ко мне благодеяния. Клянусь

тебе, что все мое благополучие поставляю в том, если бы я мог с тобою вместе жить или хоть часто тебя видеть».

В следующем письме (от 13 февраля 1818 г.) опять повторяются укоризны брату, что он заленился и опять со дня на день откладывает, между тем как Л. А. нетерпеливо ожидает ответа на его последние вопросы, которые его в особенности занимали, тем более что сам И. А. подал к ним повод. «Я нетерпеливо желаю тебя видеть,— говорит он,— мы никогда не были столь долго с тобою в разлуке. Вот уже 12 с половиною лет, как мы с тобою расстались, а у нас никого больше родни нет. Божусь тебе, любезный тятенька, меня это весьма крушит, что мне кажется, что я умру не видевши тебя». Далее, по обыкновению, Л. А. доносит, что он по милости брата ни в чем нужды не терпит и всем совершенно доволен, а в заключение просит прислать ему сочинения, если есть новые.

Но мечты о перемещении и свидании с братом были прерваны самым неожиданным и неприятным событием, которое бедному гарнизонному офицеру должно было угрожать совершенным разорением. Вот как об этом пишет Л. А. (от 27 марта 1818 г.): поздравив брата с наступающим праздником воскресения Христова, что он делал ежегодно, продолжает: «Я, слава богу, здоров и по милости твоей нужды не терплю. Мы теперь, любезный тятенька, имеем уже маршрут путешествия государя императора. Он сюда прибудет непременно 25-го апреля на ночь, а 26-го здесь будет обедать, и уже делают приготовления для угощения государя. Мы также приготовляемся: наш гарнизонный караул ему будет, и для того батальонный командир всем офицерам в счет жалования купил весь прибор серебряный, т. е. шарфы, темляки, витишкеты, эполеты, и строит всем новые мундиры с панталонами единообразные, что все будет стоить около 250 р. ассигн. на каждого... а если хороший прибор, то и в 400 р. не вогнали бы. И так теперь я должен быть почти целый год без жалования. Но я надеюсь на тебя, голубчик тятенька, что ты меня не оставишь и не допустишь до нищеты... Прошу тебя, голубчик тятенька, помоги!» Письмо оканчивается беспрестанно повторяющеюся просьбой не лениться писать и прислать свои сочинения.

Следующее письмо (от 4 мая 1818 г.), как и должно ожидать, заключает в себе рассказ о пребывании госу-

даря в Каменце-Подольском. Описав обычную встречу государя духовенством и дворянством, Л. А. продолжает: «Скажу тебе, любезный тятенька, государь во все время присутствия тут был весьма весел, любезен и доволен; многих наградил. Батальоном нашим был весьма доволен, ибо наш батальон во время государева приезда стоял в карауле. Батальонного начальника нашего, подполковника Бурнашева, на другой же день произвел в полковники и приказ подписал. И могу сказать, что батальон был одет очень хорошо, офицеры все в новых мундирах и серебряном приборе, что для нас немножко неприятно в рассуждении, что целый год или более должны выплачивать: каждый мундир с серебряным прибором стоит 234 р. ассигн... Прошу тебя, любезный тятенька, не оставь, голубчик. Я на тебя надеюсь, как на каменную гору. Да и на кого же мне более и надеяться?»

Само собою разумеется, что И. А. не заставил брата повторять свою просьбу. 18 мая 1818 года Л. А. писал к нему в ответ на его письмо, в котором нашел 250 р. ассигн.: «Тысячу раз благодарю тебя, голубчик мой, за твои ко мне отеческие милости. Редкие и отцы столь щедры к своим детям, как ты ко мне». Видно, И. А. все еще помышлял о переводе брата куда-нибудь поближе к Петербургу, потому что в этом же письме находим следующее замечание Л. А.: «Мне весьма приятно, любезный тятенька, что ты заботишься о перемещении к себе поближе. Божусь тебе, голубчик, что я нетерпеливо желаю тебя видеть и обнять тебя». Он предоставляет брату и его приятелям избрать для него место служения, только просит, чтобы это место было или в гарнизоне, или в инвалиде.

В июне того же года Л. А. и без участия брата попал в инвалид, по распоряжению батальонного командира полковника Бурнашева, который назначил его командиром Винницкой инвалидной команды и вместе с тем депутатом при следствии над контрабандистами. Таким образом, Л. А. получил в некотором роде самостоятельное положение, с которым, конечно, сопряглось много забот и пропасть письма, что особенно устрашало его, уже давно страдавшего глазами. «Итак, любезный тятенька,— заключает он,— я все службы постепенно перешел: был в гвардии, в армии, в гарнизоне, а теперь за дряхлостью в инвалид попал и не знаю, буду ли иметь в оном покой». (Письмо от 22 июля 1818 г. из Винницы.)

Месяца через полтора (6 августа 1818 г.) Л. А., осмотревшись на своем новом месте, увидел, что о переводе его поближе к брату необходимо приостановить хлопоты, «ибо можно через это огорчить начальство». Начальник же сделал такое назначение во уважение его службы и поведения. Материальное его положение не только не ухудшилось, а, напротив, изменилось к лучшему: сверх прежнего жалованья и денщиков, он стал получать квартиру и дрова. «Может быть, и здесь будет хорошо»,— думал он. Тут у него явилась и другая мысль, которую он также сообщил брату. «Хотя,— говорит он,— я ни в чем нужды не терплю, по милости твоей, но хотелось бы, так как я теперь совершенно на одном месте живу, иметь маленькую лачужку и огород, а также завести корову и птиц, что здесь очень выгодно. Да то беда, что денег на обзаведение нет».

Из письма от 24 сентября 1818 года видно, что И. А. сам был в затруднительном положении и жаловался на петербургскую дороговизну: «Радуюсь,— писал Л. А. в ответ на его письмо от 11 сентября,— что ты, любезный тятенька, здоров, только жаль, что ты обезденежел. Но бог милостив, опять будут деньги, лишь бы бог дал здоровье». Затем он сравнивает винницкие цены на съестные припасы с петербургскими. «Следовательно,— заключает он,— фунт говядины у нас стоит только 8 коп., а не 30, как ты пишешь; и бог тебя надоумил, что ты меня не перевел в Ораниенбаум, а то бы, кроме беспокойства, я действительно нужду большую с этими деньгами мог претерпевать». Между тем в надежде на будущие блага Л. А., не дожидаясь пособия от брата, купил за 100 р. ассигн. хуторок, чтобы впоследствии обзавестись на нем хозяйством. К этому подстрекало его, во-первых, то, что масло, молоко, сыр будут свои; во-вторых, птицы и яйца будут тоже не купленные, а для птиц приволье большое, потому что хутор окружен водою; к тому же огород так велик, что зелени и овощей с него на целый год достанет, да и работника не искать стать. «Денщика я имею одного женатого,— пишет он,— который еще взят мною из армии; он у меня живет уже 11 лет, я его довольно знаю и надеюсь на него...» «Теперь задумал я, живучи совершенно на месте, завестись хозяйством; мало-помалу и птица свивает себе гнездо. Только прошу тебя, любезный тятенька, если будешь иметь деньги, не оставь в теперешнем моем положении: жало-

ванья я получил только 17 р. ассигн., а прочее все вычли за обмундировку, как я тебе прежде писал. Итак, я теперь, любезный тятенька, остался хотя не в долгу, но в весьма скудном состоянии; однако я совершенно на тебя, голубчик мой, надеюсь; ты меня не допустишь до крайности...»

Покупка хутора и кое-какие издержки на обзаведение должны были совершенно расстроить денежные дела Л. А. В половине ноября он, повторяя свои прежние просьбы и надежды, извещал брата, что разменял уже последние 25 р. ассигн., а жалованье можно будет получить не раньше как в феврале. В следующем письме (от 3 декабря 1818 г.) он, поздравляя брата с наступающим праздником и новым годом, умоляет его помочь ему, ибо «уже и в долг захватил» и подумывает, не продать ли енотовую шубу, которую получил в подарок от брата; но не решается, потому что «боится холоду, как яду».

Из собственноручной надписи И. А—ча на этом письме видно, что он предупредил эти просьбы. «Письмо с деньгами (200 р. ассигн.),— отметил он,— послано декабря 2-го, стало, он получит декабря 20-го». Из ответа на это письмо видим, что И. А. укорил брата за нерасчетливость и желал знать, что за хутор, который его разорил, и что на нем есть. Л. А. старается оправдаться и уверяет брата, что лучшей и выгоднейшей покупки и сделать не мог. «Божусь тебе,— говорит он,— что если бы не дорога из Каменца до Винницы, где я издержал на починку брички, и не поездка в город Брацлавль для производства следствия, то я бы до такой нужды не дошел. Прости меня, милый мой тятенька, что я тебя огорчил — единственно от моего слабого ума». Описав подробно свой хутор и все находившееся на нем имущество и представив свои блестящие планы и надежды на будущее, Л. А. продолжает: «Теперь прошу тебя, голубчик мой, сделай милость, пришли свои сочинения; в моем монашеском уединении это меня весьма утешает. А также, если хочешь меня одолжить, пришли мне, если можно, газеты или «Инвалид» ⟨...⟩ И. А. немедленно исполнил просьбу брата. В письме от 26 апреля 1819 года он благодарит его за присылку «Инвалида», который вместе со скрипкою и хутором увеселяют его и занимают. Хозяйство на хуторе с наступлением весны значительно расширилось: «Я купил,— пишет Л. А.,— две коровы за 100 р. ассигн., цыплят у меня и гусенят до 50, огород

огородня и вскопал, деревья в саду распускаются,— будет чем потешиться...» «Одно только печально,— прибавляет он в следующем письме,— что нет надежды скоро с тобою увидеться».

Заботы о хозяйстве, наполнявшие жизнь Л. А—ча, И. А. одобрил; не одобрил лишь покупки лошади; а потому письмо от 27 мая наполнено доказательствами, что лошадь в хозяйстве необходима и содержание ее не дорого обходится. Это письмо, как и три предыдущие, заключается просьбою о присылке новых сочинений, что уже было прежде обещано. Надо заметить, что И. А. уже в конце 1818 года готовил новое издание басен, которое вышло в начале 1819 года.

Остальные пять писем, относящиеся к этому году, не заключают в себе ничего достойного внимания: те же просьбы писать чаще, не лениться, благодарности за присланные деньги и извещения о хозяйстве на хуторе, которое было, к великому утешению Л. А—ча, в прекрасном состоянии. И. А., с своей стороны, исполнил обещание: выслал брату экземпляр басен, вышедших в свет новым изданием. «А басни,— пишет по этому поводу Л. А.,— те же, что ты прежде мне прислал, с прибавлением только нескольких новых; а я полагал, что, по крайней мере, еще столько же их написал. Однако ж хотя не много, зато прекрасные!»

В 1820 году Л. А—ча постигли два несчастья. Вот как он о первом рассказывает в письме от 24 января: «Пожалей обо мне: хутор мой сгорел сего января 15-го дня, в 7 часов вечера. Денщичья дочь 9-ти лет ходила в сени с огнем взять прядева и нечаянно зажгла. При этом сгорело: две повозки, кур 15 и гусей 10; а коров и лошадь успели вывести; две коровы немного опалились, а сено, хотя и подле самой хаты стояло, но ветер был в противную сторону,— уцелело. Теперь денщик живет в чужой хате... Летом надо стараться поставить новую хатишку». Затем Л. А. извещает брата, что он постоянно занят бумагами, ибо ожидает с часу на час батальонного начальника, который намеревается смотреть его команду.

И. А. выразил сожаление не только словом, но и делом. Следующее письмо Л. А—ча (от 23 марта 1820 г.) начинается таким образом: «Здравствуй, голубчик тятенька! целую тебя мысленно тысячу раз... Письмо твое получил я 20-го сего марта с 300 р. ассигн. Благодарность мою за отеческие твои ко мне милости можно только

чувствовать, но не описать. Мне весьма чувствительно, любезный тятенька, что при всем твоем недостатке, как ты пишешь, прислал мне 300 р. Я полагаю, что ты у себя отнял последнее или занял, хотя я не писал тебе о недостатке своем, ибо я действительно, по милости твоей, до крайности не доходил, да и писал к тебе от 9-го сего же месяца, что я уже купил хату за 50 р. ассигн. Но теперь я сделался богачом и прошу тебя обо мне не беспокоиться...» Затем, отвечая на вопрос брата, Л. А. продолжает: «Мне странно, любезный тятенька, что ты думаешь, будто я владею хутором без всяких на него бумаг. Я купил его формально и утвердил крепостью на гербовой бумаге, за подписом магистрата; следовательно, он и потомству нашему принадлежать будет, которого, видно, у нас никогда не будет. По желанию твоему, план хутора я пришлю тебе, миленький тятенька, только не прежде, как на Фоминой неделе, потому что теперь очень грязно и через реку Буг не можно переехать... Ты увидишь, что местоположение хутора очаровательно». В приписке к этому письму Л. А. просит брата известить его, не произведен ли в чин и не получил ли какого ордена. Об этом Л. А. и прежде спрашивал брата несколько раз, но, видно, не получал никакого определенного ответа.

Любопытство его вскоре было удовлетворено: в апреле 1820 года он прочел в «Инвалиде», который получал постоянно, что И. А. награжден орденом св. Владимира 4-й степени и под влиянием первого впечатления написал следующее: «Я до беспамятства обрадовался, увидя в «Инвалиде», что ты награжден... Дай бог, от всего сердца желаю тебе, более и более, чтобы я видел тебя в голубой ленте. Ум и добродетель твоя заслуживают всех почестей на свете» (письмо от 24 апреля 1820 г.).

13 апреля Л. А. послал брату план своего хутора; но из этого плана не только нельзя заключить ничего об очаровательности местоположения, но и о количестве принадлежащей ему земли можно составить весьма смутное понятие. В этом же письме Л. А. говорит о своих беспокойствах: он с часу на час ожидает смотров, потому что есть слух, что государь намеревается смотреть армию.

Эти беспокойства продолжались весьма долго, как видно из письма от 5 мая, в котором Л. А. между прочим поздравляет брата с новою наградою: «Твое письмо,— пишет он,— от 15 апреля, меня до крайности

обрадовало. Поздравляю тебя, мой милый тятенька, с великою монаршею милостью. Теперь я уверен, ты не будешь больше иметь нужды...» Эта награда состояла в удвоении пенсиона, который Крылов получал с 1812 года из Кабинета его величества.

1 июня сбылись опасения Л. А — ча, и притом самым неприятным образом. «1 июня смотрел батальонный командир полковник Бурнашев и меня так огорчил, что я и теперь хожу как сумасшедший,— писал он 15 июня.— Ему показалось, что люди не так доведены в обучении, как в армии; но людей старых, изувеченных и поступающих в инвалид совершенно ни к какой службе неспособных, мучить учением кажется все равно, что убивать и укрощать последний остаток жизни их; да и я сам не в силах доводить до совершенства, которого требуют. Некоторые мундиры, построенные мною, показались командиру не хороши. Они довольно просторны, и я нимало не имел намерения на счет покройки интересоваться какими-нибудь 10 или 15 аршинами толстого серого сукна. К тому же, как сукно присылается из батальона, то я полагал, что оно моченое, и по спросе моем, мочат ли здесь сукно, старые унтер-офицеры отвечали, что сукон при команде никогда не мочили, да и в прочих командах я узнал, что сукон не мочат, а так кроят, как присылают из батальона. Потому батальонный командир отказал мне от командования, а поручил прапорщику другой команды. Из этого ты можешь судить, любезный тятенька, в каком я теперь нахожусь огорчении. Божусь, что насилу собрался к тебе написать. Батальонный командир думает, что я весьма много интересуюсь от команды; но я клянусь тебе, голубчик тятенька, как брату, отцу и другу, что, кроме жалования, ни на грош никогда не интересовался от команды. За грех и стыд почитал и почитаю чем-нибудь непозволительным пользоваться, через что мог бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мне? Я по милости твоей нужды ни в чем не терплю. Прости, голубчик, сил моих более недостает писать. Будь здоров и счастлив. Остаюсь в нетерпеливом ожидании от тебя ответа».

И. А. действительно не замедлил ответом. Чтобы читатели могли составить себе понятие о смысле этого ответа, приводим целиком письмо Л. А — ча от 24 июля 1820 года, тем более что оно характеризует отчасти самого автора и его служебное положение. «Письмо твое,

от 4 июля, получил я, мой милый тятенька, сего июля 23 дня, и весьма жалею, что я писал тебе о моем неудовольствии, которое тебя так огорчило. Ты мне пишешь, любезный тятенька, что я будто бы не учил людей экзерциции; но я божусь тебе, что учение происходило, только много было препятствий: армейские стояли в то время в лагере и инвалидные занимали по всему городу караул; к тому же арестантов провожали беспрестанно инвалидные же, так что людей очень мало налицо оставалось. Что же касается до немочения сукон, то во всех командах сукно не моченое, и я здесь первый раз сделал постройку мундиров и полагал, что сукно мочено при батальоне; но со всем тем мундиры очень хороши, и г. полковник приказал сделать пробу — намочить один мундир, который, когда высох, то почти неприметно, чтобы ссел-ся. Я надеюсь, голубчик тятенька, что меня г. полковник простит: он вчера смотрел команду и был очень доволен (представлял ему прапорщик), ибо команда недели три по два раза в день училась, потому что ныне опять армейские занимают все караулы, и учить было способно. Впрочем, я уверен, что г. полковник обо мне худых мнений сердечно не имеет. Я ему всегда был покорен, да и служа 34 года, с малолетства научился повиноваться и всегда был начальниками любим, как ты и сам был очевидец, когда приехал ко мне в полк; и в Каменце командовал ротой при полковнике три года безотлучно... Ты мне пишешь, голубчик тятенька, чтобы я съездил к г. полковнику извиниться. Но он службу мою знает, и я ему изъяснялся в своей неумышленной вине. Я уверен, что это все пройдет. Горячие люди вообще все добрые и рассудительные, и он меня простит со временем. Прошу тебя, голубчик мой, не беспокойся обо мне: твое беспокойство более меня будет мучить. Бог милостив!» и проч.

В этом деле Л. А. занимал главным образом вопрос: донесет ли батальонный командир высшему начальству о его неисправности и своем распоряжении или нет. Наконец через месяц с небольшим он узнал от своего частного начальника, майора Колтовского, который, по его выражению, был ему больше друг, чем начальник, что Бурнашев и не думает доносить. Несмотря на то, Колтовский советовал ему перейти в неслужащий инвалид. Мысль эта очень понравилась Л. А — чу. «Хотя мне,— пишет он (от 7 августа 1820 г.),— полковник и отдаст команду, то кроме хлопот я ежедневно должен опасаться

подпасть под штраф; ныне же весьма строго взыскивают за самую малость, особливо за побеги арестантов. Неслужащим же офицерам жалованье то же, как и служащим... И так я ожидать буду от тебя, любезный тятенька, совета, подать ли мне в неслужащие и в какой город». Впрочем, Л. А. тут же прибавляет, что оставаться в Виннице ему удобнее: во-первых, привычка быть в этом краю привязывала его к этому городу, во-вторых, дешевизна. и, наконец, хуторок. «Впрочем, как ты, любезный тятенька, посоветуешь, так и сделаю — из твоей воли ни на шаг...»

Следующее письмо (от 21 августа) принесло И. А—чу утешительное известие. 10 августа государь снова посетил Винницу и был всем доволен. Вероятно, это обстоятельство было причиною, что полковник Бурнашев «умилостивился» и возвратил команду Л. А—чу, о чем он с видимым удовольствием сообщает брату.

И. А. отвечал ему на это извещение; но какого рода был этот ответ, судить нет возможности, потому что в двух следующих письмах, относящихся к этому году, читаем только укоризны, что И. А. пишет очень мало, и просьбы писать подробнее и обстоятельнее. Что же касается до Л. А—ча, то обычная жизнь, возмущенная описанным выше происшествием, снова вошла в свое прежнее течение, и хозяйство на хуторе, «Инвалид» и книжка басен снова поглотили все его внимание.

19 декабря И. А. послал брату 150 р. ассигн. при письме, содержание которого отчасти определяется ответом Л. А—ча, от 7 января 1821 года: «С великим удовольствием вижу из твоего письма, что ты имеешь такого доброго начальника, который так к тебе расположен, как к родному. Желаю ему и всему его семейству всех благ, которыми человек может насладиться в здешней жизни и в будущей... Мне весьма приятно слышать, что императрицы к тебе так благосклонны, но не удивляюсь, зная твой разум, добродетель и счастливый характер. Я уверен, что, кто тебя раз увидит и насладится твоим разговором, тот, конечно, всем сердцем к тебе прилепится и пожелает быть с тобою неразлучно. Только жалею очень, любезный тятенька, что твоя муза такая сонливая и ленивая», и проч.

В конце февраля (23-го) Л. А. извещал брата, что был опасно болен геморроем; на что И. А. отвечал соболезнованием и добрым советом воздерживаться от креп-

ких напитков, а сверх того интересовался состоянием хозяйства на хуторе. Поэтому следующее письмо заключает подробное перечисление всего имения Л. А—ча. К гусям, цыплятам, огороду и прочему в настоящем случае прибавляются пчелы, которые «тоже подают хорошую надежду» 〈...〉

1822 год Л. А. начал тем же, чем кончил 1821-й: благодарностью за присланные деньги. Но на сей раз к выражениям благодарности присовокупляются оправдания. «Благодарю тебя от всего моего сердца за твою братскую и отеческую ко мне любовь и неоставление,— пишет Л. А. 4 января 1822 года.— Божусь тебе, голубчик, что меня до глубины сердца тронуло, что я тебя опечалил моею просьбою о присылке на сюртук 100 р. ассигн. И действительно, я много пред тобою виноват и неблагодарен. Мне бы можно было воздержаться с такою просьбою, ибо я не в такой крайней нужде находился, потому что у меня и из 150 р. твоих денег оставалось к празднику рублей 70, а к тому ж я взял жалованье перед новым годом 117 р. ассигн., а с присланными 200 р. у меня теперь с излишеством денег». Известив брата о полученной снова командировке для произведения следствия, Л. А. прибавляет: «Ты, может быть, думаешь, голубчик, что я мотаю и во зло употребляю твои ко мне милости. Но скажу тебе, что я уже стар и дряхл, то и мотать мне некстати; да ты и сам знаешь, что я смолоду не был мотом, а коли есть, не люблю себя морить и быть против других свиньей...»

Ту же мысль продолжает развивать Л. А. в следующем письме (от 18 января). Он сшил себе сюртук «прекрасный и прочный», который стоил ему 111 р. ассигн. Отдав в этом отчет, он продолжает: «Обо мне не беспокойся, голубчик. В деньгах я не нуждаюсь, а если буду иметь нужду, то напишу тебе. Я знаю, хотя ты немного и рассердишься, а все-таки пришлешь и не оставишь единоутробного братишку. На мотовство, право, не употребляю твоих милостей...»

Однако ж через два месяца Л. А — чу пришлось опять просить денег, впрочем обещанных братом в начале года. К тому побудили его два обстоятельства: во-первых, у него пала корова, которая стоила 50 р. ассигн., а во-вторых, он немного промотался — купил себе серебряные часы и заплатил за них 100 р. ассигн. «У меня часов не было,— пишет он,— я не помню, писал ли я тебе,

что твои золотые часы с эмалью еще в 1813 году, под городом Пултуском, когда вел пленных французов до г. Минска, один французский поручик украл их у меня».

После этого письма Л. А. заболел горячкою, почти в то же время лишился и другой коровы, предмета его особенной заботливости, обманулся в своих ожиданиях на счет урожая в огороде и сенокоса, потому что все погибло от засухи; разочаровался в «Академических ведомостях», которые в этом году получал вместо «Инвалида» и которые его вовсе не удовлетворяли, потому что помещали известия о торгах, продажах и подрядах и проходили молчанием интересные для Л. А—ча известия о производствах и повышениях. Обо всем этом он в свое время писал к брату и не получал от него ни слова в ответ. Он терялся в разного рода предположениях, думал даже, что И. А. совсем оставил Петербург и забыл о существовании брата, но ничто не могло прервать молчания И. А — ча. Наконец 22 ноября он написал к брату письмо, о содержании которого нет возможности составить себе ни малейшего понятия и послал ему 200 р. ассигн., которые были весьма кстати, потому что Л. А. уже давно побаивался, что к празднику придется занимать.

6 января 1823 года Л. А. получил письмо от брата с вложением 200 р. ассигн. Ответ на это письмо (от 10 января 1823 г.) заключает в себе много интересных сведений, а потому мы приводим его с малыми исключениями: «Я несказанно радуюсь твоему уверению со мною делиться чем бог послал. Да наградит тебя всевышний долголетним здравием и всяким благополучием. Ты подлинно говоришь, как великодушный человек, что нас только двое и после нас наследников никого не останется; но только не все так думают, а одни высокие благороднейшие души. Мы же теперь оба уже становимся старики, ибо мне скоро 46 лет кончится (а в службе 37 с сентября пошел), а тебе, голубчик тятенька, 54 скоро минет, а в разлуке мы уже 17 $^1/_2$ лет. Но, конечно, так богу угодно. Будь его святая воля, он знает, что делает». Далее Л. А. извещает брата, что он здоров, «но только,— продолжает он,— так изнуряюсь службою, которая мне совершенно становится тягостна, что хотел бы от командования удалиться. Глаза мои чем далее, тем становятся слабее, и если ты хочешь, любезный тятенька, сделать мне величайшую милость и тем продолжить мою жизнь, то прошу тебя со слезами: по-

проси гр. Комаровского или дежурного при нем генерала-майора Мухина, чтобы сделали предписание г. полковнику Бурнашеву удалить меня от командования; ибо есть молодые люди в гарнизоне и в инвалидах совершенно праздные; а старому, слабому и трудами изнуренному человеку покою нет. Хотя я просил полковника Бурнашева, чтоб он меня уволил от командования, но он никак не согласился; а от инвалидов ныне весьма много требуется. Поверишь ли, голубчик тятенька, мне отпускают на канцелярские расходы 50 р. ассигн. в год, а выходит 100, и писать все-таки некому: писаря не положено, а письма столько со всех сторон, что голова кружится, и я думаю, что я от него должен буду кончить жизнь, если меня не уволят от командования или не переименуют в неслужащие... Кроме бумаг требуется солдат доводить до совершенного познания службы — и кого же? — старых калек, глухих и слепых. И так ты, любезный тятенька, из этого можешь судить о моем горьком положении...»

Второе письмо (от 21 января) в 1823 году было отослано с уезжавшим в Петербург прапорщиком Уфимского полка, квартировавшего в Виннице, Ляховичем, чрез которого Л. А. просил прислать книг.

В следующем письме, от 3 февраля, он сообщает некоторые подробности об этом прапорщике: «Он сам вызвался доставить письмо И. А—чу, как человеку, которого немного знает, потому что недавно выпущен из 1-го кадетского корпуса». Здесь же Л. А. поздравляет брата с получением от Академии золотой медали: «Я вчера начитал в «Инвалиде», № 14, что истекшего января 14 было в Академии большое собрание и с неизреченною радостью увидел, что тебе и г. Карамзину за отличные ваши сочинения все единодушно согласились поднести золотые медали; а особливо тебе, голубчик тятенька,— сам президент поднес медаль и с рукоплесканием всех присутствующих, что мне тем более радостно и лестно слышать, что все ученые люди сердечно признали тебя достойным [7]. Теперь мне весьма желательно знать, кто такой президент, а также и другие... Пожалуйста, уведомь меня, голубчик, какое изображение на медали и надпись, и на какой ленте, и не поленись, срисуй мне ее и пришли, чем много меня обрадуешь».

И. А. в этом случае, как и во многих других, предупредил просьбу брата в своем письме, от 28 января. Вот

ответ Л. А—ча на это письмо: «Письмо твое, от 28 января, получил я с живейшим чувством восторга и радости, с благодарением всевышнему за его к тебе великие милости; и молю его да наградит тебя по твоей истинной добродетели и здравому разуму, которые единодушно признаны всею почтеннейшей публикой. Ты, любезный тятенька, говоришь, что не мог не прослезиться, получая чистосердечные признания твоего достоинства от всей публики. И действительно, какое бы каменное сердце могло удержаться от волнения и чувства благодарности, которые ты в то время чувствовал... Ты предупредил меня, любезный тятенька, объяснением церемонии и исчислением присутствующих важных особ, а также и присылкою снимка с полученной тобою медали...» Далее Л. А. благодарит брата за намерение перевести его в неслужащий инвалид, которое он думал привести в исполнение при содействии какого-то его старого приятеля Щулепникова. Действительно, в следующем же месяце полковник Бурнашев, непосредственный начальник Л. А—ча, получил из Петербурга письмо, вследствие которого предложил ему подать прошение на высочайшее имя о переводе в неслужащий инвалид и представить лекарское свидетельство. В письме от 17 марта 1823 года он благодарит брата за содействие и просит поторопить дело, если оно пойдет по начальству и дойдет до главного начальника графа Комаровского.

29 марта И. А. снова писал к брату и послал ему 300 р. ассигн. Ответ на это письмо показывает, что И. А. интересовался состоянием хозяйства на хуторе (которое, заметим кстати, вследствие разных неблагоприятных обстоятельств пришло в упадок); но ни слова не писал о прапорщике Ляховиче, продолжительное пребывание которого в Петербурге возбуждало сомнение не только Л. А—ча, но дяди его, полкового командира Уфимского полка.

В мае И. А. исполнил просьбу брата о книгах, а потому письмо от 9 июня 1823 года посвящено преимущественно суждениям о присланных сочинениях. Приводим некоторые из них, полагая, что в них обнаружился не один личный взгляд Л. А—ча, но взгляд огромного большинства, к которому он принадлежал. «Читал я,— пишет он,— басни г. Измайлова; но в сравнении с твоими, как небо от земли; ни той плавности в слоге, ни красоты нет, а особливо простоты, с какою ты имеешь секрет пи-

сать, ибо твои басни грамотный мужик и солдат с такою же приятностью может читать, хоть не понимая смысла оных, как и ученый... Читал и сочинения г. Жуковского, но он, как мне кажется, пишет только для ученых и более занимается вздором, а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнедич, человек высокоумный и щеголяет на поприще славы между немногими.— Но как ты, любезный тятенька, пишешь — это для всех: для малого и для старого, для ученого и простого, и все тебя прославляют... Басни твои — это не басни, а апостол». В числе книг, посланных И. А—чем, был и французский перевод его басен. О самом переводе Л. А. отзывается сухо; но ему особенно приятно было прочитать предисловие. «Оно привело меня в восторг,— говорит он.— Он (автор) сердечно признается, что ты самых отличных талантов, и всякая бы просвещенная нация за честь себе поставила бы иметь тебя своим соотечественником. Этого, я думаю, еще никогда никто в России не слыхал» [8].

Почти весь июнь Л. А. проболел и обязан был выздоровлением доброму приятелю своему и соседу, уездному доктору Прокоповичу. Донеся об этом И. А—чу уже 20 июля, он укоряет его за то, что он не отвечает на его письма. Но Л. А. не знал, что И. А. был в то время болен и что ему угрожала не меньшая опасность, отвращенная единственно заботливою попечительностью сначала семейства Олениных, а потом императрицы Марии Федоровны. Оправившись от болезни, И. А. немедленно сообщил брату о постигшем его несчастии и о последовавших за ним событиях, известных читателям из биографии, написанной Плетневым. Известие это и обрадовало, и огорчило Л. А—ча. «Письмо твое от 17 августа,— пишет он,— несказанно меня обрадовало. Благодарю всевышнего творца, что ты теперь по милости его и попечениями милосердной нашей императрицы выздоровел. Мне приятно и лестно государыни нашей и всего августейшего дома к тебе благорасположение. Молю создателя о здоровье твоем и благополучии и всей царской фамилии, а также о твоем почтеннейшем начальнике г. Оленине. Болезнь твоя была очень опасна и меня глубоко тронула; но, слава богу, я теперь спокоен». К письму, как видно, был приложен список басни «Василек», о которой Л. А. выражается таким образом: «Басня твоя «Василек», которую я вытвердил наизусть, беспримерна

и очень кстати написана: в ней ты умел весьма тонко и серьезно изъявить свою благодарность великой нашей императрице... Басню эту я почитаю в роде оды, весьма тонкой и хитрой, не имеющей в себе ни почерка грубой и постыдной лести, что во многих одах приметно». И. А. в своем письме рассказывал, как проводил время в Павловске, это подало повод к забавному недоразумению. «Ты пишешь, любезный тятенька, что ты был всегда за столом императрицы и участвовал во всех играх, и играл роль в твоей басне Фоки, а князь Голицын Демьяна, а г-жа Ушакова жену его. Пожалуйста, голубчик, объясни мне: разве сделал ты из басни оперу, ибо говоришь, что на оную сочинена музыка; но я об этом нигде не находил в газетах. Сделай милость, если ты из басни сделал оперу, пришли мне ее, голубчик. Она должна быть чрезвычайна».

В этом письме Л. А. уведомляет брата, что прошение его о переводе в неслужащий инвалид граф Комаровский возвратил, потому что «неслужащие уничтожены, а следовательно, и прошение не может быть представлено государю». «Итак,— заключает он,— видно, богу угодно, чтобы я еще тянул службу, хотя и через силу».

Следующие два письма не представляют ничего особенно интересного. Оба они посвящены отчетам о хозяйстве, которое осенью значительно поправилось, и об образе жизни, в котором не произошло никаких перемен; только здоровье Л. А—ча стало заметно слабеть, так что в письме от 12 января 1824 года он сравнивает себя с термометром, на котором отражаются все перемены погоды.

12 марта он отвечал брату на короткое письмо, заключавшее в себе 500 р. ассигн. И. А. интересовался его хозяйством, образом жизни и здоровьем. Поблагодарив брата за деньги, Л. А. сообщает, что, по милости его, живет совершенно хорошо, значительно потолстел, так что приходится шить новый мундир, и в заключение просит прислать ему экземпляр новых басен, о скором выходе которых было объявлено в «Инвалиде» ⟨...⟩

Наконец 11 августа И. А. известил брата, что ездил в Ревель, да еще и морем[9]. Это весьма обеспокоило старого воина: «Благодарю бога, что ты благополучно совершил свое путешествие, и радуюсь сердечно, что ты здоров. Но если бы я прежде узнал, то бы мне это не дало спокойствия, покамест не узнал бы о твоем благополуч-

ном возвращении, ибо я, как тебе известно, испытал сию непостоянную стихию: шесть месяцев не сходил с корабля и видел все ее проказы. Итак, ты теперь, любезный тятенька, можешь назваться мореходцем, только советую впредь без нужды не отдаваться прелестям сей обманчивой стихии 〈...〉

В заключение письма просит прислать ему новый портрет, который печатается по просьбе Слёнина [10]. Те же просьбы повторяются и в письме от 29 октября.

Ровно через месяц И. А. снова получил из Винницы письмо, но уже писанное чужою, незнакомою рукою. «С душевным прискорбием,— пишет автор этого письма, ближайший начальник его брата, майор Колтовской,— берусь за перо, чтоб начертать Вам несколько строк о потере брата Вашего Льва Андреевича. Он оставил сей свет по кратковременной болезни, ноября 25-го, поутру, в 8 часов. Пять дней был он болен сильною горячкою, а в шестой скончался. Последнее письмо Ваше он получил 22 ноября, но не мог уже оного читать и попросил прочесть оное находящегося при нем штаб-лекаря Уфимского полка и, наконец, поцеловав портрет Ваш, сказал в слезах: «Ах, любезный брат, ты не знаешь, как я болен!» Затем Колтовской сообщает, что тело покойного предано земле в ограде Благовещенского девичьего монастыря, причем отдана ему последняя воинская почесть тремя ружейными залпами, «возвестившими конец всем мирским суетам». После похорон Колтовской опросил команду, которая не изъявила никаких претензий на бывшего командира, и передал ее старшему в команде офицеру.

«С наличными оной команды г. г. офицерами,— продолжает он,— сделал я опись всем вещам и деньгам, оставшимся после его смерти, которую на рассмотрение ваше и распоряжение при сем препровождаю. Под священною клятвою доношу Вам, что более показанного в реестре вещей и денег ничего не осталось. Я только осмелился взять себе одну из книг, римскую историю, для своего сына и портрет Ваш, присланный при последнем письме, в знак памяти, и тот не иначе оставлю у себя, как с позволения Вашего».

Сверх того автор письма упоминает о некоторых лицах, особенно близких к покойному. То были: казенный денщик, служивший у него 18 лет, старший унтер-офицер его команды Усатов и отставной подполковник

Шкурин, который был с ним в приятельских отношениях, некоторое время читал сам над ним псалтирь и заботился об устройстве печальной церемонии до прибытия в Винницу Колтовского.

И. А. немедленно сделал распоряжение. Из благодарственных писем, полученных им из Винницы, видно, что хутор со всем строением, принадлежащими к хозяйству вещами, а также две коровы с телятами и 75 р. ассигн. он отдал во владение денщику, Василию Гаврилову; всю рухлядь — унтер-офицеру Усатову; сверх того жене подпоручика винницкой инвалидной команды, Марье Михайловне Ступиковой в память о своем брате, при котором она находилась во время его болезни,— две серебряные столовые ложки, одну чайную, ситце, табакерку и стакан, также серебряные.

В письме своем к Колтовскому И. А. высказал желание узнать, кто такой Шкурин, и выразил ему благодарность за участие, которое он принимал в его брате до прибытия Колтовского. На это Шкурин отвечал И. А—чу пространным письмом, от 6 января 1825 года; из него приводим только начальные строки, которые вместе с обстоятельствами, упоминаемыми ниже, обнаруживают, что за человек был этот отставной подполковник Шкурин:

«Милостивый государь Иван Андреевич, письмо Ваше, полученное Колтовским, я читал! Вы желаете знать о подполковнике Шкурине. Я живу в Виннице, не желая слышать ни от кого, ни за что благодарности!» Далее он рекомендует И. А—чу разных лиц, заслуживших от него «подарка» своим вниманием к его брату. Письмо, о резкости и брюзгливости тона которого можно заключить из приведенных выше строк, оканчивается следующей просьбой: «Всегда пользовался я присылаемыми от Вас к брату в Винницу газетами. Прошу вас и на сей год на счет мой выписать С.-Петербургские газеты, в коих более пишут политического, как в «Инвалиде». Деньги за оные с первою почтою получите». Затем он советует И. А. успокоиться и «не убиваться» и в постскриптум прибавляет: «Любовь брата вашего дороже мне всего. Рота инвалидная знает это. За добро,— правило есть мое,— платить оным». К чему относится последнее замечание, решить трудно.

Этим переписка однако ж не кончилась. В конце августа И. А. получил еще письмо от Колтовского, который просит уведомить его, получены ли две купчие крепости

на хутор и 300 р., отосланные ему до получения его распоряжения. Первые были необходимы, чтобы ввести деньщика во владение отданным ему хутором; из последних же нужно было возвратить в артель 115 р., взятые на похороны Л. А — ча. В конце письма Колтовской прибавляет, что Вас. Вас. Шкурин в ночь с 13 на 14 марта неизвестными людьми был убит и ограблен до последнего. «Он имел в вещах и деньгах порядочное состояние, но от излишних по-видимому расчетов нанимал квартиру у одной крестьянки вдовы в деревне в двух верстах от Винницы, не имел при себе даже служителя. Хозяйка и два работника содержатся в тюрьме по подозрению, однако ни вещей, ни денег тоже ни малейшего следа не отыскано».

На этом письме рукою И. А—ча отмечено: «Ответ послан авг. 31 д. со вложением 120 р.» *.

Теперь читателям интересно будет узнать, как принял И. А. известие о кончине своего брата. Смерть, постигающая хотя по родству и близкого, но вдали живущего и давно не виданного человека, разлука с которым уже вошла в привычку, конечно, не может так поразить, как утрата тех, с кем сближают ежедневные личные сношения и одинаковые интересы. Однако ж от В. А. Олениной мы слышали, что внезапное известие о смерти брата сильно подействовало на И. А—ча. Он сделался молчалив и мрачен, хотя не изменил ни в чем своего образа жизни: по-прежнему он посещал клуб, проводил вечера у Олениных. Друзья его терялись в предположениях, но не решались спрашивать. Елисавета Марковна была единственное существо, имевшее право на его откровенность; но и она выжидала удобного случая. Так прошло недели три. Наконец И. А. по-видимому стал приходить в свое нормальное состояние. Елисавета Марковна, улучив минуту, спросила его: «Что с вами было,

* Следует заметить, что в то время, к которому относится вся эта переписка, имеющая в виду преимущественно материальные вопросы, сам И. А. Крылов еще не пользовался теми благами мира, какими впоследствии осыпала его прихотливая фортуна. После смерти брата И. А. нашел другое лицо, с которым мог делиться своими избытками; это лицо была та дама, о которой в биографии, написанной Плетневым, сказано: «Крылов, знавший ее почти с детства, до смерти своей сохранил к ней то уважение и дружбу, которые внушаются прекрасными качествами сердца, высоко образованным умом и наилучшим воспитанием». (Об этом свидетельствует Ф. А. Оом.) (*Примеч. В. Ф. Кеневича.*) [11]

Крылочка? Вы на себя не походили!» — «У меня, Елисавета Марковна, было на свете единственное существо,— отвечал Крылов,— связанное со мною кровными узами; у меня был брат. Недавно он умер. Теперь я остался один». Елисавета Марковна постаралась утешить его и с тех пор разговор об этом предмете никогда не возобновлялся. Искреннее чувство безмолвно...

В заключение считаем необходимым прибавить, что, несмотря на опасение наскучить читателям мелочными подробностями, мы старались не упустить из виду ни одного факта, ни одной черты, которая могла бы служить к уяснению отношений между братьями. Эти отношения открывают новую, не тронутую биографами сторону в жизни Крылова и много способствуют к восстановлению правильного взгляда на него как человека. Характеристика его, написанная Вигелем,— произведение, по нашему мнению, столько же блестящее, как и требующее строгой поверки,— не могла не оказать своих последствий, тем более что автор ее, отдав справедливость уму баснописца и сознавшись, «что если сам имеет сколько-нибудь ума, то много около него набрался»,— заставляет читателя верить ему безусловно. Даже Плетнев, лично знавший поэта и глубоко его уважавший, не мог не увлечься этой характеристикой и в некоторых местах биографии намекает на те черты, которые так резко очерчены Вигелем. Смеем думать, что изложенные нами факты значительно изменят то понятие о Крылове, которое составляется по воспоминаниям Вигеля. Мы же, с своей стороны, не колеблясь, решаемся применить к нему его же собственные слова в полной их силе:

Кто добр поистине, не распложая слова,
В молчанье тот добро творит.

КОММЕНТАРИИ

Мемуарные материалы, посвященные И. А. Крылову, разбросаны по многочисленным разнообразным изданиям, журналам и газетам, ныне малодоступным или вовсе недоступным широкому читателю. Некоторые не опубликованы до сих пор — хранятся в различных архивах (надо полагать, есть еще и не выявленные).

Первая попытка критического обзора мемуарных материалов о Крылове была предпринята в 1904 году В. В. Каллашом во вступительной статье к Полному собранию сочинений Крылова. Однако до сих пор эти материалы никогда вместе не собирались, хотя первостепенное значение их для понимания весьма сложной личности и творческой судьбы великого поэта, воссоздания его реального живого облика не подлежит сомнению. Особенно имея в виду полное отсутствие каких-либо автобиографических сведений.

Очень многое в мемуарной крыловской литературе анекдотично, что нельзя не учитывать. Крылов и сам был не прочь рассказать о себе курьезные истории, которые затем распространялись среди друзей и многократно повторялись ими. Однако и это не лишает воспоминания современников уникальной ценности.

По типу своему предлагаемые материалы далеко не однородны. Это и пространные мемуарные очерки, такие, как очерк П. А. Плетнева «Иван Андреевич Крылов». И небольшие по размеру, но содержательные воспоминания Е. Н. Львовой, В. А. Олениной, В. М. Княжевича, И. П. Быстрова, М. А. Корфа, А. Г. Венецианова, А. И. Андриапенко, Н. М. Еропкиной. И капитальные биографические труды, основанные на личных наблюдениях и воспоминаниях их авторов, многие годы знавших

Крылова,— труды М. Е. Лобанова и П. А. Плетнева, носящие одинаковое название «Жизнь и сочинения И. А. Крылова». И записи рассказов о жизни поэта, сделанные со слов его самого или близких ему людей,— «Показания Крылова (поэта)» А. С. Пушкина, «Дополнительное биографическое известие о Крылове» Я. К. Грота, «Крылов и Пушкин по рассказам ярославцев» Л. Н. Трефолева, «Рассказы об И. А. Крылове» и «Библиографические и исторические примечания к басням Крылова» В. Ф. Кеневича. В большинстве же случаев это посвященные Крылову страницы изданных отдельными книгами или опубликованных в журналах и исторических сборниках обширных мемуаров его современников — А. Т. Болотова, Ф. Ф. Вигеля, С. П. Жихарева, А. П. Глушковского, Д. Н. Свербеева, А. П. Керн, Ф. Г. Солнцева, Ф. А. Оома, П. А. и А. М. Каратыгиных, А. Е. Асенковой, М. Ф. Каменской, К. А. Полевого, В. И. Собольщикова, А. О. Смирновой-Россет, И. Т. Лисенкова, А. В. Никитенко, Е. А. Карлгоф, Н. И. Иваницкого, И. И. Панаева, И. С. Тургенева; дневников, статей, писем таких крупнейших писателей и литературных деятелей эпохи, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, А. С. Грибоедов, Н. И. Гнедич, М. П. Погодин, П. А. Вяземский, П. А. Катенин, А. А. Шаховской, В. Г. Белинский.

Лишь очень немногие мемуаристы знакомят нас с ранними годами жизни Крылова и его бурной молодости, когда он — начинающий литератор — выступал как радикальный журналист-сатирик, драматург и издатель, по всей видимости тесно связанный с определенными кругами русской политической оппозиции.

Еще меньше сведений о годах странствий Крылова, когда, вынужденный покинуть Петербург в 1794 году, он постоянно не жил в столице до 1806 года.

Начиная с 1800-х, особенно 1810-х годов, количество мемуарных свидетельств быстро возрастает.

Жизнь и труды Крылова 1820—1830-х годов, периода его творческой зрелости, широчайшей популярности и славы, и в то же время закрепления за ним репутации чудака, оригинала, отражены особенно подробно.

Начало мемуарной литературе о Крылове положено было еще при его жизни А. С. Пушкиным, сообщившим некоторые сведения о нем в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) и записавшим опубликованный в 1837 году в «Современнике» анекдот о картине, висевшей над диваном в кабинете поэта. Также при жизни Крылова были опубликованы основанные на беседах с ним — биографический комментарий Н. П. Быстрова к басне «Волк на псарне» (1838 г.,

газета «Русский инвалид») и биографический очерк Е. А. Карлгоф (1844 г., журнал «Звездочка»). Многие важнейшие материалы появились в печати сразу после смерти поэта, в 1845—1847 годах: работы М. Е. Лобанова, П. А. Плетнева, заметки И. П. Быстрова. На протяжении 1850—1870-х годов, особенно в связи с отмечавшимся в 1868 году столетием со дня рождения Крылова, в журналах «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник» и других была опубликована большая часть известных нам мемуарных крыловских материалов, в том числе публикации Я. К. Грота, В. М. Княжевича, Н. М. Колмакова, Л. Н. Трефолева, П. В. Алабина, В. Ф. Кеневича. Примерно в те же годы были напечатаны «Воспоминания» и «Дневники» Ф. Ф. Вигеля, С. П. Жихарева, А. П. Керн, А. М. и П. А. Каратыгиных, П. А. Вяземского, К. А. Полевого, А. В. Никитенко, М. П. Погодина, М. Ф. Каменской, В. И. Собольщикова, Е. А. Карлгоф, Н. И. Иваницкого, И. И. Панаева, И. С. Тургенева. Только в наши дни увидели свет «Воспоминания о Крылове» Н. М. Еропкиной, «Автобиография» А. О. Смирновой-Россет, «Мои воспоминания» А. П. Глушковского. Воспоминания и заметки В. А. Олениной и М. А. Корфа полностью до сих пор не публиковались.

Мемуаристы, писавшие о Крылове или рассказывавшие о нем,— люди разных поколений, разных профессий, разного общественного положения. Лишь А. Т. Болотов был старше его. Для большинства он был уже «дедушка».

Наиболее значительные воспоминания принадлежат, естественно, литераторам или лицам, близким к литературным кругам — это в первую очередь А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, И. И. Панаев, В. Г. Белинский, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, М. П. Погодин, М. Е. Лобанов, А. В. Никитенко, Ф. Ф. Вигель, С. П. Жихарев, Е. А. Карлгоф, В. А. Оленина. Но многие весьма ценные страницы принадлежат авторам и рассказчикам, не имевшим отношения к литературе, близко знавшим Крылова в его домашней жизни (А. П. и А. К. Савельевы), по совместной службе в Публичной библиотеке (И. П. Быстров, В. И. Собольщиков) или только встречавшимся с ним при различных обстоятельствах (Е. Н. Львова, А. П. Керн, Ф. Г. Солнцев, Ф. А. Оом, М. А. Корф, И. Т. Лисенков, А. И. Андрианенко, Н. М. Еропкина, М. Ф. Каменская).

В настоящем издании все тексты приводятся по наиболее авторитетным публикациям. В тех случаях, когда это оказалось возможным, печатные тексты сверены с авторскими рукописями. По авторским рукописям, как указывалось выше, приведены ранее полностью не печатавшиеся воспоминания и дневниковые

записи В. А. Олениной, заметки и воспоминания М. А. Корфа, отрывки из дневника М. П. Погодина.

Специально посвященные Крылову мемуарные очерки и рассказы публикуются нами полностью; подробные мемуарно-биографические труды — в сокращении, за счет тех разделов, в которых речь идет главным образом о творчестве Крылова; из обширных мемуаров, дневников и статей выделены те части, которые посвящены непосредственно Крылову — характеристике его личности, образа жизни, литературных и общественных связей. При сокращениях учтена необходимость сохранения последовательности изложения и авторской концепции. Купюры обозначаются отточием в ломаных скобках. Когда приводимые тексты взяты из разных мест пространного оригинала, они отделяются один от другого пробелами. Апокрифичность некоторых сообщений, не поддающихся точной документальной проверке, не являлась причиной для их исключения из настоящего издания, но всякий раз подробно оговаривается в комментариях. Сохранены в ряде случаев встречающиеся у разных мемуаристов повторения одних и тех же фактов или наблюдений — здесь имеет значение контекст, да и сам факт повторения знаменателен.

Воспоминания (полностью и в отрывках), дневниковые записи и рассказы составляют *первый* раздел настоящего издания.

Во *второй* раздел вошли имеющие мемуарный характер отрывки из писем виднейших русских литераторов — современников Крылова и лиц, близких к литературным кругам.

Внутри разделов материал расположен в соответствии с хронологией излагаемых событий. Мемуары, охватывающие всю жизнь Крылова или различные ее периоды, отнесены к тому из периодов, который отражен в них наиболее полно (исключение составляет очерк М. Е. Лобанова, содержащий важные факты как из раннего периода жизни Крылова, так и из 1830—1840-х годов). Некоторую роль при определении места расположения того или иного материала данного раздела играло также время знакомства и наиболее интенсивного общения мемуариста с И. А. Крыловым.

В *Приложении* даны письма к Крылову его брата Льва Андреевича за 1799—1822 годы — в извлечениях и с комментариями, выполненными в 1868 году В. Ф. Кеневичем (местонахождение оригиналов этих писем в настоящее время неизвестно). И они, не являясь собственно мемуарами, представляют интерес как документы, содержащие такие данные для понимания личности Крылова, какие нельзя найти больше нигде.

Все тексты печатаются по новой орфографии и с исправле-

ниями пунктуации. Сохранены лишь немногие специфические формы правописания.

Имена и фамилии, обозначенные у авторов инициалами или сокращенно, в большинстве случаев развернуты.

Под строку вынесены примечания, принадлежащие авторам или первым публикаторам, а также переводы иноязычных слов и выражений.

Все прочие пояснения составляют раздел *Комментарии.* Здесь приводятся краткие сведения о мемуаристах, времени и характере их общения с Крыловым; указаны источники публикуемых текстов; дан историко-литературный, биографический и реальный комментарий. Сюда же отнесены и некоторые мемуарные материалы, по тем или иным причинам не вошедшие в основной состав книги, но представляющие значительный интерес.

Собственные имена вынесены в *Указатель имен,* являющийся естественным продолжением раздела *Комментарии.*

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ, РАССКАЗЫ

А. С. ПУШКИН

Пушкину с детских лет были знакомы произведения Крылова, и не только басни, но и такие, как неопубликованная, распространявшаяся в списках шуто-трагедия «Трумф, или Подщипа». В лицейском стихотворении «Городок» (1815) он называет Крылова в ряду самых известных и уважаемых авторов, посвящая ему несколько теплых строк: «И ты, шутник бесценный, который Мельпомены котурны и кинжал игривой Талье дал!..» С этих пор и до конца жизни Пушкин сохранил самое высокое уважение к Крылову, видя в нем подлинно народного русского поэта. Знакомство их состоялось в 1817—1819 годах, когда они встречались в Петербурге на «субботах» у Жуковского, в гостиной Олениных, в театре и в других местах, затем возобновилось и перешло в постоянное дружеское общение после возвращения Пушкина из ссылки в Петербург, особенно в 1830-е годы, хотя их литературные позиции и личные симпатии не во всем совпадали. В 1820 году Крылов выступил с эпиграммой по поводу критической статьи А. Ф. Воейкова о поэме «Руслан и Людмила» («Сын отечества», ч. 64, № 38, с. 233).

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику читал «Руслана и Людмилы».
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка!

Эту эпиграмму, еще не зная, что автор ее Крылов, Пушкин процитировал в письме Н. И. Гнедичу 4 декабря 1820 года, говоря о нападках Воейкова: «Согласен со мнением неизвестного эпиграммиста — критика его для меня ужасно как тяжка». Выражение «тяжкие критики» Пушкин употребляет и в другом письме Гнедичу (чернов.) 29 апреля 1822 года. В письмах периода ссылки и позже Пушкин часто сочувственно упоминает Крылова, цитирует его басни — «Демьянова уха», «Вороненок», «Совет мышей», «Орел и Пчела» и другие, а в письме Вяземскому 14—15 августа 1825 года вспоминает комедию Крылова «Урок дочкам»: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807 года на славяно-росском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах...» Утверждение первостепенного непреходящего значения «сатирических притч» Крылова в отечественной словесности занимает важное место в литературной борьбе Пушкина, в частности, в его полемике с Вяземским о Крылове и Дмитриеве, и несомненно указывает на значение творческого опыта Крылова для формирования его собственных эстетических принципов.

Оценка творчества Крылова, его исторического значения содержится в статье Пушкина «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова». «Во всех отношениях самым народным нашим поэтом» называет Пушкин Крылова в «Опровержениях на критики» и там же ставит его в ряд нескольких писателей русских, которых «наша словесность с гордостью может выставить перед Европою». Собирая в 1833 году материалы для своей «Истории Пугачева», Пушкин обратился к Крылову и записал его воспоминания. На авторитет Крылова он ссылается, говоря в письме М. П. Погодину о разборе Булгариным в «Северной пчеле» стихотворения С. П. Шевырева «Мысль». Можно говорить о случаях прямого взаимовлияния в творчестве обоих поэтов. В 30-е годы встречи Пушкина и Крылова были регулярными — на различных литературных вечерах и собраниях. Об этом свидетельствуют, в частности, записи Пушкина в «Дневнике» и «Исторических анекдотах». Пушкин посещал Крылова в Публичной библиотеке и на его квартире в доме библиотеки на Садовой улице, против Гостиного двора. Последний раз такое посещение состоялось, по-видимому, незадолго до роковой дуэли, а 1 февраля 1837 года Крылов, в числе ближайших друзей Пушкина, выносил его гроб после отпевания в Конюшенной церкви.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА». ЗАПИСИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ, ПРЕДАНИЙ, ПЕСЕН. ПОКАЗАНИЯ КРЫЛОВА (ПОЭТА)

(с. 38)

Запись сделана Пушкиным, как явствует из пометки на рукописи, 11 апреля 1833 года, в то время, когда в разгаре была работа над «Историей Пугачева» и поэт был крайне заинтересован в общении со свидетелями событий. Вероятно, Пушкин посетил Крылова на его квартире или в залах Публичной библиотеки. Полученные от Крылова сведения использованы Пушкиным в главе четвертой «Истории Пугачева»: «Смятение в городе было велико. Симонов оробел; к счастию, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения...» Из рассказа Крылова взяты некоторые конкретные историко-бытовые детали («Положение Оренбурга становилось ужасным... Голод увеличивался. Куль муки продавался (и то самым тайным образом) за двадцать пять рублей...») и презрительная характеристика действий оренбургской администрации («Вздумал он ⟨Рейнсдорп⟩ по совету Тимашева, расставить капканы около вала и как волков ловить мятежников, разъезжающих ночью близ города. Сами осажденные смеялись над сей военной хитростью, хотя им было не до смеха»). На основании этого же рассказа написана Пушкиным концовка повествования о безуспешной попытке пугачевцев захватить Яицкий городок 20 января 1774 года: «Пугачев скрежетал, он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом, обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов». Первый публикатор пушкинской записи Ю. Г. Оксман высказал также предположение, что черты капитана Крылова «предопределили впоследствии образ капитана Миронова в «Капитанской дочке».

Имя Андрея Прохоровича Крылова Пушкин встречал в некоторых исторических документах, которыми пользовался, что, вероятно, и побудило его обратиться к Ивану Андреевичу Крылову.

Впервые «Показания Крылова (поэта)» были опубликованы по беловому автографу в издании: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», I. М.— Л., 1936, с. 26—29.

Это одно из немногих свидетельств о ранних годах Крылова и об его отце и одна из немногих записей автобиографического рассказа Крылова.

Документальные сведения о А. П. Крылове см. в «Библиографических и исторических примечаниях к басням И. А. Крылова» В. Ф. Кеневича. Изд. 2. СПб., 1878, с. 299—309. См. также: А. В. Десницкий, Из биографических материалов о родителях И. А. Крылова.— «Ученые записки Леп. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 120. Л., 1955, с. 239. Новейшая публикация: Р. В. Овчинников. В поисках автора «весьма замечательной статьи» (Об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева»).— «История СССР», 1979, № 4, с. 173—179.

Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9 (2). М., Изд-во АН СССР, с. 492

[1] Эпизод, которым завершается запись Пушкина, подробно изложен сенатором Д. Б. Мертваго в его «Автобиографических записках» (М., 1867, с. 28—29).

Воспоминаниями о своих детских годах, проведенных в Оренбурге, Крылов делился с Я. К. Гротом. Грот писал: «Хотя еще на восьмом году Крылов, вместе со своими родителями, оставил тот край, однако ж он навсегда сохранил некоторые воспоминания о тамошней жизни своей... Однажды, около 1840 года, на вечере у князя Одоевского, он с живостью рассказывал мне, как уральские казаки зимою ватагами отправляются на лед и, прорубив его, ловят рыбу баграми». (Я. К. Грот. Литературная жизнь Крылова.— «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6, СПб., 1869, с. 4).

ИЗ «TABLE TALK» (ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ)

(с. 39)

Анекдот записан Пушкиным в 1834—1835 годах и напечатан в пушкинском «Современнике», 1837, т. VIII, с. 227, в публикации «Анекдоты и замечания».

Печатается по изданию: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 170.

ИЗ «ДНЕВНИКА». 1834, 22 ДЕКАБРЯ

(с. 39)

Дневниковые записи Пушкина 1833—1835 годов впервые опубликованы полностью в 1923 году в двух изданиях — под ред. Б. Л. Модзалевского и под ред. В. Ф. Саводника.

Запись 22 декабря 1834 года воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 335.

Профессор С.-Петербургского университета и цензор С.-Петербургского цензурного комитета А. В. Никитенко провел восемь дней (17—25 декабря 1834 г.) под арестом на Ново-Адмиралтейской гауптвахте за то, что пропустил в печать для журнала А. Ф. Смирдина «Библиотека для чтения» стихотворение В. Гюго «Красавице» в переводе М. Д. Деларю.

Митрополит Новгородский и С.-Петербургский Серафим испросил специальную аудиенцию у царя, чтобы принести свою жалобу на Деларю, Никитенко и Смирдина.

Эпиграмма (экспромт) Крылова опубликована И. И. Ханенко в «Русском архиве», 1869, стлб. 074, в несколько иной редакции:

Мой друг, когда бы был ты бог,
Ты б глупости такой сказать не мог.

Публикатор ссылается на П. А. Львова, родственника Олениных, который якобы видел эти стихи, написанные рукой Крылова на книжке «Библиотеки для чтения», в которой было напечатано стихотворение «Красавице».

О «неприятной истории за стихи В. Гюго» А. В. Никитенко рассказывает в дневниковой записи 1 января 1835 года. (А. В. Никитенко. Дневник, т. I. М., 1955, с. 160—164), упоминает и в записи 9 февраля 1835 года в связи с рассказом о посещении Крылова (см. с. 264 наст. изд.).

ИЗ СТАТЬИ «О ПРЕДИСЛОВИИ Г-НА ЛЕМОНТЕ К ПЕРЕВОДУ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА»

(с. 39—40)

Статья написана Пушкиным летом 1825 года в Михайловском (помета на рукописи — 12 августа). Впервые напечатана в журнале «Московский телеграф», 1825, ч. V, № 17. Приводимый отрывок воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 34.

Поводом к написанию статьи послужил выход в Париже издания: «Басни русские, извлеченные из собрания И. А. Крылова с подражанием на французском и итальянском языках разными авторами и с двумя предисловиями, на французском г. Лемонтея, а на итальянском г. Салфия. Изданные г. Орловым 1825».

[1] Перевод предисловия Лемонте был опубликован в журнале «Сын отечества», 1825, ч. 102, № 13 и 14, с. 67—87 и 173—189,

Там, между прочим, говорилось: «Истинный свой талант г. Крылов явил в баснях и стал в первом ряду литераторов своей отчизны. Внимание, которое привлекает к себе столь отличный писатель, возбуждает желание узнать его самого, и вот подробности, сообщенные мне некоторыми путешественниками, сведшими с ним знакомство в Петербурге. Г-н Крылов имеет от роду около 56 лет, высок ростом, полон лицом и телом; походка его небрежна; простое и открытое его обращение внушает к нему доверие. Ни от кого не завися и не быв женат, он не избегает ни игры, ни удовольствий. В обществе он больше замечает, нежели говорит; но когда его взманят, то разговор его бывает весьма занимателен. При всем том, он никогда не выезжал из России, не говорит ни на каком иностранном языке и только понимает по-французски. Под тучною его наружностию кроется ум тонкий и быстрый, вкус разборчивый, сердце человеколюбивое и доброхотное, и все качества превосходного друга. В одном только его укоряют,— и это, к сожалению, есть господствующая черта его характера, он перенес под 60 градус широты беспечность неаполитанскую и предается той роскошной лени, которая взлелеяла гений Лафонтена и Шольё. Муза его уступает только настойчивым просьбам друзей: это басенник, которого должно крепко потрясти, чтобы с него упали плоды».

Текст примечания переводчика, о котором упоминает Пушкин, таков: «Неправда! Тем иностранным путешественникам, которые имели случай познакомиться с И. А. Крыловым, должно быть известно, что он объясняется на французском языке весьма свободно; сверх того, знает он языки немецкий, итальянский и древнегреческий, которому выучился уже в зрелых летах» (№ 14, с. 178).

[2] Замечание Пушкина о том, что «мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка» относится, по-видимому, в первую очередь к книге Н. И. Греча «Опыт краткой истории Русской литературы», СПб., 1822, с. 302—303, где приведены некоторые сведения из биографии И. А. Крылова. Возможно, Пушкин имел также в виду и «Словарь светских русских писателей» Е. А. Болховитинова (1815), где о Крылове сказано: «Крылов, И. А., титулярный советник, член Российской академии, сочинил: 1) комедию в 3-х действиях под заглавием «Модная лавка», напечатана в С.-Петербурге, 1807 г., 2) «Урок дочкам», напечатана того же года и там же, 3) «Басни в стихах», коих 23, напечатаны в С.-Петербурге, 1809 г., а сверх того некоторые в «Беседе любителей русского слова».

Е. Н. ЛЬВОВА

Львова Елизавета Николаевна (1788—1864) — дочь Николая Александровича Львова, известного поэта и архитектора; племянница Г. Р. Державина, которой в 1809 году он продиктовал объяснения к своим сочинениям; жена писателя Ф. П. Львова; автор воспоминаний: «Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елизаветы Николаевны Львовой».— «Русская старина», 1880, т. 29, № 9. Познакомившись с Крыловым, по-видимому, в доме Державина в 1800-х годах, она часто встречалась с ним и впоследствии. Крылов посещал дом Е. Н. и Ф. П. Львовых. Известно стихотворное послание Крылова сестре Е. Н. Львовой — Прасковье Николаевне (при поднесении экземпляра басен):

Счастливы басенки мои в руках твоих,
Люби и жалуй их,
И если иногда стихи мои не гладки,
Читая их в кругу друзей под вечерок,
Улыбкою своей ты скрадь их недостатки;
И слабые стихи в устах красавиц сладки —
Так мил нам на груди у них простой цветок.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

(с. 41—42)

Этот очерк, входящий в названные выше воспоминания Е. Н. Львовой, печатается по публикации в «Русской старине», 1880, № 9, с. 205—206.

Семья Львовых в конце 1770-х годов сыграла заметную роль в воспитании мальчика, жившего с матерью в Твери. Архитектора и поэта Н. А. Львова в Твери в это время уже не было, он находился в Петербурге. В Твери жил его близкий родственник Николай Петрович — советник, а затем председатель Губернской уголовной палаты. С ним, несомненно, был знаком отец Крылова Андрей Прохорович, служивший одновременно с Н. П. Львовым в должности председателя Тверского губернского магистрата. Его брат — Петр Петрович, отец писателя Федора Петровича Львова, за которого мемуаристка в 1810 году вышла замуж, также был тверским жителем, состоял предводителем дворянства в уездном городе Тверской губернии — Торжке. С детьми Н. П. и П. П. Львовых, по-видимому, учился юный Крылов.

См.: Н. А. Лавровский. О Крылове и его литературной деятельности.— «Журнал министерства народного просвещения»,

1868, февраль, с. 395; Я. К. Грот. Дополнительное биографическое известие о Крылове.— «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6. СПб., 1869, с. 40. Ср.: Н. Л. Степанов. И. А. Крылов. М., 1958, с. 9.

П. В. АЛАБИН

Алабин Петр Владимирович (1824—1896) — литератор, автор военных мемуаров, городской голова в Самаре.

Никаких данных, подтверждающих рассказ Алабина, в нашем распоряжении нет. Видимо, вопреки тому, что утверждает Алабин, история любви Крылова к некой девице Константиновой была им получена не из первых рук. Или же Алабин произвольно «совместил» какую-то известную ему (или вымышленную им) А. А. Константинову, дальнюю родственницу Ломоносова, и Анюту крыловских стихов. Во всяком случае, нет оснований говорить о реальном прототипе героини раннего лирического цикла Крылова.

Вместе с тем какие-то связи Крылова с семейством Константиновых, видимо, существовали. У единственной дочери Ломоносова Елены и ее мужа А. А. Константинова был сын Алексей и дочери Софья и Екатерина. С. А. Константинова вышла замуж за генерала Н. Н. Раевского-старшего. В семье Раевских-Волконских сохранилось предание, что к Е. А. Константиновой в молодости сватался Крылов. Сергей Волконский в своей книге «Разговоры» (СПб., 1912, с. 112) пишет:

«— Правда, у Софьи Алексеевны Раевской была незамужняя сестра?

— Да, Екатерина.

— За которую три раза безуспешно сватался баснописец Крылов?

— C'est ça. У меня в библиотеке несколько книжек, ей принадлежавших, с ее именем на переплете: Catherine Constantinoff. Прелестные издания XVIII столетия — «Julie, la novelle Eloise». Она последние годы жила в Италии».

Косвенным подтверждением связей Крылова с семейством Константиновых может служить тот факт, что среди подписчиков журнала «Санкт-Петербургский Меркурий» была Софья Алексеевна Константинова.

Д. Н. Свербеев в 1820-х годах встречал Е. А. Константинову в Петербурге. (Д. Н. Свербеев. Записки, т. I, М., 1899, с. 256).

К БИОГРАФИИ И. А. КРЫЛОВА

(с. 43—47)

Опубликовано в журнале «Русский архив», 1868, № 4-5, с. 860—866.

Очерк Алабина помечен: «26 февраля 1868 г. Саратов».

[1] Стихотворение приписывалось Крылову ошибочно.

[2] Из стихотворения Крылова «К другу моему А. И. К.» (1793), посвященного Александру Ивановичу Клушину.

[3] Из того же стихотворения.

[4] Стихотворение «Похищенные волоски в перстень» принадлежит П. М. Карабанову, и Крылову приписывалось ошибочно.

[5] Крылов служил в Горной экспедиции, находившейся в ведении Кабинета ее величества, с 1 мая 1787 г. и вышел в отставку 29 мая 1788 г.

[6] Первое стихотворение цикла «Утешение Анюте» написано не ранее весны 1793 г., судя по тому, что в нем упоминается о прекращении ввоза французских товаров в Россию (разрыв Екатерины II с Францией последовал после казни Людовика XVI в январе 1793 г.). Опубл. в журн. «Санкт-Петербургский Меркурий» в апреле 1793 г.

А. Т. БОЛОТОВ

Болотов Андрей Тимофеевич (1738—1833) — ученый-агроном, популяризатор науки. В 1770—1780-х годах издавал журналы «Сельский житель» и «Экономический магазин», где передовые научные идеи сочетались со взглядами помещика-крепостника. В историю литературы вошел как автор четырехтомных мемуаров «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков».

ИЗ КНИГИ «ПАМЯТНИК ПРЕТЕКШИХ ВРЕМЯН, ИЛИ КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ О БЫВШИХ ПРОИСШЕСТВИЯХ И О НОСИВШИХСЯ В НАРОДЕ СЛУХАХ»

(с. 48—49)

Печатается по изданию: А. Т. Болотов. Памятник протекших времян... М. 1875, с. 69—70.

В книгу включены дневниковые записи Болотова 1796 года.

[1] Журнал «Санкт-Петербургский Меркурий» Крылов, совместно с давним своим товарищем А. И. Клушиным, издавал в 1793 г. Здесь Клушин напечатал ряд стихотворений и прозаических сочинений. В конце последней книжки журнала было напечатано следующее уведомление от издателей: «Год Меркурия кончился — и за отлучкою издателей продолжаться не будет. Долгом своим поставляем мы признать нашу благодарность почтенным читателям за благосклонное принятие наших трудов. Одобрение от просвещенной публики приписываем более ее снисхождению, нежели нашим талантам, и ничего столь не желаем, как произвести со временем что-нибудь более достойное внимания читателей нашего века. Мы слышали иногда критики и злые толки на наши писания — но никогда не были намерены против них защищаться. Если они справедливы — защищение не поможет, если ложны — то исчезнут сами собою. Слабо то сочинение, которое в самом себе не заключает своего оправдания».

[2] Имеются в виду «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина.

[3] В своих воспоминаниях о Крылове, предвзятых и не вполне достоверных, но содержащих ряд сведений, неизвестных другим мемуаристам, Булгарин сообщает: «Екатерина Великая приняла ласково молодого писателя, поощрила к дальнейшим занятиям литературою». (Ф. В. Булгарин. Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений.— «Северная пчела», 1845, № 8.)

Весьма вероятно, что Крылову и Клушину запрещено было издавать журнал. При этом Клушин получил дозволение уехать за границу продолжать образование. Ему было выдано жалованье за пять лет вперед. Тогда же Клушин напечатал благодарственную оду императрице. Однако он доехал только до Ревеля, где женился на баронессе М.-Л. Розен. Позднее, в царствование Павла I, вернулся к литературной деятельности и служил при театральной дирекции.

Крылов, судя по всему, уезжать за границу не собирался. В 1794—1796 гг. он живет в Москве и в провинции.

О деятельности Крылова и Клушина как издателей журнала «Санкт-Петербургский Меркурий» см.: В. П. Семенников. И. А. Крылов и А. И. Клушин.— «Русский библиофил», 1914, № 6, с. 52—55; С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955. О Клушине и его отношениях с Крыловым см. в воспоминаниях С. П. Жихарева (с. 113—114).

[4] В канцелярии Н. В. Репнина Клушин служил под началом известного впоследствии государственного деятеля

Д. П. Трощинского. Имя Трощинского значится среди подписчиков «Санкт-Петербургского Меркурия». Позднее, посвящая Трощинскому свою комедию «Услужливый» (1800), Клушин писал: «Вы с самого моего младенчества были моим благотворителем. Создали из меня поэта, создали в тысячу раз более — честного человека».

М. Е. ЛОБАНОВ

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787—1846) — драматург, переводчик. Получил известность переводом трагедии Расина «Федра», поставленной на петербургской сцене в 1823 году, с Е. С. Семеновой в главной роли. С 1820 года член Вольного общества любителей российской словесности; с 1828 года член Российской академии. Служа одновременно с Крыловым (с 1813 по 1841 г.) в Публичной библиотеке и живя в течение 25 лет в одном доме при библиотеке, общался с ним каждодневно. Лобанов всячески подчеркивает свои дружеские отношения с Крыловым, однако хорошо знавшие того и другого современники отрицали это. «Бедный ошибался,— писала В. А. Оленина,— Крылов никогда не был ему другом и часто его подтрунивал» (см.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. М., 1960, с. 275).

Как и на всем, что писал Лобанов, на его толковании личности Крылова не могли не сказаться ограниченность его литературных воззрений и политическая верноподданность. Однако богатство конкретных фактов и непосредственных наблюдений определяют важное место труда Лобанова в мемуарной крыловской литературе.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА

(с. 50—90)

Впервые напечатано в журнале «Сын отечества», 1847, январь. Тогда же вышло отдельное издание — «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. Сочинение академика Михаила Лобанова. СПб. 1847». Позднее не перепечатывалось. Черновая не оконченная рукопись хранится в Рукописном отделе Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (фонд П. Н. Тиханова, № 2545).

Основанная главным образом на личных наблюдениях и воспоминаниях работа Лобанова «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» едва ли не самое значительное его сочинение.

В настоящем издании печатается по отдельной публикации 1847 года, с исключением страниц, не имеющих мемуарного значения, посвященных разбору творчества Крылова. По черновой рукописи восстановлен на своем месте эпизод 14 декабря 1825 года, не увидевший в свое время света явно по цензурным соображениям.

[1] Все биографы Крылова прошлого века придерживались этой даты. Позднее Л. К. Ильинский обосновал как более достоверную дату — 1869 г. («Журнал министерства народного просвещения», 1904, ноябрь, с. 102—113). Выдвигались и иные предположения. Это связано главным образом с тем, что сам Крылов в различных случаях указывал разные даты — то 1769, то 1768, то 1766 год (см.: С. М. Бабинцев. О годе рождения И. А. Крылова.— «Русская литература», 1959, № 3; А. В. Десницкий. Молодой Крылов. Л., 1975). В настоящее время наиболее достоверной датой рождения Крылова считается 2(13) февраля 1769 года.

[2] О родителях Крылова и его детских годах со слов самого поэта писал в своих воспоминаниях Ф. В. Булгарин: «Воспитывался он дома, по тогдашнему обычаю, то есть был вскормлен и обучен русской грамоте, четырем правилам арифметики и молитвам. Иван Андреевич сказывал мне, что этим обязан он своей матери, доброй, тихой и набожной женщине. Отец его был человек добродушный, храбрый, но крутого нрава, и мало занимался семейством».

[3] Неверно. А. П. Крылов скончался в марте 1778 г.

[4] Со слов самого Крылова Булгарин также рассказывает: «День и ночь занимался он чтением и часто даже пренебрегал для того службою. Иван Андреевич сказывал мне, что повытчик его был человек грубый и сердитый, и не только журил его за пустые и бесполезные занятия, то есть за чтение, но, застав за книгою, иногда бивал его по голове и по плечам, а сверх того жаловался отцу, который также наказывал его за нерадение к службе».

Хотя Крылов не получил систематического образования, он, несомненно, обладал весьма обширными сведениями в самых разных областях знаний. Уже его ранние сочинения свидетельствуют о весьма близком знакомстве не только с тогдашней русской литературой, но и современной и классической западноевропейской литературой, философией, историей. Самые выдающиеся современники Крылова (в том числе Пушкин) с вниманием прислушивались к его суждениям о новых произведениях словесности, о новейших философских течениях (например, по

поводу шеллингианства С. П. Шевырева), к его суждениям о музыке и живописи. Как явствует из множества свидетельств современников, Крылов свободно читал на нескольких языках, хорошо знал теорию музыки и математику.

[5] Неточно. Крылов был записан в Калязинский нижний земский суд подканцеляристом в 1777 г.; в июне следующего, 1778 г. переведен на службу в Тверской губернский магистрат; в сентябре 1783 г. принят на службу в С.-Петербургскую Казенную палату, откуда уволился в конце 1786 г.; в 1787—88 гг. служил в Горной экспедиции. Следующим местом его службы была секретарская должность при князе С. Ф. Голицыне — 1797—1800 и 1801—1803 гг.

[6] Тесные связи с И. Г. Рахманиновым — литератором, журналистом, издателем радикального направления — имели важное значение для молодого Крылова в его литературно-сатирической, журнальной и издательской деятельности 1790-х гг. В типографии Рахманинова печатался в 1789 г. журнал Крылова «Почта духов». О И. Г. Рахманинове и его связях с Крыловым см.: И. М. Полонская. И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера («Труды Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», 1965, т. VIII, с. 126—162); Б. Мартынов. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов. Тамбов, 1962; Н. Д. Кочеткова. И. Г. Рахманинов — переводчик немецких писателей и творчество молодого Крылова (сб. «Русская литература XVIII в. и ее международные связи». Л., 1975). См. также воспоминания С. П. Жихарева (с. 113—114).

[7] Сатирические произведения Крылова «Похвальная речь науке убивать время» и «Похвальная речь Ермалафиду» были напечатаны в «С.-Петербургском Меркурии», 1793, ч. I, с. 22—52 и ч. II, с. 26—55. Повесть «Каиб» — в «Зрителе», 1792, ч. III, с. 90—108 и 257—306.

[8] Речь идет о комедиях «Модная лавка» и «Урок дочкам».

[9] Повесть «Мои горячки» была конфискована полицией при обыске в типографии Крылова в мае 1792 г. (см. вступит. статью).

Лично руководивший этой полицейской акцией петербургский губернатор П. П. Коновницын в письме П. А. Зубову — фавориту Екатерины II и тогдашнему правителю государства — докладывал: «Типография заведена сего года в генваре месяце с дозволения Управы благочиния, с Крыловым и Клушиным — товарищи актеры Дмитревский и Плавильщиков. В ней осмотр учинен частным приставом со всею прилежностью, но вредных сочинений не нашлось. И означенные Дмитревский и Плавильщиков по чистой совести и долгу присяги свидетельствуют, что ничего без установленной цензуры печатано не было.

Отставной провинциальный секретарь Крылов оригинальное свое сочинение под названием «Мои горячки» по первому вопросу с частным приставом лейб-гвардии, у капитан-поручика Скобельцына, которому давал для прочтения, отобрав, сам мне представил, объясняя, что писал оное назад года с два без всякого умысла, по одной склонности к сочинениям, еще не кончил, никогда нигде не печатал и, прямого к тому намерения не имея, прочитывал некоторым из своих знакомых, именно: Дмитревскому, Плавильщикову, Сандунову, а после давал г-ну Скобельцыну, и, наконец, показал мне те главы, где описано изображенное в приложенном о сем письме, почему, переписав оные набело, при сем и самое то сочинение в особом конверте вашему превосходительству представляю, равно и взятую с находящегося в службе при Комиссии о строении дорог в государстве подпоручика Клушина подписку. При осмотре же в типографии и комнате его поэмы «Горлицы» и других вредных сочинений не оказалось, а лично мне объявил, что о горлицах писано им было в аллегорических его снах, но без всякого намерения, и что их читал Плавильщиков, но не одобрил, почему он и изодрал, что и Плавильщиков подтвердил при господине обер-полицмейстере. Из-за чего представляю за тою типографиею, тож Крыловым с Клушиным наблюдение и, не упуская из виду поведения, которое доныне никем не охуждается, дальнейшее исследование до высочайшего благоусмотрения остановил, дабы не последовало и малейшей обиды или притеснения, как о том мне предписать изволили» (Г. Рождественский. Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 г. М., 1899, с. 11—12).

[10] «Драматический вестник» — журнал, издававшийся А. А. Шаховским в 1808 г. Здесь Крылов напечатал басни «Ворона и Лисица», «Музыканты», «Ларчик», «Лягушка и Вол» и другие, всего около 20.

[11] Комическая опера «Кофейница» обыкновенно датируется 1782—1783 гг.; по словам Крылова, переданным Е. А. Карлгоф, пьеса была сочинена еще в Твери (см.: А. В. Десницкий. Молодой Крылов, с. 83—84). Впервые опубликована Я. К. Гротом в 1869 г. в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6, с. 219—272.

В воспоминаниях Ф. В. Булгарина содержится следующий рассказ, относящийся к первому драматическому произведению Крылова: «И. А. Крылов начал свое литературное поприще театром: на шестнадцатом году от рождения написал он, в Твери, комическую оперу «Кофейница». Не знаю, куда девалась эта опера; она никогда не была играна и не напечатана, но

рукопись ее еще существовала в 1825 году. Когда я издавал «Русскую Талию», Иван Андреевич сам предложил мне напечатать из нее отрывки или куплеты, и даже самую оперу, по моему благоусмотрению, и предложил отыскать рукопись в его квартире. В бумагах И. А. Крылова не было порядка, и это было почти то же, что искать золота в песчаной степи. Два дня рылся я в кучах разных вещей, между которыми находились кое-какие старинные бумаги, перебрал весь хлам в старом сундуке, хранившемся на чердаке, и не нашел рукописи. «Нечего делать, братец, пропала, так пропала!» — сказал мне И. А. Крылов с обыкновенною своею беспечностью. «А жаль,— промолвил он: — там было кое-что забавное, и нравы эпохи верны: я списывал с натуры». Н. И. Гнедич знал наизусть несколько куплетов из этой оперы, которые слышал из уст самого Крылова, но сам автор забыл их, а я не мог воспользоваться бессвязными отрывками. Итак, это первое сочинение Крылова вероятно пропало навеки!»

[12] О трагедии «Клеопатра» и ее судьбе см.: А. В. Десницкий. Тираноборческая трагедия И. А. Крылова «Филомела».— «Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 198, 1959, с. 90; С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Новые материалы. (Из архивных разысканий.) — «Русская литература», 1969, № 3, с. 115.

[13] Трагедия «Филомела» была написана Крыловым около 1786 г., напечатана в «Российском феатре» в 1793 г., ч. XXXIX. В этой же книжке «Российского феатра» была напечатана трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим», изъятая по распоряжению Екатерины II. Вместе с нею оказалась изъятой и часть «Филомелы». Сохранились лишь немногие экземпляры, в которых уцелел текст «Вадима» Княжнина и полный текст «Филомелы» Крылова.

[14] Комическая опера «Бешеная семья» написана в 1786 г., напечатана в «Российском феатре» в 1793 г., ч. XXXIX.

[15] Комедия «Сочинитель в прихожей» написана в 1786 г., напечатана в «Российском феатре» в 1794 г., ч. XLI.

[16] Комедия в одном действии «Пирог» написана в 1799—1801 гг. в имении Голицыных Казацкое. Впервые опубликована В. Ф. Кеневичем в 1869 г., в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6, с. 145—182. Рукопись (писарская копия) — в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде. Была представлена на сцене впервые в Петербурге 26 июля 1802 г., затем в Москве, в бенефис С. Н. Сандунова 25 января 1804 г.

[17] Комедия «Проказники» написана в 1788 г., напечатана в «Российском феатре», 1793, ч. XL. Современники видели в этой ко-

медии Крылова сатиру на Я. Б. Княжнина и близких к нему лиц. См. об этом во вступительной статье и комментариях к очерку П. А. Плетнева (с. 426).

[18] Шуто-трагедия «Подщипа, или Трумф», смелая сатира на павловское царствование, написана Крыловым в Казацком в 1800 г. и там же разыграна, с автором в роли Трумфа. Разошлась во множестве списков. Опубликована впервые (по цензурным причинам) только в 1871 г., в «Русской старине», кн. 2.

[19] Здесь допущен ряд неточностей. Крылов служил в Риге у С. Ф. Голицына, как уже указывалось, до 1803 г. В начале 1800-х гг. Крылов работает над комедией «Лентяй». С 1806 г. появляются в печати первые басни, а на театре новые пьесы. Переложения же псалмов и лирические стихи относятся к 1790-м гг.

[20] Комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам», как и волшебная опера «Илья-богатырь», написаны в 1806—1807 гг. Опубликованы в 1807 г. Тогда же поставлены на сцене петербургского театра. Комедия «Лентяй» или «Ленивый», как указано выше, написана несколько раньше, вероятно, не позднее 1805 г. Не закончена; сохранилась рукопись первого и начала второго акта.

[21] О том, что Крылов любил наблюдать «простонародные» развлечения, рассказывает также Ф. Г. Солнцев (с. 155).

В № 292 «Северной пчелы» за 1846 г. была перепечатана из «Тверских губернских ведомостей» следующая заметка:

«Знаменитый наш баснописец Крылов принадлежит особенно нашей Твери: здесь он воспитался и провел первые годы своей юности; здесь он начал свое гражданское служение. Я застал еще в Твери одного старика, его бывшего школьного товарища. Он передал мне об юноше Крылове, что мог заметить особенно замечательного в его характере. «Иван Андреевич,— рассказывал он между прочим,— посещал с особенным удовольствием народные сборища, торговые площади, качели и кулачные бои, где толкался между пестрою толпою, прислушиваясь с жадностью к речам простолюдинов. Нередко сиживал он по целым часам на берегу Волги, против платомоек, и когда возвращался к своим товарищам, передавал им забавные анекдоты и поговорки, которые уловил из уст словоохотных прачек, сходившихся на реку с разных концов города, из дома богатого и бедного. Может быть, эти забавные россказни были богатыми темами и для многих из его басен».

[22] Черновые варианты басен Крылова, в том числе и «первые накидки... на лоскутках» приведены в издании: И. А. Крылов. Басни. (Издание подготовил А. П. Могилянский.) М.— Л., Изд-во АН СССР, 1956. Работу Крылова над текстом уже

опубликованных своих произведений особенно наглядно можно было видеть на экземпляре басен издания 1816 г., подаренном им Н. И. Гнедичу, а ныне находящемся в Рукописном отделе Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (фонд 397, № 31).

[23] «Известный книгопродавец А. Ф. Смирдин,— читаем в воспоминаниях Булгарина,— с 1822 года приобрел книжный магазин Плавильщикова, сделал переворот в книжной торговле, начав платить авторам за сочинения по их достоинству, и за издание басен Крылова в числе 40 000 экземпляров заплатил 40 000 рублей ассигнациями, купив их на десять лет. Событие дотоле небывалое в России! Все книгопродавцы ужаснулись!»

[24] Басня «Ручей» была впервые напечатана в 1812 г. в «Чтении в Беседе любителей русского слова», ч. V, с. 59—60.

[25] Указания на исторические события и реальные факты, послужившие поводом для написания некоторых крыловских басен, содержатся в работе В. Ф. Кеневича: «Библиографические и исторические примечания к басням Крылова». Изд. 2-е. СПб., 1878, и в ряде позднейших исследований.

[26] О басне «Вельможа» см. с. 307.

[27] Английский клуб в Петербурге (или Английское Санкт-Петербургское собрание) помещался многие годы на набережной Мойки, близ Красного моста. Это было привилегированное учреждение, основанное еще в 1770 г. Его членами были выбраны многие видные петербургские литераторы — Пушкин, Вяземский и др.

[28] См. другую версию этого эпизода в записках Ф. Г. Солнцева (с. 154).

[29] В 1823 г., когда Крылов тяжело болел.

[30] Дом, первоначально принадлежавший И. И. Бецкому, на Царицыном лугу и Дворцовой набережной, против Летнего сада, где жил Крылов и помещалась «Типография Крылова с товарищи» в 1790-х гг.

[31] Как теперь документально доказано, Крылов умер не от несварения желудка, а от паралича легких, наступившего в результате пневмонии.

[32] В черновой рукописи Лобанова эта фраза имеет следующую редакцию: «На одном литературном обеде, на который был зван Иван Андреевич и который начался залпами эпиграмм некоторых людей против некоторых лиц правительства, Иван Андреевич, не кончивши супу, исчез».

[33] Этот рассказ о Крылове на Сенатской площади 14-го декабря 1825 г. впервые опубликован в монографии Н. Л. Степанова «И. А. Крылов», М., 1963, с. 162.

Рассказ Лобанова о том, что Крылов якобы боялся, как бы восставшие не «затащили» его в свои ряды, совершенно недостоверен. Известно, что декабристы уговаривали публику, толпившуюся возле каре восставшего Московского полка, разойтись. (Ср. рассказ В. А. Олениной о том, как декабристы уговаривали Крылова поскорее уйти с площади — с. 146). Говоря о поведении Крылова в день 14 декабря, преданный правительству Лобанов всячески старался оправдать его в глазах властей, приписывая Крылову слова, которых тот наверняка не говорил. Однако и в таком виде рассказ о присутствии Крылова на Сенатской площади, как свидетельство живого интереса баснописца к восстанию, показался цензуре неуместным.

[34] Автор брошюры «Некоторые мысли о сущности басни» (1819) — Д. И. Хвостов.

[35] *Приютино* — усадьба Олениных в 17 верстах от Петербурга, юго-восточнее Парголова.

[36] *Карповка* — река на Петербургской стороне.

[37] О Крылове как незаурядном музыканте и математике говорят многие мемуаристы. См., напр., У Я. К. Грота (с. 108), В. А. Олениной (с. 138), П. А. Плетнева (с. 215), А. О. Смирновой-Россет (с. 256). Музыкальные интересы Крылова обстоятельно рассмотрены в работе И. Ямпольского «Крылов и музыка», М., 1970.

[38] См. изложение того же эпизода в записках В. А. Олениной (с. 145 и 402).

[39] Татищев, в имении которого гостил Крылов,— вероятно Василий Евграфович, близкий знакомый поэта еще с начала 1790 г. (см. вступит. статью). Тот же эпизод рассказан В. А. Олениной (с. 145).

[40] О занятиях Крылова итальянским языком свидетельствует его письмо к Е. И. Бенкендорф 26 ноября 1795 г., где приведены цитаты из Ариосто и Данте; в конце 1790-х гг. Крылов перевел с итальянского оперу в трех действиях «Сонный порошок, или Похищенная крестьянка». Об осведомленности в английском языке говорит следующее письмо А. Н. Оленина Н. И. Гнедичу 24 августа 1826 г.: «...Суматошное наше положение по случаю празднеств, долгие наши разъезды по причине необъятных расстояний,— одним словом, разные «Miseries of human life» * (пускай вам это переведет Иван Андреевич Крылов) — все это вместе не позволяет нам ничем другим заняться, как только рассеянностью» (Г. П. Георгиевский. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. Новые материалы из оленинского архива.— «Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 91, № I. СПб., 1914, с. 124).

---

* Невзгоды человеческой жизни (*англ.*).

[41] Этот перевод начала I песни «Одиссеи», выполненный Крыловым, впервые опубликован И. П. Быстровым в «Северной пчеле», 1846, № 203 (см. с. 237). О переводе Крылова см.: А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах. М.— Л., 1964.

[42] Об отношениях Крылова с А. Н. Олениным и его семьей см. примеч. к воспоминаниям В. А. Олениной (с. 400).

[43] До нас дошло действительно немногим более трех десятков писем Крылова. В течение многих лет он регулярно переписывался только с братом Львом Андреевичем. Можно представить себе, как много интересного и важного содержали эти письма. К сожалению, судьба их неизвестна. Судить о них мы можем только по ответным письмам Льва Андреевича, дошедшим до нас в выдержках и изложении В. Ф. Кеневича (см. в приложении к наст. изд.— с. 333—360).

[44] Статья В. А. Жуковского «Басни Ив. Крылова» была напечатана в журнале «Вестник Европы», 1809, ч. 45, № 9.

[45] Имеется в виду И. И. Дмитриев.

[46] О басне «Прихожанин» см. в коммент. к воспоминаниям П. А. Вяземского (с. 418).

[47] Заключительные стихи басни «Слон и Моська» (1808).

[48] См. аналогичный рассказ в очерке Плетнева (с. 223).

[49] Дом г-жи Энгельгардт, где в 1830-е годы находилось Дворянское собрание — на Невском пр., угол Екатерининского канала (ныне — Невский пр., 30).

[50] Стихотворение В. Г. Бенедиктова «На пятидесятилетний юбилей Крылова» см.: В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., 1939, с. 195 и с. 228 наст изд.

[51] Приветственные речи, произнесенные на юбилее Крылова 2 февраля 1838 г., были напечатаны в «Журнале министерства народного просвещения», 1838, ч. 17, с. 213—223, и тогда же изданы отдельной брошюрой под названием «Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову в день его рождения и совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности на обеде 2 февраля 1838 г. в зале Благородного собрания».

Власти старались придать празднику сугубо официальный характер, однако юбилей демонстрировал огромное общественное значение литературы, и это пугало правительство.

Заслуживает внимания тот факт, что правительством были приняты особые меры, чтобы не допустить в печать ничего «лишнего» о крыловском празднике. На другой же день, 3 февраля, всем петербургским цензорам было разослано распоряжение следующего содержания: «Господин министр народного просвещения приказал известить г.г. цензоров С.-Петербургского цензурного комитета, чтоб ни в одном периодическом издании не было ничего

печатного о вчерашнем празднике в честь И. А. Крылова без особенного разрешения его высокопревосходительства. Сим канцелярия цензурного комитета, по приказанию его сиятельства господина председателя, имеет честь сообщить вашему высокоблагородию к должному исполнению». (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, архив А. В. Никитенко, $\frac{\text{№ 19.136.}}{\text{CXXV1154}}$

[52] Это описание медали не вполне точное. На одной стороне ее выбито: «1838, февраля 2. С высочайшего соизволения И. А. Крылову в воспоминание пятидесятилетия литературных трудов от любителей русской словесности». На другой стороне — профиль Крылова и по окружности текст: «родился 2 февраля 1768 года». Утверждение текста для медали вызвало специальную переписку Жуковского, Оленина, Бенкендорфа (Архив Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, кор. 98, 1838, № 22).

[53] С марта 1841 г. по день смерти 9 (21) ноября 1844 г. Крылов жил в доме Блинова в начале 1-й линии Васильевского острова. Дом сохранился — ныне № 8 по 1-й линии.

[54] См. примеч. 31.

[55] Последнее прижизненное издание басен Крылова 1843 г.

[56] Памятник Крылову был установлен в Летнем саду (скульптор П. К. Клодт; горельефы на постаменте по рисункам А. А. Агина). Открытие состоялось 12 мая 1855 г.

ИЗ ЗАМЕТКИ «ОБЕД У КНИГОПРОДАВЦА А. Ф. СМИРДИНА 19 ФЕВРАЛЯ 1832 ГОДА»

(с. 90—91)

Опубликовано в сб. «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII, Л., 1927, с. 112—115, откуда и перепечатывается.

Торжественный обед, данный А. Ф. Смирдиным столичным литераторам по случаю перевода его книжной лавки и библиотеки для чтения в новое помещение на Невском проспекте, в только что отстроенное здание лютеранской церкви св. Петра, явился заметным событием в литературной жизни Петербурга 1830-х годов. Он описан многими современниками. Известен также посвященный этому событию рисунок А. П. Брюллова.

[1] Имеется в виду устав цензуры 1828 г. Греч, конечно, знал, что Николай I лично не участвовал в его составлении. Тост Греча содержит обычное для него соединение острословия с желанием польстить власть имущим.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ

Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — сын генерала, видный чиновник (служил сначала в Москве, потом на юге России и в Петербурге), литератор и мемуарист. Один из основателей «Арзамаса», Вигель с 1810-х годов был близок со многими известными писателями, в том числе с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Загоскиным и другими, ценившими в нем остроумного собеседника, человека осведомленного и зоркого наблюдателя. Пушкин отмечал «занимательность и дельность» его разговоров. С Крыловым Вигель познакомился еще в отроческие годы, учился у него русскому языку, когда воспитывался в семье князя С. Ф. Голицына и жил в его имении Казацкое на Украине. Позже часто встречался со своим бывшим учителем в Петербурге на вечерах у Оленина, Жуковского, Одоевского и других общих знакомых.

К тому времени, когда Вигель писал свои воспоминания, он стал рьяным ретроградом.

ИЗ «ЗАПИСОК»

(с. 92—105)

Записки свои Вигель писал на протяжении длительного времени, в основном 1830—1840-х годов. До публикации читал во многих знакомых столичных домах. Первые публикации относятся к 1860-м годам. Наиболее полные издания — 1892—1893 годов и двухтомное 1928 года. В последнем издании редактор его С. Я. Штрайх сделал значительные сокращения, но и восстановил по рукописи ряд мест, в свое время изъятых цензурою.

«Записки» Вигеля занимают видное место в русской мемуарной литературе как обширная портретная галерея русских людей первой половины XIX века, широкая бытовая картина тогдашней русской жизни. Современники ценили их за обилие важного фактического материала, за присущие автору наблюдательность, меткость характеристик, живость изложения. П. А. Вяземский замечал, что они «писаны умно и местами довольно художественно, есть живость и увлекательность рассказа». Но вместе с тем уже современники указывали на субъективность, пристрастность оценок, цинизм и озлобленность, которыми часто грешит автор «Записок».

Это относится и к тем страницам, которые посвящены Крылову, особенно времени пребывания его в доме Голицыных,

Я. К. Грот, В. Ф. Кеневич и позднейшие исследователи справедливо указывали, что Вигель не понял истинных мотивов поведения Крылова, ироничности его поведения в княжеской семье и исказил его образ. «Отдавая полную справедливость таланту Крылова,— писал Грот,— Вигель рисует, однако ж, личность его довольно темными красками: именно он представляет его человеком холодным, себялюбивым, равнодушным ко всякому высшему интересу и угодливым из расчета» (Я. К. Грот. Литературная жизнь Крылова.— «Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6. СПб., 1869, с. 14—15). Несомненная ценность мемуарных свидетельств Вигеля о Крылове состоит в том, что они проливают свет на один из самых темных периодов жизни поэта, обогащают его биографию новыми существенными фактами.

Печатается по изданию: Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1928, т. I, с. 69; 71—72; 85—88; 194—195; 328—329; 334—335: 359—361; 362—363; т. II, с. 44; 46—47; 60—62.

[1] Вигеля привезли в украинское имение князей Голицыных Казацкое в феврале 1799 г. Казацкое было наследственным имением В. В. Голицыной (урожд. Энгельгардт), приходившейся родной племянницей екатерининскому вельможе князю Потемкину. Голицыны поселились в Казацком не позже 1797 г. (по словам Вигеля, в 1798 г., это ошибка). С этого же времени жил здесь у них и Крылов, лишь изредка наезжая в столицу (см.: Я. К. Грот. Дополнительное биографическое известие о Крылове.— «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6. СПб, 1869, с. 30—33; С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Новые материалы. — «Сборник Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. 3. Л., 1955, с. 50—60).

[2] В 1799 г. Крылову было, вероятно, 30 лет или 31 год, но он мог казаться старше своих лет, особенно ребенку. В литературе он был известен с 1789 г. как автор «Почты духов», особенно же с 1792—1793 гг., как издатель «Зрителя» и «С.-Петербургского Меркурия».

[3] Крылов поступил на службу к князю С. Ф. Голицыну в качестве частного секретаря весною 1797 г. и находился при нем сначала в Москве, затем в деревне, а позже, с 5 октября 1801 г. по 26 сентября 1803 г., в Риге, где Голицын был генерал-губернатором.

[4] Сентиментальная драма Н. И. Ильина «Лиза, или Торжество добродетели» была поставлена на сцене в 1802 г. и имела

шумный успех. Утверждение, что дотоле авторов не вызывали на сцену, неверно — авторов вызывали уже в XVIII в.

[5] Драма В. М. Федорова «Лиза, или Следствие гордости и обольщения» на сюжет повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» впервые была поставлена в 1803 г.

[6] Комедии Крылова «Модная лавка» и «Урок дочкам» впервые были поставлены в 1806—1807 гг.

[7] Первая часть волшебной оперы венского композитора Ф. Кауера «Das Donauweibchen» («Фея Дуная»), переделанная Н. С. Краснопольским, под названием «Русалка» была впервые поставлена в Петербурге 26 октября 1803 г. Вторая ее часть под названием «Днепровская русалка» шла первый раз 5 мая 1804 г. Третья часть — «Леста, или Днепровская русалка» — 25 октября 1805 г. (музыка С. И. Давыдова). Четвертая часть — «Русалка» — в 1807 г. (автором ее текста был А. А. Шаховской). Представления первых частей имели необыкновенный успех и давались регулярно не один раз в неделю.

Волшебная опера «Илья-богатырь», сочиненная Крыловым (музыка К. А. Кавоса), впервые была поставлена 31 декабря 1806 г. и долгое время не сходила со сцены.

[8] «Беседа любителей русского слова» открылась 4 марта 1811 г. Тогда же Крылов стал ее членом. О его отношении к этому обществу см. вступит. статью.

[9] Дом Г. Р. Державина на южном берегу Фонтанки, между Измайловским и Обуховским мостами. Ныне — набережная Фонтанки, 118.

[10] О том, что послужило поводом к созданию басни «Квартет», имеется более вероятное предположение (см.: Из «Библиографических и исторических примечаний к басням Крылова» В. Ф. Кеневича — с. 304).

[11] Об А. Н. Оленине, оленинском кружке и отношении к нему Крылова см. в коммент. к воспоминаниям В. А. Олениной (с. 400).

[12] Императорская Публичная библиотека в Петербурге была основана в 1811 г. Торжественное открытие ее состоялось 14 января 1814 г. Первоначально библиотека занимала здание, построенное по проекту архитектора Е. Т. Соколова в 1796—1801 гг. и выходившее главным фасадом на Садовую улицу и Невский проспект.

[13] Дом Олениных в столице находился на северном берегу Фонтанки, близ Семеновского моста. Здесь они жили до 1820 г.

[14] Представление на сцене петербургского Нового театра комедии Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам», с нападками на Жуковского, состоявшееся 23 сентября 1815 г., вызвало

резкое обострение полемики двух литературных лагерей — «беседчиков» и «карамзинистов». Для борьбы с «Беседой» карамзинисты организовали дружеское литературное общество «Арзамас». Крылов поддерживал добрые отношения как с «беседчиками», так и «арзамасцами», в числе которых были Жуковский, Вяземский, молодой Пушкин.

Я. К. ГРОТ

Грот Яков Карлович (1812—1893) — историк литературы и лингвист, академик. Был знаком с Крыловым, встречался с ним в Петербурге в 1830—1840-е годы. Автор нескольких работ о Крылове: «Литературная жизнь Крылова», «Сатира Крылова и его «Почта духов», «Крылов против Карамзина» и других.

ИЗ «ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО БИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗВЕСТИЯ О КРЫЛОВЕ»

(с. 106—110)

Впервые опубликовано в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6, СПб., 1869, с. 29—41, откуда и перепечатывается.

[1] См.: Ф. Ф. Вигель. Из «Записок» (с. 92 и след.).

[2] Письмо И. А. Крылова М. П. Сумароковой:

⟨Август 1801 г.⟩

Простите мне, сударыня Марья Павловна, что так долго не отвечал я на прелестное письмо ваше, которое мне чрезвычайно много принесло удовольствия. Несколько раз перечитывал я его и на всякой строке видел и ваше доброе сердце, и вашу чувствительность; сохраняйте их — и вы будете любезны и почтенны для всех честных людей; умножайте свои познания — и вы далеко назади оставите тех пригоженьких куколок, которые тогда только и живут, когда они вальсируют.

Вы видите, что я по-старинному не щажу нравоучений, но если б я меньше желал вам добра и меньше бы знал вас, то бы, конечно, за неучтивость почел говорить нравоучения пятнадцатилетней девушке; но вы никогда ими не скучали. Счастливы будете, если, и вступя в свет, станете предпочитать добрые советы глупым ласкательствам — и если охотнее станете слушать замечания на ваши недостатки, нежели похвалы вашим совершенствам.

Наконец, и вы оставили прелестное Казацкое. Угадать ли, с кем вам более всего жаль было расстаться? С вашим вороб-

ем — не правда ли? Божусь, что и я не без жалости воображал эту разлуку. Бедная птичка, она, верно, еще долго после вашего отъезда будет прилетать к вашему окну. С каким удовольствием читал я об ней. Если б это попалось мне где-нибудь в книге, то бы меня ни вполовину так не тронуло, для того что я бы почел это за сказку. Но в вашем письме меня чрезвычайно это растрогало. Видите ли, что я вам более печатного верю. Канарейки ваши также очень милы, и я бы любопытен знать, где они остались, когда вы поехали из Казацкого.

Читал я у папеньки вашего ваш журнал французский. Приятно мне было знать, что вы меня в нем вспоминаете, и я вас тысячу раз за то благодарю. Но видите ли, что вы меня этим журналом оправдали, вспомните, какие у нас бывали споры, когда советовал я вам письма писать журналом, а вы спорили, что этого сделать никак нельзя — однако же на моем сбылося. Журнал ваш довольно любопытен, мы нашли в нем много мыслей таких, которые вам честь делают, а сверх того написан он очень хорошо: стало, я прав, и вам нужно только было не полениться.

Посылаю вам с Прасковьей Андреевной гостинцу по книжке — желаю, чтоб они вам понравились, а прочие покупки по вашей комиссии сам вам буду иметь удовольствие отдать, когда приеду в Москву.

Если вы не переменили намерения учиться рисовать, то я вам купил здесь прекрасный гостинец, а именно рисовальную школу прекраснейшую, а если отдумали, то я, как бесполезную для вас вещь, у себя оставлю.

Прощайте, будьте здоровы. Видите, что и я не мало исписал бумаги — и перемог свою лень — в благодарность за то, что вы не забываете вашего покорнейшего слугу И. Крылова.

Поклонитесь от меня вашей няне Кузьминишне.

Письмо впервые опубликовано в «Русском архиве», 1865, стлб. 991—994.

Написано из Петербурга в Москву, куда сам Крылов должен был приехать вместе с С. Ф. Голицыным к сентябрю 1801 г.— времени коронации Александра I.

Письмо М. П. Сумароковой, на которое отвечает Крылов, как и упоминаемый им французский «журнал» ее, неизвестны.

Довольно подробно характеризуя Павла Ивановича Сумарокова, Вигель пишет о Марии Павловне: «Дочь его, Мария Павловна, ныне пожилая дева, была тогда двенадцатилетняя девочка; воспитанная с детьми другого пола, она имела и сохранила много ухваток мальчика». С редкой для него доброжелатель-

ностью Вигель говорит о «необыкновенной любезности ума», которой она отличалась, «любви и уважении», которые заслужила у окружающих (Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1892, с. 132—133).

[3] См. коммент. к отрывкам из «Записок» Ф.Ф. Вигеля — с 387.

[4] Писание писем-дневников (журналов), по-видимому, было распространенным явлением (сравн., напр., французский «Дневник (журнал) для отдохновения» А. П. Керн, 1820 г.— А. П. Керн. Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974; «Дневники» С. П. Жихарева и др.).

[5] М. П. Сумарокова и в дальнейшем жила в доме Голицыных. Говоря о своем знакомстве с Павлом Ивановичем Сумароковым в начале 1820-х гг., Д. Н. Свербеев замечает: «...умная и говорливая пожилая его дочь проживала у каких-то Голицыных, своих родственников» («Записки Д. Н. Свербеева, 1799—1826», т. I. М., 1899, с. 255). М. П. Сумарокова вместе с Крыловым принимала участие в представлении и другой ирои-комической трагедии, поставленной актерами-любителями на домашней сцене. Это была «Превращенная Дидона» С. Н. Марина, сочиненная примерно в то же время, что и «Трумф». В этом представлении Крылов играл роль Дидоны, а М. П. Сумарокова — роль Гетула. Кроме них в числе актеров-любителей находились сам автор и кн. Ф. С. Голицын, с которым Марин был дружен (см.: С. Н. Марин. Полное собрание сочинений. М., 1948, с. 388). М. П. Сумароковой, получившей в семейном кругу прозвище Тараторки, и Крылову Марин посвятил общую шуточную эпитафию:

Прохожий, посмотри: вот у сего пригорка
Ленивец схоронен, а подле Тараторка.

Крылов участвовал в любительских спектаклях вместе с Ф. С. Голицыным неоднократно (см. письмо Ю. А. Нелединского-Мелецкого дочери — А. Ю. Оболенской, с. 318).

[6] О комедии «Пирог» см. коммент. к очерку М. Е. Лобанова (с. 380).

[7] Первоначальное увлечение Крылова карточной игрой относится к середине 1790-х гг.

Ф. В. Булгарин в своих воспоминаниях пишет: «И. А. Крылов рассказывал мне, что в молодости своей он был пристрастен к карточной игре вовсе не из корыстолюбия, но ради сильных ощущений. В то время азартные игры не были запрещены и банкометы явно занимались своим ремеслом в трактирах, разъезжали по ярмаркам и, как хищные звери, искали везде добычи. Не зная ни света, ни людей, Крылов попался в одну из этих шаек, и его обобрали, как говорится, будто липочку!

И. А. Крылов любил рассказывать об этой неопределенной эпохе своей жизни и сообщил мне несколько игрецких анекдотов и справедливых происшествий, которые я поместил в «Иване Выжигине». История Пожева в этом романе основана также на справедливом событии, которого Крылов был свидетелем в молодости».

С. П. ЖИХАРЕВ

Жихарев Степан Петрович (1788—1860) — чиновник, переводчик, мемуарист, на протяжении полувека поддерживавший тесные связи с литературными и театральными кругами Петербурга и Москвы. Автор «Записок современника», включающих «Дневник студента» (1805—1806), «Дневник чиновника» (1806—1807) и «Воспоминания старого театрала». Посещал литературные вечера, принимал участие в собраниях «Беседы любителей русского слова», а позже был членом «Арзамаса». С Крыловым встретился впервые на литературных вечерах у Г. Р. Державина и А. С. Шишкова, затем часто встречался на собраниях «Беседы», у А. А. Шаховского и многих общих знакомых.

ИЗ «ЗАПИСОК СОВРЕМЕННИКА»
ДНЕВНИК ЧИНОВНИКА

(с. 111—125)

Впервые опубликован в «Отечественных записках», 1855, № 4, 5, 7, 8, 9, 10. Отдельного издания при жизни автора не было.

Печатается по наиболее полному и авторитетному изданию: С. П. Жихарев. Записки современника. Редакция, статьи и комментарии Б. М. Эйхенбаума. М.— Л., АН СССР, 1955, с. 348—350; 356—361; 420; 504—507; 509; 510—515; 533—534.

Дневники С. П. Жихарева — пример распространенных в эту эпоху дневников-писем — адресованы его двоюродному брату и другу С. С. Барятинскому и содержат подробное описание жизни автора, его впечатлений, переживаний, размышлений. Однако, как справедливо утверждает сам Жихарев, его дневники «кроме собственных приключений писавшего, заключают в себе живую панораму большей части тогдашних современных лиц и происшествий». И в этом их несомненная ценность.

Мемуары Жихарева — наиболее полный источник сведений о связях Крылова с литературной и театральной средой в середине 1800-х годов.

[1] Адмирал *А. С. Шишков,* автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1802), с начала века был известен как один из видных деятелей русского просвещения консервативного направления.

[2] «*Утренник* прекрасного пола, содержащий: I. Разные занимательные сочинения в стихах и прозе. II. Некоторые необходимые гражданские сведения. III. Любопытные познания о счислении времени. IV. Белые листы для записок на 12 месяцев. Сочинение Я. А. Галинковского. В Санкт-Петербурге, в типографии императорского театра. 1807»: Издана за счет автора. Раздел IV назван статьей иронически — это действительно чистые листы для записи, когда надо делать визиты, когда ехать на бал, сколько выиграно или проиграно в карты, какие слышали анекдоты или острые слова.

[3] Имеется в виду сражение русских и прусских войск с армией Наполеона при городе Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии (1807 г.).

[4] «*Гимн кротости*» — стихотворение Державина, написанное в 1801 г. по случаю коронации Александра I.

[5] Басня называется «Крестьянин и смерть». Впервые напечатана в 1808 г. в «Драматическом вестнике». Точный текст последних строк:

Что как бывает жить ни тошно,
А умирать еще тошней.

[6] Эта сатира Д. П. Горчакова до нас не дошла.

[7] Из стихотворения Державина «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807).

[8] «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» — поэма С. А. Ширинского-Шихматова, вышла отдельным изданием в 1807 г.

[9] Об отношениях Крылова и графа Хвостова см. с. 454.

[10] Речь идет об Арбатском деревянном театре. Построен по проекту К. Росси в 1807 г. Сгорел в 1812 г.

[11] Басня называется «Пустынник и Медведь». Впервые опубл. в «Драматическом вестнике», 1808 г. Цитата не точна. Подлинный текст:

Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»

[12] «Пожарский, или Освобожденная Москва» — трагедия М. В. Крюковского. Первое представление ее на петербургской сцене состоялось 22 мая 1807 г.

[13] Дом коллежского асессора Афанасия Гуанаропуло, где в 1806—1808 гг. жили Шаховской и Крылов, был одним из самых больших в Петербурге. Выходил на Исаакиевскую площадь, Б. Морскую улицу и набережную Мойки. Ныне участок дома № 4 по Исаакиевской площади.

[14] *Катерина Ивановна* — гражданская жена Шаховского — актриса Е. И. Ежова.

[15] Вторая строка приведена неточно. У Крылова:

И стал он говорить пророчески ответы...

[16] *«Расхищенные шубы»* — комическая поэма Шаховского.

[17] *«Артабан»* — трагедия С. П. Жихарева.

[18] Замысел Шаховского был осуществлен. В 1808 г. выходил журнал «Драматический вестник», редактором которого был Шаховской, а ближайшими сотрудниками И. А. Крылов, А. А. Писарев, Д. И. Языков, С. Н. Марин.

[19] 20 марта 1811 г. А. Н. Оленин писал в Дирекцию императорских театров: «В содержании театральной типографии действительно находятся три соучастника, из которых по мере положенного капитала считаюсь я первым, затем следуют г. титулярный советник Крылов и придворный актер Рыкалов». Установлено, что типография «Крылов с товарищи», дела которой в отсутствие Крылова вел книгопродавец В. А. Плавильщиков, с 1796 по 1802 г. выполняла заказы губернского правления, а с 1802 г. работала для императорских театров и именовалась «Театральной типографией» или «Типографией императорских театров». Когда в конце 1806 г. В. А. Плавильщиков завел собственную типографию, Крылов привлек к делу А. Н. Оленина, а заведовать типографией стал В. Ф. Рыкалов (см.: С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955).

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО ТЕАТРАЛА»

(с. 125—130)

Впервые опубликованы в «Отечественных записках», 1854, т. 96, № 10; т. 97, № 11. Печатается по тому же изданию, что и «Дневник чиновника», с. 620—624; 625—626; 628.

[1] Начальные строки первого явления первого действия комедии в рукописи Крылова иные:

«Любезный батюшка! по вашему совету»
(Ну, лгать, так лгать смелей) — «встаю я до рассвету

И целый божий день хлопот здесь тьму терплю...»
(А тут бы написать: иль ем, иль пью, иль сплю).
«Все езжу по судам...» (Да, ездишь, уж с неделю
С постели на диван, с дивана на постелю).

[2] Боевой гвардейский офицер и поэт Сергей Никифорович Марин был своим человеком в той литературной и театральной среде, к которой в середине 1800-х гг. принадлежал и Крылов. В частности, Марин был завсегдатаем салона А. Н. Оленина. С Крыловым у него устанавливаются близкие приятельские отношения. Весьма высоко оценивал Марин и творчество Крылова.

В 1808 г. в «Драматическом вестнике» было напечатано стихотворение С. Н. Марина «К Крылову»:

Любя отечество — люблю я тех душой,
Которы общею не страждут слепотой.
На моды несмотря, привыкли тем гордиться,
Что привела судьба их русскими родиться.
В числе их ты, Крылов,— и дочкам дав урок,
Соотчичей драгих являешь нам порок...

(См.: С. Н. Марин. Полное собрание сочинений. М., 1948, с. 124.)

С. Н. Марину же принадлежат относящиеся к Крылову строки в сатирическом стихотворении «Петербург» (1813).

Достоин в мире быть между ленивых папой.
В постели век лежит Андреич косолапой
И тем лишь не медведь, что лапу не сосет.
Всяк в дураках теперь, его кто басен ждет.
Забывши муз и чтя обжорство и Морфея,
Лишь сон и пироги в уме сего злодея.

(Там же, с. 175)

[3] Князь *Тверской* — персонаж трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» (1807).

[4] *Полиник*, *Эдип* — герои трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (1804).

[5] «*Влюбленный Шекспир*» — комедия Дюваля; перевод Д. Языкова (1807). «*Лаперуз*» — комедия Коцебу (1799).

[6] «*Три султанши* (Солиман II)» — комедия Фавара; перевод Бахтурина (1785).

[7] *Тит* — герой трагедии Я. Б. Княжнина «Титово милосердие», (1785).

Тезей — герой трагедии В А. Озерова «Эдип в Афинах» (1804).

[8] В доме Кушелева на Дворцовой площади до 1819 г. находился Новый, или Немецкий, театр.

А. П. ГЛУШКОВСКИЙ

Глушковский Адам Павлович (1793 — после 1868) — танцор, балетмейстер, любимый ученик Ш. Дидло; на протяжении многих лет руководитель московского балета.

ИЗ «МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ»

(с. 131—132)

А. П. Глушковский писал свои мемуары в конце жизни и в 1868 г. подарил рукопись П. А. Вяземскому. Впервые опубликованы в кн.: А. П. Глушковский. Воспоминания балетмейстера. М., 1940. Страницы, относящиеся к Крылову, воспроизводятся по этому изданию, с. 143—145.

[1] В петербургском Театральном училище Глушковский обучался с 1799 по 1809 г. Училище готовило артистов как для драматической, так и для оперной и балетной сцены.

[2] Агриппина Бельо (вернее — Белье) по окончании петербургского Театрального училища в 1805 г. была выпущена «в балетную и российскую труппы». В 1806 г. сыграла в первой постановке комедии Крылова «Модная лавка» роль служанки Маши. Журнал «Любитель словесности» (1806, ч. 3, № 7) по поводу этого спектакля писал: «Актеры, представлявшие Сумбурова г. Рыкалов, Лестова г. Каратыгин, Трише г. Жебелев и Антропа г. Пономарев, играли очень хорошо, так же и г-жа Рахманова в роли Сумбуровой. Более же всех понравилась публике г-жа Бельо, представлявшая Машу; она вызвана была с рукоплесканиями на сцену». В 1807 г. в первом представлении комедии «Урок дочкам» Бельо сыграла роль одной из дочек.

[3] Персонажи романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699).

Н. И. ГНЕДИЧ

Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера, с 1811 г. библиотекарь Публичной библиотеки. Был близок с литераторами-декабристами. Будучи сослуживцем и соседом Крылова (с 1816 г. Крылов жил в том же казенном доме библиотеки, что и Гнедич), а также завсегдатаем салона А. Н. Оленина, на протяжении многих лет поддерживал с Крыловым тесные приятельские отношения. Посвятил Крылову ряд стихотворений.

ИЗ СТАТЬИ «ПИСЬМО О ПОЕЗДКЕ В ГАТЧИНО 1815 ГОДА»

(с. 133—134)

При жизни автора статья напечатана не была и хранилась в бумагах А. Н. Оленина. Впервые опубликована в работе Г. П. Георгиевского «А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. Новые материалы из оленинского архива», с. 106—110.

В настоящем издании публикуются фрагменты статьи, непосредственно относящиеся к Крылову.

Инициатором сближения писателей с двором вдовствующей императрицы был А. Н. Оленин, добивавшийся ее покровительства для Гнедича, Жуковского, Крылова. Во времена правительственного либерализма после войны 1812 года сближение с двором не означало для Гнедича отказ от собственных либеральных взглядов.

[1] К 1815 году В. А. Жуковский был автором ряда патриотических стихотворений («Певец во стане русских воинов», 1812; «Императору Александру», 1814 и других), прославивших его и вызвавших внимание и благоволение к нему царского двора; в мае 1815 г. Жуковский, бывший проездом в столице, представлялся императрице Марии Федоровне, а в августе того же года был назначен «лектором при императрице».

Ю. А. Нелединский-Мелецкий, известный в то время поэт, автор лирических стихов, «стихов на случай» для многочисленных придворных празднеств, в 1813 г. переселился в Петербург из Москвы и, будучи сенатором и членом совета Общества благородных девиц, постоянно находился при дворе императрицы Марии Федоровны.

[2] Басня «Листы и Корни» впервые напечатана в «Чтении в Беседе любителей русского слова», 1811, ч. IV.

В. М. КНЯЖЕВИЧ

Княжевич Владислав Максимович (1798—1873) — чиновник, литератор, член Общества любителей словесности, наук и художеств.

ИЗ ЗАМЕТОК, ПИСАННЫХ В 1820 ГОДУ

(с. 135—136)

Печатается по первой публикации в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6. СПб., 1869, с. 343—344.

[1] Попечительный комитет Российской академии рекомендовал наградить Крылова за сочинение басен, «поставляющих его наряду с знаменитейшими в сем роде писателями», большой золотой медалью в представлении своем от 30 октября 1820 г. Представление подписали среди прочих Ю. А. Нелединский-Мелецкий, А. Н. Оленин, Н. И. Гнедич, А. Х. Востоков (оригинал хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР, ф. 18, № 42).

Но золотая медаль была присуждена Крылову Российской академией позднее и вручена в публичном собрании 14 января 1823 г. Литератор К. С. Сербинович в своих воспоминаниях о Н. М. Карамзине («Русская старина», 1874, т. XI, с. 63) рассказывает: «В воскресенье 14 января ⟨1823 г.⟩ мне удалось быть в публичном собрании Российской академии. Съехались все члены Академии и некоторые важнейшие посетители; первые заняли свои места за большим круглым столом: посреди — президент Академии Шишков, по правую его руку — Карамзин, затем — митрополит Сестренцевич и так далее; а по левую — секретарь Академии Соколов, далее — Гнедич, Крылов, Жуковский и прочие. Против них, с другой стороны стола, сидели почетные члены: Кочубей, Аракчеев, Мордвинов, Голицын, Лобанов-Ростовский, Милорадович, Сперанский, Оленин и другие. Секретарь Соколов открыл заседание чтением отчета, затем, как только Карамзин взял в руки свою тетрадь, воцарилось глубокое молчание и во все продолжение чтения не слышалось ни малейшего шороха; слух каждого, кажется, старался не проронить ни одного слова. Он читал из истории отрывок об убиении царевича Димитрия и о вступлении Годунова на царство, где изображен характер властолюбца и средства, употребленные им для достижения цели. Потом были читаны: Жуковского — перевод из Виргилиевой «Энеиды», Гнедича — перевод из «Илиады» и Воейкова — «Искусства и науки». Соколов прочел из своего перевода истории Тита Ливия отрывок о взятии Рима галлами. Читая описание первого неудачного покушения их на Рим, о котором римляне узнали по крику разбуженных гусей, он слегка взглянул на Крылова и сорвал с уст его легкую улыбку, которая пробежала и по всему собранию. Князь Шаховской заключил чтение отрывком из «Аристофана». Наконец, при всеобщем рукоплескании, поднесена золотая медаль нашему знаменитому баснописцу Крылову».

В постановлении о награждении большой золотой медалью Российской академии говорилось: «В знак признательности к особенному дарованию и отличным успехам в российской словесности, а особенно в стихотворениях, И. И. Дмитриева и И. А. Крылова, увенчать таланты каждого из них почестию большой золо-

той медали» (см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии. Выпуск седьмой. СПб., 1885, с. 69).

[2] Сборник стихотворений В. И. Панаева «Идиллии» вышел в свет в 1820 г.

[3] Общество соревнователей просвещения и благотворения, или Вольное общество любителей российской словесности, собиралось на свои еженедельные заседания в доме Войвода в Вознесенской улице. Среди почетных и действительных членов Общества были почти все сколько-нибудь заметные петербургские литераторы. В 1820-х гг. решающее влияние в делах Общества приобрело его «левое крыло» — будущие декабристы и близкие к ним писатели: Ф. Н. Глинка, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер. Н. И. Гнедич в течение нескольких лет был вице-президентом Общества. С 1818 г. Общество издавало журнал под заглавием «Соревнователь просвещения и благотворения».

В мае 1818 г. Крылов получил уведомление следующего содержания: «Высочайше утвержденное Вольное общество любителей российской словесности, уважая в полной мере как отличные познания Ваши в науках и отечественной словесности, так и стремление к благотворению, избрало Вас на основании § 33 устава почетным членом...» 17 мая Крылов отправил ответ на имя графа С. П. Салтыкова: «Милостивый государь мой, граф Сергей Петрович! С признательностию приемля уведомление вашего сиятельства о избрании меня в почетные члены Общества любителей российской словесности, прошу Вас, милостивый государь, засвидетельствовать почтенному Обществу мою благодарность за честь, которую оно оказало мне столь лестным для меня избранием» (см.: «Русская литература», 1959, № 3, с. 124—125). В 1824 г. на заседании Общества прочитаны были басни Крылова «Кошка и Соловей», «Две собаки», «Рыбья пляска». Тогда же они появились в журнале общества «Соревнователь просвещения и благотворения».

Д. Н. СВЕРБЕЕВ

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799—1874) — в молодости чиновник и дипломат, затем хозяин известного московского литературного салона. В конце 1810-х годов по приглашению своего сослуживца чиновника А. И. Пономарева стал посетителем литературных вечеров в его доме. Литературные вечера у С. Д. Пономаревой упоминают и авторы других мемуаров (см.: А. И. Дельвиг. Полвека русской жизни. Мои воспоминания,

т. I. М., 1928; В. И. Панаев. Воспоминания.— «Вестник Европы», 1867, сентябрь; см. также: В. П. Гаевский. Дельвиг.— «Современник», 1854, № 1; Н. В. Дризен. Литературный салон двадцатых годов...— «Ежемесячное литературное приложение к «Ниве», 1894, № 5, с. 2—26).

Восторженные стихи посвятили С. Д. Пономаревой А. Е. Измайлов и А. А. Дельвиг. Стихи в ее альбом писали также Е. А. Баратынский, В. К. Кюхельбекер, Н. И. Гнедич, А. Д. Илличевский и другие поэты. В салоне Пономаревой было учреждено шуточное литературное общество «Сословие друзей просвещения», членами которого были А. Е. Измайлов, В. И. Панаев, Д. М. Княжевич, В. М. Княжевич, О. М. Сомов, П. Л. Яковлев и другие. В альбоме Пономаревой сохранился автограф басни Крылова «Лебедь, Щука и Рак».

ИЗ «ЗАПИСОК»

(с. 137)

Мемуары были написаны Свербеевым в конце жизни и завершены в 1869 году. Публикуемые страницы печатаются по изданию: «Записки Д. Н. Свербеева 1799—1826», т. I. М., 1899, с. 225—226.

[1] Идиллия Гнедича «Рыбаки» написана в 1821 г. и впервые напечатана в 1822 г. в журнале «Сын отечества» и затем отдельной брошюрой. Описание петербургской белой ночи в идиллии было особенно знаменито. Его упоминает и Пушкин в примечании к первой главе «Евгения Онегина»: «Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича...»

[2] Имеется в виду шуто-трагедия «Трумф, или Подщипа».

В. А. ОЛЕНИНА

Оленина Варвара Алексеевна (1802—1877) — дочь А. Н. и Е. М. Олениных. С детских лет видела Крылова в доме родителей и была его любимицей среди детей оленинского дома. Письма к ней Крылова приведены в очерке М. Е. Лобанова «Жизнь и сочинения И. А. Крылова» (см. с. 79—84).

Первое знакомство Крылова с Алексеем Николаевичем Олениным относитя, вероятно, еще к 90-м годам XVIII века. Воспитанник кн. Е. Р. Дашковой, близкий к кругу Г. Р. Державина, Оленин был человеком широко образованным, историком, археологом, ценителем и знатоком искусства. С 1811 года Оленин был

директором вновь открытой Публичной библиотеки, с 1817 года — президентом Академии художеств, одновременно занимая важные государственные должности. Гостеприимный дом Олениных Крылов начал регулярно посещать с 1805—1806 годов. Теплые, дружеские отношения связывали его с хозяйкой дома Елизаветой Марковной Олениной, урожд. Полторацкой, и детьми А. Н. и Е. М. Олениных — Алексеем, Петром, Варварой и Анной. Дом Олениных на набережной Фонтанки у Семеновского моста, а позднее на набережной Мойки — один из центров культурной жизни Петербурга — постоянно посещали Пушкин, Жуковский, Вяземский, Гнедич, Батюшков, Озеров, виднейшие столичные ученые, художники, музыканты, актеры, в том числе К. Брюллов, Кипренский, М. Глинка, Яковлев, Шушерин. Можно было встретить здесь и будущих декабристов С. Трубецкого, М. Бестужева-Рюмина, Ф. Глинку, Н. Муравьева, С. Муравьева-Апостола. А. Н. Оленин был не только начальником Крылова по службе в Публичной библиотеке, но осуществлял своего рода надзор за литературной деятельностью поэта, стараясь приблизить его ко двору, принимал горячее участие в издании его книг.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

(с. 138—140)

В 1867 г., в связи с приближением столетия со дня рождения Крылова, В. А. Олениной был написан мемуарный очерк о Крылове. Писарская копия очерка хранится в Рукописном отделе Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 542, № 875). В настоящем издании впервые полностью публикуется первая часть очерка; во второй его части содержатся главным образом анекдоты о Крылове, которые повторены в более полной редакции в публикуемых в настоящем издании выдержках из «Записных книжек» В. А. Олениной. Отрывки из второй части очерка, дополняющие другие записи Олениной, приводим ниже (частично очерк и записные книжки Олениной использованы в работах: Н. Л. Степанов. И. А. Крылов. М., 1958; А. М. Гордин. Крылов в Петербурге. Л., 1970; см. также: «Вопросы литературы и фольклора». Воронеж, 1973, с. 215—216, 218).

ОРИГИНАЛЬНОСТИ КРЫЛОВА

Оригинальности, им самим мне рассказанные, были так наивны, что даже с некоторым негодованием на себя, чувствуя неприличность иных.

Он был чрезвычайно скромен и стыдлив до конца жизни; легко можно было его заставить краснеть. Ненавидел непристойных женщин. От души уважал женщин с хорошими правилами и скромными и любил женское общество. Несравненно выше ставил женщин в сравнении мужчин касательно добродетели ⟨...⟩

Возвратившись в Петербург, он сдружился с г. Татищевым, который на лето ехал в деревню и пригласил его с собой ехать, что он принял с удовольствием. Вдруг опять вздумалось Татищеву ехать с семейством в другую деревню, пригласил снова Крылова, который с своей стороны просил тут остаться, так как библиотека тут же находилась. Татищевы отправились месяца на три или более па юг, но неожиданно воротились немного ранее назначенного времени в первую деревню, въезжают в аллею, которая вела к дому, и что же видят — уже не Крылова, а сумасшедшего Крылова в виде какого-то чудовища, который, повернувшись к ним, вдали узнал их экипаж и во весь дух побежал домой. Дамы перепуганные запищали, завизжали: «Крылов сумасшедший, Крылов с ума сошел!» Татищев велел кучеру скорей нагнать его, но не успели. Он скрылся, однако не успел ничего на себя накинуть и уже Татищев его застал. Он говорит Татищеву: «Не бойся, я с ума не сошел, но подумать всякий это может; мне хотелось попробовать, каков человек в первобытном состоянии; не красив, нечего сказать; я отрастил волосы, усы, вообще все волосы и ногти на руках и ногах; как-то неловко, но надобно надеяться, что Адам покрасивее меня был». Говорили, что Татищев презабавно это рассказывал.

...Нанял он себе в доме Рибаса премилую квартиру к Летнему саду в нижнем этаже перед каналом, что пересекает сад. Занимался тогда музыкой и играл препорядочно. Играл он экзерсисы в жаркие дни и не любя ⟨нрзб.⟩ снова был в туалете in naturalibus. Ходя по двум комнатам, он играл на скрипке. Вдруг является полиция и просит от имени дам спускать у него шторы в то время, как он играет, что по саду (в этой части) гулять нельзя. Он и тут мне прибавил: «Не хорошо! что будешь делать; гадкая, блажная натура» ⟨...⟩

Его всячески старались опоить, у него даже были пари — он все выиграл, у него ударяло в ноги, но не в голову; богатырская была натура. Он объедался, но пить не любил. Вообще не развратные были у него вкусы ⟨...⟩

Он читал много и что еще более хорошо — про русский язык говорить нечего,— но он хорошо знал французский, немецкий, итальянский понимал. Натурально знал славянский. По-гречески выучился поздно, чтобы помогать Гнедичу в переводе «Илиады»,

и сцена была претрогательная, когда Гнедич и батюшка впервой узнали, что Крылов выучился греческому языку. В кабинете у батюшки съехались Крылов, Гнедич, профессор греческого языка Дестунис, который секретно учил Крылова хорошо выговаривать, он, кажется, верней выговаривал Гнедича. Зашел, натурально, разговор об «Илиаде», и поднялся спор. Крылов утверждал, что не так, и начал доказывать, читая в разных местах по-гречески. Гнедич оцепенел.

[1] *Генерал-бас* — сокращенный способ цифрового обозначения нот указанием на интервалы от самого низкого (басового) регистра.

[2] О П. П. Львове и его брате Н. П. Львове см. примеч. к воспоминаниям Е. Н. Львовой (с. 372).

[3] Об отношениях Крылова с его младшим братом Львом Андреевичем см. приложение (с. 333—360).

ИЗ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК»

(с. 140—148)

Заметки В. А. Олениной о Крылове в ее «Записных книжках» относятся к 1866—1867 годам (Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 542, № 876 и № 877). В настоящем издании впервые публикуются полностью (за исключением явных повторов и малоинтересных суждений автора).

[1] Об отношении Вяземского к Крылову и об истории написания басни «Прихожанин» (а не «Проповедник») — см. примеч. к воспоминаниям П. А. Вяземского (с. 416).

[2] См. примеч. к воспоминаниям Е. Н. Львовой (с. 372).

[3] Первая жена Г. Р. Державина, Екатерина Яковлевна, урожденная Бастидон,— «Пленира» державинских стихов — женщина незаурядная по отзывам многих современников. Умерла 15 июля 1794 г. Это единственное прямое свидетельство о раннем знакомстве Крылова с Державиным.

[4] Этот анекдот — один из целого ряда, фиксирующих иронический стиль поведения Крылова в отношении «высочайших особ» — яснее изложен Н. И. Второвым. По его рукописи напечатал М. Ф. Де-Пуле: «Одно лето императорская фамилия жила в Аничковом дворце. Крылов, как известно, жил в доме императорской Публичной библиотеки, в которой занимал должность библиотекаря. Однажды покойный государь встретил Крылова на Невском.

— А, Иван Андреевич! Каково поживаешь? Давно не видались мы с тобою! — сказал император.

— Давненько, ваше величество,— отвечал баснописец,— а ведь, кажись, соседи!» («Русская старина», 1870, т. 1, с. 471).

[5] Об истории написания и публичного чтения басни «Вельможа» см.: Из «Библиографических и исторических примечаний к басням И. А. Крылова» В. Ф. Кеневича (с. 307).

[6] Другой вариант этого анекдота см. в очерке М. Е. Лобанова (с. 75).

[7] Вариант этого рассказа см.: Я. К. Грот. Дополнительное биографическое известие о Крылове («Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6. СПб, 1869, с. 34).

[8] В семье верноподданного Оленина очень остро переживали события 14 декабря. Среди участников восстания были добрые знакомые Оленина, посетители его салона; среди людей, причастных к тайным обществам, был сын Оленина — Алексей Алексеевич. В ночь после подавления восстания на Сенатской площади Николай I заставил Оленина сопровождать из дворца в крепость арестованных декабристов. На следующий день — 15 декабря — Оленин в письме к В. А. Олениной называл участников восстания «подлецами», а их выступление — «злодейством».

Такого рода понятие о восстании 14 декабря, несомненно, имела и В. А. Оленина. В этом духе она интерпретирует и рассказ Крылова о виденных им эпизодах восстания.

Ср.: описание дня 14 декабря у М. Е. Лобанова (с. 71—72).

[9] В архиве Оленина в Рукописном отделе Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина хранится текст комедии Н. И. Гнедича «Стихотворец в хлопотах», написанной специально для спектакля в день именин Е. М. Олениной 5 сентября 1815 г. Гнедич в пьесе играл роль поэта Стихоплеткина, Крылов — откупщика Дубинина. Там же хранится стихотворение Гнедича «В сей день, о день, питомцу муз изящный», посвященное Е. М. Олениной. Рукою А. Н. Оленина на том же листе сделана запись: «Хор, петый в Приютине 5-го числа сентября 1819 г. солистами: С. И. Муравьевым-Апостолом и кн. Пет. А. Голицыным; хористами: кн. Н. Щербатовым, В. Аткинсоном, К. Н. Батюшковым, А. П. Полторацкой, А. А. Полторацкой, В. А. Олениной. Дирижировал Ив. А. Крылов» (см.: Г. П. Георгиевский. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. Новые материалы из оленинского архива, с. 30).

[10] 2 мая 1819 г. в Приютине среди гостей были Пушкин и Жуковский. На празднике разыгрывали шараду на слово «Баллада». Для отгадывания целого сочинены были стихи, первые

полторы строки в которых написал Жуковский, а остальные Пушкин.

На автографе стихотворения «Баллада» рукою А. Н. Оленина написано: «Сочинено на случай рождения Елизаветы Марковны Олениной во 2-й день мая 1819 Жуковским и Пушкиным для шарады, изобретенной И. А. Крыловым, «Баллада». Приписка рукой В. А. Олениной: «Читал сам Жуковский во время шарады» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 481, 1196).

ИЗ «ПРИМЕЧАНИЙ К БАСНЯМ И. А. КРЫЛОВА»

(с. 148)

Впервые маргиналии В. А. Олениной на томе басен Крылова были напечатаны в «Литературном архиве, издаваемом П. А. Картавовым», СПб., 1902, с. 75.

[1] Анна Алексеевна Оленина.

[2] В басне речь идет о соловье в клетке, который думал заслужить свободу искусными песнями, но обманулся в своем ожидании:

А мой бедняжка Соловей,
Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней.

[3] См.: Из «Библиографических и исторических примечаний к басням Крылова» В. Ф. Кеневича (с. 306).

А. А. ОЛЕНИНА

Оленина Анна Алексеевна (1808—1888) — дочь А. Н. и Е. М. Олениных, с 1825 г.— фрейлина.

ИЗ «ДНЕВНИКА (1828—1829)»

(с. 149)

Впервые приводимая запись опубликована в издании: А. А. Оленина. Дневник (1828—1829). Париж, 1936.

[1] В 1828 г. к Олениной сватался Пушкин, но получил отказ ее родителей.

Об отношении Пушкина к Олениной, которой посвящены его стихотворения «Ее глаза», «Ты и вы», «Не пой, красавица, при мне» и другие, см. в воспоминаниях А. П. Керн (с. 151).

А. П. КЕРН

Керн Анна Петровна (1800—1879) — племянница Е. М. Олениной. Автор известных мемуаров о Пушкине, Дельвиге, Глинке.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ О ПУШКИНЕ»

(с. 150—152)

«Воспоминания о Пушкине» были написаны Керн в конце 1850-х годов. Впервые напечатаны — «Библиотека для чтения», 1859, т. 154. Публикуемые отрывки воспроизводятся по изданию: А. П. Керн (Маркова-Виноградская). Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974, с. 29—30, 42, 43, 45.

[1] 28 декабря 1818 г. умерла Екатерина Павловна, сестра Александра I, королева Вюртембергская.

[2] Строки из басни Крылова «Осел и Мужик» (1819). О чтении Крыловым своих басен см. также в записках С. П. Жихарева (с. 119), в очерке П. А. Плетнева (с. 194). Булгарин в своих воспоминаниях свидетельствует об этом: «И. А. Крылов читал их превосходно, как никто никогда не прочтет, с каким-то особенным простодушием и наивностью, точно так, как они написаны».

[3] Стих из поэмы Пушкина «Цыганы».

[4] Остроумные замечания Крылова подхватывались окружающими и передавались из уст в уста. Вот одно такое замечание, сохранившееся в памяти современников: «Однажды в обществе говорили о богатстве А. И. Яковлева, имеющего более шести миллионов годового дохода: «Это уж чересчур много,— сказал Крылов,— все равно, если б я имел для себя одеяло с лишком в 30 аршин». (Исторические рассказы и анекдоты. Записки Богуславского.— «Русская старина», 1880, т. 27, с. 182).

[5] Речь идет об А. А. Олениной.

Ф. Г. СОЛНЦЕВ

Солнцев Федор Григорьевич (1801—1892) — художник, академик живописи и археолог. Еще будучи студентом Академии художеств, Солнцев в качестве рисовальщика участвовал в археологических трудах А. Н. Оленина. На протяжении 1820—1830-х годов постоянно бывал в его доме.

ИЗ ЗАПИСОК «МОЯ ЖИЗНЬ И ХУДОЖЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ»

(с. 153—156)

Записки Ф. Г. Солнцев писал в 1870-х годах. Впервые опубликованы в «Русской старине», 1876, т. 15 и 16. Приведенные в настоящем издании отрывки: т. 15, № 3, с. 619—623.

[1] Знаменитый немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт посетил Петербург в 1829 г., направляясь на Урал и в Сибирь для географических и геологических исследований.

[2] На рождество и на масленицу в Петербурге устраивали балаганы на Царицыном лугу, у Адмиралтейства, иногда на льду Невы.

[3] Картина Ф. А. Бруни «Медный змий» была выставлена для обозрения осенью 1841 г. сперва в одном из залов Зимнего дворца, а затем в Академии художеств.

Ф. А. ООМ

Оом Федор Адольфович (1826—1898) — крупный чиновник, крестник Крылова. Мать Ф. А. Оома, Анна Федоровна Оом, урожд. Фурман, со слов которой он пишет о доме Олениных, долгое время жила у А. Н. и Е. М. Олениных.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

(с. 157—159)

Отрывки из мемуаров, публикуемые в настоящем издании, печатаются по кн.: Ф. А. Оом. Воспоминания (1826—1865), М., 1896, с. 6—7, 13—14, 18, 19.

[1] «Самым горячим поклонником матушки моей,— пишет Ф. А. Оом,— между известными личностями был К. Н. Батюшков, на которого, однако, к несчастью, эта любовь, не разделяемая матушкою, имела самое пагубное влияние, ибо была одною из причин сперва его меланхолии, потом умопомешательства». Батюшков посвятил А. Ф. Фурман стихотворение «Мой гений». К ней также сватался Н. И. Гнедич.

[2] В 1820 г. А. Ф. Фурман была вынуждена отправиться к отцу в Дерпт. Вскоре она вышла замуж за ревельского коммерсанта и возвратилась в Петербург. После смерти мужа поступила воспитательницей в Сиротский институт, затем была назначена его начальницей. Все это время она поддерживала тесные отношения с домом Олениных. Когда в 1838 г. была учреждена стипендия имени Крылова, Иван Андреевич избрал стипендиатом своего крестника Федора Оома, который получил образование сперва в гимназии, а затем в университете. Об отношении Крылова к А. Ф. Фурман см. также в очерке П. А. Плетнева (с. 230).

А. Г. ВЕНЕЦИАНОВ

Венецианов Алексей Гаврилович (1780—1847) — художник, с 1812 года академик живописи. Был хорошо знаком со многими видными писателями эпохи. С Крыловым мог встречаться у А. Н. Оленина, Ф. П. Толстого и в других домах. «Ум и доброта его,— пишет об отце дочь художника, А. А. Венецианова,— привлекали к нему каждого; у него собиралось самое образованное общество художников и литераторов, все находили удовольствие проводить у него вечера... Наши даже семейные вечера посещал почтенный Василий Андреевич Жуковский, Иван Андреевич Крылов, Николай Васильевич Гоголь, Иван Андреевич Козлов, Кукольник и много других писателей и артистов, и все почти дарили свои сочинения с их лестными приветствиями и надписями, иные в печати, другие в рукописях». (А. А. Венецианова. Записки.— В кн.: «Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи. Письма. Современники о художнике». Л., 1980, с. 218, 221.) Быть может, не случайно на картине Г. Чернецова «Парад на Царицыном лугу» Венецианов изображен рядом с группой писателей — Крыловым, Гнедичем, Жуковским и Пушкиным.

<О КРЫЛОВЕ>

(с. 160)

Эти воспоминания были анонимно напечатаны в «Северной пчеле» (1847, № 22) со следующим предисловием: «Помещаем здесь два анекдота о Крылове: они близко выражают его добродушие и простоту нрава; рассказывал их приятель его, известный художник, живущий ныне в своем тверском поместье. Вот подлинные слова почтенного рассказчика». Среди известных петербургских художников первой половины XIX века только

А. Г. Венецианов владел поместьем в Тверской губернии. С середины 1820-х годов он подолгу жил в своем имении Сафонково, где находилась основанная им художественная школа.

П. А. КАРАТЫГИН

Каратыгин Петр Андреевич (1805—1879) — комический актер, автор популярных водевилей. Имел обширные знакомства в литературном мире Петербурга. В его мемуарах, содержащих ценнейший материал для характеристики русской культурной жизни первой половины XIX века, рассыпано множество упоминаний о Крылове. Не складываясь в цельный «портрет», они, тем не менее, дают ясное понятие о том, сколь значительна была для современников фигура Крылова в общей картине литературной и театральной жизни эпохи.

ИЗ «ЗАПИСОК»

(с. 161—162)

Свои мемуары Каратыгин писал в 1850—1870-х годах. Впервые полностью отдельной книгой опубликованы после смерти автора в 1880 году. Страницы, относящиеся к Крылову, воспроизводятся по изданию: П. А. Каратыгин. Записки. Л., 1970, с. 174, 215.

[1] Мелодрама В.-А. Дюканжа «Тридцать лет, или Жизнь игрока» была в первый раз представлена на петербургской сцене 3 мая 1828 г. Главную роль исполнял В. А. Каратыгин.

[2] Комедия «Урок дочкам» (как и «Модная лавка») оставалась постоянно в репертуаре императорской сцены до конца 1820-х годов; время от времени ставилась и позже — в 1830—1860-х гг.

Спектакль, о котором идет речь, состоялся, вероятно, в начале или в середине 1820-х годов (Е. С. Семенова оставила сцену в конце 1826 г.). Известно, что Семенова и Самойлова впервые играли в «Уроке дочкам» 11 декабря 1822 г.

А. М. КАРАТЫГИНА

Каратыгина Александра Михайловна, урожд. Колосова (1802—1880) — известная трагическая актриса, жена премьера петербург-

ской сцены В. А. Каратыгина. Была знакома со многими виднейшими писателями эпохи — помимо Крылова, с Пушкиным, Грибоедовым, Жуковским.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

(с. 163—164)

Мемуары А. М. Каратыгиной написаны и отчасти продиктованы ею в 1870—1871 годах. Впервые опубликованы в 1881 году в № IV и V «Русского вестника». Страницы, относящиеся к Крылову, воспроизводятся по изданию: А. М. Каратыгина. Воспоминания. Мое знакомство с Пушкиным. Полемические заметки (в кн.: П. А. Каратыгин. Записки, т. II. Л., «Academia», 1930, с. 132—135, 137).

[1] В течение нескольких лет В. А. Каратыгин и его будущая жена А. М. Колосова учились актерскому искусству у поэта и драматурга, видного театрального деятеля эпохи П. А. Катенина. Об отношениях Катенина и Крылова см. коммент. к выдержкам из «Записных книжек» П. А. Вяземского (с. 423).

[2] Так называемый «Красный кабачок» — трактир в нескольких верстах от Петербурга по Петергофской дороге — был излюбленным местом загородных увеселений. Здесь часто давали торжественные обеды и приемы по случаю встреч или проводов лиц, возвращавшихся в столицу и покидавших ее.

О знакомстве Крылова с Е. И. Кутузовой см. также в записках Н. П. Быстрова (с. 241).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «МОЕ ЗНАКОМСТВО С А. С. ПУШКИНЫМ»

(с. 164)

Печатается по тому же изданию, с. 283—284.

[1] Пушкин читал «Бориса Годунова» у Каратыгиных, вероятно, в начале 1830 г.

А. Е. АСЕНКОВА

Асенкова Александра Егоровна (1796—1858) — драматическая актриса, ученица А. А. Шаховского, мать известной русской актрисы В. Н. Асенковой.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО (ЗАПИСКИ РУССКОЙ АРТИСТКИ)»

(с. 165—166)

Воспоминания А. Е. Асенковой были впервые опубликованы анонимно: «Театральный и музыкальный вестник», 1857. Публикуемый в настоящем издании отрывок напечатан в № 51 журнала, с. 722—723.

[1] В конце 1810-х гг. А. А. Шаховской заведовал репертуаром и был режиссером русской драматической труппы. В его квартире на Средней Подъяческой улице в доме Клеопина собирались столичные театралы. В начале 1817 г. П. А. Катенин привез к Шаховскому Пушкина, и тот стал постоянным посетителем его театрального салона (квартиру Шаховского, жившего в третьем этаже, шутливо именовали «чердаком»). У Шаховского часто бывали Грибоедов, Катенин. Поддерживал с ним давние дружеские отношения и Крылов. Однако сообщение о том, что гостями Шаховского в это время бывали Жуковский и Батюшков, представляется недостоверным. Вместе с тем неизвестно, жил ли Грибоедов в одном доме с Шаховским. «Горе от ума» было написано позднее, закончено в 1824—1825 гг.

[2] В Первой линии Васильевского острова, в доме Блинова.

[3] О семье «усыновленной Крыловым крестницы его Савельевой» см. коммент. к очерку П. А. Плетнева (с. 431), а также очерк Н. Л. Трефолева (с. 284).

М. Ф. КАМЕНСКАЯ

Каменская Мария Федоровна (1817—1898) — дочь известного живописца и скульптора, с 1828 года вице-президента Академии художеств, Ф. П. Толстого. Крылов был дружески знаком с Ф. П. Толстым и посещал его дом. У Толстого также бывали Пушкин, Жуковский, Гнедич, Вяземский, Одоевский, К. Брюллов.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

(с. 167—168)

Воспоминания М. Ф. Каменской впервые опубликованы в «Историческом вестнике», 1894, т. 55, № 3, с. 604—606. В приведенном отрывке автор описывает жизнь своей семьи в начале 1820-х годов.

[1] Местность вдоль Черной речки (за Петербургской стороной) в начале XIX в. стала одним из дачных пригородов столицы, излюбленных светской публикой.

[2] В середине 1820-х гг. Ф. В. Булгарин, издававший с 1822 г. журнал «Северный архив», с 1823 г. «Литературные листки, журнал нравов и словесности», а с 1825 г. вместе с Н. И. Гречем газету «Северная пчела», становится одним из заметных столичных литераторов. Булгарин заводит обширные знакомства в литературном мире столицы и особенно ищет дружбы с А. С. Грибоедовым, К. Ф. Рылеевым, А. А. Бестужевым. После 14 декабря 1825 г. Булгарин делается доносчиком и пасквилянтом, добровольным литературным агентом III Отделения. В борьбе «пушкинской партии» с Булгариным в 1830-х гг. Крылов принял непосредственное участие, написав басню «Кукушка и Петух», направленную против Булгарина и Греча (на автографе басни рукой Крылова набросаны физиономии издателей «Северной пчелы»).

Появившийся после смерти Крылова в «Северной пчеле» (№ 8 и 9 за 1845 г.) очерк Булгарина «Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений», как уже говорилось, наряду с тенденциозными оценками содержит и некоторый заслуживающий внимания мемуарный материал:

«Жизнь, характер, ум И. А. Крылова, дух и склад его сочинений, все это вместе взятое составляет верный отпечаток русской народности. Во всех отношениях он был человек необыкновенный, оригинальный, отличавшийся от всех своих современников, обыкновенных светских людей, и речью, и манерою, и привычками, и образом жизни, и взглядом на людей и на их дела ⟨...⟩ В 1841 году, чувствуя тяжесть старости, И. А. Крылов вышел в отставку из императорской Публичной библиотеки, с полным содержанием, и оставил казенную квартиру, в которой он прожил безвыездно тридцать девять лет, ведя всегда одинаковый образ жизни. Он ложился спать поздно и вставал нередко около полудня. Все утро, до трех или четырех часов пополудни, лежал он на своей софе, в своем любезном старом халате, курил трубку (потом сигары, когда они вошли в общее употребление), запивая кофе со сливками, и читал какую-нибудь книгу. Весьма странно, что он с особенным удовольствием читал глупейшие русские сочинения, говоря, что это смешит его, развлекает и забавляет. Поутру он принимал *всех*, и со всеми обходился *одинаково ласково*, с человеком, ему преданным и приятным, и с тем, который не имел права на его благосклонность или был несносен. Около четырех часов И. А. Крылов выходил со

двора и отправлялся или на званый обед, или в Английский клуб. Незваный ходил он обедать только к А. Н. Оленину, в семействе которого он был как родной. Но чаще всего И. А. Крылов обедал в Английском клубе, а после обеда отдыхал в креслах, всегда на одном месте, которое и получило прозвание *Крыловского места.* Он мог спать в креслах, невзирая на шум и говор. И. А. Крылов был разборчивый гастроном, любил хороший стол и рюмку доброго вина, но не предавался излишеству и, будучи весьма сильного и здорового сложения, весьма редко подвергался недугам. Он, однако ж, был склонен к параличу. Однажды в молодости он страдал онемением всех членов и вылечился диетою, а в 1824 году, поехав зимою с партиею охотников на медведя, в окрестностях Петербурга, принужден был бежать несколько верст по глубокому снегу от разъяренного зверя, и от внезапного задержания испарины подвергся апоплексическому удару, от которого у него скривило нижнюю часть лица. От этого излечился он движением: стал ходить много пешком, и даже ходил в Приютино, имение А. Н. Оленина, верстах в тридцати от Петербурга; но по излечении снова перестал ходить пешком и даже в первый раз в жизни завел экипаж. Вечера, если И. А. Крылов не был отозван в гости, проводил он в Английском клубе, и вообще редко сидел дома. По смерти А. Н. Оленина образ жизни его во многом переменился, и он чаще проводил время в клубе. Театры навещал он весьма редко, концерты также. Сигары, тихая беседа и чтение составляли единственное его наслаждение. В одежде и в прическе И. А. Крылов был небрежен и не любил, чтоб в комнатах его шарили, или, как говорят, убирали комнаты; оттого порядка в них было не много, и пыль лежала повсюду. Такой же вкус имел Гете! Замечательно, что, кроме последнего времени, в которое Иван Андреевич принял кучера, он никогда не имел при себе слуг мужского пола и любил, чтоб ему прислуживали женщины. Однажды, когда я спросил его о причине, он сказал: «Женщины, братец, во всем *лучше нас,* мужчин, а худшая порода мужская — это наемные лакеи». После отставки из Императорской библиотеки и переселения на вольную квартиру, на Васильевский остров, в 1-ю линию, в дом Блинова, И. А. Крылов совершенно изменил свой образ жизни. Он взял к себе в дом воспитанницу свою, с мужем ее, которых он облагодетельствовал еще при жизни своей, жил, так сказать, в семействе, почти отстал от света и реже навещал Английский клуб, проводя большую часть времени дома. В эти последние восемь лет он чаще всего видался с Яковом Ивановичем Ростовцевым, которого полюбил душевно, и пред

кончиною назначил его своим душеприказчиком, отказав все свое состояние, по неимению родственников, своей воспитаннице.

Когда же сочинял и писал свои басни И. А. Крылов при таком образе жизни? — спросят меня. Он сочинял и обдумывал между людьми, в обществе или за обедом, и не сидел долго над бумагою, у него не было ни кабинета, ни даже письменных приборов, а чаще всего он писал на лоскутках. Он писал, когда писалось, то есть когда идея басни сама лезла в голову и просилась оттуда на свет, как он сказал мне однажды.

И. А. Крылов был вполне добрый и благородный человек, всегда верный своему долгу и чести. Можно смело сказать, пред целым светом, что Крылов никого не обидел и не сделал никому зла. Пройдя все ступени общества, от самой нижней, вытерпев нужду и долгое время находясь в зависимости не только от людских прихотей, но даже недостатков, исследовав, так сказать, *анатомически* природу человеческую, он был весьма бережлив на откровенность. Он вообще никогда и ничего не порицал явно и громогласно, а отделывался или молчанием, или незначащим, двусмысленным ответом, когда требовали его мнения в серьезном деле, где надлежало судить о лицах. По-русски говорил Крылов в полном смысле *мастерски,* как весьма немногие говорят. Весьма приятно было слушать его в беседе. В приятных прениях о незначительных предметах Крылов всегда одерживал верх, хотя бы даже был и не прав, потому только, что он увлекал слушателей сравнениями, метафорами, всегда блистательными, и анекдотцами, всегда приведенными кстати. У него на всякий случай был анекдотец, и всегда остроумный. Весьма забавно слышать, когда иные бездарные писатели похваляются тем, что Крылов *одобрял и* хвалил их труды. Эти добрые люди не знали Крылова! Он всегда хвалил плохое, и только тем говорил правду в глаза, кого любил. Чаще всего он спорил с Н. И. Гнедичем и приводил его иногда в отчаяние критикою его перевода «Илиады», а покойного Олина хвалил торжественно! Когда однажды я заметил И. А. Крылову, что, похваливая бездарность, он порождает в ней гордость и самонадеяние, Иван Андреевич отвечал: «Правда — дорогая вещь, не каждый стоит ее!» На этом же основании Крылов был чрезвычайно осторожен в обхождении с людьми ⟨...⟩

В сочинениях Крылова, носящих название басен, вы найдете и важные эпизоды из Отечественной войны, и административные наши нравы, и очерк духа наших литературных партий, и всю жизнь человеческую. Все басни, апологи и сатиры собственного своего сочинения Крылов написал по какому-нибудь случаю. Что сильно поразило его, то и отразилось в апологе, сатире или басне. Так писали и так будут писать все моралис-

ты в мире: басни, апологи и сатиры *не сочиняют!* Правду должно брать с натуры, по русской пословице: «с миру по нитке, голому рубашка». Крылов никогда и никому не рассказывал, по какому случаю написана им какая басня, но когда близкий или приятный ему человек сообщал ему свою догадку, он отрицал таким образом, что отрицание его можно было принять за подтверждение догадки. «Быть может, и похоже!» — говорил Крылов.— «Случай, и только!». Из разных источников я собрал ключи к тридцати с небольшим его басням. Только от подлинного смысла басни *Голик* Крылов не отпирался».

По мнению исследователей, басня «Голик» была направлена против редактора «Вестника Европы» М. Т. Каченовского, который резко отозвался о крыловских баснях (в рецензии на издание 1811 г.), а также грубо бранил Пушкина, Карамзина и многих других современных писателей (см.: И. А. Крылов. Басни. Издание подготовил А. П. Могилянский. М.— Л., 1956, с. 471).

Укажем на ряд ошибок и неточностей в воспоминаниях Булгарина. В доме, принадлежавшем Публичной библиотеке, Крылов жил с 1816 по 1841 г., то есть 25 лет. Крылов перенес паралич не в 1824-м, а в 1823 г. Приютино расположено в 17-ти верстах от города. По другим воспоминаниям Крылов нередко бывал и в театре, и в концертах. Пока он состоял библиотекарем Публичной библиотеки, утренние часы часто занимали у него служебные обязанности. После выхода в отставку Крылов прожил не восемь лет, а три года.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт, литературный критик. Познакомился с Крыловым в 1816 году. В «Автобиографическом введении» к собранию сочинений Вяземский рассказывал: «Александр Тургенев давал в Петербурге вечер в честь его ⟨Карамзина⟩. Все «арзамасцы» были налицо; были литераторы и другого лагеря. Хозяин вызвал меня прочесть кое-что из моих стихотворений. На этом вечере познакомился я с Крыловым. Он также был один из благоприветливых слушателей и просил меня повторить чтение одного из стихотворений, которое наиболее понравилось ему» (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. 1, с. XXXII). В дальнейшем Крылов и Вяземский часто встречались в литературных салонах столицы. «Мужицкому» демократизму поэзии Крылова Вяземский неизменно противопоставлял «благородный» стиль басен Дмитриева. В полемике о Крылове и Дмитриеве,

ставшей важным эпизодом литературной борьбы 1820-х годов, против Вяземского решительно выступил Пушкин.

Критически относясь к творчеству и личности Крылова, Вяземский, тем не менее, признавал значительность Крылова как человека и писателя. Он был одним из организаторов крыловского юбилея 1838 года и автором исполненных на юбилее приветственных стихов. После смерти Крылова Вяземским было написано объявление о подписке на памятник баснописцу.

ИЗ СТАТЬИ «ИЗВЕСТИЕ О ЖИЗНИ И СТИХОТВОРЕНИЯХ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРИЕВА» ПРИПИСКА

(с. 169—176)

Печатается по изданию: П. А. Вяземский. Полн. собр. соч. СПб., 1878—1886, т. 1, с. 153—166.

Приписка к статье помечена: «Югенгейм, июнь 1876 г.» Статья была написана Вяземским в 1823 году в качестве предисловия к собранию стихотворений И. И. Дмитриева («Стихотворения И. И. Дмитриева». Изд. 6-е. СПб., 1823, части I и II). В 1876 году, готовя статью для публикации в первом томе собрания сочинений, Вяземский дополнил ее публикуемой в настоящем издании «Припиской» — историческим комментарием, в котором он, возвращаясь к старому спору о Крылове и Дмитриеве, пытается восстановить картину литературной борьбы вокруг творчества Крылова в 1820-х годах и оправдать свою позицию в этой борьбе. (Об этой статье Вяземского см.: М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский, жизнь и творчество. Л., 1969, с. 92 и след.)

[1] Статья Вяземского «О жизни и сочинениях Озерова» была написана в 1817 г. и напечатана впервые в издании «Сочинения Озерова, части I и II». СПб., 1816—1817.

[2] О Вольном обществе любителей российской словесности см. коммент. к воспоминаниям В. Княжевича (с. 399).

[3] Вяземский имеет в виду статью Булгарина, напечатанную в «Литературных листках», 1824, ч. I. Здесь Булгарин возражал против недостаточно высокой оценки Вяземским басен Крылова. По этому поводу Булгарин в своих воспоминаниях о Крылове рассказывал: «Один стихотворец (но не поэт), впрочем человек остроумный ⟨...⟩ при новом издании «Стихотворений Ивана Ивановича Дмитриева» (издании шестом, исправленном и уменьшенном, напечатанном в С.-Петербурге в 1823 году) вместо предисло-

вия поместил: «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» ⟨...⟩ После нескольких похвал дарованию И. А. Крылова, в общих выражениях, сочинитель «Известия» заключил суждение о нем тем, что хотя достоинство слога и языка Крылова *не так велико* в отношении к предместнику его (т. е. И. И. Дмитриеву), который был изобретателем своего слога, то оно *велико* по сравнению с теми, которые не изобрели ни слога, ни содержания своих басен (см. с. XL—XLI). Как ни вежливо все это было высказано, но ясно было, что И. А. Крылова ставили только *выше бесталантных баснописцев,* не создавших ни своего слога, ни содержания своих басен, признавая достоинства его *не большими*, в отношении к И. И. Дмитриеву. Это тронуло И. А. Крылова потому только, что сочинитель «Известия» был в близких сношениях с Н. М. Карамзиным, с И. И. Дмитриевым и В. А. Жуковским, коноводами русской словесности, и потому И. А. Крылов мог думать, что это печатное суждение о нем есть отголосок и всех их многочисленных почитателей. Однако ж И. А. Крылов не жаловался, не входил в полемику, хотя из речей его и можно было догадываться, что сердце его уязвлено. Надлежало предостеречь общественное мнение и охранить его от влияния несправедливости. Я издавал тогда, при «Северном архиве», «Литературные листки», и хотя находился в самых приязненных отношениях к сочинителю «Известия» и ко всем его приятелям, но, почитая обязанностью журналиста ратовать за истину, невзирая ни на какие житейские виды, решился высказать всю правду и на основании общего мнения определить достоинство обоих баснописцев. После появления в свете моей статьи, поднялась суматоха в журналах, и на меня посыпались жестокие критики, сатиры и эпиграммы, но я твердо стоял в защите правого дела, и публика явно приняла мою сторону ⟨...⟩ Очевидно, что если на критические прения о достоинстве первоклассных сочинений отвечают эпиграммами и сатирами, то уже не находят справедливых аргументов для поражения противника, и партия, восставшая на меня за защиту Крылова, была не права: победа принадлежала стороне Крылова. Но что делал тогда он, когда спорили о нем в журналах? Он *не говорил ни слова* об этом, даже со мною, своим ратоборцем, хотя читал все, что было написано! Я тоже молчал, как будто ничего не бывало, и иногда только читал ему написанные на меня эпиграммы, которые он *нарочно похваливал.* Однажды только он сказал мне: «Напрасно ты за меня поссорился и раздражил противу себя сильных словесников: мне, право, это больно!» — «Бог милостив, Иван Андреевич, хоть и укусят, но не съедят»,— отвечал я. «А все же тебе нельзя жить долее в этом приходе»,— промолвил он. Через

несколько дней, на вечере у А. Н. Оленина, И. А. Крылов прочел *новую басню свою,* одну из превосходнейших: «Прихожанин». Когда И. А. Крылов кончил последние стихи:

Да плакать мне какая стать:
Ведь я не здешнего прихода! —

я подошел к нему и поклонился с улыбкою. И. А. Крылов будто не понимал меня, хотя все догадались, что значит эта басня. С тех пор дух партий замолк на счет И. А. Крылова, и вся тяжесть литературной вражды пала на его ратоборца».

На упреки Булгарина Вяземский отвечал статьей «Несколько вынужденных слов» (1824), где утверждал, что в его похвалах Дмитриеву не следует видеть стремления унизить Крылова. Однако, уходя от прямого сравнения двух писателей, Вяземский не изменил существа своего критического отношения к крыловским басням.

Воспоминания Булгарина, беззастенчиво набивавшегося в друзья умершему Крылову и вновь подымавшего старый, неприятный Вяземскому спор, вызвали эпиграмму Вяземского на Булгарина. 20 января 1845 г. П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «Вяземский за гнусное на него ругательство Булгарина (см. «Северную пчелу» «О Крылове и споре за его талант») написал эпиграмму и прислал мне для «Современника»; но я не считаю приличным поместить ее:

К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный,
В живых ни одного он друга не найдет;
Зато, когда из лиц почтенных кто умрет,
Клеймит он прах его своею дружбой грязной.

— Так что же? Тут расчет: он с прибылью двойной.
Презренье от живых на мертвых вымещает
И, чтоб нажить друзей, как Чичиков другой,
Он души мертвые скупает.

Впервые эпиграмма появилась в «Москвитянине», 1845, № 2, с. 87. В № 4 «Отечественных записок» за 1845 г. было напечатано стихотворение Вяземского «Хавронья» за подписью ***. Стихотворение, перефразирующее басню Крылова «Свинья», направлено против Булгарина — театрального критика.

[4] Басня «Осел и Соловей», написанная не позднее 1811 г., не могла быть откликом на литературные суждения Вяземского. Эту басню несправедливо применил к Вяземскому Кёниг в «Очерках русской литературы» (СПб., 1862, с. 67—68). «Никто не сомневается,— писал он,— что под Соловьем и Петухом Крылов разумел себя и Дмитриева, а под Ослом одного преданного сему

последнему критика». О другом толковании этой басни см.: Из «Библиографических и исторических примечаний к басням Крылова» В. Ф. Кеневича (с. 303).

[5] Об отношении Вяземского к Крылову и предпочтении ему Дмитриева вспоминал впоследствии сын писателя П. П. Вяземский: «Дух критики воспитан был в нас отцом моим с детства несправедливым предпочтением Дмитриева в ущерб Крылову, бесспорно господствовавшему в нашей детской среде. Нас заставляли учить наизусть апологи Дмитриева, чтение же басен Крылова едва допускалось. И. И. Дмитриев, друг моего деда, был пестуном отца моего и законодателем и верховным судьей литературного приличия и вкуса. Пушкин в своей переписке упрекает отца моего в несправедливости по отношению к Крылову и пристрастии. Нет сомнения, что изо всех членов «Арзамаса» отец мой был более прочих человеком партии...» (П. П. Вяземский. Сочинения. СПб., 1893, с. 511).

[6] Из басни Крылова «Музыканты».

[7] Оценку Крылова, данную Вяземским, Пушкин оспорил сперва в письме к нему от 8 марта 1824 г., а затем — не называя Вяземского — в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», напечатанной в «Московском телеграфе». Вяземский возражал Пушкину в письме от 16 октября 1825 г., на которое Пушкин отвечал письмом в ноябре 1825 г. (см. с. 325). Как явствует из воспоминаний Вяземского, спор продолжался и позднее — когда оба поэта встретились после возвращения Пушкина из ссылки. Указание Вяземского косвенно подтверждает предположение о том, что в 1830 г. в поэме «Домик в Коломне» Пушкин отвечал Вяземскому, обвинявшему Крылова в «лакейских» понятиях, в лукавстве и привычке «браниться из-за угла» (см. вступит. статью).

[8] Отрицательный отзыв Дмитриева о «Руслане и Людмиле», наряду с эпиграммой Крылова на критиков поэмы, Пушкин привел в предисловии ко второму изданию «Руслана и Людмилы» в 1828 г. «Богатырскую» сказку до Пушкина разрабатывали как Карамзин в неоконченной поэме об Илье Муромце, так и Крылов в волшебной опере «Илья-богатырь». Пушкинская трактовка темы оказалась ближе к ироническому, почти буффонному истолкованию сюжета, данному Крыловым. Исследователи отмечали, что в пушкинской поэме отразились театральные впечатления Пушкина 1817—1820-х гг., прежде всего впечатления от сказочных балетных и оперных феерий (см.: Л. П. Гроссман. Пушкин в театральных креслах. Л., 1926). Одним из самых популярных представлений такого рода была опера «Илья-богатырь». Не раз отмечалось, что между драматической сказкой

Крылова и поэмой Пушкина множество сюжетных параллелей: похищение невесты князя, поиски волшебного меча-кладенца, очарованный сон красавицы в волшебном саду и т. д. (см.: А. А. Гозенпуд. Музыкальный театр в России. Л., 1959). В отзывах Дмитриева и Крылова о «Руслане и Людмиле» Пушкин должен был видеть выражение определенных принципиальных позиций двух этих писателей.

[9] В одной из заметок в «Записных книжках» Вяземский поясняет, что он понимает под «провинциализмом» Крылова. Он пишет: «Прочтите комедию Крылова «Проказники» и скажите, случаются ли такие чудеса в наше время. Как так переродиться? Лакейские шутки, срам и поношение. Вот где Княжнин глядит исполином: в Российском феатре» (П. А. Вяземский. Записные книжки... М., 1963, с. 57). Таким образом, Вяземский усматривает в раннем творчестве Крылова прямолинейность и грубость, связанные, как он думает, с изначальной «ограниченностью» понятий Крылова. Между прочим, о примитивности крыловской сатиры говорят, по мнению Вяземского, грубые нападки автора «Проказников» на личность и частную жизнь Княжнина (см. об отношениях Крылова и Княжнина во вступит. статье и в примеч. к очерку Плетнева, с. 426). «Пошлости», «прибаутки лубочные» находит Вяземский и в крыловских баснях (см., напр. его письмо А. А. Бестужеву, с. 322 наст. изд.). Однако жизненная позиция Крылова на деле оказывается шире и значительнее дворянского европеизма Вяземского. И, в отличие от Вяземского, Пушкин понял и принял «провинциализм» Крылова как выражение «духа русского народа», как выражение здоровой цельности крыловской натуры, сутью которой было весьма смелое и радикальное требование единства личности писателя и его творчества, людских понятий и поступков, морали и действительности.

ИЗ СТАТЬИ «ЖУКОВСКИЙ — ПУШКИН — О НОВОЙ ПИИТИКЕ БАСЕН» ПРИПИСКА

(с. 177)

Печатается по Полн. собр. соч. СПб., 1878—1886, т. I, с. 184.

Настоящая публикация представляет собой фрагмент добавления («приписки»), сделанного Вяземским к его статье 1825 года при ее публикации в первом томе Собрания сочинений в 1878 году.

[1] О чтении Пушкиным «Бориса Годунова» у А. А. Перовского 11 мая 1828 г. см. также в письме Вяземского жене (с. 324).

ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ СТАТЬИ «О СМЕРТИ И. А. КРЫЛОВА»

(с. 177—180)

Печатается по изданию: «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 20. СПб., 1880, с. 53—57.

Во вступительной заметке к публикации библиограф С. Пономарев, которому Вяземский подарил свою рукопись, рассказывает: «На вопрос мой, отчего статья не была напечатана в свое время, князь отвечал с легкой улыбкой: «Опоздал!..» Статья притом не была и окончена. Что написано, то написано было, видимо, сразу почти без всяких поправок, под свежим впечатлением потери». Вероятно, именно об этой статье писал Плетнев Гроту в конце января 1845 года: «Вяземский пишет тоже статью о Крылове, куда внесет и ответ Булгарину на его выходку». Таким образом, тон публикуемого отрывка определяется во многом его полемической направленностью.

Имеющиеся в автографе пропуски при публикации отмечены многоточиями.

ИЗ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК»

(с. 180—183)

П. А. Вяземский вел «Записные книжки», начиная с 1813 года, на протяжении многих лет. В них содержатся отклики автора на все волновавшие его события русской жизни того времени, суждения по вопросам политики, истории, литературы.

Отрывки из «Записных книжек» Вяземский первоначально публиковал в 1826—1830-х годах в «Московском телеграфе» и альманахах. В 1860—1870-х годах выдержки из «Записных книжек» стали появляться в «Русском архиве» и других изданиях.

В наиболее полном виде были напечатаны в VIII—X тт. Собр. соч. Вяземского, 1878—1886. Относящиеся к Крылову выдержки приводятся по этому изданию, т. VIII, с. 197, 53, 90, 148, 371—372, 453—455; т. X, с. 46—47.

[1] Существует другой вариант этой записи: «Крылов говорил о Шишкове: «Он хорошо знает, как писать не должно, но не знает, как должно писать. Можно доверять его обвинениям, но нельзя следовать его советам. Он похож на человека, который

будет говорить вам, что опасно варить кушание в нелуженой посуде и что для избежания вреда надобно всегда лудить ее суриком» (см.: П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 270).

[2] Речь идет о «Новых баснях Ивана Крылова», изданных в 1811 г., где впервые была напечатана басня «Свинья».

Вяземского и его единомышленников — карамзинистов коробил «низкий» стиль крыловских басен и особенно басни «Свинья». В бумагах Д. Н. Блудова сохранилась следующая запись: «Что это за басня! — вскричал Крылов, прочитав «Пьяницу» Александра Измайлова,— какие отвратительные картины и какой площадной, подлый слог!» — «Да,— сказал ему Д.,— это ваша свинья в платье квартального». Хороший урок для писателей, имеющих талант и славу. Их пример заразителен.» (См.: Е. Ковалевский. Граф Блудов и его время. СПб., 1866, с. 243.)

Критик другого направления, М. Т. Каченовский, в рецензии на издание басен 1811 г. писал: «Собрание сих «Новых басен» заключается престранным сочинением, которое ниже всего того, что ни есть самого отвратительного в баснях Сумарокова. Пиит есть художник: он должен искать образцов своих в изящной природе, должен творить идеалы прекрасные и благородные, а не заражать своего воображения смрадом запачканных нелепостей. Вот чудовище, поставленное наряду с баснями! ⟨...⟩ Хавронья, бывши на барском дворе, видела

Все только лишь навоз и сор.

Да что же, спросят, изо всей этой кучи сора и навоза? А вот что: стихотворцу вздумалось уподобить критика,

Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно дурное видеть.

Но что же другое может увидеть критик в некоторых сочинениях, а именно, например, в этой хавроньиной истории? Иной подумает, что стихотворец предпринял такой странный подвиг единственно для того, чтобы испугать критиков, но, кажется, он не имел в этом никакой нужды» («Вестник Европы», 1812, № 4, с. 310).

Однако крыловский образ был позднее использован Пушкиным в эпиграмме на того же Каченовского: «Хаврониос! Ругатель закоснелый...»

Грубый реализм крыловской «Свиньи» оставался одиозным и позднее. Иронизируя по поводу изображения «грязного двора»

в поэме Пушкина «Граф Нулин», Н. И. Надеждин в 1829 г. писал в № 3 журнала Каченовского «Вестник Европы»: «Здесь изображена Природа во всей наготе своей — à l'antique! Жаль только, что сия мастерская картина не совсем дописана. Неужели в широкой раме черного барского двора не уместились бы две-три хавроньи...»

[3] В 1814 г. в сборнике «Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским» (СПб., ч. III) эта эпиграмма была напечатана без подписи в следующем виде:

«Ты ль это, Буало?.. Какой смешной паряд!
Тебя узнать нельзя: совсем переменился!»
— Молчи! Нарочно я Графовым нарядился;
Сбираюсь в маскарад.

Затем эпиграмма появилась в «Учебной книге российской словесности» Н. И. Греча, СПб., 1820, ч. III, также без подписи, а в издании этой книги 1844 г. с подписью «Крылов».

Перевод «Поэтического искусства» Буало под заглавием «Наука о стихотворстве» был выпущен Д. И. Хвостовым в 1804 г., а затем многократно переиздавался. Вероятно, Крылов отозвался на издание перевода Хвостова, вышедшее в 1808 или в 1813 г.

[4] Крылов познакомился с Катениным в середине 1810-х гг., когда молодой поэт и драматург стал заметной фигурой в театральных кругах столицы. Они встречались у Олениных, у Шаховского, в Публичной библиотеке. Болезненное самолюбие и резкость суждений Катенина были причиной его столкновений со многими писателями-современниками. Его высокое мнение о собственных литературных заслугах давало повод к насмешкам и эпиграммам. По утверждению современников, басня Крылова «Апеллес и Осленок» также направлена была против Катенина (см. об этом: Из «Библиографических и исторических примечаний к басням Крылова» В. Ф. Кеневича, с. 306). В Российскую академию Катенин был избран 7 января 1833 г.

[5] Об отношении Крылова к Российской академии см. очерк П. А. Плетнева (с. 219), коммент. к заметкам В. М. Княжевича (с. 398), а также в кн.: «Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества». Л., 1975, с. 170—174. Говоря о «сиротке», пристроенной к «другому месту», Вяземский имеет в виду присоединение Российской академии к Академии наук в качестве Отделения русского языка и словесности в 1841 г.

К. А. ПОЛЕВОЙ

Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867) — критик, переводчик, издатель и книгопродавец, автор мемуаров. Будучи соредактором журнала «Московский телеграф» — наряду со своим братом Николаем Алексеевичем Полевым — близко познакомился со многими писателями. «Московский телеграф» многократно упоминал о Крылове и всегда высоко оценивал его литературные заслуги. В 1825 году журнал напечатал статью Пушкина «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова». О значении Крылова в истории русской литературы Н. А. Полевой подробно писал в статье «Басни Ивана Хемницера» (см. его «Очерки русской литературы», ч. I, СПб, 1839, с. 395—400).

ИЗ «ЗАПИСОК О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ПОЛЕВОГО»

(с. 184)

Свои мемуары К. А. Полевой писал в основном в 1850-х годах. Впервые полностью напечатаны в «Историческом вестнике», 1887. В следующем году вышли отдельным изданием. Публикуемый отрывок печатается по изданию: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934, с. 208—209.

[1] Высланный из Вильны в 1824 г. Адам Мицкевич затем, в 1827—1828 гг., жил в Петербурге, поддерживая тесные отношения с русскими писателями.

[2] Ср.: П. А. Вяземский. Из «Записных книжек» (с. 180).

П. А. ПЛЕТНЕВ

Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — литературный критик, поэт, профессор российской словесности и ректор Петербургского университета. На протяжении многих лет человек близкий Пушкину, Жуковскому, Дельвигу, Вяземскому, Гоголю. После смерти Пушкина издавал журнал «Современник». В своих критических статьях Плетнев высоко оценивал Крылова-поэта, а в биографических очерках о нем стремился объяснить своеобразие личности Крылова. Эти очерки представляют собой произ-

ведения особого мемуарно-критического жанра, где личные воспоминания автора сочетаются с историко-литературным анализом деятельности поэта. Оценка Плетневым судьбы Крылова продиктована как политической благонамеренностью мемуариста, так и всей его жизненной позицией, основанной на идее морального самосовершенствования.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

(с. 185—208)

Очерк был написан Плетневым сразу после смерти Крылова и впервые опубликован в «Современнике» (1845, т. XXXVII, с. 33—77). По поводу этого очерка Плетнев 12 марта 1849 года писал Я. К. Гроту: «Я писал эту статью под влиянием первых впечатлений, принятых моею душою вместе с известием о смерти поэта. Конечно, тут вкралось несколько недосмотров, но свежести, движения и жизни более, нежели в полной биографии». Несколько дней спустя Плетнев добавляет: «...О Крылове всякий бы, кто хоть несколько знал его, написал интересный рассказ. Это было лицо в высшей степени по всему, как говорится, рельефное» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III. СПб., 1896, с. 398, 400).

[1] В детском журнале «Звездочка» (1844, № 1), издававшемся А. О. Ишимовой, была напечатана биография Крылова, написанная Е. А. Карлгоф отчасти со слов самого Крылова. (См. ее воспоминания о Крылове, с. 279.) Страницы биографии, посвященные молодости Крылова, на которые далее ссылается Плетнев, содержат ряд подробностей, повторенных позднейшими биографами поэта:

«Дух авторства прежде всего проявился у Крылова в драматическом роде. В голове его вертелись греческие герои, римские полководцы; но это были еще неясные образы, он не умел сладить с ними. Первым драматическим опытом его была опера под названием «Кофейница», которую он привез с собою в Петербург, когда мать его приехала туда хлопотать о пенсии. Он узнал от кого-то, что есть в Петербурге типографщик Брейткопф, чрезвычайно любящий музыку; отыскал его, принес ему свою оперу и предложил купить ее. Для страстного любителя, каким был Брейткопф, довольно было одного названия оперы, чтобы не отвергнуть ее. Он предложил 60 рублей, но Крылов наместо денег попросил книг. Для такого молодого человека, каким был Крылов, это предложение было замечательно и доказывало уже, чего

впоследствии можно было ожидать от него. Но выбор был еще замечательнее. Он взял Расина, Мольера, Буало ⟨...⟩ Питаясь чтением французских классиков, наш Крылов задумал сам написать трагедию и сочинил «Клеопатру». Он показал ее Дмитревскому, пламенно любившему драматическое искусство, сделавшему много для него и принимавшему живое участие в каждом, кто шел по этому любимому им поприщу. Он тотчас заметил дарование в Крылове, ободрил его и, хотя «Клеопатра» была исполнена недостатков, но Дмитревский обещал сделать для нее все, что мог, и прежде всего взялся сам прочесть ее. Крылов жил тогда с матерью в Измайловском полку, Дмитревский — на Гагаринской пристани. Несмотря на огромное расстояние, молодой автор почти каждый день являлся к своему покровителю. Но проходили недели за неделями, месяцы за месяцами, а Крылов все не знал еще об участи своей трагедии, даже не видел самого Дмитревского, который то не мог принять его, то не бывал дома. Наконец они свиделись. Дмитриевский откровенно высказал свое мнение о «Клеопатре» и предложил прочесть ее вместе. Крылов чрезвычайно обрадовался этому предложению, с благодарностью принимал все замечания, слушал советы, и это продолжительное чтение, в котором обдумывался каждый стих, взвешивалось каждое выражение, служило Крылову полным курсом словесности и драматического искусства».

[2] В т. IX «Современника» за 1838 г. была напечатана статья Плетнева «Праздник в честь Крылова».

[3] В печатном тексте «Записок» С. Н. Глинки (СПб., 1895) страницы, приводимые Плетневым, отсутствуют. В своих мемуарах Глинка, однако, неоднократно упоминает о знакомстве с Крыловым и его сотоварищем по изданию журналов «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий» А. И. Клушиным. Рассказывая о своем московском приятеле Ф. Г. Карине, у которого он познакомился с Крыловым, Глинка пишет:

«Служа в молодости своей в гвардии, он отличался в блестящих обществах ловкостью обращения и остротою ума. И в Петербурге, и в Москве был он в связи со всеми современными писателями, кроме Дмитриева и Карамзина ⟨...⟩ На обедах у Карина познакомился я с Крыловым, известным тогда по изданию только «Зрителя». Будучи учеником Я. Б. Княжнина по Пажескому корпусу и поддерживая с драматургом дружеские отношения до конца его жизни, Глинка, видимо из первых рук, получил сведения об отношениях Княжнина и Крылова. Он пишет: «Баснописец наш Иван Андреевич Крылов, окончив воспитание в Тверском училище, приехал в Петербург круглым сиротой. Княжнин дал ему приют в своем доме и первый открыл ему по-

прище тогдашней словесности, но он об этом никогда не говорил. Ознакомясь с Петербургом, Крылов оставил Княжнина и шутливым пером в комедии своей «Таратор» описал в смешном виде домашний быт своего хозяина» (с. 75, 87).

Крылов, сколько известно, не учился в Тверском училище, а в Петербург приехал вместе с матерью. Комедии «Таратор» у Крылова нет. Глинка явно имеет в виду комедию «Проказники» (Таратора — одно из главных действующих лиц этой комедии), где Крылов действительно вывел Княжнина под именем Рифмокрада, и не только в смешном, но и в крайне неприглядном виде изобразил его семейную жизнь.

Сообщение Глинки о знакомстве Крылова с Княжниным подвергалось сомнению на основании следующей фразы в письме-памфлете Крылова, адресованном Княжнину. «Я надеюсь,— пишет Крылов после краткого пересказа содержания «Проказников»,— что вы, слича сии характеры с вашим домом, хотя мысленно оправдаете мою комедию и перестанете своими подозрениями обижать человека, который не имеет чести быть вам знакомым». Однако, вежливое по форме, письмо Крылова насквозь иронично. Он якобы хочет уверить Княжнина, что комедия не имеет к нему никакого отношения, а на деле всячески уязвляет самолюбие своего противника. Быть может, и утверждение Крылова, что он не знаком с Княжниным — тоже лишь иронический прием. О близком их знакомстве — по-видимому, независимо от Глинки — пишет и П. А. Плетнев (см. с. 211), а также В. Г. Анастасевич (см. вступит. статью).

Крыловские «Проказники», однако, не только факт литературных взаимоотношений Крылова и Княжнина, но и факт тогдашней острой литературной борьбы, тесно связанный с другими ее эпизодами. Еще в 1781 г. на петербургской сцене была поставлена пьеса Н. П. Николева «Самолюбивый стихотворец», прямо задевавшая Княжнина и его жену. В начале 1780-х гг. борьба между двумя ведущими драматургами эпохи — Княжниным и Николевым — и их приверженцами порождает целую серию злых эпиграмм, басен, сатир. В начале 1790-х годов Н. П. Николев становится сотрудником крыловских журналов, между Николевым, жившим в Москве, и Крыловым и Клушиным завязывается переписка. К ближайшему окружению Николева принадлежал и Ф. Г. Карин, упоминаемый Глинкой как приятель Крылова. Подробнее о литературной борьбе начала 1780-х годов, продолжением которой были крыловские «Проказники», см.: В. Степанов. К истории литературных полемик XVIII века («Обед Мидасов»).— В кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР,

1976», Л. 1978, с. 131—146. О конфликте Крылова с Княжниным см. также: «Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества». Л., 1975, с. 28—38.

В «Газетных заметках» («Северная пчела», 1857, № 147), содержащих ряд свидетельств мемуарного характера, Н. И. Греч писал о комедии «Проказники»: «О происхождении этой комедии слыхали мы следующее. Крылов был вхож в доме одного драматического писателя, человека с умом и дарованием, но подвергавшегося упрекам в заимствовании многого из пиес французского театра. Жена его, женщина умная, бойкая, дочь другого знаменитого трагика, невзлюбила за что-то Крылова, юношу тихого, кроткого и, как нам сказывали сверстники его, худощавого и застенчивого. Для усовершенствования своего во французском языке и для изучения итальянского он переводил оперы. «Что вы получили,— спросила однажды эта барыня у Крылова,— за ваши переводы?» — «Мне дали свободный вход в партер».— «А сколько раз вы пользовались этим правом?» — «Да раз пять».— «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!» Крылов оскорбился этим отзывом, не отвечал, но решился отомстить и написал комедию «Проказники», в которой выставил мужа ее, назвав его Рифмокрадом, а ее вывел под именем Тараторы. Разумеется, на их счет наплетено было много вздору. Другие лица были поэт Тянислов (сколько известно, Карабанов) и доктор Ланцетин. Под этим именем вывел Крылов знакомца их дома доктора Виена — «Viens, mon ami!» * — говорит ему Тянислов. Есть еще какая-то взбалмошная княжна Тройкина, выведенная, видно, для того только, чтоб можно было сказать: «Это портрет княжнин». В собрании сочинений Крылова при этой комедии отмечено, что она была играна в 1793 году. Это ошибка. Писатель, на которого Крылов в ней метил, умер в начале 1791 года. По смерти его комедия лишилась всего интереса».

[4] Имеется в виду И. Г. Рахманинов.

[5] Речь идет о журнале Крылова и Клушина «Зритель».

[6] Журнал П. И. Шаликова назывался «Московский зритель».

[7] На первое издание басен Крылова в «Вестнике Европы» (1809, ч. 45, № 9) Жуковский отозвался статьей «Басни Ив. Крылова».

[8] Издателем «Русского вестника» был С. Н. Глинка. В № 6 журнала за 1809 г., с. 388—395, напечатана рецензия «Басни Ивана Крылова».

[9] В 1828 г. в Москве вышел перевод басен Крылова на французский язык И. Маскле: Fables de I. Krylof. Traduites du

---

* Иди, мой друг! (*фр.*)

Russe d'après l'édition complète de 1825. Par Hippolyte Masclet. Moscou ⟨...⟩ 1828.

[10] Поэт Николай Михайлович Шатров — московский литератор, с которым Глинка познакомился в середине 1790-х гг. Он был ближайшим другом Н. П. Николева. Упоминание о нем как о старом общем приятеле — еще одно косвенное свидетельство близости Крылова в 1790-х гг. к николевскому кругу.

[11] В своей статье «Граф Александр Сергеевич Строганов» («Современник», 1843, т. XXXI, с. 121—142) П. А. Плетнев писал: «До сих пор самое трогательное о нем воспоминание сохраняется в устах и сердце Ивана Андреевича Крылова, который между нами один остался знаменитым представителем тех времен». О своих встречах с Крыловым в доме С. В. Строгановой — вдовы сына А. С. Строганова — сообщает в своих «Рассказах о Крылове» Н. М. Колмаков (см. с. 260).

[12] Басню «Похороны» Крылов читал в торжественном собрании Публичной библиотеки 2 января 1817 г.

[13] О пребывании А. Гумбольдта в Петербурге см. коммент. к воспоминаниям Ф. Г. Солнцева (с. 407).

[14] Стихотворение «Алексею Николаевичу Оленину при доставлении последнего издания басен» («Прими, мой добрый Меценат...») было написано на экземпляре басен 1825 г., подаренном Оленину Крыловым, а затем опубликовано в «Северных цветах» на 1828 год (об автографе стихотворения см.: «Литературное наследство», т. 58, с. 999).

[15] «Письма Эрнеста и Доравры», роман Ф. А. Эмина (1766).

[16] О деятельности Крылова-библиотекаря см.: С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955.

Дельвиг служил помощником Крылова в 1821—1825 гг. Они на протяжении нескольких лет поддерживали отношения не только служебные. Крылов посещал литературный салон Дельвига и был постоянным сотрудником издававшегося Дельвигом альманаха «Северные цветы», а также «Литературной газеты», выходившей в 1830 г. под редакцией Дельвига и Пушкина. «На этих дружеских вечерах,— писал о литературных собраниях у Дельвига В. П. Гаевский,— быть может, еще памятных некоторым из наших читателей, встречались Крылов, Жуковский, Гнедич, Измайлов, Сомов, П. Яковлев (более известный под именем Лужницкого старца — псевдоним, под которым скрывался и Каченовский), кн. Вяземский, Плетнев; многие из лицейских товарищей Дельвига: Илличевский, М. Л. Яковлев, М. Д. Деларю, кн. Д. А. Э⟨ристов⟩, и многие другие. Один из величайших поэтов нашего времени, М⟨ицкевич⟩ оживлял эти беседы своими

чудными рассказами...» (В. П. Гаевский. Дельвиг. Статья 4-я.— «Современник», 1854, сент., отд. III, с. 7).

[17] Более подробное изложение того же анекдота см. в заметках В. М. Княжевича (с. 136).

[18] Картина «Собрание у В. А. Жуковского» была написана в 1830-х гг. учениками А. Г. Венецианова — Г. К. Михайловым, А. Н. Мокрицким и другими.

[19] См. коммент. к текстам Пушкина (с. 367).

[20] См. с. 223.

[21] См. приведенный в записках Н. П. Быстрова перевод первых строк «Одиссеи» Гомера, выполненный Крыловым (с. 237). Среди рукописей Крылова сохранились отрывки сделанных им переводов из «Жизнеописаний» Плутарха и «Государства» Платона. Переводы эти, судя по всему, не предназначались для печати (см.: В. В. Каллаш. Переводы И. А. Крылова из Плутарха и Платона. СПб., 1905).

[22] Из поэтических описаний Приютина наиболее известно стихотворение К. Н. Батюшкова «Послание к А. И. Тургеневу», написанное между октябрем 1817 г. и ноябрем 1818 г.

В 1820 г. Гнедич написал стихотворение «Приютино», опубликованное в 1821 г. в «Сыне отечества» и тогда же отдельной брошюрой.

[23] В периодическом издании «Чтение в Беседе любителей русского слова» были напечатаны басни «Кот и повар», «Раздел», «Лжец», «Заяц на ловле» и многие другие.

[24] Стихотворение Гнедича «К И. А. Крылову, приглашавшему меня ехать с ним в чужие края» помечено «Приютино, 1821». Тогда же напечатано в «Сыне отечества», ч. LXXIII, № 43, с. 127.

[25] В. Ф. Кеневич пишет: «Желание великой княгини было исполнено. Картина, представляющая кабинет Крылова, находится во дворце ее высочества. Кстати заметим, что у покойного И. П. Вольского (академик и преподаватель рисования в Первом кадетском корпусе, а потом в Первой С.-Петербургской военной гимназии) мы видели картину его собственной работы, изображающую комнату в Приютине над банею, где летом живали Крылов и Гнедич, когда посещали своего патрона. В этой комнате, по рассказу И. П. Вольского (проведшего свою юность в доме Оленина), оба они писали очень много» (В. Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова, изд. 2-е, с. 329—330). Здесь же Кеневич приводит следующую записку Оленина от 15 февраля 1838 г.: «Вот молодой наш художник, академик 1-й степени Ухтомский, которому г. министр нар. просв. С. С. Уваров поручил списать кабинет или

гостиную Ивана Андреевича Крылова. Прошу допустить художника до исполнения данного ему поручения. Всего бы лучше снять вид той комнаты, где он трудился над своими баснями. ⟨Приписка сбоку:⟩ Можно И⟨вана⟩ А⟨ндреевича⟩ представить пишущего за столиком во время поэтического вдохновения?» и записку от Жуковского Крылову: «Великая княгиня Мария Николаевна хочет, чтобы ты написал себя в своем кабинете в том благолепном виде, в каком одна только муза тебя видит, то есть в шлафроке, и чтоб кабинет был точно таким представлен, каков он бывает ежедневно». Местонахождение этих картин в настоящее время неизвестно.

[26] О публикации басни «Вельможа», первоначально запрещенной цензурой, см.: Из «Библиографических и исторических примечаний к басням Крылова» В. Ф. Кеневича (с. 307).

[27] Крестница Крылова Александра Петровна Савельева, по-видимому, была дочерью Крылова и жившей в его доме экономки. Мужем Александры Петровны был Калистрат Савельевич Савельев, которому баснописец завещал свое имущество и свои бумаги. Савельевы и их дети — дочь и сын — жили вместе с Крыловым в последние годы его жизни. О судьбе сына А. П. и К. С. Савельевых см. очерк Л. Н. Трефолева (с. 284—287). На родственные отношения Крылова и А. П. Савельевой намекает и М. Е. Лобанов в письме В. А. Олениной, написанном вскоре после смерти Крылова. Имея в виду «простонародные» манеры Савельевой, Лобанов иронически называет ее именем героини лубочных сочинений: «Был я у достопочтенной Миликтрисы Кирбитьевны и бил ей челом. Она, с огромным на голове страусовым пером, вероятно собираясь делать визиты, сидела (извините) растопырой на диване. Два кавалера с цигарками в зубах (то были кантонисты) громко беседовали с нею и звучно хохотали; но голос Миликтрисы Кирбитьевны, как расстроенная литавра, раздавался по всем залам покойного нашего друга. Супруг в безмолвии, раболепно и со страхом возводил иногда очи на эту притчу самого последнего издания, и увы! сто раз увы! мы знаем ее издателя...» (Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 542, № 882).

ИЗ ОЧЕРКА «ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА»

(с. 208—234)

Впервые напечатано в первом томе Полного собрания сочинений И. А. Крылова. СПб., 1847. Публикуемые в настоящем

издании фрагменты очерка воспроизводятся по изданию: «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», т. II. СПб, 1885, с. 31—116.

Статья Плетнева получила широкую известность. О ней тепло отозвался В. Г. Белинский в рецензии «Полное собрание сочинений И. Крылова, с биографиею его, писанной П. А. Плетневым...». Восторженные отзывы о ней содержатся в письмах Н. В. Гоголя. «Скажите Плетневу,— писал Гоголь А. О. Россету в апреле 1847 года,— что я читаю биографию Крылова с таким удовольствием, с каким давно не читал никакой русской книги. Она имеет интерес даже для ребенка и, вероятно, сделается у нас книгой народной». И вскоре же писал самому Плетневу: «Книга твоя о Крылове прекрасна *во всех отношениях*. Это первая биография, в которой передан так верно писатель».

[1] О взаимоотношениях Крылова и Я. Б. Княжнина см. коммент. к очерку Плетнева «Иван Андреевич Крылов» (с. 426), а также вступит. статью.

[2] Другой вариант этого анекдота по записи Н. И. Второва опубликован М. Ф. Де-Пуле:

«Раз приехал И. А. Крылов к одному своему знакомому. Слуга сказал ему, что барин спит. «Ничего,—отвечал Иван Андреевич,— я подожду»,— и с этими словами прошел в гостиную, лег там на диван и заснул. Между тем хозяин просыпается, входит в комнату и видит лицо, совершенно ему незнакомое.

— Что вам угодно? — спросил его Крылов.

— Позвольте лучше мне сделать вам этот вопрос,— сказал хозяин,— потому что здесь моя квартира.

— Как! Да ведь здесь живет N.?

— Нет,— возразил хозяин,— теперь живу я здесь, а N. жил, может быть, до меня.

После этих слов хозяин спросил Крылова об имени и, когда тот сказал, обрадовался случаю, что видит у себя знаменитого баснописца, и начал просить его сделать ему честь — остаться у него.

— Нет уж,— сказал Крылов,— мне и так теперь совестно смотреть на вас,— и с этими словами вышел» («Русская старина», 1870, т. I, с. 473).

[3] О поднесении Крыловым рукописного экземпляра трагедии «Клеопатра» Павлу I см. выдержки из дневника М. П. Погодина и коммент. к ним (с. 245 и 437).

[4] Дружеские связи с художниками Крылов поддерживал на протяжении всей жизни. См. рассказы А. Г. Венецианова о Крылове, а также коммент. к ним (с. 160 и 408). О знакомстве

Крылова с Ф. П. Толстым см. опубликованные в настоящем издании воспоминания М. Ф. Каменской (с. 167—168).

Известно, какую большую роль в творческой судьбе П. А. Федотова сыграл благожелательный отзыв Крылова о ранних работах художника. В своей автобиографии художник писал: «...Старая страсть к нравственно-критическим сценам из обыкновенной жизни, прорывавшаяся уже и прежде, очень естественна у человека, у которого средств к наслаждению были только глаза — глядеть на наслаждение других, и уши про это слушать, а теперь, получивши поощрительный отзыв и благословение на чин народного нравоописателя от И. А. Крылова, теперь страсть эта на свободе развилась вполне так, что профессор его Зауервейд (баталист) нашел нелишним оставить ученика своего собственному влечению, и тогда начались по временам появляться уже сложные эскизы» (см.: Я. Д. Лещинский. Павел Андреевич Федотов, художник и поэт. М.—Л., 1948, с. 99).

Об участии Крылова в судьбе Айвазовского со слов самого художника рассказывает автор анонимной статьи «И. К. Айвазовский и его художественная 42-х летняя деятельность» («Русская старина», 1878, т. 21, с. 664).

Будучи «почетным вольным общником» Академии художеств, Крылов участвовал в торжественных академических актах. В частности, вместе с Жуковским он в июне 1836 г. чествовал прибывшего в Петербург К. П. Брюллова в торжественном собрании в Академии художеств (см. письмо А. Н. Оленина — П. М. Волконскому — с. 312).

В 1841 г. Брюллов писал портрет Крылова. Об этом сохранились воспоминания ученика Брюллова художника М. Е. Меликова: «Портреты Жуковского, Крылова, Нестора Васильевича Кукольника, Струговщикова готовились на моих глазах. Особенно памятен мне Крылов, нетерпеливый во время сеансов, с которым Брюллов постоянно разговаривал». («Русская старина», 1896, № 6, с. 655.) Об этом портрете говорит и другой ученик Брюллова, художник М. И. Железнов: «Голова этого портрета, его одежда и фон были написаны в один сеанс, а на том месте, где должна была находиться рука, осталась незакрашенная холстина. Кажется, что необыкновенно удачное начало портрета должно было бы заставить художника позаботиться поскорее приписать к нему руку, но Брюллов не собрался этого сделать до самой смерти Крылова и потом, смеясь, говорил: «Крылов предсказал, что портрет, который я начал с него, никогда не будет окончен» («К. П. Брюллов в воспоминаниях современников». М., 1956, с. 230—231).

[5] Уже в 1810-х гг. Крылов становится одной из самых заметных фигур литературного мира Петербурга.

В. Г. Маслович, украинский литератор и профессор Харьковского университета, в очерке 1818 г. о столичных литераторах дает такой портрет Крылова: «Кто бы вы думали идет теперь мне навстречу? Это И. А. Крылов, вместе с какими-то двумя военными, которые смеются, и немудрено, ибо Крылов большой весельчак, в беседе приятен и компанию оживляет. Судя по басням его, вы, верно, рисуете его в воображении вашем человеком ловким, легким и даже резвым. Если так, то вы ошибаетесь. Он росту несколько больше среднего, широкоплеч и толст. Ему лет за сорок пять. Лицом черняв, несколько важен, впрочем, в физиономии имеет больше веселого и располагающего в свою пользу, вообще что-то заключает в себе оригинальное и без дальних церемоний. Одет просто, не совсем чисто, фрак на нем по большей части серого цвета». (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, ф. 265, оп. 7, ед. хр. 17. Опубликовано в сб. «Белые ночи». Л., 1974, с. 334—335).

[6] Об отношениях Крылова с В. И. Карлгофом и его женой см. воспоминания Е. А. Карлгоф (с. 279—281), а также коммент. к ним (с. 444).

[7] О посещениях Крыловым салона В. Ф. Одоевского см. в записках М. П. Погодина (с. 245), а также в воспоминаниях И. И. Панаева (с. 293) и в письме В. Г. Белинского В. П. Боткину (с. 332).

И. П. БЫСТРОВ

Быстров Иван Павлович (1797—1850) — литератор, библиограф, библиотекарь Публичной библиотеки, где служил с 1829 по 1848 г. Был рекомендован на службу в библиотеку Крыловым и состоял под его начальством в отделении русских книг.

ИЗ СТАТЬИ «ОТРЫВКИ ИЗ ЗАПИСОК МОИХ ОБ ИВАНЕ АНДРЕЕВИЧЕ КРЫЛОВЕ»

(с. 235—242)

Напечатаны в газете «Северная пчела», № 203, 208 за 1845 г.; № 63, 64 за 1846 г.

В настоящем издании исключен содержащийся в записках Быстрова обширный библиографический материал.

В «Северной пчеле» за 1847 г. № 289 Быстров напечатал по-

лученные им от А. Ф. Смирдина документы, касающиеся типографии «Крылов с товарищи», и сопроводил их примечаниями, содержащими сведения, полученные им от самого Крылова: «Иван Андреевич любил в то время ⟨1792⟩ играть в шашки. Дмитревский, Клушин и Краснопольский (Николай Степанович) не прочь были от сего занятия, и в этом подвиге проводили они дни и ночи, а по типографии хлопотал один Петр Алексеевич Плавильщиков (слова Ивана Андреевича)».

В связи с публикацией в 1847 г. биографических очерков о Крылове М. Е. Лобанова и П. А. Плетнева, Быстров напечатал в «Северной пчеле» за 1848 г. № 196 в разделе «Биографические и библиографические заметки» несколько своих замечаний, которые между прочим содержат рассказ о постановке в доме Олениных в Приютине пьесы Крылова «Трумф». «Трумф», по словам Быстрова, «представлен был на домашнем театре в Приютине в день именин супруги А. Н. Оленина, Елизаветы Марковны, 5 сентября 1834 года. Иван Андреевич сам хлопотал об обстановке пьесы, выбирал способных артистов и репетировал роли с искусством неподражаемым. Действующими лицами в представлении «Трумфа» были: В. А. С⟨ухаре⟩в (Вакула), А. А. О⟨ленина⟩ (Подщипа); П. П. Хр⟨уще⟩в (Слюняй); Д. П. Хр⟨ущев⟩ (Трумф); К. Д. П. В⟨олконский⟩ (Дурдуран); А. Д. Б⟨лудо⟩ва (Чернавка); В. А. О⟨ленин⟩а (Цыганка). Рукопись, по которой Иван Андреевич репетировал роли героев своей шуточной трагедии, на другой день после представления пьесы автором подарена была мне. Это самый верный список с подлинника, об утрате которого Алексей Николаевич крайне сожалел. (Однажды А. Н. Оленин спросил Крылова: «Да где же твой автограф, братец?» Иван Андреевич отвечал: «Не знаю... не помню... давно пропал... кажется, взял Измайлов, или Яковлев... право, не помню... 9 сентября 1835 года в Приютине.)»

[1] Имеется в виду И. Г. Рахманинов.

[2] Стихотворение Крылова «К счастию» впервые напечатано в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий», 1793, ч. IV, с. 96—108.

[3] О преследовании властями Крылова-журналиста см. вступит. статью, а также коммент. к отрывку из записок А. Т. Болотова (с. 375).

[4] Тетрадь стихов и прозы Крылова, составленная в конце 1790-х гг., в настоящее время хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Только одно стихотворение — «Стихи к Е. И. Бенкендорф» — написано рукою Крылова, весь остальной текст — рукой

переписчика, но имеет поправки Крылова. В сборник включено, помимо прочего, восемь переложений псалмов. Одно из них — «Подражание псалму 17-му» — Быстров и называет «Молитвой к Богу». Стихи эти были опубликованы в 1833 г. в альманахе «Комета Белы» с подписью «И. Крылов» и датой «1795». (См.: С. Бабинцев. Тетрадь стихов Крылова.— В кн.: И. А. Крылов. Исследования и материалы. М., 1947).

[5] «Похождение задом наперед, или навыворот. Германская повесть». Перевел с немецкого Н⟨иколай⟩ О⟨сипов⟩. СПб., тип. Ф. Мейера, 1793.

[6] О чтении М. И. Кутузовым басни «Волк на псарне» перед войсками см. также: «Записки Ивана Степановича Жиркевича, 1789—1848».— «Русская старина», 1874, т. X, кн. 8, с. 661; «Рассказы из истории 1812 года».— «Русский архив», 1868, стлб. 2000.

В. И. СОБОЛЬЩИКОВ

Собольщиков Василий Иванович (1813—1872) — библиотекарь Публичной библиотеки, организатор библиотечного дела. Посещая Академию художеств, получил архитектурное образование. В середине XIX века по его проектам осуществлялись внутренние перестройки здания библиотеки. С Крыловым познакомился в начале 1830-х годов.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО БИБЛИОТЕКАРЯ»

(с. 243—244)

Мемуары В. И. Собольщикова впервые напечатаны в издании «Барону Модесту Андреевичу Корфу в день 50-летия его службы 9 июня 1867 г.». Затем перепечатаны в журнале «Исторический вестник», 1889. Публикуемый отрывок см. в № 10, с. 76, 82.

[1] Петербургский чиновник и публицист О. А. Пржецлавский рассказывает о своих посещениях Публичной библиотеки в 1820-х гг.: «Процедура с книгами была следующая: уходя, вы отдавали недочитанную книгу дежурному; он ее запирал в шкаф, а на другой день другой уже дежурный выдавал ее по указанному нумеру. С 1824 года, поступивши на службу, я приходил уже только в послеобеденное время. Крылов был уже стар, тучен и тяжел на подъем. Я всякий раз заставал его покоившимся глубоким сном на диване. Нужно было ждать, пока сторож его разбудит; он вставал ворча, долго отыскивал книгу и вручал ее не совсем любезно» («Русская старина», 1874, т. XI, с. 475).

М. П. ПОГОДИН

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель, публицист, издатель «Московского вестника» (1827—1830) и «Москвитянина» (1841—1856). Познакомился с Крыловым, вероятно, в конце 1820-х годов, встречался с ним во время приездов в Петербург в 1830-х годах.

ИЗ «ДНЕВНИКА». 1831

(с. 245)

Печатается по автографу. Рукописный отдел Гос. библиотеки им. Ленина, ф. 231, к. 32, ед. хр. 1, л. 64, 67—69. Впервые опубликовано в пересказе в кн.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III. СПб., 1890, с. 347—348. Изложено с сокращениями и рядом неточностей.

[1] Речь идет о трагедии Крылова «Клеопатра». О своем чтении этой пьесы Дмитревскому Крылов рассказывал Е. А. Карлгоф (см. с. 426). Трагедия не была сожжена Крыловым. Как установлено недавними исследованиями, рукопись ее хранилась в библиотеке Павла I и погибла при пожаре Зимнего дворца (см.: С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Новые материалы.— «Русская литература», 1969, № 3, с. 115).

[2] *«Петр I»* — трагедия Погодина, рукопись которой он в 1831 г. привез в Петербург; тогда же читал ее Пушкину и Жуковскому.

[3] Аналогичные «наставления» Крылов давал Грибоедову по поводу комедии «Горе от ума» (см. письмо Грибоедова — Вяземскому — с. 321).

ИЗ КНИГИ «ГОД В ЧУЖИХ КРАЯХ (1839)» ДОРОЖНЫЙ ДНЕВНИК

(с. 245—246)

Печатается по изданию: М. П. Погодин. Год в чужих краях (1839). М., 1844, с. 13—15.

Описывая свое заграничное путешествие, Погодин предварительно рассказывает о поездке из Москвы в Петербург и о посещении петербургских литераторов, историков и филологов.

М. А. КОРФ

Корф Модест Андреевич, барон (1800—1876) — окончил Царскосельский лицей вместе с Пушкиным; впоследствии крупный чиновник, автор исторических сочинений и воспоминаний.

С Крыловым Корф мог познакомиться вскоре по выходе из лицея, в конце 1810 — начале 1820-х годов.

ОТРЫВОЧНЫЕ ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

(с. 247—254)

К рукописи, хранящейся в архиве А. В. Никитенко, приложено следующее сопроводительное письмо: «Исполняю мое обещание представить Вашему превосходительству то, что найдется в моем дневнике о Крылове только потому, что это обещание дано. Тут такая мелочь и ничтожность, что едва ли Вам на что-нибудь пригодится. Сделать какое-либо употребление из этих листков или же совсем их бросить, совершенно в Вашей воле; об одном только повторю мою покорнейшую просьбу: не упоминать моего имени. Искренно уважающий и преданный барон *Корф*. 26 января 1868».

Заметки и воспоминания Корфа о Крылове опубликованы не были. Писарская копия их с авторской правкой хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (архив А. В. Никитенко. $\left.\frac{19616}{\text{С XXXIII б 25}}\right)$. По этой копии печатаются в настоящем издании.

Корф добавляет к тому, что сообщают о Крылове другие мемуаристы, некоторые отдельные факты и наблюдения, иногда существенные; порою он неточен в своих утверждениях.

[1] В этом рассказе есть явные неточности: и в последние годы жизни Крылов посещал друзей, бывал в театре, на концертах, участвовал в различных торжествах; причина его смерти также была иная. Интересно безоговорочное утверждение Корфа, что крестница Крылова, Александра Петровна Савельева (выданная Крыловым замуж за чиновника Штаба военно-учебных заведений К. С. Савельева) была его родной дочерью.

[2] Крылов имел чин статского советника; в Казенной палате был мелким чиновником, а не столоначальником. О поступлении Крылова в Казенную палату в 1783 г. Булгарин в своих воспоминаниях рассказывает: «...Стишками и остроумными речами Крылов сделался известен в Твери, нашел покровителей, которые

перевели его на службу в Петербург и определили там же канцеляристом в С.-Петербургскую Казенную палату».

[3] Отношение Крылова к «императорскому дому» Корф идеализирует, как и некоторые другие мемуаристы.

[4] В своем сочинении «Жизнь графа Сперанского» Корф высказывает предположение, что в басне «Квартет» Крылов имел в виду созданный в 1811 г. Государственный совет. См.: Из «Библиографических и исторических примечаний к басням Крылова» В. Ф. Кеневича (с. 304).

[5] О намерении Крылова приобрести дом на Петербургской стороне см. в дневнике А. В. Никитенко (с. 265). В последние годы жизни Крылов, видимо, не был стеснен в средствах. Корф упускает из виду, что за издания своих басен Крылов получал значительные по тому времени гонорары.

[6] Сведения о том, что Крылов преподавал в Театральном училище, представляются недостоверными. О Крылове как наставнике актеров см. в воспоминаниях Жихарева (с. 128), Глушковского (с. 131).

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ

Смирнова-Россет Александра Осиповна (1809—1882) — близкий друг Жуковского, Пушкина, Гоголя; с 1826 года фрейлина. С Крыловым познакомилась, вероятно, в начале 1830-х годов.

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

(с. 255—256)

Публикуемые фрагменты воспроизводятся по изданию: А. О. Смирнова-Россет. Автобиография (неизданные материалы). М., 1931, с. 168—169, 294—295.

[1] По-видимому, речь идет о придворном маскараде в январе 1830 г., где Крылов в костюме музы Талии читал стихи «Про девушку меня идет худая слава...» (см. письма Н. И. Гнедича — А. П. Зонтаг и А. А. Шаховского — С. Т. Аксакову — с. 314 и 329). Желание двора видеть поэта в подобных ролях коробило не одну Смирнову-Россет. Когда много лет спустя, в 1855 г., Вяземский печатно заговорил о покровительстве, которое Николай I якобы оказывал писателям, Н. В. Киреевский отвечал ему и, между прочим, иронически заметил: «Крылову точно покровительствовали, но зато и одевали Грацией» (см.: М. И. Гиллельсон. Неизвестные публицистические выступле-

ния П. А. Вяземского и И. В. Киреевского.— «Русская литература», 1966, № 4, с. 129—131).

² О посещении Смирновой-Россет Крыловым, Вяземским и Тургеневым см. также письмо А. И. Тургенева — А. Я. Булгакову (с. 311).

³ Крылов постоянно посещал концерты и музыкальные вечера. Известный музыкальный писатель и пианист В. Ф. Ленц в своей книге о Бетховене между прочим рассказывал, что «много раз встречал Крылова в высших музыкальных кругах Петербурга», и свидетельствовал: «Крылов любил слушать квартеты Гайдна и Моцарта, но еще больше любил бетховенские квартеты. «В Бетховене слышны голоса природы, но нужно уметь их слышать»,— сказал однажды этот старик с мощной головой мыслителя. Когда Бём или генерал Львов играли его любимый квартет (C-dur с фугой), Крылов погружался в глубочайшее раздумье» (см.: W. von Lenz. Beethoven. 1855.— Цит. по кн.: И. Ямпольский. Крылов и музыка. М., 1970, с. 27, 39). Квартетные собрания Ф. Бёма — известного скрипача — происходили в Петербурге систематически, на протяжении тридцати лет. Упоминаемый Ленцем генерал Львов — А. Ф. Львов, сын Ф. П. Львова, хозяин музыкального салона, композитор, скрипач, славившийся исполнением скрипичных сонат и квартетов Бетховена.

⁴ С И. В. Васильчиковым — генералом, командиром гвардейского корпуса, а с 1838 г. председателем Государственного совета и Комитета министров — Крылов мог вместе музицировать в 1790-х гг., когда тот был молодым гвардейским офицером.

В. П. ЗАВЕЛЕЙСКИЙ

Завелейский Василий Павлович (ум. не ранее 1865 г.) — чиновник министерства финансов, посетитель литературных собраний.

ИЗ ЗАПИСОК «ВЫДЕРЖКИ ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА НА ПАМЯТЬ»

(с. 257—258)

Печатается по публикациям в изданиях: Н. Л. Степанов. И. А. Крылов. Жизнь и творчество. М., 1958, с. 153; Н. Степанов. Крылов. М., 1969, с. 231—232. Автограф в собрании И. Л. Андроникова.

¹ Александровская колонна на Дворцовой площади сооружалась в 1830—1834 гг.

И. Т. ЛИСЕНКОВ

Лисенков Иван Тимофеевич (1795—1881) — петербургский книгопродавец и издатель. Был близко знаком со многими русскими писателями. Некоторые биографические сведения о нем см.: «Русская литература», 1971, № 2, с. 108—113.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ О КНИГОПРОДАВЦАХ И АВТОРАХ»

(с. 259)

Публикуется по изданию: «Материалы для истории русской книжной торговли». СПб., 1879, с. 66—67.

Автор воспоминаний говорит о себе в третьем лице.

[1] Здание Пажеского корпуса, бывший дворец М. И. Воронцова, где находилась книжная лавка Лисенкова, стоит на Садовой улице (ныне № 26), поблизости от дома Публичной библиотеки, где жил Крылов.

[2] Московский поэт и прозаик А. А. Орлов был автором полулубочных романов, повестей и рассказов, пользовавшихся популярностью в мещанской среде. Орлов, между прочим, сочинял «продолжения» романов Булгарина.

Н. М. КОЛМАКОВ

Колмаков Николай Маркович (1816 — после 1887 г.) — крупный чиновник.

РАССКАЗЫ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

(с. 260—263)

Опубликованы в журнале «Русский архив», 1865, стлб. 1007—1012.

Запись помечена: «Новгород-Северского уезда хутор Узруй. 28 июня 1865 года».

[1] В салоне С. В. Строгановой — женщины образованной и незаурядной (в частности, она перевела на русский язык «Ад» Данте) — бывали многие известные писатели. Ей посвятил свои стихи Державин.

О знакомстве Крылова со свекром С. В. Строгановой — пре-

зидентом Академии художеств и известным меценатом А. С. Строгановым — см. коммент. к очерку П. А. Плетнева (с. 429).

В одном из писем С. В. Строгановой середины 1830-х гг. находим упоминание о визите к ней Крылова: «...Пушкин выпустил только что «Историю Пугачева», по-моему, это плохо; написано с наивной простотой, безо всяких размышлений. Говорят, это модный род сочинений, и то, что мне кажется наивным, расценивается как превосходное. Вчера у меня обедали Крылов и Жуковский; первый, кажется, моего мнения, но, как писатель, он щадит собрата; другой же откровенно восхищается этим простодушием...» (см.: «Литературное наследство», т. 58. М., 1952, с. 116—117).

[2] В записках «Очерки и воспоминания» Колмаков дает более ясную версию этого рассказа: «Крылов говорил: «Я сначала много писал по разным предметам, и всякий раз меня критиковали; это меня крайне обескураживало, но раз я написал басню и критик меня похвалил, это меня подвигнуло, и начал я по преимуществу писать басни. Вот этому критику я и обязан всем» («Русская старина», 1891, № 6, с. 668).

ИЗ «ОЧЕРКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ»

(с. 263)

Печатается по изд.: «Русская старина», 1891, № 6, с. 666.

А. В. НИКИТЕНКО

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877) — историк литературы, критик, профессор, затем академик; в продолжение многих лет — цензор. Именно в качестве цензора был связан со многими писателями. Дневник Никитенко — один из основных мемуарных источников для изучения литературной жизни Петербурга 1830—1870-х годов.

ИЗ «ДНЕВНИКА»

(с. 264—266)

«Записки» и «Дневник» Никитенко были впервые опубликованы в «Русской старине» в 1888—1892 годах. Фрагменты «Дневника» печатаются по изданию: А. В. Никитенко. Дневник, т. I. М., 1955, с. 166—167; 285—286.

[1] Крылов числился редактором журнала «Библиотека для чтения» (фактическим редактором был О. И. Сенковский) с января по май 1835 г.

О «неприятной истории за стихи В. Гюго» и своем аресте Никитенко подробно рассказывает в «Дневнике», т. I, с. 160—164. См. также коммент. к выдержкам из «Дневника» Пушкина (с. 370).

[2] Переехать на новую квартиру Крылов не успел.

А. И. АНДРИАНЕНКО

Андрианенко Александра Иосифовна (1815 — после 1907) жена чиновника. Встречалась с Крыловым в доме С. С. Уварова.

ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

(с. 267—268)

Напечатано в книге А. Мошина «Новое о великих писателях. Рассказы очевидцев (мелкие штрихи для больших портретов)». СПб., 1908, с. 7—10; со следующим введением: «Бодрая, жизнерадостная старушка Александра Иосифовна Андрианенко рассказала мне и разрешила напечатать то, что она еще помнит об И. А. Крылове». Печатается по этому изданию.

[1] Крылов познакомился с С. С. Уваровым еще в середине 1800-х гг., в салоне Оленина, частым посетителем которого был в те годы Уваров (см. его «Литературные воспоминания».— «Современник», 1851, т. XXVII, кн. 6, отд. II, с. 39—40). Став в 1834 г. министром просвещения и провозгласив принципы «самодержавия, православия и народности» основой русской жизни, Уваров всячески поддерживал представление о Крылове как о народном и в то же время верноподданном писателе и, видимо, стремился приблизить к себе баснописца.

[2] См. с. 325 наст. изд.

А. Н. МУРАВЬЕВ

Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — писатель, член Российской академии, служил в министерстве иностранных дел, в 1833—1836 годах — «за обер-прокурорским столом» в синоде. Был знаком со многими литераторами 1820-х — 1830-х годов, в том числе с Пушкиным и некоторыми писателями пушкинского круга. Участвовал в журналах «Московский вестник» и «Современник». С Крыловым мог встречаться и в литературных, и в светских салонах столицы.

ИЗ КНИГИ «ЗНАКОМСТВО С РУССКИМИ ПОЭТАМИ»

(с. 269)

Воспоминания содержат ряд рассказов о Пушкине, Жуковском, Баратынском, Козлове, о литературной жизни эпохи.

Печатается по изданию: ⟨А. Муравьев⟩. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 20—21.

Н. М. ЕРОПКИНА

Еропкина Надежда Михайловна (1808—1895) — гувернантка в доме Александра Михайловича Тургенева, директора медицинского департамента, действительного статского советника, автора мемуаров (впервые опубликованы — «Русская старина», 1885, т. 47; 1886, т. 49).

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

(с. 270—278)

Рассказ Еропкиной был записан в 1880 году внуком А. М. Тургенева — А. С. Сомовым. Напечатан: «Пушкин и его современники», вып. XXXVII. Л., 1928, с. 192—199.

Записанный Сомовым со слов той же Н. М. Еропкиной рассказ о Пушкине исследователи оценивают как малодостоверный (см. напр. «Временник Пушкинской комиссии 1971». Л., 1973, с. 68—70). Однако красочные и достаточно убедительные детали рассказа Еропкиной о Крылове (которого она могла наблюдать многократно) не кажутся вымышленными и в основных чертах рассказ представляется вполне правдоподобным.

[1] Вряд ли А. М. Тургенев, который в то время был младшим гвардейским офицером, мог покровительствовать Крылову при его поступлении на службу к кн. С. Ф. Голицыну.

Е. А. КАРЛГОФ

Карлгоф Елизавета Алексеевна (1814—1884) — детская писательница, жена литератора и переводчика, генерал-майора, а затем чиновника министерства народного просвещения В. И. Карлгофа. Современники свидетельствуют о близких отношениях Крылова с семьей Карлгофов.

ИЗ ЗАПИСОК «ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ — НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ»

(с. 279—281)

Мемуары Е. А. Карлгоф анонимно напечатаны в журнале «Русский вестник», 1881, № IX и X. Автор рассказывает о своем знакомстве с Пушкиным, Жуковским, Бенедиктовым, Н. Полевым, Кукольником и другими писателями. Приводимый отрывок — № IX, с. 150—151, 154—156.

Биография Крылова, написанная Карлгоф в 1844 году, отчасти со слов самого баснописца, была опубликована в детском журнале «Звездочка» (см. очерк П. А. Плетнева и коммент. к нему — с. 188, 425).

[1] Пушкин был смертельно ранен на дуэли 27 января 1837 г. Об участии Крылова в похоронах Пушкина см. также письма А. И. Тургенева — А. И. Нефедьевой и М. А. Коркунова — издателю «Московских ведомостей» (с. 311 и 331).

[2] О борьбе литературных партий вокруг крыловского юбилея см. вступит. статью.

П. П. КАМЕНСКИЙ

Каменский Павел Павлович (1810—1875) — писатель, автор популярных в 1840-х годах романтических повестей. Поддерживал приятельские отношения со многими петербургскими литераторами и художниками. Был женат на дочери вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого (см. выдержки из ее воспоминаний — с. 167—168). С Крыловым мог встречаться в конце 1830-х — начале 1840-х годов в литературных и художественных салонах Петербурга.

Очерк Каменского о Крылове был напечатан в осуществленном им издании серии биографий деятелей русской культуры — Пушкина, Жуковского, К. Брюллова и др. — с их портретами работы П. Ф. Соколова. Очерк был передан Крылову через М. Е. Лобанова для ознакомления и замечаний. Однако Крылов отказался внести в него какие-либо изменения (см. вступит. статью). Работа Каменского представляет значительный интерес как одна из первых прижизненных биографий поэта. В наст. изд. вошли отрывки, содержащие мемуарный материал.

ИЗ ОЧЕРКА «КРЫЛОВ»

(с. 282—283)

Печатается по изданию: «Портретная и биографическая галерея словесности, наук, художеств и искусств в России». СПб., тетр. 1, 1841, с. 1—8.

[1] Анджелика Каталани — знаменитая певица, гастролировавшая по всей Европе и приезжавшая в Петербург.

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

Трефолев Леонид Николаевич (1839—1905) — поэт и автор исторических очерков.

КРЫЛОВ И ПУШКИН ПО РАССКАЗАМ ЯРОСЛАВЦЕВ

(с. 284—287)

Впервые очерк опубликован в газете «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 218.

В настоящем издании часть очерка, относящаяся к Крылову, воспроизводится по кн.: Л. Н. Трефолев. Ярославская старина. Ярославское областное изд-во, 1940, с. 220—225.

[1] Сообщение Л. Н. Трефолева об «усыновленной» Крыловым его крестнице А. П. Савельевой и ее семье представляет значительный интерес, т. к. основано на личных дружественных отношениях.

А. К. Жизневский в брошюре «Поминки по И. А. Крылове» (Тверь, 1895) сообщал, что в 1889 г. в Тверской краеведческий музей поступила посмертная гипсовая маска Крылова «от князя Д. Путятина, вышневолоцкого землевладельца, женатого на дочери крестницы Ивана Андреевича, вышедшей замуж за обер-аудитора К. С. Савельева». От А. П. Савельевой в музей поступила также записная тетрадь Крылова, а от ее внучки Спазиной «уцелевшие у ее матери две настольные карточки (меню) обеда, данного 2 февраля 1838 г., в день рождения Ивана Андреевича, а также печатное приветствие юбиляру В. А. Жуковского».

[2] После этой фразы в первоначальной редакции идет следующий текст: «Впрочем, прибавлял А. К. Савельев, однажды

дедушка на меня рассердился и ударил ложкой по лбу за некоторую шалость во время обеда, приказав мне «насыщаться» целую неделю за особым столом; но потом между нами опять установился неразрывный мир. Крылов любил особенно Надежду Каллистратовну».

Н. И. ИВАНИЦКИЙ

Иваницкий Николай Иванович (1816—1858) — чиновник, литератор. В 1838 году окончил Петербургский университет. Был дружен с П. А. Плетневым, который, возможно, и ввел его в литературную среду. Печатался в журналах в 1840-х годах. В 1850-х годах был директором Псковской гимназии.

ИЗ «ДНЕВНИКА»

(с. 288—289)

«Дневник» Н. И. Иваницкого впервые был опубликован: «Щукинский сборник», вып. VIII, 1909, с. 322—323. Приведенный отрывок печатается по изданию: «Пушкин и его современники», вып. XIII. СПб., 1910, с. 34—36.

¹ О цензоре А. Л. Крылове и его взаимоотношениях с Пушкиным см.: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972, с. 219—227. В. А. Жуковский вписал следующую заметку в записную книжку, подаренную им поэтессе Е. П. Ростопчиной:

«Замечание Крылова о цензуре.

Крылов говорит о цензуре: запрещено впускать в горницу плешивых. У дверей стоит сторож. Кто чисто плешив, тому нет входа. Но тот, у кого или лысина, или только показывается на голове как будто голое место — что с ним делать? Тут и наблюдателю и гостю худо. А если наблюдатель трус, то он и примет лысину за плешь.

Иван, Петр, Семен знают, что у меня в горнице. На столе часы, на шкафах бюсты и прочее. Все это описано в бранной пиесе на меня, но имени моего нет в ней. Цензор считает описание вымыслом и пропускает его безо всякого опасения. А множество читателей узнают в нем не названное лицо по приметам им известным. Виноват ли цензор, что пропустил пасквиль?» (В. А. Жуковский. Соч., т. 6. СПб., 1878, с 22).

И. И. ПАНАЕВ

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель, вместе с Н. А. Некрасовым издавал журнал «Современник». Будучи талантливым беллетристом, уже в середине 1830-х годов приобрел известность как автор ряда повестей и рассказов.

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ»

(с. 290—293)

Мемуары Панаева впервые появились на страницах журнала «Современник» в 1861 году. Фрагменты, публикуемые в настоящем издании, воспроизводятся по книге: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 78—79, 85—87.

[1] Описанный Панаевым литературный обед происходил 6 ноября 1837 г. (См. его описание также в «Записках» А. В. Никитенко, 1904, т. I, с. 189—290.)

Говоря о холерной больнице, из окон которой народ «выбрасывал на улицу докторов», Панаев имеет в виду «холерные бунты» в Петербурге 21—23 июня 1831 г. Злоупотребления и притеснения со стороны полиции, а также слухи, что причина эпидемии есть отрава, распространяемая также и докторами, привели к кровопролитию. Народ громил больницы и убивал докторов.

[2] См. вступит. статью.

Свою версию истории организации юбилея Крылова излагает в позднейших «Записках» Н. И. Греч. («Записки о моей жизни Н. И. Греча», СПб., 1886, с. 498—502). Здесь изложены те обстоятельства, по которым якобы он и Булгарин не принимали участия в юбилейном торжестве (главным виновником называется министр народного просвещения С. С. Уваров).

Заслуживает внимания следующее сообщение Греча: «...Жуковский, по случаю того же юбилея, чуть не рассорился с Уваровым. В речи своей на юбилее Жуковский упомянул с теплым участием о Пушкине, которого Уваров ненавидел за стихи его на выздоровление графа Шереметева. Уваров приказал подать к себе из цензуры, в рукописи, все статьи о юбилее Крылова и исключил из них слова Жуковского о Пушкине. Жуковский жестоко вознегодовал на это и настоял на том, чтобы речь его (не знаю, где именно) была напечатана вполне». Рассказ этот следует сопоставить с распоряжением, которое было получено

цензорами С.-Петербургского цензурного комитета 3 февраля 1838 г. (см. коммент. к очерку М. Е. Лобанова — с. 384).

[3] Стихи Вяземского, положенные на музыку, были пропеты О. А. Петровым.

[4] Крылов был частым посетителем вечеров В. Ф. Одоевского. Два анекдота, рассказанные Крыловым в салоне Одоевского, опубликованы Е. Львовым в 1884 г. в «Русском архиве», кн. 2, с. 179—180. Вот текст этой публикации:

«Екатерининские анекдоты, рассказанные И. А. Крыловым.

В один из субботних вечеров, зимою 1842 года, собрались у князя В. Ф. Одоевского его обычные посетители. В этот вечер приехал и И. А. Крылов. Одоевский знал, что он будет, и приготовил ему его любимое кушанье, холодного поросенка с хреном ⟨...⟩

Крылов рассказал в этот вечер два следующие анекдота.

В поездку Екатерины II в Крым семинаристы Киевской духовной семинарии испросили разрешение пригласить ее на зрелище, нарочно на этот случай ими изготовленное. Государыня милостиво приняла приглашение и отправилась в устроенный театр. Представление длилось очень долго и наконец утомило государыню. Она поручила Шувалову, который сопровождал ее, изъявить семинаристам от ее имени полное удовольствие; но, однако, узнать осторожно, скоро ли кончится представление? Шувалов отправился за кулисы и исполнил приказание. Обрадованные и ободренные семинаристы отвечали, что продлить и прервать представление совершенно в воле ее величества, а что у них заготовлено его на трое суток! Такой определенный срок выводил государыню из затруднения: не опасаясь никого оскорбить, она немедленно встала и удалилась с «позорища».

В ту же поездку Екатерины какой-то небогатый помещик получил разрешение пригласить государыню отдохнуть в палатке, которую разбил он на пути ее величества. Государыня вошла в шатер. Счастливый помещик кланялся, суетился, неопрятная прислуга спешила расставлять на столе заготовленную закуску. Государыня сказала несколько милостивых слов и присела у стола, а Шувалов, обращаясь к помещику, спросил, служил ли он?

— По милости вашей,— отвечал растерянный от счастья помещик.

— Давно в отставке?

— Десять лет, по милости вашей.

— В каком чине?

— Полковником, по милости вашей.

— Женат?

— По милости вашей,— повторял помещик.

Екатерина молча улыбалась, слушая ответы помещика.

— И есть у вас дети? — продолжал Шувалов.

— Семеро, по милости вашей,— махнул еще раз помещик.

— Вы, однако, страх как милостивы! — прервала Екатерина вполголоса, обращаясь к Шувалову».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) в своих статьях дал обстоятельный разбор творчества Крылова и высоко оценил его роль в истории русской литературы. Несколько раз встречался с Крыловым в салоне В. Ф. Одоевского. Приводимый отрывок из статьи о Крылове написан на основе личных впечатлений от этих встреч.

ИЗ СТАТЬИ «ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ»

(с. 294)

Впервые напечатана в журнале «Отечественные записки», 1845, т. XXXVIII, № 2. Отрывки из статьи воспроизводятся по изд. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1955, с. 587.

[1] Имеется в виду Ф. В. Булгарин, который в своих воспоминаниях о баснописце («Северная пчела», 1845, № 8—9) выдавал себя за близкого друга Крылова.

[2] Ср. характеристику личности Крылова А. Е. Измайловым, которую передает с его слов современник; она содержится в следующем диалоге между Измайловым и его приятелем:

«— Я непозволительно рассеян, и если чем другим я не похож на французского фабулиста, то по рассеянности я истый русский Лафонтен.

— По-видимому,— заметил дядя,— это стереотипное свойство хороших баснописцев: о рассеянности Ивана Андреевича Крылова по городу ходит так много анекдотов, что, право, иногда кажется, уж не напускает ли он на себя все эти странности.

— Нимало, нимало,— говорил гобойным густым басом Измайлов, вводя нас в свою полутемную прихожую...— Кто знает Ивана Андреевича, как знаю его я, тот никогда не согласится, что он способен напускать на себя странности...» (В. Бурнашев (Эртаулов). Воспоминание об А. Е. Измайлове.— «Дело», 1874, № 4, с. 162).

[3] О встрече Белинского с Крыловым зимою 1839—1840 гг. см. письма Белинского — В. П. Боткину и К. С. Аксакову (с. 332). И. И. Панаев в «Воспоминании о Белинском» рассказывает о встрече у Одоевского Нового, 1841 года:

«Канун нового года праздновался им ⟨В. Ф. Одоевским⟩ всегда с необыкновенною торжественностью... Он особенно упрашивал Белинского приехать к нему в этот вечер (накануне 184... года) и, кроме того, взял с меня слово, чтобы я непременно уговорил его и привез с собой.

Мне не совсем легко было исполнить это поручение. Я уговаривал Белинского более часа. Наконец он начал колебаться ⟨...⟩

Был час двенадцатый, когда мы появились в салоне. Перешагнув за его дверь, Белинский побледнел и закусил губу, но отсутствие дам, радушие и приветливость хозяина успокоили его. Он примирился с своим положением, однако скучал и почти не отходил от меня.

В этот вечер были тут все литературные знаменитости и авторитеты старые и молодые, которых он видел так близко в первый раз в жизни: Крылов, Жуковский, князь Вяземский, Лермонтов и другие.

После ужина Крылов и Жуковский расположились на диване, а некоторые около них, образовав отдельный кружок.

Мы сидели позади этого кружка». (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 297—298.)

Н. В. ГОГОЛЬ

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) познакомился с Крыловым, вероятно, в самом начале 1830-х годов. Как и Крылов, Гоголь был постоянным посетителем суббот Жуковского, где не раз читал свои сочинения. 19 апреля 1836 года Крылов присутствовал на первом представлении комедии «Ревизор» в петербургском Александринском театре. Упоминания о Крылове в письмах Гоголя см. на с. 329—330.

ИЗ СТАТЬИ «В ЧЕМ ЖЕ, НАКОНЕЦ, СУЩЕСТВО РУССКОЙ ПОЭЗИИ И В ЧЕМ ЕЕ ОСОБЕННОСТЬ»

(с. 295—296)

Печатается по изданию: Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1958, с. 393—394.

Статья была написана в 1845—1846 годах и вошла в книгу

«Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Характеризуя крупнейших русских писателей, Гоголь уделяет значительное место и характеристике Крылова как великого поэта, называя его басни «книгой мудрости самого народа». Названия басен Гоголь приводит не точно.

[1] Из басни «Пушки и Паруса».

[2] Из басни «Бритвы».

[3] Этих строк в баснях Крылова нет.

[4] Из басни «Орел и Пчела».

И. С. ТУРГЕНЕВ

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) учился в Петербургском университете у П. А. Плетнева, который ввел его в круг тогдашних литераторов. Свои суждения о личности Крылова Тургенев основывал не только на впечатлении от единственной встречи с баснописцем, но и на суждениях о нем, которые слышал от других литераторов, в частности, от Плетнева.

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНЫХ И ЖИТЕЙСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ»

(с. 297—298)

Впервые напечатаны в издании сочинений И. С. Тургенева 1869 года. Запись о Крылове публикуется по изданию: И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. XIV. М.— Л., 1967, с. 79—80.

[1] Вероятно, речь идет о В. И. Карлгофе. О его знакомстве с Крыловым см. выдержки из записок Е. А. Карлгоф «Жизнь прожить — не поле перейти» (с. 279—281).

ИЗ РЕЦЕНЗИИ «КРЫЛОВ И ЕГО БАСНИ. ПЕР. В. Р. РОЛЬСТОНА. 3-Е ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ»

(с. 297—298)

Оригинал на английском языке: «Krilof and his Fables. By W. R. S. Ralston third edition, greatly enlarged».

Впервые напечатано — «The Academy», 1871, 15 july, № 28, с. 345. Публикуемая в настоящем издании часть рецензии воспроизводится по изданию: И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. XIV. М.— Л., 1967, с. 257—259.

[1] Вероятно, имеется в виду П. А. Плетнев.

В. Ф. КЕНЕВИЧ

Кеневич Владислав Феофилович (1831—1879) — педагог, автор педагогических сочинений, историк литературы, библиограф, переводчик. Усердно собирал библиографические и биографические материалы о Крылове, воспоминания современников о нем; в частности, расспрашивал Н. И. Греча и В. А. Оленину.

РАССКАЗЫ ОБ И. А. КРЫЛОВЕ

(с. 299—300)

Печатаются по изд.: «Русская старина», 1870, кн. 7, июль, с. 86—88. Во вступительной заметке сказано: «Напечатанные г. Де-Пуле анекдоты о Крылове напомнили мне три рассказа о нем, слышанные мною от его современников, знавших его коротко. Предупреждаю, что они незначительны, но Крылов оставил по себе так мало сведений, что каждое его слово приобретает интерес для потомства».

[1] См. очерк П. А. Плетнева (с. 198).
[2] См. очерк М. Е. Лобанова (с. 73).
[3] См. коммент. к текстам Пушкина (с. 366).

ИЗ ОЧЕРКА «ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ»

(с. 300—301)

Печатается по изданию: «Вестник Европы», 1868, № 2, с. 712—714.

[1] «Путешествие из Петербурга в Москву» было напечатано в 1790 г. Типография «Крылов с товарищи» открылась в конце 1791-го или в начале 1792 г. Однако ранее в том же доме находилась типография Рахманинова.

[2] Быть может, эпизод этот относится к более раннему времени. В 1795 г. в Москве по указу Екатерины II было начато следствие по делу нескольких профессиональных карточных игроков. Ряд шулеров был сослан. По этому делу привлекали к ответу и Крылова (см.: «Исторический вестник», 1891, июль, с. 117).

ИЗ «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К БАСНЯМ КРЫЛОВА»

(с. 301—308)

Впервые напечатаны в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. VI. СПб., 1869. Затем отдельным изданием.

Публикуемые выдержки мемуарного характера даны по книге: В. Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Изд. 2-е. СПб., 1878, с. X, 16, 19—20, 84—85, 96, 104, 123, 143, 150, 151—152, 158, 174, 192, 197, 200, 225, 252—254.

[1] См.: Г. Кёниг. Очерки русской литературы. СПб., 1862, с. 67—68. Немецкий литератор в своей книге приводит ряд биографических сведений о Крылове и ряд подробностей, которые он мог узнать только от русских современников баснописца. Ближайшее участие в работе Кёнига принял Н. А. Мельгунов — писатель, музыкант, сотрудник журнала «Московский наблюдатель». На немецком языке книга вышла в 1837 г. в Штутгарте под заглавием: «Literärische Bilder aus Russland». Кёниг приводит широко распространенную тогда в русских литературных кругах легенду об отношениях Крылова и «одного графапиита», то есть Хвостова. При этом у Кёнига возникают фантастические подробности: Хвостов выступает как «благодетель» Крылова, его издатель и т. д. Но общий характер отношений Крылова и Хвостова изложен в духе тех анекдотов, которые приводят и другие современники: простак Хвостов фигурирует как жертва забавных проделок насмешника Крылова. Рассказ Кёнига о том, как Крылов, слушая Хвостова, «вместо назидания извлекал из басен его денежную пользу», не может восходить к анекдоту, напечатанному Д. Н. Бантыш-Каменским много позднее.

[2] См.: Д. Н. Бантыш-Каменский. И. А. Крылов («Библиотека для чтения», 1845, т. 69, отд. III, с. 11).

Д. И. Языков — член Российской академии, археограф, литератор и переводчик, участвовал в журнале «Драматический вестник».

[3] О посещении Хвостовым дачи, где жил Крылов с приятелями, см. в письме А. Е. Измайлова — И. И. Дмитриеву (с. 314), а также в очерке В. Бурнашева об А. Е. Измайлове («Дело», 1874, № 4, отд. I, с. 170). Здесь среди приятелей Крылова упомянут М. С. Щулепников, о котором в связи с Крыловым пишут также С. П. Жихарев и Л. А. Крылов (см. с. 111, 112, 116, 354).

Д. И. Хвостов долгое время ничем не выделялся из ряда третьестепенных писателей. Лишь к середине 1800-х гг. за ним утвердилась репутация графомана и чудака. Особенно усердному осмеянию подвергался Хвостов в литературном салоне А. Н. Оленина, где его третировали как автора «Притч» и несостоятельного соперника Крылова-баснописца. Один из примеров такого высмеивания Хвостова — шуточное «Послание гр. Д. И. Хвостова в Приютино», написанное Н. И. Гнедичем в начале 1810-х гг. Здесь от имени Хвостова поэт иронически выхваляет «мудрость тайну», которую его басни

Скрывают во себе Крылова для досады,
Незримую без мудрости очок...

и которую

Все нимфы, топчущи приютинский лужок,
Узрели как свет дня!..

(См.: Г. П. Георгиевский. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. Новые материалы из оленинского архива.— «Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 91, № 1. СПб., 1914, с. 36—37). Ироническое отношение к Хвостову затем усвоили «арзамасцы», и в позднейшей литературе его имя сделалось нарицательным для обозначения бездарного, нелепого, но усердного и плодовитого писателя.

Как раз в то время, когда окончательно сложился этот литературный образ Хвостова, современник писал: «...Вообще в России об нем превратно судят, несмотря что известен он от моря Охотского до Черного. Сколько на таком пространстве вымышлено об нем анекдотов, по большей части смешных и всегда несправедливых» (В. Г. Маслович. Из записок.— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, ф. 265, оп. 7, ед. хр. 17; Опубликовано в сборнике «Белые ночи». Л., 1974, с. 333). Героем цикла анекдотов, в которых речь шла о его личности, Хвостов стал прежде всего благодаря Крылову, назначившему ему роль своего комического антагониста в собственной, крыловской, «легенде». Примечательно, что подобным образом пытался использовать анекдотическую репутацию Хвостова другой видный баснописец того времени — А. Е. Измайлов. Однако собственная личность Измайлова не была достаточно значительна для того, чтобы его «хвостовские» анекдоты вышли за пределы узкого приятельского круга.

В своих «Газетных заметках» Н. И. Греч пишет о Хвостове и его отношениях с Крыловым («Северная пчела», 1857, № 119): «Лавры Державина и Дмитриева не давали ему спать: первого он хотел превзойти одами, последнего своими притчами

критики и насмешки приписывал зависти и недоброжелательству, но, впрочем, был человек не глупый и при случае умел отмстить врагу и насмешнику. Не всем известен следующий анекдот, в достоверности которого мы ручаемся: 9 апреля 1812 года имп. Александр Павлович отъезжал к действующей армии. На молебствие в Казанском соборе съехались все знавшие об отъезде государя. Площадь перед собором наполнилась народом. И. А. Крылов, пробираясь в толпе, столкнулся с гр. Хвостовым. «Ну что, граф,— спросил он,— не напишете ли вы оды? Вы, конечно, пришли сюда за вдохновением?» Графу не понравилось это насмешливое приветствие. «Почему ж именно я должен писать? — спросил он.— Вы также пишете стихи, и, как говорят, очень хорошие».— «Мои стихи,— отвечал Крылов,— ничтожные басни, а вы парите высоко, вы лирик». Толпа разлучила их.

Должно знать, что государь, назначив А. С. Шишкова государственным секретарем на место Сперанского, пожаловал ему на дорогу придворную карету. В тот день дан был прощальный обед Александром Семеновичем Хвостовым. В конце обеда, когда начались тосты, подали хозяину пакет на его имя. Он распечатывает его и читает вслух следующее:

Стихи А. С. Шишкову

(На случай всемилостивейше пожалованной ему коляски)

Шишков! оставя днесь беседы светлый дом,
Ты едешь в дальний путь в карете под орлом:
Наш добрый царь, тебе вручая важно дело,
Старается твое беречь, покоить тело;
Лишь это надобно, о теле только речь:
Неколебимый дух умеешь сам беречь.

Иван Крылов.

Восторженные гости захлопали в ладоши, закричали: прекрасно, бесподобно! Хозяин сказал экспромтом:

Не диво то, что наш Крылов умно сказал,
А диво, что он сам стихи переписал.

Отправили стихи в типографию, напечатали и роздали в публике. Остолбенел Крылов, получив, в звании библиотекаря русского отдела императорской Публичной библиотеки, это свое печатное стихотворение! Он написал возражение, в котором отступался от литературного *подкидыша*; но не мог его нигде напечатать. Литературных журналов тогда в Петербурге не

было, а в газетах сочтено было неприличным печатать статьи такого рода. И знаменитые стихи остались за ним. Для курьеза следовало бы поместить их в полном собрании творений Крылова.

Граф Хвостов торжествовал: он не объявлял гласно о своей хитрости, но везде, где только мог, хвалил эти стихи, прибавляя изредка: «Их хвалят по достоинству; но, если б вместо *Иван Крылов* было подписано *гр. Дмитрий Хвостов,* бранили бы без милосердия».

10 мая 1812 г. К. Н. Батюшков писал П. А. Вяземскому: «Под именем Крылова вышли стихи к Шишкову; Крылов от них отрекается». («Сочинения К. Н. Батюшкова», т. III. СПб. 1886, с. 184.)

В бумагах Крылова сохранился текст этого опровержения: «Сего 9 мая 1812.

На сих днях присланы к А. С. Шишкову (неизвестно кем) стихи от моего имени, которые и напечатаны в типографии у Дрехслера с моим же именем, вот они... ⟨далее идет текст стихотворения⟩. Не большому надобно быть знатоку, чтобы увидеть, сколь нелепы и бестолковы сии стихи, но бестолковые стихи у нас не в диковину, так тут и чрезвычайного ничего нет; а удивительно то, что сочинитель их не только скрыл свое имя, но даже выставил чужое. Наблюдателю человеческого сердца покажется, конечно, это загадкою, ибо примечено вообще, что чем глупее творение, тем охотнее и полнее сочинитель выставляет свое имя; а этого здесь нет, и вот еще первый подкидыш на нашем Парнасе. Я не знаю, почему автору вздумалось слабость своей музы сокрыть под чужим именем, но поставляю долгом сказать, что я стихов сих не писал, да и уважение мое к А. С. Шишкову столь велико, что я бы почел непростительным вставить имя почтенного сего человека в столь нелепые стихи, в коих похвала хуже брани.

И. Крылов».

(И. А. Крылов. Соч., т. III, с. 346—347)

Д. И. Хвостов в своем дневнике приписал эти стихи Х. О. Кайсарову («Литературный архив». М.— Л., 1938, с. 384—385).

О взаимоотношениях Крылова и Хвостова см. также: «Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества». Л., 1975, с. 168 и след.

[4] Басня «Орел и Паук» была напечатана впервые в «Чтении в Беседе любителей русского слова», 1811, ч. V (ценз. разр. от 27 ноября 1811 г.). Сперанский был сослан полгода спустя, в марте 1812 г.

[5] См.: Ф. Ф. Вигель. Записки, т. II, с. 28.

[6] Басня «Любопытный» была написана не позднее сентября 1814 г. (напечатана в «Сыне отечества», 1814, ч. XVIII, № 40) и не могла быть ответом на стихи Вяземского, написанные позже.

[7] Придворный маскарад, в котором Крылов участвовал в костюме русского боярина, был частью торжеств конца 1835-го — начала 1836 г. по случаю десятилетия правления Николая I. Маскарадные стихи, прочтенные Крыловым, по своему ироническому смыслу, а также текстуально близки к басне «Вельможа». В стихах Крылов уговаривал царя поменьше заниматься делами правления, желал, чтобы царю «пилось бы лишь да елось, а дело бы на ум не шло». В басне речь идет о дураке-вельможе, который «попал в рай» за то, что «пил, ел и спал» и «за дела не принимался». Обращенная непосредственно к Николаю I, басня приобретала издевательский смысл.

ИЗ ПИСЕМ

Публикуемые отрывки из писем выдающихся русских писателей — современников Крылова — и лиц, близких к литературным кругам, охватывают период с 1790-х до 1840-х годов. Они не являются мемуарами в точном значении этого слова, однако мемуарно-документальное значение их несомненно. Небольшие по размеру, иногда всего несколько строк, они тем не менее содержат важные непосредственные наблюдения и факты, которые служат необходимыми дополнениями к мемуарным очеркам, дневниковым записям и рассказам.

Даты писем даны с редакторскими дополнениями курсивом.

Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву

(с. 310)

Личное знакомство Николая Михайловича Карамзина (1766—1826) с Крыловым относится, вероятно, ко времени пребывания Крылова в Москве в середине 1790-х годов.

В начале 1790-х годов в своих журналах «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий» Крылов выступил как литературный противник Карамзина и его «Московского журнала». В частности, в «Санкт-Петербургском Меркурии» был напечатан направленный против Карамзина сатирический памфлет Крылова «Похвальная речь Ермалафиду». Крылов, подобно многим литераторам его круга, высмеивал преромантические «вольности» карамзинского стиля и обличал разрыв Карамзина с идеологией Просвещения.

Позднее, в 1796 году, в альманахе Карамзина «Аониды» (ч. I) были напечатаны стихотворения Крылова «Вечер» и «Подражание 37-му псалму». В 1810—1820-х годах Крылов и Карамзин встречались в Петербурге.

Печатается по изданию: «Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву». СПб., 1866, с. 17, 33.

[1] Ф. О. *Туманский* — писатель, журналист, сотрудник журнала «Зритель». В 1792—1794 гг. издавал в Петербурге журнал «Российский магазин».

[2] О журнале Крылова и Клушина «Зритель» и связанных с ним полицейских преследованиях издателей см. во вступит. статье и коммент. к очерку М. Е. Лобанова (с. 378).

Н. М. Карамзин — П. А. Вяземскому

(с. 310)

Печатается по изд.: «Старина и новизна», т. I, с. 141, 149.

[1] Речь идет о болезни — параличе,— которую перенес Крылов в 1823 г.

А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу

(с. 311)

С Александром Ивановичем Тургеневым (1784—1845) — чиновником, общественным деятелем, литератором, близким другом Жуковского, Вяземского, Пушкина — Крылов был знаком на протяжении многих лет и постоянно встречался в литературных и светских салонах Петербурга.

Печатается по изд.: «Архив братьев Тургеневых, вып. 2. Письма и дневники А. И. Тургенева». СПб., 1911, с. 388.

[1] Речь идет о первом издании басен Крылова, 1809 г.

А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой

(с. 311)

Печатается по изданию: «Пушкин и его современники», вып. VI. СПб., 1908, с. 68.

В письме содержится описание церемонии отпевания тела Пушкина в Конюшенной церкви.

А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову

(с. 311)

Печатается по изданию: «Письма Александра Тургенева — Булгаковым». М., 1939, с. 236.

В. А. Озеров — А. Н. Оленину

(с. 311)

Владислав Александрович Озеров (1769—1816) — ученик Я. Б. Княжнина в кадетском корпусе, член кружка Г. Р. Державина, впоследствии известный драматург — мог познакомиться с Крыловым еще в 1790-х годах. В 1806—1808 годах они постоянно встречались в доме А. Н. Оленина.

Печатается по изданию: «Русский архив», 1869, ч. I, стлб. 129—131.

[1] «*Поликсена,* трагедия в пяти действиях, в стихах».

А. Н. Оленин — В. А. Озерову

(с. 312)

Об А. Н. Оленине (1763—1843) см. коммент. к воспоминаниям В. А. Олениной (с. 400). Рукопись — в Архиве Олениных в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 542, № 144).

[1] Речь идет об обсуждении трагедии В. А. Озерова «Поликсена». Впервые представлена в Петербурге 14 мая 1809 г.

А. Н. Оленин — П. М. Волконскому

(с. 312—313)

Рукопись в Центральном Гос. историческом архиве СССР в Ленинграде, ф. 789, оп. 20, № 68.

Н. И. Гнедич — К. Н. Батюшкову

(с. 313—314)

Автографы в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, р. 1, оп. 5, № 56, л. 7; л. 132.

[1] Речь идет о чтении стихотворения К. Н. Батюшкова «Видение на брегах Леты», где среди современных писателей, «утопающих» в реке забвения, Крылов оказывается «бессмертным».

Тут тень к Миносу подошла,
Неряхой и в наряде странном,
В широком шлафроке изодранном,
В пуху, с косматой головой,
С салфеткой, с книгой под рукой.
«Меня врасплох,— она сказала,—
В обед нарочно смерть застала,
Но с вами я опять готов
Еще хоть сызнова отведать
Вина и адских пирогов;
Теперь же час, друзья, обедать,
Я — вам знакомый, я — Крылов!» *
«Крылов, Крылов»,— в одно вскричало
Собранье шумное духов,
И эхо глухо повторило
Под сводом адским: «Здесь Крылов!»
«Садись сюда, приятель милый!
Здоров ли ты?» — «Я так и сяк».
— «Ну, что ж ты делал?» — «Все пустяк —
Тянул тихонько век унылый,
Пил, сладко ел, а боле спал.
Ну, вот, Минос, мои творенья,
С собой я очень мало взял:
Комедии, стихотворенья
Да басни,— все купай, купай!»
О, чудо! — всплыло все, и вскоре
Крылов, забыв житейско горе,
Пошел обедать прямо в рай.

Н. И. Гнедич — А. П. Зонтаг

(с. 314)

Печатается по публикации в «Русском архиве», 1896, т. II, с. 267—268.

[1] Об участии Крылова в маскарадах и его маскарадных стихах см. коммент. к воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет (с. 439).

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу

(с. 314—315)

Константин Николаевич Батюшков (1787—1855) был знаком с Крыловым с середины 1800-х годов и особенно часто встречался с ним у Олениных.

* Крылов познакомился с духами через «Почту ⟨духов⟩». (*Примеч. Батюшкова.*)

Печатается по изданию: «Сочинения К. Н. Батюшкова». Изд. 5-е. СПб., 1887, с. 436, 455, 462, 470, 480.

[1] «*Беседа*», о которой идет речь,— «Беседа любителей русского слова». Члены Общества печатали свои сочинения в издаваемом им «Чтении в Беседе любителей русского слова».

[2] В 1811 г. в «Чтении в Беседе любителей русского слова», кн. II, с. 17—25, была напечатана статья И. М. Муравьева-Апостола «Краткое рассуждение о Горации».

[3] В петербургской Публичной библиотеке Гнедич трудился со времени ее основания.

А. Е. Измайлов — И. И. Дмитриеву

(с. 316—318)

Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) — поэт, издатель журнала «Благонамеренный» (1818—1826). Был плодовитым баснописцем, теоретиком басенного жанра, автором благожелательно-критических рецензий на издания басен Крылова. Познакомился с Крыловым не позднее середины 1810-х годов и встречался с ним постоянно в литературных салонах Петербурга.

Печатается по изданию: «Русский архив», 1871, № 7—8, стлб. 961—963, 974, 976—977, 981, 988.

[1] Периодическое издание «Дух журналов» выходило в 1815—1820 гг. Руководил изданием Г. М. Яценко.

[2] Об этом же эпизоде см.: Из «Библиографических и исторических примечаний к басням Крылова» В. Ф. Кеневича (с. 302).

[3] Об этом заседании Российской академии см. также коммент. к запискам В. М. Княжевича (с. 398).

[4] В № 2 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1824 г. напечатана басня «Кошка и Соловей», в № 3 — басня «Две собаки», в № 5 — басня «Рыбьи пляски».

[5] Речь идет о басне Дмитриева «Слепец, Собака его и Школьник».

Ю. А. Нелединский-Мелецкий — дочери

(с. 318)

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1829) — поэт, сенатор,— вероятно, познакомился с Крыловым в середине 1790-х годов в Москве. О встрече Крылова и Нелединского-Ме-

лецкого в Павловске в 1815 году упоминает Н. И. Гнедич (см. с. 133—134). Письма адресованы А. Ю. Оболенской.

Печатается по изданию: «Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого». СПб., 1876, с. 250—251 и 253.

[1] О какой биографии Крылова идет речь, неизвестно. Распространенные до 1823 г. портреты Крылова: гравюра И. Ческого по рисунку Е. Эстеррейха, 1815 г., и гравюра Н. Уткина по рисунку О. Кипренского, 1816 г.

[2] Отрицательный отзыв о басне «Сочинитель и Разбойник» дал французский критик Баур-Лормиан в «Journal de Paris» в рецензии на антологию русской поэзии, изданную в Париже в 1823 г. Дюпре де Сен-Мором.

Н. М. Языков — брату

(с. 319—320)

У Николая Михайловича Языкова (1803—1845) было много общих с Крыловым знакомых среди тогдашних литераторов. Дошедшие до Языкова сведения о сделанных Крыловым черновых набросках перевода начальных строк «Одиссеи» свидетельствуют о пристальном внимании литературных кругов к писательской деятельности Крылова.

Печатается по изданию: «Языковский архив», вып. I, СПб., 1913, с. 97—98, 113, 118, 215, 245, 281.

Фосс Иоганн-Генрих (1751—1826) — немецкий филолог и поэт, переводчик древних классиков (Гомера, Виргилия, Овидия).

А. С. Грибоедов — С. Н. Бегичеву

(с. 320)

Александр Сергеевич Грибоедов (1790—1829) несомненно встречался с Крыловым в середине 1810-х годов, когда он был завсегдатаем театральных салонов Петербурга и, в частности, «чердака» А. А. Шаховского. О встречах Грибоедова с Крыловым в 1828 году в кругу Пушкина, Жуковского и их друзей упоминает П. А. Вяземский (см. с. 323).

Печатается по изданию: А. С. Грибоедов. Соч., т. 2. М., 1971, с. 226.

А. С. Грибоедов — П. А. Вяземскому

(с. 321)

Печатается по изданию: «Литературное наследство», т. 47—48, с. 229.

[1] Грибоедов, видимо, ожидал от Крылова более сочувственного отношения к своей комедии. Как поэт, он до известной степени должен был ощущать себя учеником Крылова.

«Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина,— записал В. К. Кюхельбекер в своем «Дневнике» в 1845 г.— Крылову я говорил, что он первый поэт России и никак этого не понимает. Потом я доказывал преважно ту же тему Пушкину. Грибоедова, самого Пушкина, себя я называл учениками Крылова ⟨...⟩ Теперь не во сне скажу, что мы, т. е. Грибоедов и я, и даже Пушкин, точно обязаны своим слогом Крылову...» (В. К. Кюхельбекер. Путешествия. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 429).

Однако между Грибоедовым и Крыловым существовали значительные расхождения в эстетических взглядах, сказавшиеся при их разговоре по поводу «Горя от ума». Крылов, разочаровавшись в возможности осуществить идеалы Просвещения, тем не менее полагал их вполне справедливыми. В частности, он настаивал на прямой связи искусства и морали, хотя в собственных его баснях эта связь была обычно лишь иронической.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу

(с. 321)

Печатается по изданию: Остафьевский архив кн. Вяземских, т. I, 1899, с. 58, т. III, 1899, с. 281.

[1] Речь идет об одном из писем Тургенева из Парижа. В 1836 г. Пушкин публиковал заграничные письма Тургенева в «Современнике» под названием «Хроника русского».

П. А. Вяземский — А. А. Бестужеву

(с. 322)

Печатается по изданию: «Русская старина», 1888, т. 11, с. 329—330.

[1] Об отклике Булгарина на статью Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (см. с. 416).

П. А. Вяземский — А. С. Пушкину

(с. 322—323)

Печатается по изданию: Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13, с. 238.

[1] А. О. Орловского — рисовальщика и литографа — Вяземский называет как пример художника, посвятившего себя изображению преимущественно сцен народной жизни и народных типов.

П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской

(с. 323—324)

Печатается по изданию: «Литературное наследство», т. 58. М., 1952, с. 74, 76, 77, 78, 79; т. 16—18. М., 1934, с. 808.

[1] *Осажи* — индейцы; в 1827 г. в Париже нескольких осажей показывали за деньги.

[2] Пушкин жил в это время в петербургской гостинице Демута на набережной Мойки.

П. А. Вяземский — Д. П. Северину

(с. 325)

Печатается по изданию: «Русская старина», 1896, т. 85, № 1, с. 88.

[1] Видимо, Вяземский послал Северину стихи или документы, связанные с юбилеем Крылова.

[2] И. И. Дмитриев умер 3 октября 1837 г.

А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому

(с. 325)

Печатается по изданию: Пушкин. Полн. собр. соч., т. 13, с. 89 и 240.

[1] О полемике Пушкина с Вяземским по поводу Крылова и Дмитриева (в связи со статьей Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», 1823) см. в коммент. к воспоминаниям П. А. Вяземского (с. 419).

[2] Письмо от 7 ноября 1825 г. является ответом на письмо Вяземского Пушкину 16 октября 1825 г. по поводу статьи Пушкина «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (см. с. 322).

[3] Строки из басни Крылова «Совет мышей».

[4] Имеется в виду «История Государства Российского» Карамзина.

А. С. Пушкин — А. А. Бестужеву

(с. 325—326)

Печатается по тому же изданию, т. 13, с. 177—178.

[1] Речь идет о критической статье А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов», которой открывался альманах Бестужева и Рылеева «Полярная звезда» на 1825 год. Бестужев еще раньше характеризовал Крылова как подлинно народного русского поэта, а его басенное творчество как «верх искусства».

А. С. Пушкин — А. А. Дельвигу

(с. 326)

Печатается по тому же изданию, т. 13, с. 182.

[1] Слух, дошедший до Пушкина, о перенесенной якобы Крыловым операции был неверным.

[2] Басня Крылова «Мельник» была опубликована в альманахе «Полярная звезда» на 1825 г., где ее и мог прочитать Пушкин. Демьяна и Фоку из басни Крылова «Демьянова уха» Пушкин вспоминал еще в январе 1822 г., когда в письме брату из Кишинева «потчевал» его эпиграммами на А. Давыдову и Каченовского и заключал: «...покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой брат *Демьян*».

А. С. Пушкин — М. П. Погодину

(с. 326)

Печатается по тому же изданию, т. 14, с. 21.

[1] «*Мысль*» — программное стихотворение С. П. Шевырева, напечатанное в «Московском вестнике» (1828, ч. VIII). Булгаринская «Северная пчела» напечатала издевательский разбор

«Мысли» в номере от 15 мая 1828 г. Откликом на стихи Шевырева и критику их «Северной пчелой» была, по-видимому, басня Крылова «Филин и Осел», впервые опубликованная в издании басен 1830 г.

А. С. Пушкин — И. Т. Калашникову

(с. 326)

Печатается по тому же изданию, т. 15, с. 59.

Настоящее письмо — ответ на письмо И. Т. Калашникова — Пушкину, при котором тот препроводил «слабые труды свои»: роман «Дочь купца Жолобова» и историческую повесть «Камчадалка».

П. А. Катенин — А. С. Пушкину

(с. 327)

Петр Александрович Катенин (1792—1853) — поэт, драматург, критик, переводчик — постоянно встречался с Крыловым в театральных кругах столицы и в доме А. Н. Оленина в 1810—1820-х годах. Об их знакомстве и взаимоотношениях рассказывают П. А. Вяземский, А. М. Каратыгина, В. Ф. Кеневич (см. с. 163, 180—181, 306).

Печатается по тому же изданию, т. 13, с. 242.

[1] Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович ведал императорскими театрами, поэтому «Комитет словесников», рассматривавший предлагаемые к постановке пьесы, собирался в его доме. На этот раз обсуждали трагедию Катенина «Андромаха».

А. П. Бочков — А. А. Ивановскому.

(с. 327—328)

Алексей Поликарпович Бочков (1807—1872?) — литератор, сотрудник журнала «Благонамеренный». Его адресат, А. А. Ивановский, был близким приятелем многих декабристов. В конце 1825 года был назначен делопроизводителем Следственного комитета по делу декабристов. Ему удалось изъять из дел Следственного комитета рукописи Бестужева и Рылеева, а также письма,

адресованные им. В 1826 году, когда следствие по делу декабристов закончилось, Ивановский познакомил с этими материалами своего друга Бочкова. Таким образом в руки Бочкова попали письма Пушкина и Вяземского к Бестужеву, содержащие отзывы о Крылове и Дмитриеве (см. с. 325—326, 322).

Печатается по изданию: «Литературное наследство», т. 58. М., 1952, с. 53—54.

А. А. Шаховской — М. Н. Загоскину
(с. 328)

Александр Александрович Шаховский (1777—1846) в середине 1790-х годов подружился с И. А. Дмитревским и, быть может, тогда же познакомился с Крыловым. Будучи с 1804 года заведующим репертуаром русской труппы, принял ближайшее участие в постановке пьес Крылова — «Модная лавка», «Урок дочкам», «Илья-богатырь». О тесном общении Шаховского с Крыловым рассказывает в своих записках С. П. Жихарев (см. с. 120—130). Творчество Крылова оказало заметное влияние на драматургию Шаховского 1800—1810-х годов.

Печатается по публикации в «Литературном наследстве», т. 58, с. 93.

[1] Речь идет об «авторском обеде» у гр. В. В. Мусина-Пушкина.

[2] Роман М. Н. Загоскина — «Юрий Милославский».

[3] Об участии Крылова в маскараде у в. кн. Елены Павловны см. коммент. к воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет (с. 439).

А. А. Шаховской — С. Т. Аксакову
(с. 328—329)

Печатается по публикации в «Русском архиве», 1873, кн. I, стлб. 0472—0473, 0475.

[1] *«Смоляне»* — драма А. А. Шаховского «Смоляне в 1611 году».

Н. В. Гоголь — А. С. Данилевскому
(с. 329—330)

Печатается по изданию: Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. XI. М., 1950, с. 149.

[1] О неучастии Булгарина и Греча в крыловском юбилее см. вступит. статью.

Н. В. Гоголь — С. П. Шевыреву

(с. 330)

Печатается по тому же изданию, т. XII, с. 398.

Н. В. Гоголь — В. А. Жуковскому

(с. 330)

Печатается по тому же изданию, т. XII, с. 544—545.

[1] См. заметки И. П. Быстрова о Крылове (с. 238).

П. А. Плетнев — В. А. Жуковскому

(с. 331)

Печатается по изданию: П. А. Плетнев. Сочинения и переписка. СПб., 1885, т. III, с. 526, 553.

[1] Н. И. Гнедич был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

[2] Речь идет о гравюре С. Галактионова по рисунку А. Брюллова, напечатанной в первом выпуске альманаха «Новоселье», 1833 г. На ней изображен торжественный обед, данный книготорговцем А. Ф. Смирдиным петербургским литераторам 19 февраля 1832 г.

М. А. Коркунов — издателю «Московских ведомостей»

(с. 331)

Михаил Андреевич Коркунов (1806—1856) — историк, академик.

Печатается по публикации в сб. «Пушкин и его современники». СПб., 1908, вып. VIII, с. 83. Первоначально — в газете «Московские ведомости», 1837, № 12.

В. Г. Белинский — В. П. Боткину

(с. 332)

Печатается по изданию: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI. М., 1956, с. 428.

[1] Начало — шутливое подражание рассказу Хлестакова из «Ревизора» Гоголя.

В. Г. Белинский — К. С. Аксакову

(с. 332)

Печатается по тому же изданию, т. XI, с. 435.

[1] В конце — цитата из стихотворения Пушкина «Перед гробницею святой».

А. П. Керн — П. В. Анненкову

(с. 332)

Печатается по изданию: А. П. Керн (Маркова-Виноградская). Воспоминания, дневники, переписка. М., 1974, с. 295.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ «МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ БИОГРАФИИ И. А. КРЫЛОВА, СОБРАННЫХ В. Ф. КЕНЕВИЧЕМ. ЛЕВ АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ, БРАТ БАСНОПИСЦА»

(с. 333—360)

Печатается по изданию: В. Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878, с. 348—381.

Изложение писем Л. А. Крылова и пояснительный текст к ним — В. Ф. Кеневича. Местонахождение оригиналов неизвестно.

Письма Льва Андреевича Крылова приоткрывают неизвестную страницу биографии поэта — многолетнюю историю его взаимоотношений с младшим братом. Они знакомят с неизвестными по другим источникам, весьма существенными сторонами его личности. И вместе с тем ярко рисуют понятия и образ жизни людей той общественной среды, откуда непосредственно вышел Крылов. В ряде случаев письма Л. А. Крылова дополняют и уточняют сообщения мемуаристов — это касается сведений о приятелях Крылова, в частности, о его знакомстве с семейством Татищевых, о его родственниках, живших в Серпухове, и о некоторых обстоятельствах его жизни.

[1] В формулярном списке Л. А. Крылова указано, что он начал службу в 1786 г. фурьером в л.-гв. Измайловском полку и продолжал ее здесь в званиях подпрапорщика, каптенармуса

и сержанта. В январе 1797 г. он был выпущен из гвардии подпоручиком в Орловский мушкетерский полк. По обычаю того времени все офицеры проходили военную школу при гвардейских полках (см.: В. Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова, с. 382—383). Л. А. Крылов участвовал в суворовском походе 1799 г., в турецкой кампании 1806—1812 гг., в походе в Пруссию в 1813 г.

[2] Крылов жил в это время в имении С. Ф. Голицына Казацкое.

[3] О Клушине и его размолвке с Крыловым см. воспоминания С. П. Жихарева (с. 114).

[4] Это сообщение важно как единственное свидетельство о том, что у Крылова в молодости была значительная библиотека.

[5] Вероятно, речь идет об издании басен 1816 г. и втором издании комедий «Модная лавка» и «Урок дочкам», вышедших тогда же.

[6] Видимо, имеется в виду гравюра Н. Уткина по рисунку О. Кипренского 1816 г.

[7] Вместе с Крыловым в 1823 г. золотой медалью был награжден не Карамзин, а Дмитриев.

[8] В 1823 г. Дюпре де Сен-Мор издал в Париже антологию русской поэзии, куда вошли десять басен Крылова. Составитель антологии высоко отозвался в предисловии о творчестве русского баснописца.

[9] Крылов ездил в Ревель на корабле «Факел» вместе с А. Н. Олениным в июле—августе 1824 г. Оленин во время этой поездки вел краткий дневник под заглавием «Журнал путешествия из Петербурга в Ревель по морю, аки по суху двух великих путешественников А. Н. Оленина и И. А. Крылова» (см.: «Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III, Л., 1955, с. 55—57).

[10] Речь идет о гравюре с портрета работы П. А. Оленина, напечатанной в иллюстрированном издании басен 1825 г.

[11] Имеется в виду Анна Федоровна Оом (см. о ней в воспоминаниях ее сына, Ф. А. Оома, с. 157—159).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

* В Указатель включены имена, встречающиеся в воспоминаниях, дневниковых записях, рассказах, отрывках из писем и в приложении. Из вступительной статьи и комментариев включены только имена современников Крылова (страницы выделены курсивом). Общеизвестные имена и имена представленных в настоящем издании мемуаристов не аннотируются (сведения о последних содержатся в комментариях; в Указателе они отмечены звездочкой).

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПИСЕМ

К 85 **Крылов И. А. в воспоминаниях современников.** /Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. — М.: Худож. лит. 1982. — 503 с. (Серия литературных мемуаров).

В сборник, издаваемый впервые, вошли наиболее значительные воспоминания современников о великом русском баснописце, поэте, драматурге И. А. Крылове. Их авторы: Пушкин, Вяземский, Плетнев, Керн, Тургенев, Белинский, Панаев и многие другие.

К $\frac{4702010100\text{-}140}{028(01)\text{-}82}$ 46-82 8 Р1

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Редактор В. Волина

Художественный редактор Г. Масляненко

Технический редактор Л. Вецкувене

Корректоры Г. Володина и Н. Гришина

ИБ № 2029

Сдано в набор 07.07.81. Подписано к печати 30.06.82. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,46+1 вкл.+ +альб.=27,35. Усл. кр.-отт. 27,77. Уч.-изд. л. 27,97+1 вкл.+альб.=28,82. Тираж 75000 экз. Изд. № I I-389. Заказ 1198. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература» 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29